

Стивен УИЛЬЯМС

ЛИБЕРАЛЬНЫЕ
РЕФОРМЫ ПРИ
НЕЛИБЕРАЛЬНОМ
РЕЖИМЕ

Серия: «ИСТОРИЯ»

Stephen F. WILLIAMS

LIBERAL REFORM IN AN ILLIBERAL REGIME

The Creation of Private Property in Russia,
1906-1915

HOOVER INSTITUTION PRESS

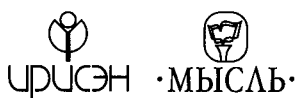
Stanford University / Stanford, California

Стивен УИЛЬЯМС

ЛИБЕРАЛЬНАЯ РЕФОРМА ПРИ НЕЛИБЕРАЛЬНОМ РЕЖИМЕ

Создание частной собственности в России
в 1906–1915 гг.

Перевод с английского

Москва 2009

УДК 94(47)“19”:32.001

ББК 63.3(2)52+66.0

У36

Редакционный совет серии:

В. Завадников (председатель),

П. Горелов, Дж. Дорн, М. ван Кревельд, Д. Лал,
Б. Линдси, Я. Романчук, Т. Палмер, Х. Уэрта де Сото

Редколлегия: Ю. Кузнецов (редактор серии),

И. Комарова, А. Нагайцев, А. Якимчук

Перевод с английского: Б. Пинскер

Уильямс С.

У36 Либеральные реформы при нелиберальном режиме: Создание частной собственности в России в 1906—1915 гг. / Стивен Уильямс ; пер. с англ.

Б. Пинскера. — М.: ИРИСЭН, 2009. 332 с. (Серия «История»)

ISBN 978-5-91066-027-8 (ИРИСЭН)

ISBN 978-5-244-01114-2 (Мысль)

В книге американского юриста Стивена Уильямса рассказывается о том, как, начиная с 1906 г., накануне мировой войны и катастрофической революции, русское правительство предприняло, вероятно, самую массовую «приватизацию» в истории, радикально изменив режим собственности, в условиях которого жили 90 млн крестьян. Предпринятое автором исследование реформ в сфере прав собственности раскрывает преимущества и слабые стороны радикальных преобразований, направленных на создание либеральной демократии и проводимых правительством, которое никак нельзя охарактеризовать ни как либеральное, ни как демократическое.

С. Уильямс ищет ответ на вопросы: может ли истинно либеральная реформа успешно быть внедрена «сверху» или она должна осуществляться через «низовую» активность путем формирования общественных групп, которые вырывают у государства? Или же либеральная демократия является продуктом исключительных исторических обстоятельств и не может быть создана нигде, кроме небольшого числа стран? Автор исследует влияние столыпинской реформы на экономическую производительность и социальные отношения, а также слабости процесса авторитарного реформирования — политическую пассивность заинтересованных групп населения, размытость базовых прав и риск ограничиться полумерами.

Книга рассчитана на широкий круг читателей, интересующихся российской историей, правами собственности и экономическими преобразованиями.

УДК 94(47)“19”:32.001

ББК 63.3(2)52+66.0

Первое издание книги «Liberal Reform in an Illiberal Regime: The Creation of Private Property in Russia, 1906—1915» выпущено Hoover Institution Press, Stanford University, Стэнфорд, Калифорния, США.

Все права защищены. Никакая часть этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами без письменного разрешения владельца авторских прав.

ISBN 978-5-91066-027-8 (ИРИСЭН)

ISBN 978-5-244-01114-2 (Мысль)

© АНО «Институт распространения информации по социальным и экономическим наукам», 2009

ОГЛАВЛЕНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ	9
ВВЕДЕНИЕ	13
<i>Реформа сверху</i>	13
<i>Столыпин: человек, начавший реформы</i>	14
<i>Цели этой книги</i>	20
ГЛАВА 1. СОЗДАНИЕ ЧАСТНОЙ СОБСТВЕННОСТИ, ДЕЦЕНТРАЛИЗАЦИЯ ВЛАСТИ	25
<i>Сущность реформ</i>	25
<i>Либеральная демократия</i>	26
<i>Права собственности, гражданское общество и либеральная демократия</i>	30
<i>Пути перехода к либеральной демократии</i>	33
<i>Либерализация прав собственности в царской России</i>	40
ГЛАВА 2. ПРАВА СОБСТВЕННОСТИ, ПОДЛЕЖАВШИЕ РЕФОРМИРОВАНИЮ	45
<i>Общинные поля</i>	45
<i>Переделы</i>	53
<i>Семейная собственность против личной</i>	62
<i>Иждивения чересполосицы, передела и семейной собственности</i>	64
<i>Ограничения на выход, продажу или обмен в эпоху после освобождения крестьян</i>	76
<i>Изменение правил накануне столыпинских реформ</i>	83
<i>Социология общины</i>	85
<i>Отношение к закону, собственности и личным достижениям</i>	88
ГЛАВА 3. ЖИЗНЬ КРЕСТЬЯН НАКАНУНЕ РЕФОРМЫ	99
<i>Динамика сельскохозяйственной производительности на душу населения</i>	101
<i>Крестьянская земля</i>	107
<i>Производительность крестьянского и помещичьего хозяйства</i>	117
<i>Цены на землю и зерно; Государственный крестьянский поземельный банк</i>	118
<i>Налоговое бремя</i>	125
<i>Беглый взгляд на крестьянскую жизнь</i>	127

ГЛАВА 4. ПОЛИТИКА РЕФОРМ	131
<i>Состав первой Думы . . . . .</i>	132
<i>Помещики . . . . .</i>	133
<i>Эсеры, трудовики и другие крестьянские</i> <i>представители. . . . .</i>	135
<i>Кадеты. . . . .</i>	144
<i>Использование ст. 87 . . . . .</i>	153
<i>Сопутствующие реформы . . . . .</i>	156
ГЛАВА 5. ОБЗОР РЕФОРМ	165
<i>Положения реформы: основные черты . . . . .</i>	165
<i>Результаты реформ . . . . .</i>	172
<i>Динамика потока запросов. . . . .</i>	178
<i>Различия между губерниями . . . . .</i>	182
<i>Различия в величине наделов, выделенных</i> <i>или переведенных в личную собственность . . . . .</i>	195
ГЛАВА 6. ЗАДАЧИ И ДАВЛЕНИЕ: ЗАМЫСЕЛ РЕФОРМЫ	199
<i>Ложный след . . . . .</i>	202
<i>«Административное давление» . . . . .</i>	210
<i>Пристрастность в пользу укрепления земли</i> <i>в собственность и выделения земли к одному месту. . . . .</i>	216
<i>Укрепление наделов в собственность как помеха выделам . . . . .</i>	227
<i>Настойчивость правительства в вопросе о форме</i> <i>землеустройства. . . . .</i>	231
<i>Ущербность новых прав собственности . . . . .</i>	235
ГЛАВА 7. ДОЛГОСРОЧНЫЕ ПОСЛЕДСТВИЯ	245
<i>Производительность. . . . .</i>	246
<i>Краткосрочный социальный стресс . . . . .</i>	252
<i>Отношение крестьян к реформе: принятие и отказ</i> <i>в ходе революции; землеустройство в Сибири. . . . .</i>	255
<i>Выгоды: мягкие переменные . . . . .</i>	259
<i>Поправление новых прав собственности . . . . .</i>	263
<i>Перспективы либеральной демократии в условиях,</i> <i>когда нелиберальный режим делает добровольные</i> <i>шаги в направлении либерализма . . . . .</i>	269
<i>Кода: приватизация сельскохозяйственных угодий</i> <i>в современной России. . . . .</i>	273
ПРИЛОЖЕНИЕ.	279
ЛИТЕРАТУРА.	288
ПРЕДМЕТНО-ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ	303

ОТ ИЗДАТЕЛЯ

Автор предлагаемой вниманию русскоязычного читателя книги, выходящей в серии «История», Стивен Уильямс — не академический ученый, а практикующий юрист. В настоящее время он является старшим окружным судьей Федерального апелляционного суда в округе Колумбия. Он был назначен в этот суд президентом Р. Рейганом в 1986 г. и получил статус старшего судьи в 2001 г. До того как стать судьей С. Уильямс занимался частной юридической практикой, занимал административные должности, а также преподавал право в должности профессора в нескольких университетах США.

Книга «Либеральные реформы при нелиберальном режиме» представляет собой попытку осмысления исторического опыта на основе проведенных к настоящему времени исследований столыпинской реформы. То, что эта работа выполнена человеком, не принадлежащим к русской культуре по своему происхождению и не являющимся историком по основной специальности, не только не умаляет, но, наоборот, повышает ее ценность: «взгляд со стороны» необходим при осмыслении любой проблемы.

С. Уильямс сосредоточивает свое внимание на ключевом вопросе: если реформа, создающая или закрепляющая право частной собственности, проводится в стране, не являющейся либерально-демократической, то каковы шансы на успех и какие факторы могут способствовать или, напротив, препятствовать достижению целей реформы? Вряд ли у кого-либо могут возникнуть сомнения в актуальности такой постановки вопроса. Пытаясь найти ответ на него для случая столыпинской аграрной реформы, автор привлекает огромное количество материала, содержащегося в исследованиях историков и документальных источниках.

Особый интерес для широкого круга российских читателей, в том числе специалистов, представляет применяемый автором подход к интерпретации исторических и историко-экономических фактов. С. Уильямс работает в парадигме так называемой школы экономики и права, что неудивительно, так как данный подход получил широкое применение именно

в юриспруденции, которой автор посвятил свою профессиональную карьеру. Одним из ключевых элементов этой парадигмы является акцент на анализе «транзакционных издержек» — проще говоря, на оценке того, насколько существующие в обществе институты способствуют или мешают достижению соглашений между людьми и выполнению этих соглашений. Неудивительно, что права собственности являются излюбленным предметом применения такого вида анализа: отношения собственности являются отличным общественным механизмом для организации совместной деятельности людей и минимизации конфликтов. В настоящее время существуют работы, в которых анализ транзакционных издержек используется для осмысления истории человеческих обществ, однако в этой сфере мало что сделано применительно к российской истории. Работа С. Уильямса является в этом отношении новаторской и отчасти заполняет этот пробел.

«Либеральные реформы при нелиберальном режиме» — первая книга в серии издательства «ИРИСЭН», целиком посвященная России. По мнению Редакционного совета, она будет интересна широкому кругу читателей, интересующихся российской историей и осмыслением опыта реформ.

Валентин ЗАВАДНИКОВ,
председатель Редакционного совета.
Сентябрь 2008 г.

*«...главный довод в пользу личной свободы
покоится преимущественно на понимании
того, что все мы необходимо и неизбежно
пребываем в неведении о большинстве факторов,
от которых зависит достижение наших целей
и наше материальное благополучие».*

Фридрих Хайек
(1889—1992),
лауреат Нобелевской премии
по экономике 1974 г.

Карта 1.1. Губернии Европейской части России

ПРЕДИСЛОВИЕ

Когда в декабре 1991 г. пал Советский Союз, неизбежно возник вопрос об историческом опыте России в проведении рыночных реформ. Из школьного курса европейской истории в моей памяти застряли аграрные реформы премьер-министра Петра Столыпина, позволившие крестьянам перевести свои земельные владения из «общинной» собственности в частную. Попытавшись составить более ясное представление об этих реформах, я обнаружил множество научных работ. Но при этом я не нашел ни общего обзора реформ, предназначенного интеллигентному гражданину, которого интересуют права собственности и развитие либеральной демократии, ни последовательного рассмотрения этих реформ с позиций современного экономико-правового движения [law-and-economics movement]. Так и возник замысел этой книги.

Вначале у меня было две идеи, которые вроде бы противоречили друг другу. С одной стороны, мне представлялось, что добровольная «реформа» сверху вряд ли способна привести к развитию либеральной демократии. Логика здесь простая. Либеральная демократия — это прежде всего распыление власти. Когда новые социальные группы постепенно становятся настолько сильны, что с ними приходится считаться и договариваться, они могут добиться уступок, закрепляющих их положение и институционализирующих их властные позиции. Одновременно, однако, приходится признать, что элиты или самодержцы вряд ли могут добровольно пойти на ограничение своей власти. С другой стороны, реформы Столыпина выглядят как добровольный и ответственный шаг к либеральной демократии. Я решил, что изучение реформ заставит меня пересмотреть хотя бы одну из этих идей — и так оно и получилось.

Я полагался главным образом на публикации — а в важных случаях и на совет и понимание — западных ученых. Хотя я прочел довольно много вторичных источников на русском языке, я не провел серьезного архивного исследования. Моя работа с первоисточниками на русском ограничилась ключевыми документами — указом от 9 ноября 1906 г. и законами

от 14 июня 1910 г. и 29 мая 1911 г. Важнейшие положения этих документов я включил в приложение.

* * *

Я хочу поблагодарить за помощь нескольких из большого числа тех людей, которые помогли мне написать эту книгу. Прежде всего Джека Пауэлсона и Джейми Педерсена за то, что они подняли многие вопросы и возбудили во мне интерес к ним; а также Эйба Аскера за то, что он меня ободрял и давал ценные советы. Во-вторых, за всевозможные подсказки и указания в ходе работы — Франка Далберга, Бэзила Кармоди, Стивена Хоха, Янни Котсониса, Леонарда Ролфа, Питера Роудика (из Библиотеки Конгресса). В-третьих, я благодарен друзьям, целиком или по частям читавшим черновые варианты текста, за их полезные комментарии и советы — Игорю Бирману, Джейсону Бордову, Мэри Шеффер Конрой, Дэвиду Гендерсону, Энн Джозеф, Даниэлю Ленерцу, Дэвиду Мейси, Ануп Мэлани, Нику Парилло, Джону Плаффу, Присциле Рузвельт, Мэтту Стивенсону, Дэвиду Стетсону, Питеру Сцентону и Дэвиду Тателу. Должен подчеркнуть свою особую признательность Дэвиду Мейси, поделившемуся со мной своими энциклопедическими знаниями о столыпинских реформах. Дэвид Брегдон проделал героическую работу по упорядочиванию данных об изменениях производительности российского сельского хозяйства, а Жанна Леви очень помогла мне с переводами. Спасибо также двум анонимным рецензентам и Рене Гендерсон, которая внимательным редакторским глазом прошла по всему тексту. И огромное спасибо всем членам моей семьи, которые не только читали и комментировали текст, но и проявили терпимость к моей одержимости этой работой.

ВВЕДЕНИЕ

Реформа сверху

9 ноября 1906 г. правительство России издало указ, разрешивший 90 000 000 русских крестьян¹ приступить к сложному процессу преобразования своих прав собственности на землю. Указ явился беспрецедентной по масштабам попыткой утвердить режим частной собственности — фундаментальную основу либеральной демократии. Но менее чем через пять лет пуля убийцы настигла премьер-министра Петра Столыпина, поборника приватизации и последнего деятеля царской России, обладавшего видением будущего, энергией, убежденностью и красноречием, который мог бы провести страну через реформы. Через десять с небольшим лет после этого указа Октябрьская революция похоронила частную собственность, либерализм и демократию.

За провал попытки предотвратить революцию пришлось заплатить очень высокую цену, в том числе и крестьянам, которые ответили на столыпинскую реформу именно так, как и ожидал ее автор: умелым и упорным трудом. Один из крестьян позднее поведал сокамернику уже в советское время: «У меня было 20 десятин. По-ихнему, значит, я был кулаком. Ладно, зови меня кулаком. Работал я помногу, но, правду сказать, толку было немного. Не умел я взяться за дело. До тех пор, пока мне в руки не попала столыпинская брошюрка². Может, и не он ее написал, но так их называли...

И опять им стало завидно, и опять они все отобрали, а меня выгнали вон»³.

---

¹ David Moon, *The Russian Peasantry, 1600—1930: The World the Peasants Made* (1990), 21.

² Предположительно это была одна из брошюр по агрономии, которые печатало и распространяло правительство, взявшееся за реформу прав собственности. См.: *Бородин А. П. Столыпин: Реформы во имя России.* М., 2004. С. 187—188.

³ Федоров Б. Петр Столыпин: «Я верю в Россию». М., 2002. Т. 1. С. 404—405 (цитата из: *Шульгин В. В. Размышления. Две старых тетради.* Известная Россия XX век. Историческое наследие. Кн. I. М., 1992. С. 325.

В 1906 г. по инициативе правительства была начата реформа прав собственности, точнее говоря, начато движение в сторону либеральной демократии, но движение это инициировало правительство, которое никто не назвал бы ни либеральным, ни демократическим. В некоторых отношениях реформа была предельно радикальной. До нее типичной крестьянской семье каждые несколько лет землю нарезали заново, и ее земельный надел представлял собой десятки полосок земли, разбросанных в разных полях, и по-настоящему он не являлся ее частной собственностью. Реформа разрешила крестьянам выходить из общины, объединять эти полоски в единый участок, который становился их наследственным владением. Реформа брала общинный крестьянский мир, который только начинал входить в соприкосновение с рынком, который управлялся еще по большей части нерыночными механизмами, и давала его обитателям возможность приспособиться к правилам и институтам рынка. Она реально могла вырвать крестьян из изоляции и впервые в истории страны сделать их полноценными гражданами российского общества.

У этой книги две основные задачи: дать четкое изложение основных особенностей реформы и ответить на вопрос: действительно ли либеральная реформа сверху — оксюморон. Их противоположностью являются либеральные реформы, проводимые под давлением низов — реформы, к которым правительства или правящую элиту принуждают группы, прежде лишенные полноты законных прав и не имеющие рычагов для непосредственного влияния на политику. Я лично считаю, что хотя либеральные реформы, добровольно начинаемые элитой страны, могут сыграть нужную роль, им всегда сопутствуют системные ловушки, делающие задачу реформаторов более сложной и тяжелой, а влияние самой реформы более ограниченным, чем всем нам хотелось бы.

Столыпин: человек, начавший реформы

Некоторые утверждают, что Петр Столыпин «сыграл лишь незначительную роль в решении о начале реформы, которая носит его имя»⁴. Это верно, но точно так же можно сказать,

⁴ George L. Yaney, *The Urge to Mobilize: Agrarian Reform in Russia, 1861–1930* (1982), 207.

что и Франклин Рузвельт «сыграл лишь незначительную роль в создании» системы социального страхования: все идеи реформы были проработаны другими до него; без политической поддержки других он не смог бы приступить к реформе, и очень трудно определить, какие же именно конкретные детали реформы носят отпечаток творческой руки реформатора. Но именно Столыпин был душой и двигателем реформ, именно он защищал их в открытых дебатах, в Думе и в государственном аппарате. Он сделал реформы своими, и он сделал их главным элементом своих планов преобразования России: «Дайте нам 20 лет покоя, и вы не узнаете Россию»⁵.

С учетом того, что он был богатым дворянином и, таким образом, являлся своего рода попечителем местного крестьянства, может показаться, что Столыпин был неподходящим кандидатом на эту роль. Но к роли двигателя изменений его подготовил весь его жизненный опыт, не говоря уж о происхождении. Он родился в 1862 г. в Дрездене, где его мать гостила у родственников⁶. Семья была высокопоставленной и с хорошими связями с начала XVII в.; прадед был другом Сперанского, великого, но неудачливого реформатора начала XIX в., а отец одно время был боевым товарищем Льва Толстого. Столыпин был двоюродным племянником Михаила Лермонтова, одного из величайших поэтов России, а его детство прошло в семейном поместье Середниково, недалеко от Москвы, известном сегодня тем, что в юности Лермонтов несколько раз проводил там лето⁷. Двоюродный брат его отца, Д. А. Столыпин, значительную часть жизни посвятил изучению крестьянской собственности и производительности крестьянских хозяйств и опубликовал много статей на эту тему. Кроме того, движимый надеждой привести крестьян к зажиточности и интеллектуальным любопытством, Д. А. Столыпин использовал собственную землю

⁵ Тюкавкин В. Г. Великорусское крестьянство и Столыпинская аграрная реформа. М., 2001. С. 167.

⁶ Корелин А., Шаццлло К. Ф. П. А. Столыпин. Попытка модернизации сельского хозяйства России // Деревня в начале века: революция и реформа / Ред. Ю. Н. Афанасьев. М., 1995. С. 8.

⁷ См.: Arcady Stolypine, *De l'Empire à l'exile: avant et après 1917. Mémoires* (1996), 19–23 (пишет о родстве с Лермонтовым через общего прадеда, Алексея Емельяновича Столыпина [1744–1810]). См. также: Федоров Б. Петр Столыпин: «Я верю в Россию». М., 2002. Т. 2. С. 194–204.

для экспериментов с методами повышения производительности крестьянского хозяйства. Он, например, сдавал крестьянам в аренду компактные участки земли сроком на шесть лет и с условием, что добившиеся хороших результатов смогут приобрести ее в собственность⁸. С 1874 по 1888 г. Д. А. Столыпин возглавлял комиссию, созданную Александром II для изучения вопросов крестьянского землевладения⁹. Комиссия публиковала внушительные отчеты о своей работе, а главные выводы были изложены в книге Карла Кофода (работал в России с 1878 г., принял русское подданство и имя Андрей Андреевич Кофод. — *Перев.*), датчанина, который позднее активно участвовал в разверстании общинных земель и в проведении столыпинской реформы¹⁰.

Карьера Столыпина была блестящим образцом того, как дворянин мог служить обществу. Он поступил в Санкт-Петербургский университет в 1881 г., в год убийства Александра II, которое вселило в него «глубокое инстинктивное недоверие к российской интеллигенции»¹¹. Здесь он изучал естественные науки, в том числе некоторые труды по табачной промышленности. На последнем устном экзамене он привел в восторг своих экзаменаторов, включая Д. И. Менделеева, создателя периодической таблицы химических элементов. Они забросали его вопросами по темам, которые не были раскрыты в лекциях, и, как говорят, он правильно ответил на все. Экзамен был прекращен Менделеевым, внезапно воскликнувшим, «Господи, что я делаю? Довольно!». Экзаменаторы поставили ему пятерку, высшую отметку в русских учебных заведениях¹².

По выходе из университета Столыпин какое-то время поработал в департаменте статистики Главного управления землеустройства и земледелия, а потом вернулся в одну из губерний, в которых его семья владела имениями: в Ковенскую губернию (ныне город Каунас, Литва). Здесь он становится предводителем дворянства Ковенского уезда и председателем съезда

⁸ Федоров. Т. 1. С. 348; Сидоровнин Г. Столыпин: Жизнь за отечество. М., 2002. С. 29—37.

⁹ Корелин, Шаццлло. С. 8.

¹⁰ Федоров. Т. 1. С. 348. См. также: Тюкавкин. С. 159.

¹¹ Abraham Ascher, *The Revolution of 1905: Authority Restored* (1992), 219.

¹² Abraham Ascher, *P. A. Stolypin: The Search for Stability in Late Imperial Russia* (2001), 16.

мировых посредников. На этом посту он имел возможность (и активно ее использовал) для участия в решении практических вопросов, затрагивавших крестьян и землевладельцев, таких как соглашения о распоряжении землей. Он также присматривал за крестьянским самоуправлением. В 1899 г. он стал предводителем дворянства всей Ковенской губернии и помог в создании местного сельскохозяйственного общества для выявления и распространения передовых приемов ведения хозяйства¹³.

Положение крупного землевладельца позволило ему понять значение прав собственности. В силу превратностей дорожных маршрутов (а возможно, и плохого состояния российских дорог), в поездках по семейным имениям он периодически попадал на территорию Пруссии. Он был поражен более высокой эффективностью немецкого сельского хозяйства и усердием крестьян, качествами, которые он приписал различию в правах собственности¹⁴. Его понимание связи между правами собственности и стимулами, возникшее в этих поездках или окрепшее в них, осталось с ним на всю жизнь. Будучи премьер-министром, например, он доказывал в Думе, созданной при царе Николае II, что бесконечные переделы земли, на сохранении которых настаивали левые круги, уничтожают заинтересованность крестьян в улучшении своих (временных) наделов и лишают их возможности пробовать новые методы ведения хозяйства; он сравнил эту ситуацию с тем, как отсутствие прав собственности на воду и воздух не позволяют людям заботиться об улучшении их качества¹⁵. В самой Ковенской губернии, являвшейся частью Балтийского края, права крестьян на земельные «наделы» (земли, которыми они владели в качестве крепостных) были наследственными и переделу не подлежали. Но имела место чересполосица, и он убедил

¹³ Сидоровичи. С. 45, 48.

¹⁴ Maria Petrovna von Bock, *Reminiscences of My Father, Peter A. Stolypin* (1970), 22 (рассказывает о его сопоставлениях и говорит, что эти наблюдения «послужили основой» последующих реформ) [см.: Бок М. П. Воспоминания о моем отце П. А. Столыпине. Нью-Йорк: Издательство им. Чехова, 1953]. См. также: Ascher, P. A. *Stolypin*, 19.

¹⁵ См.: Столыпин П. А. Нам нужна великая Россия: полное собрание речей в Государственной Думе и Государственном Совете, 1906—1911. М.: 1991. С. 89 (речь от 10 мая 1907 г.).

крестьян нескольких деревень договориться об обмене и объединении участков, чтобы избежать разбросанности участков и связанных с этим неудобств¹⁶.

В 1902 г. Столыпин был назначен губернатором Гродненской губернии, став самым молодым губернатором в России. Через десять месяцев пребывания на этом посту его перевели на должность губернатора Саратовской губернии. Поскольку Саратовская губерния была достаточно велика, у него теперь не было промежуточного звена между ним и санкт-петербургским правительством. В 1904 г. в докладе Николаю II о положении дел в Саратовской губернии Столыпин писал, что правительству следовало бы преобразовать общинное землевладение и создать класс независимых хуторских крестьян; при этом он использовал те же экономические и политические аргументы, которыми позднее продвигал реформы, будучи уже на посту премьер-министра. Николай написал на полях: «Выраженные здесь взгляды заслуживают внимания»¹⁷. До революции 1905 г. Столыпину удавалось гасить незначительные крестьянские волнения, не прибегая к арестам или порке — обходилось разговором с зачинщиками беспорядков¹⁸. Революция вывела его на передний план, потому что он умел сочетать твердость в подавлении беспорядков с признанием необходимости реформ и стремлением входить в соглашения с умеренными элементами¹⁹.

Нам известен ряд эпизодов, иллюстрирующих способность Столыпина сохранять хладнокровие перед лицом опасности. В одном случае он врзался во взбудораженную толпу, его осыпали бранью и угрозами, и один «здоровенный малый» подскочил к нему с дубинкой. Столыпин снял шинель и протянул этому человеку со словами: «Подержи-ка это». Человек бросил палку и взял шинель. После чего Столыпин развернулся к толпе и приказал ей разойтись; ошарашенные люди разошлись.

¹⁶ *Сидоровнин*. С. 48.

¹⁷ *Корелин, Шаццлло*. С. 11—12; Ascher, P. A. *Stolypin*, 56—59.

¹⁸ Ascher, P. A. *Stolypin*, 56—59, 42—43. См. также: *Сидоровнин*. С. 96—97.

¹⁹ Thomas Fallows, “Governor Stolypin and the Revolution of 1905 in Saratov”, in *Politics and Society in Provincial Russia, Saratov Province, 1500—1917*, eds., Rex A. Wade and Scott Seregny (1989), 160—190.

В другой раз, когда он выступал перед мятежной толпой, какой-то человек направил в него револьвер. Столыпин распахнул пальто и сказал: «Стреляй». Приведенный в замешательство революционер опустил руку с оружием²⁰. Даже злейшие враги признавали за Столыпиным личное мужество²¹.

По-видимому, именно проявленная им способность сдерживать беспорядки и стремление устранить некоторые из возможных их причин убедили Николая назначить Столыпина на пост министра внутренних дел в апреле 1906 г. и добавить к нему пост премьер-министра в июле того же года.

Большинство наблюдателей отмечают красноречие и находчивость Столыпина-оратора, о чем трудно с уверенностью судить тому, для кого русский язык не является родным. Однако ясно, что он умел зажечь аудиторию. Стенограммы его речей в Думе пестрят такими примечаниями: «оглушительные аплодисменты центра и правых», «крики “браво”» и «бурные аплодисменты центра и правых». Из этих примечаний следует, что его язык приводил к поляризации аудитории. Все самые знаменитые места из его выступлений строятся на антитезах. Три цитируются повсеместно. «То, что говорят [революционеры], сводится к двум словам — “руки вверх!”». И на эти два слова правительство с полным спокойствием и уверенностью в своем праве может ответить двумя словами — “не запугаете”»²². Обращаясь к своим недоброжелателям в Думе, он сказал: «Вам нужны великие потрясения. Нам нужна великая Россия». И, наконец, реплика, которую мы впоследствии разберем детально, брошенная в ходе дебатов об аграрной реформе и крайне полемичная (преимущественно в силу сознательных искажений существа дела противниками Столыпина): «Мы делаем ставку на сильных и крепких, а не пьяных и убогих».

Пребывание Столыпина на высших постах было недолгим. Ряд стычек по политическим вопросам, в том числе из-за Распутина, развращенного сектанта, которого императрица боготворила, веря, что он спасает царевича от гемофилии, сделали его врагом могущественных придворных клик и ослабили

²⁰ Ascher, P. A. *Stolypin*, 60.

²¹ См., напр.: *Витте С. Ю.* Воспоминания. М., 1960. Т. 3. С. 446.

²² *Корелин, Шацкило. С. 20.*

поддержку со стороны царя. Неизвестно, смог бы он выпутаться из этих политических проблем. 1 сентября 1911 г. в Киеве, куда он приехал в свите Николая II, он вечером был на опере Римского-Корсакова «Сказка о царе Салтане»; его место было в партере, недалеко от ложи императора. Обеспеченный студент — имевший связи с эсерами, анархистами и тайной полицией — подошел к нему и дважды выстрелил в него из револьвера (возможно, он не стал стрелять в царя, потому что опасался, что тем самым вызовет еврейские погромы)²³. Столыпин умер вечером 5 сентября, и его последними словами были: «включите свет».

История Столыпина глубоко трогательна. Он был последним царским премьер-министром, стремившимся к реформам и обладавшим нужными интеллектуальными и личными качествами, чтобы довести их до конца. Таким образом, его пребывание во главе правительства было последним реальным шансом России провести превентивные реформы и избежать Октябрьской революции 1917 г.

Цели этой книги

Сегодня в связи с аграрными реформами Столыпина возникает множество вопросов. Россию, которая отказалась от семидесятилетнего коммунистического эксперимента, манят предреволюционные попытки реформ, но здесь не все ясно. Следует ли рассматривать столыпинские реформы как образец для подражания или как опыт неудачи? В более общем плане, если либеральный сегмент элиты *любой* нелиберальной страны стремится изменить национальную систему прав собственности в направлении к либерализму, с какого рода проблемами эта элита, вероятнее всего, столкнется? Или зададим вопрос по существу: можно ли рассчитывать, что взявшаяся за реформы элита, практически не испытывающая сильного давления снизу, доведет до конца политику, которая приведет к распылению власти, характерному для либеральной демократии, тем самым уменьшив свою собственную власть?

Столыпинские реформы уже давно возбуждают споры. Значительная часть критики, начиная с Ленина, сводилась к при-

²³ Ascher, P. A. *Stolypin*, 380.

писыванию низменных мотивов сторонникам реформ. Подобной критикой можно спокойно пренебречь. Мотивы, стоявшие за действиями исторических персонажей, — тема чрезвычайно любопытная, но безумно неуловимая. К чему бы на самом деле ни стремились Столыпин и его коллеги, все радеющие об общественной пользе сторонники реформы прав собственности в любой нелиберальной стране обречены столкнуться с теми же сложностями и противоречиями, с которыми встретились Столыпин и его команда.

Остальная часть этой книги организована следующим образом. В главе 1 дан краткий очерк реформ и сформулирована главная загадка: конфликт между либеральной демократией, являющейся явной целью этих реформ, и интересами тех, кому принадлежит власть в нелиберальном государстве. Главы 2, 3 и 4 развивают сюжет о реформах. Глава 2 посвящена, главным образом, дореформенной ситуации с правами собственности, чтобы понять возможные проблемы и соответственно причины, по которым они могли вызывать озабоченность. По ходу дела мы познакомимся с истоками дореформенного режима, чтобы понять, почему его сохранение могло считаться полезным. В главе 3 мы познакомимся с положением крестьян накануне реформ, чтобы сравнить реформы с альтернативными вариантами решения «аграрной проблемы». Главы 2 и 3 содержат много статистических подробностей. Те читатели, которых преимущественно интересуют более широкие аспекты реформ, проводимых сверху, могут спокойно их пропустить.

В главе 4 мы присмотримся к главным альтернативным решениям и к их сторонникам, а также к политическим силам, противостоявшим правительству, которое выбрало реформы как замену революции.

Остальные главы, хоть и строятся на материале первых четырех, представляют собой в целом отдельный анализ реформ и связанных с ними аргументов — в той мере, в какой эти аргументы соотносятся с проблемой либеральных реформ в условиях нелиберального режима, а также более широкие размышления об уроках реформ. В главе 5 дано описание самих реформ, и она по необходимости имеет довольно прикладной характер. Поскольку реформы дали крестьянам возможность выбора, их реакция очень важна, а потому мы анализируем степень их согласия и изменчивость согласия в зависимости от региона, времени и размера крестьянских хозяйств.

Уже зная все это, в главе 6 мы обращаемся к главным спорам по поводу реформ. В этих спорах вновь и вновь возникают две главные темы: обвинения в антидемократическом замысле и вопрос о том, не заставляли ли крестьян открытые перед ними возможности принимать идеи правительства о собственности на землю, отказываясь тем самым от своих собственных. Я же пытаюсь объединить эти две темы, постоянно задаваясь вопросом, как выглядела бы политика правительства, если бы оно решило просто предоставить крестьянам возможность сделать собственный выбор.

Наконец, в главе 7 я предпринимаю попытку более широкой оценки, и при этом меня интересует то, как это сказалось на производительности и на менталитете крестьян, как политика повернула вспять сразу после октября 1917 г. и как большевики в 1922 г. опять пошли примерно тем курсом, который был намечен Столыпиным; как односторонность и узость проявлялись в других аспектах аграрной политики того же периода, и какие выводы можно сделать из столыпинских реформ относительно проводимого сверху курса на либеральную демократию. Наконец, я анализирую усилия по созданию рынков и прав собственности в сельском хозяйстве страны, в которой в течение шестидесяти лет господствовали совхозы и колхозы.

Хотя реформы не были обделены вниманием исследователей, я обнаружил, что было сравнительно мало попыток использовать при их анализе аппарат экономической науки и современный подход к вопросам экономики и права. Центром последнего являются «транзакционные издержки», т.е. все издержки на то, чтобы достичь согласия и провести его в жизнь. Главная идея здесь в том, что если бы транзакционные издержки были нулевыми, исходное распределение прав собственности не имело бы большого значения — стороны сумели бы договориться об эффективных решениях²⁴. Поскольку транзакционные издержки никогда не бывают нулевыми, а очень часто оказываются чрезмерно высокими, при оценке правовых механизмов необходимо исходить из того, как они влияют на способность сторон договориться о разрешении конфликта и,

²⁴ См.: Ronald H. Coase, "The Problem of Social Cost," J. of Law & Economics 3 (1960): 1—44. [Коуз Р. Проблема социальных издержек // Коуз Р. Фирма, рынок, право. М., 1993. С. 85—139.]

придя к соглашению о перераспределении прав собственности, достичь повышения эффективности. Ведь в конце концов до столыпинских реформ проблема с крестьянскими правами собственности заключалась в том, что они создавали слишком высокие транзакционные издержки, препятствовавшие эффективному использованию земли.

Вопрос о транзакционных издержках играет также ключевую роль в анализе эволюции политических институтов и в усилиях ученых, таких как Дуглас Норт, объяснить, почему либеральные реформы, несмотря на все их явные выгоды, прошли далеко не везде. Но до сих пор проблема либеральных реформ, проводимых руководителями нелиберального государства, редко привлекала внимание авторов.

Эта книга стремится заполнить некоторые лакуны.

Глава 1

СОЗДАНИЕ ЧАСТНОЙ СОБСТВЕННОСТИ, ДЕЦЕНТРАЛИЗАЦИЯ ВЛАСТИ

Сущность реформ

Реформы, начатые в ноябре 1906 г., затрагивали крестьянские «наделы», полученные в ходе освобождения от крепостной зависимости. На тот момент они составляли подавляющую часть принадлежавшей крестьянству земли. Было три причины, по которым права собственности крестьян на наделы оказывались скорее коллективными, чем индивидуальными. Во-первых, община периодически осуществляла перераспределение принадлежавших ей земель, чтобы в каждой семье количество земли примерно соответствовало числу рабочих рук. Во-вторых, земельные владения каждой семьи составлялись из полос, нарезанных на разных полях — порой до пятидесяти, так что обработка земли требовала тесной координации всех операций во времени и использования одинаковых приемов, не говоря уж о том, что некоторые поля находились достаточно далеко от жилья, что требовало затрат времени и сил. В-третьих, собственником (если здесь можно употребить этот термин) была семья, а не отдельный человек, а потому продажа земли и другие операции зачастую требовали согласия всех членов семьи.

Чтобы дать крестьянам возможность защититься от риска потерять землю в ходе перераспределения, столыпинская реформа предоставила главам семей право выйти из общего процесса перераспределения, а общинам — право принимать подобное решение двумя третями голосов.

В целях уменьшения чересполосицы реформы дали крестьянам право требовать нарезки земли в одном месте, т.е. сплошным участком. Отдельная семья имела безусловное право на нарезку отруба, если ее требование об этом совпадало с очередным межеванием общинных земель. В противном случае

ее требование могло быть удовлетворено, только если выделение ей сплошного участка не создавало чрезмерных неудобств для всей общины, но тогда община могла расплатиться с семьей деньгами. Кроме того, двумя третями голосов вся община могла принять решение о разверстании всей земли.

Наконец, в целях решения проблемы семейной собственности, реформы предписывали, что решение семьи о выходе из процесса перемежевания влечет за собой установление личной собственности на землю.

Чтобы судить о том, действительно ли эти реформы могли продвинуть Россию к либеральной демократии, нужно иметь некое представление о самой либеральной демократии, а особенно о роли частной собственности и гражданского общества, а также о природе перехода к либеральной демократии.

Либеральная демократия

Поскольку в этой книге предполагается, что либеральная демократия есть вещь в целом желательная, позвольте мне кратко изложить свое представление о ней. Я не собираюсь навязывать читателям собственное определение, а всего лишь попробую установить определенные рамки. В соответствии с задачами этой книги я использую достаточно гибкие критерии, охватывающие и теоретическую модель, в которой государство ограничено ролью ночного сторожа, и современные англо-американские демократии, и дирижистские режимы континентальной Западной Европы.

Если говорить только о правительстве, избираемом людьми на свободных выборах, «демократия» — это сравнительно простая концепция. Но без «либерализма» всеобщие выборы не могут обеспечить свободы, открытости возможностей или справедливости; собственно говоря, без либерализма вообще нельзя быть уверенным, что первые свободные выборы не окажутся и последними.

Либерализм, в моем толковании, требует (по меньшей мере) соблюдения принципа верховенства права, прав частной собственности, свободы слова, энергичного гражданского общества и подходящего склада ума. Эти критерии до известной степени перекрывают друг друга и могут оказаться неполными. О каждом придется сказать несколько слов.

Принцип верховенства права состоит из нескольких элементов:

- 1) само правительство, чтобы сдержать его хищнические инстинкты, должно быть ограничено рамками закона. (Для того, чтобы подчинить правительство закону, не обязательны суды; иногда достаточно традиций и гражданского общества, как это имеет место в Британии со времен революции 1688 г.);
- 2) законы должны быть достаточно четкими, чтобы результаты судебных разбирательств были в целом предсказуемы, потому что только при этом условии законы могут быть основой принятия экономических и других решений;
- 3) суды должны быть независимыми и более или менее беспристрастными;
- 4) четко определенные права собственности, права, вытекающие из договоров, права, вытекающие из корпоративного управления, и деликтные иски должны обеспечиваться судами, с тем чтобы физические и юридические лица сдерживали свои хищнические взаимные посягательства и могли добровольно сотрудничать в реализации конструктивных замыслов;
- 5) необходимо формальное равенство перед законом, т.е. не должно быть каст, пораженных в правах.

Второе, права собственности, хоть о них уже и было сказано в связи с принципом верховенства права, заслуживают отдельного обсуждения. Они должны быть достаточно прочными, чтобы собственники могли противостоять хищническим посягательствам государства, и, вообще говоря, и число их должно быть как можно больше, чтобы уменьшить риск взаимных хищнических посягательств собственников. Если в государстве не установлены действенные права собственности, граждане и фирмы могут защищать свои интересы только через патронажные отношения, т.е. посредством неформальных, личных связей с политически влиятельными лицами. Эта система отражена в вопросе, который часто задавали в Советской России: «К кому же ты тогда пойдешь?»¹ Иными словами:

---

¹ См.: Sheila Fitzpatrick, *Everyday Stalinism: Ordinary Life in Extraordinary Times: Soviet Russia in the 1930s* (1999), 110, где она цитирует Надежду Мандельштам: *Мандельштам Н.*

«Есть ли у тебя высокопоставленный партийный чиновник, к которому можно обратиться за помощью, когда государство или люди начинают тебя травить?» Зависимость клиентов в системе патронажных отношений несовместима с положением человека в либеральной демократии.

В патронажных структурах дружба, связи и сопутствующее лизоблюдство превращаются в жизненно важную валюту. Точная информация, которую, пусть и с небольшими искажениями, поставляют рынки и частная собственность, редка, хотя она имеет критически важное значение для принятия экономических решений. Не имея информации об относительных ценах, управляющий или предприниматель не может принять решение об оптимальной структуре поставок или производства. Поскольку в патронажной системе такого рода информация редка, возрастают иные издержки, известные экономистам как агентские. Любой агент так или иначе заинтересован в том, чтобы улучшить свое материальное положение за счет принципала (человека или организации, от имени которого или которой он предположительно действует). Когда недоступна надежная информация об относительных ценах, вышестоящие сталкиваются с тем, что им трудно контролировать утверждения нижестоящих о том, что возможно, или даже о том, что происходит. Когда информационные и агентские издержки высоки, решения об инвестициях принимаются под давлением совсем других стимулов, чем в режиме частной собственности, где (1) предприятия приобретают сырье на рынке в конкуренции с другими предприятиями и (2) неспособность предложить конкурентоспособный продукт по конкурентным ценам обычно оказывается роковой².

Воспоминания. 1970. С. 119—120. Фитцпатрик описывает патронажную систему в целом на с. 109—114. Стив Хедлунд (Stefan Hedlund, *Russian Path Dependence* [2005]) полагает, что патронажная система установилась в России не позднее середины XVII в. и в полной мере сохранилась по сей день. В главе 7, оценивая воздействие столыпинских реформ, я прихожу к такому же выводу.

² См.: Mancur Olson, *Power and Prosperity* (2000). Особый случай представляют собой иерархические фирмы, действующие в конкурентной среде. Они менее подвержены крайним формам упадка в силу конкуренции на рынках капитала и на товарных рынках. Иерархические фирмы, обслуживающие клиентов хуже, чем малые предприятия, будут выдавлены из бизнеса, если только экономия

Эти различия являются главным источником экономических преимуществ системы частной собственности.

Конечно же, права собственности и патронажные отношения, как правило, сосуществуют. Даже в экономике с прочными правами собственности обычно есть ниши, в которых процветают патронажные и клиентские отношения, как, например, семейные корпорации (пока им удастся держаться на плаву) и предприятия (частные или государственные), защищенные от конкуренции. И, в свою очередь, даже такие заповедники патронажных отношений, как тиранические режимы, признают притязания на ресурсы, если претендент обладает нужной политической властью или связями. Здесь политика правит собственностью. В условиях тирании, по словам Дэвида Ландеса, «опасно быть богатым, не имея власти»³.

В-третьих, необходимы свобода слова и печати, чтобы люди могли указывать на злоупотребления и упущения правительства и поднимать на борьбу с этим демократические силы.

В-четвертых, необходимо энергичное гражданское общество. Поскольку никакая мыслимая структура государства не может *сама* обеспечивать законопослушность последнего, общество должно обладать некоторой способностью противодействовать властям. Для этого нужны организации, которые в состоянии что-то реальное делать для людей (тем самым уменьшая поводы для вмешательства государства), в которых люди приучаются к самоуправлению, участию в конструктивных группах и к сплочению для отпора любым хищническим посягательствам государства.

В-пятых, и это труднее всего сформулировать, необходим подходящий склад ума. Индивидуумы — не все конечно, но по крайней мере достаточное их число, чтобы задавать тон, — должны мыслить о себе как об ответственных гражданах, имеющих определенные права; быть реалистами, а не фаталистами или утопистами; быть смелыми и прямыми, но при этом способными к компромиссу; быть готовыми создавать группы,

---

на масштабах производства не позволит им компенсировать более высокие агентские издержки; если же руководство иерархической фирмы не сможет как следует контролировать отлынивающих от дела агентов, то фирма будет захвачена рейдерами, а руководители слетят со своих должностей.

³ David Landes, *The Wealth and Poverty of Nations* (1998), 398.

составляющие гражданское общество, и быть терпимыми к людям, разделяющим другие идеи и интересы. Помимо всего прочего, Столыпин надеялся укрепить подобный склад ума.

В пользу либеральной демократии существует много аргументов, но один стоит отметить особо. Люди наделены непреодолимой тягой одновременно к соперничеству и сотрудничеству, к скупости и щедрости. Им свойственна страсть к доминированию, к демонстрации превосходства, к знакам отличия и почестям, и к творчеству (или к репутации творческого человека). Для примирения всех этих внутренних противоречий либеральная демократия предоставляет лучшие возможности, чем любая другая система организации общества. Она отваживает людей от захвата чужого добра (как это принято у воинственных племен) и от манипулирования родственными или другими связями (как в патронажных культурах), направляя их усилия на производство благ и услуг, которые нравятся другим. Как сказал Сэмюэл Джонсон, «очень мало занятий столь же невинных, как добывание денег». Но этот афоризм верен, только когда собственность защищена и преобладает рынок. В обществе, где люди «добывают деньги» насилием или обхаживанием вышестоящих в пищевой цепочке элит, нет оснований полагать, что добывание денег — это занятие невинное или производительное.

Права собственности, гражданское общество и либеральная демократия

Начатые в 1906 г. реформы прав собственности непосредственно культивировали «либеральный» аспект либеральной демократии, т.е. систему прав и отношений, в которых люди находят свои ниши в частном порядке, где люди взаимодействуют между собой как свободные граждане, где ресурсы распределяются преимущественно через рынок, а граждане вольны создавать группы для достижения общих целей (включая не только благотворительные организации, но и товарищества, кооперативы и корпорации).

Система коллективизированных прав крестьян на наделы серьезно противоречила либерализму. В сравнении с личной собственностью здесь предоставлялось меньше возможностей для личной инициативы. Права были неопределенны, а отношения землевладельцев запутаны. Человек не мог просто так выйти из

общины со своей собственностью (или даже без нее). Все это препятствовало развитию отношений, основанных на том, что каждая из сторон имеет независимые представления о собственном благе, но при этом признает также, что другие свободны не присоединяться или не участвовать.

Права собственности, созданию и укреплению которых способствовали столыпинские реформы, были напрямую связаны с либерализмом, но косвенно стояли в связи и с «демократическим» аспектом либеральной демократии. Во-первых, если сутью либеральной демократии является широкая децентрализация власти, то широкое распространение частной собственности является сутью этой сути. Частная собственность позволяет владельцу самому судить о том, как использовать производительные ресурсы. Как уже было отмечено, при альтернативной системе распределения власти, основанной на принципе иерархии или патронажа, власть оказывается относительно концентрированной. Даже если взять демократические выборы, где избиратели имеют возможность избрать команду, которая будет принимать тысячи решений в следующие несколько лет, они не создают реального рассредоточения власти — разве что в ограниченном смысле, поскольку соперничество между партиями на выборах обеспечивает некоторое рассредоточение власти в политическом классе. Помимо того, что частная собственность *непосредственно* дает собственникам возможность принимать независимые решения в качестве производителей и потребителей, она же открывает политическим предпринимателям доступ к широкому кругу независимых источников содействия, что дает им возможность предложить большее разнообразие вариантов, а это увеличивает власть избирателей.

Во-вторых, права собственности и либерализм способствуют росту производительности, что облегчает поддержание либеральной демократии. Когда прилив поднимает все лодки, моряки менее склонны к мятежу.

Наконец, многие буржуазные добродетели, которых требует и которые воспитывает рыночная экономика, идеально соответствуют тем, в которых нуждается здоровый демократический процесс — в умении договариваться о взаимовыгодных решениях, ведь главное наступательное и оборонительное оружие каждой стороны — это способность найти другого партнера для сделки, что в равной мере относится как к покупателям, так и к продавцам товаров и услуг. Уважение к правам

других и их защита — это общая почва либерализма и того рода устойчивой демократии, в которой люди, занимающие высокие должности, безропотно покидают их, потерпев поражение⁴.

Разумеется, если гражданское общество не будет обуздывать хищничество, частная собственность окажется чрезвычайно уязвимой, поскольку правящие элиты легко смогут отмахнуться от нее или подорвать ее независимость. Гражданское общество обеспечивает надежность прав групп, владеющих производительной собственностью. Его эффективность отчасти зависит от способности групп к самоорганизации. Маркс отметил, что это проблема для крестьян, поскольку слабость их рыночных позиций подрывает их способность защищать себя политическими средствами: «Парцельные крестьяне составляют громадную массу, члены которой живут в одинаковых условиях, не вступая, однако, в разнообразные отношения друг к другу. Их способ производства изолирует их друг от друга, вместо того чтобы вызывать взаимные сношения между ними... Каждая отдельная крестьянская семья почти что довольна сама себе, производит непосредственно большую часть того, что она потребляет, приобретая таким образом свои средства к жизни более в обмене с природой, чем в сношениях с обществом... Поскольку между парцельными крестьянами существует лишь местная связь, поскольку тождество их интересов не создает между ними никакой общности, никакой национальной связи, никакой политической организации, — они не образуют класса. Они поэтому неспособны защищать свои классовые интересы от своего собственного имени, будь то через посредство парламента или через посредство конвента»⁵.

⁴ См.: Christopher Clague, Philip Keefer, Stephen Knack, and Mancur Olson, "Property and Contract Rights in Autocracies and Democracies," in *Democracy, Governance, and Growth*, eds. Steven Knack, et al. (2003), 136, 173.

⁵ Маркс К. Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарт // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 8. С. 207. Цит. по: Moeletsi Mbeki, "Underdevelopment in Sub-Saharan Africa: The Role of the Private Sector and Political Elites," CATO Foreign Policy Briefing No. 85 (April 15, 2005). Маркс сравнивает крестьян с пролетариями, но сказанное им дает возможность сравнить их и с фермерами, действующими в рыночном окружении и имеющими возможность превратиться в буржуазию, в способности которой защищать свои классовые интересы Маркс, конечно, никогда не сомневался.

Современной иллюстрацией положения Маркса может служить способ, каким во многих странах Африки и Латинской Америки правящие элиты вводят регулирование цен на продукцию тех, кого Маркс назвал «парцельными крестьянами», с целью изъятия значительной части их дохода в пользу горожан. Исключением является только Кения, где крупные фермеры сумели заручиться достаточной политической поддержкой и защитили не только самих себя, но и мелких крестьян⁶. В связи со столыпинскими реформами возникает вопрос: смогли бы крестьяне подобным же образом защитить новые для них права собственности.

Пути перехода к либеральной демократии

По вопросу о достижимости либеральной демократии существуют разные мнения. Оптимистическую точку зрения представляет Френсис Фукуяма, из работы которого «Конец истории» следует, что несомненное превосходство либерализма в решении социально-экономических проблем должно быть достаточным для его победы. Но этот оптимизм, по крайней мере в его безоговорочной форме, сталкивается с очевидной проблемой: во многих странах либеральная демократия еще не восторжествовала.

Быстрой или легкой победе либеральной демократии препятствует именно тот факт, что, в отличие от всех известных альтернатив, это система чрезвычайно распыленной власти. Для того, чтобы она победила вследствие простого указа сверху, потребовалось бы поразительное самопожертвование со стороны власть имущих. Как сказал Фредерик Дуглас, «вся история расширения человеческой свободы показывает, что все уступки, сделанные в ответ на ее царственные притязания, были добыты в честном бою... Власть ничего не уступает без настойчивого требования»⁷. Отсюда следует неприятная асимметрия.

⁶ Daron Acemoglu, Simon Johnson, and James Robinson, "Institutions as the Fundamental Cause of Long-Run Growth" (National Bureau of Economic Research Working Paper 2004), будет опубликована в *Handbook of Economic Growth*, eds. Philippe Aghion and Steve Durlauf, 55—58.

⁷ Frederick Douglass, "The Significance of Emancipation in the West Indies," Speech, August 3, 1857. In *The Frederick Douglass Papers*. Series One: Speeches, Debates, and Interviews, ed. John W. Blassingame (1985), 3: 204.

Тиран вроде Сталина может повернуть демократическое развитие вспять, но очень трудно вообразить антипода Сталина, самодержца, преподносящего народу на блюде либеральную демократию. Что еще хуже, талантливые самодержцы и элиты будут сопротивляться любым экономическим изменениям, которые в долгосрочной перспективе могут создать препятствия их политической власти. Так, Россия и Австро-Венгрия какое-то время противились строительству железных дорог, опасаясь возможных политических последствий, а уже сравнительно недавно в Гане Кваме Нкрума предпочел иностранных инвесторов отечественным, поскольку счел, что доморощенные капиталисты в будущем будут представлять куда большую угрозу его политической власти⁸.

Можно, конечно, вообразить грандиозную сделку, по условиям которой самодержец и связанная с ним элита отказываются от политического доминирования в обмен на львиную долю благ, которые принесет режим либеральной демократии. Но какие трудности стоят на пути такого соглашения! Хотя, познакомившись с результатами развития других государств, участники гипотетической сделки могут убедиться в том, что будущее процветание весьма вероятно, вряд ли они могут быть полностью уверены в том, что процветание действительно наступит, особенно если говорить об обозримом будущем. К тому же льготы и привилегии элиты не так-то легко оценить, особенно в нелиберальном обществе. Непроницаемость параметров реального положения дел сама по себе препятствует добровольному отказу от статус-кво. А важнее всего то, что когда в стране нет устоявшейся приверженности принципу верховенства права, ни самодержец, ни другие участники сделки не могут рассчитывать на то, что суд обеспечит выполнение условий договора, не доводя дела до вооруженного конфликта. Каждой стороне придется основательно дисконтировать будущие выгоды.

Не удивительно, что либеральная демократия никогда не возникала в результате обдуманных уступок благонамерен-

---

⁸ Acemoglu, Johnson, and Robinson, 42—43, 60. См. также: *ibid.*, 70—71 о страхе Тюдоров перед политическими последствиями капиталистического обогащения; см. также: Alexander Gerschenkron, “Agrarian Policies and Industrialization, Russia 1861—1914,” in Alexander Gerschenkron, *Continuity in History and Other Essays* (1968), 145—146.

ного правителя⁹. Ближайшим примером обратного могли бы быть сами Соединенные Штаты в момент принятия конституции. Но ведь наивно видеть в акте принятия конституции *причину* триумфа свободы. Основные ингредиенты либеральной демократии существовали уже на протяжении почти двух столетий (при этом многих ключевых элементов, конечно, недоставало). Режим верховенства права функционировал по большей части вполне удовлетворительно; законы были приняты выборными законодательными собраниями колоний, действовавшими на основании колониальных хартий или уставов; на свободу слова и свободу совести никто особо не покушался, гражданское общество процветало¹⁰. Творцы конституции считали необходимым соединить штаты в «более совершенный союз», обуздать чрезмерный популизм и укрепить защиту от иностранных держав. Если не считать ряда изменений, внесенных в сложившуюся в колониях практику (зафиксированное законом ограничение государственной власти, несменяемость судей и закрепление права устанавливать налоги за конгрессом), они исходили по большей части из опыта

⁹ Я оставляю в стороне реформы, проведенные в результате насильственной оккупации, как это было, скажем, в послевоенной Германии и Японии. Для проведения таких реформ явно нет нужды в добровольном согласии правящих элит отойти от власти. Что же касается трудностей преодоления сложившегося менталитета, о чем речь пойдет ниже, успех реформ вероятно был обусловлен, во-первых, своего рода готовностью людей (см., напр.: John P. Powelson, *Centuries of Economic Endeavour* (1994), 13—41 (Япония), 314—326 (Германия); Francis Fukuyama, *Trust: The Social Virtues and the Creation of Prosperity* (1995), 53—54, 166—167, 175—176, 182—183 (Япония), 204—205, 207, 210 (Германия)) и, во-вторых, тем, что Вторая мировая война сделала полностью нелегитимными фашистские элиты, развязавшие войну. Ср.: Mancur Olson, Jr., *The Rise and Decline of Nations* (1982). [Олсон М. Возвышение и упадок народов. Экономический рост, стагнация, социальный склероз. Новосибирск: ЭКОР, 1998.]

¹⁰ См.: Gordon S. Wood, *The Radicalism of American Revolution* (1991) (здесь рассматривается процесс, в результате которого в XVIII в. гражданская республиканская идеология частной собственности и представительного правления вытеснила патримониализм и в конце XVIII — начале XIX в. проложила путь к либеральному рыночному обществу. [Патримониализм — форма политического господства или политической власти, основанная на «личной» и бюрократической власти. — Ред.]

колоний¹¹. Разве мы обрели свободу потому, что у нас была (хорошая) конституция? Или вернее будет сказать, что мы обрели конституцию, потому что были свободны? Последнее представляется более правдоподобным¹², особенно если сравнить наш опыт с опытом десятков других стран, имеющих превосходные конституции, но мало свободы.

Дуглас Норт попытался систематизировать препятствия на пути к либеральному обществу, используя ряд ставших принятыми микроэкономических концепций¹³. Во-первых, раз уж мы отбросили надежду на то, что правящая элита сама откажется от власти, любое изменение может достаться только ценой оплаты трансакционных издержек: издержек, которые мешают сторонам договориться о сделках, перераспределяющих права таким образом, что при этом увеличится совокупное благосостояние сторон. Примером может служить рассмотренная выше гипотетическая сделка с обменом самодержавия на либеральную демократию. Она натывается именно на такого рода издержки — на отсутствие надежной информации о будущих выгодах, на неспособность достоверно оценить стоимость существующих привилегий, на отсутствие уверенности в том, что удастся принудить другую сторону к соблюдению условий соглашения, и на стратегическое маневрирование каждой стороны в целях закрепления за собой как можно большей выгоды.

Во-вторых, то, что мы можем нестрого назвать экономией от масштаба, оказывается препятствием для предельных проектов [incremental ventures], позволяющих новым участникам (здесь: новым формам политической экономии) конкурировать на институциональном рынке. Здесь термин «экономия от масштаба» используется в широком смысле и включает в себя все методы,

¹¹ См.: Steven Calabresi, "The Historical Origins of the Rule of Law in the American Constitutional Order," *Harv. J. of Law & Public Policy* 28 (2004): 273–280.

¹² Douglas C. North, *Institutions, Institutional Change and Economic Performance* (1990), 59–60, 101–104. [Норт Д. Институты, институциональные изменения и функционирование экономики. М.: Начала, 1997. С. 83, 130–133.]

¹³ См.: North, *Institutions*. [Норт. Институты.] См. также: John V.C. Nye, "Thinking About the State: Property Rights, Trade, and Changing Contractual Arrangements in a World with Coercion," in *Frontiers of the New Institutional Economics*, eds. John N. Drobak and John V. C. Nye (1997), 121–142.

ведущие к тому, что увеличение масштаба улучшает соотношение между стоимостью предоставления товаров или услуг (в данном случае услуг власти) и получаемыми выгодами. Таким образом, более широкое определение добавляет увеличение выгод при росте масштаба: повышение выгоды (на единицу издержек), как в случае сетевых эффектов. Принцип верховенства права явно обеспечивает подобную экономию: с увеличением масштаба не только падают (до определенного предела) удельные издержки независимого суда, но и выгоды возрастают более чем пропорционально. Чем шире сфера действия принципа верховенства права, тем шире и разнообразнее круг тех, с кем предприниматель может заключать надежные долгосрочные соглашения. В США, естественно, федерализм и локализм делают возможными новаторские инициативы в области политической экономии и на местном уровне. Но авторитарные режимы никогда не предоставляют подобных возможностей, и в любом случае верховенство права в небольшом изолированном политическом образовании даст лишь малую часть потенциальных сетевых выгод.

Наконец, Норт придает особое значение тому, как прошлый опыт воздействует на переработку информации экономическими агентами. Привычки, сформировавшиеся в обществе, в котором люди рассчитывают, что в случае чего их защитят связи с высокопоставленными покровителями, оказываются бесполезными там, где безопасность опирается на частную собственность и верховенство права. Неадекватность прошлого опыта новым условиям мешает понять устройство другого общества, сформировать верные ожидания относительно возможных действий других людей и соответствующим образом направить собственные усилия¹⁴. Таким образом, хотя конвульсивные революции *могут показаться* способом обойти другие трудности, они не оправдывают ожиданий, потому что послереволюционные режимы обычно складываются по образцу дореволюционного авторитаризма.

Норт обобщает свою концепцию идей зависимости от предшествующего пути, заимствованной из области микроэкономики. Когда на рынке утверждается некая конкретная технология, эффект от масштаба (и в этом случае широко понимаемый и непременно включающий сетевые эффекты) закрывает

¹⁴ См.: Paul Pierson, "Path Dependence, Increasing Returns, and the Study of Politics," *American Political Science Review* 94 (2000): 251–266.

возможности развития даже более совершенных альтернатив. Возьмем актуальный пример: поскольку на рынке почти безраздельно господствует операционная система Windows, программисты, разрабатывающие новые прикладные программы, заинтересованы в том, чтобы писать их под Windows, потому что программы, написанные под любую другую операционную систему, окажутся гораздо менее прибыльными, даже если работать будут с заметно большей эффективностью. Таким образом, поскольку Windows опередила всех на старте и практически захватила рынок, на нем очень трудно утвердиться новой операционной системе. Так же обстоит дело и с политическими предпринимателями, продвигающими систему политической экономии, которая требует новых навыков ума и превосходство которой стабильно возрастает по мере увеличения масштаба. Преобразование нелиберального режима в либеральный представляет собой куда более трудную задачу, чем вытеснение с рынка операционной системы Windows.

Поскольку свободу нельзя получить от правящих элит в подарок или в обмен на будущие выгоды, разумнее рассматривать ее как результат постепенного процесса, в котором группы с невысоким общественным статусом постепенно обретают силу, способную принудить власть к уступкам и договоренностям. Процесс может начать небольшая группа вроде баронов, которые заставили короля Иоанна Безземельного подписать в Раннимиде Великую хартию вольностей, и постепенно к нему будут присоединяться другие сегменты общества, как это происходило в ходе Столетней войны и Славной революции 1688 г., когда заключались все новые соглашения между парламентом и королем. Эти соглашения существенно ограничили власть монарха, в результате чего король получил право собирать налоги только с согласия парламента, и постепенно все более широкие классы собственников получали надежную защиту от мародерских замашек короны¹⁵. Нечто очень похожее происходило в Голландии. В обеих странах беспрепятственный доступ к торговле сделал возможным возвышение

¹⁵ Классическое описание этого процесса см. в Douglass North and Barry Weingast, "Constitution and Commitment: The Evolution of Institutions Governing Public Choice in Seventeenth-Century England," *Journal of Economic History* 49 (1989): 803–832. См. также North, *Institutions*, 112–115. [Норт. Институты. С. 145–149.]

купечества, которое, набрав силу, в союзе с землевладельцами ограничило притязания монархии¹⁶. В своем очерке мировой экономической истории (John Powelson, *Centuries of Economic Endeavor*) Джон Пауэлсон отмечает сходный процесс распыления власти в результате возвышения прежде бессильных групп, формирующих горизонтальные союзы и договаривающихся с властвующей элитой о дополнительных свободах.

Этой истории можно придать и совсем уж мрачный вид, если припомнить случайные факторы, сыгравшие ключевую роль в успехе либеральной демократии: наследие древнегреческих городов-государств; грубая демократичность и индивидуализм скандинавских завоевателей; разделение власти между церковью и государством; особенности протестантизма; география, побуждавшая европейские страны к соперничеству, но препятствовавшая их слиянию в рамках мощной империи, и т.п. Аналитики выделили и столь же случайные обстоятельства, воспрепятствовавшие движению к либерализму. Например, был выдвинут весьма правдоподобный аргумент, что рост экономической свободы на Ближнем Востоке прекратился из-за ряда вроде бы малозначительных обстоятельств — эгалитарного правила наследования в равных долях, квазиблаготворительного института вакфов* и отсутствия в традиционном праве места для корпоративной организации¹⁷.

Если подходить к делу более оптимистично, превосходство либеральной демократии над альтернативными режимами никогда не было столь значительным, как в наши дни. Предприниматели имеют возможность производить перемены, соединяя интеллектуальные, природные и финансовые ресурсы, разбросанные по всему миру, при этом они зачастую используют форму сложных, широкомасштабных и долговременных предприятий — но все это возможно только в условиях верховенства права. Пожалуй, никогда прежде принцип верховенства права не давал столь высокой отдачи¹⁸.

¹⁶ Acemoglu, Johnson, and Robinson, 66—72.

* Имущество, отданное на религиозные и благотворительные цели, не отчуждаемое и не облагаемое налогами. — *Прим. перев.*

¹⁷ Timur Kuran, "Why the Middle East is Economically Undeveloped: Historical Mechanisms of Institutional Stagnation," *J. of Econ. Perspectives* 18, no. 3 (Summer 2004): 71—90.

¹⁸ См.: Nye, 121—142.

Наконец, вопрос о складе ума решается «каскадной» теорией, утверждающей, что люди обладают немалой, хотя здесь много разнообразия, склонностью подстраиваться при выражении своих мнений под принятые или преобладающие вокруг них, иногда из страха перед государством, но чаще просто из нежелания выделяться. Когда преобладающая точка зрения перестает соответствовать реальности, вначале лишь немногие берут на себя риск бросить вызов ортодоксии. Но с каждым новым открыто выступившим риск показаться чудаком уменьшается, так что уже и чуть менее смелым людям становится легче высказываться. И так далее. Если изменение точек зрения, критически важных для успеха либеральной демократии, происходит таким же образом, тогда не столь уж трудно провести необходимые изменения.

В любом случае, если Норт прав (а его анализ вроде бы исходит из весьма реалистичного понимания человеческой природы), то столыпинские реформы можно рассматривать как аномалию. Они явно не были непосредственным ответом на требования крестьян о приватизации их земельных наделов. Царь и поддержавшие реформу слои дворянства испытывали определенное давление, но оно не было направлено на приватизацию крестьянских наделов. Тем не менее они приступили к приватизации, и это решение в значительной мере было добровольным. Получается, что эти реформы представляли собой тот редкий случай, когда правящие элиты добровольно ослабляют себя тем, что наделяют других защищенной законом частной собственностью? Или это было жульничество, т.е. частная собственность была передана, а сопутствующий доступ к политическому влиянию, необходимому для ее защиты, предоставлен не был? Или, возможно, это пример реформ, не открывающих прямого пути к либеральной демократии, но только лишь закладывающих семена будущих преобразований?

Либерализация прав собственности в царской России

В 1906 г. государство Российское не было либерально-демократическим, хотя, пожалуй, оно было не столь уж далеко от этого идеала, как принято думать. В начале июля 1906 г., когда Столыпин стал премьер-министром, Российская империя

жила в соответствии с Основными государственными законами (примерный аналог конституции), которые царь Николай II провозгласил 23 апреля 1906 г. под воздействием революции 1905 г. Этот закон создал законодательное собрание (Думу), избранное на основе избирательного права пусть и не совпадающего с идеалом «один человек — один голос», но по крайней мере гарантировавшего, что все существенные интересы были представлены — впервые в истории России. Однако этот закон оставил исполнительную власть в руках царя и его министров (не подотчетных Думе), а также оставил царю определенные законодательные полномочия. Даже там, где Дума могла проявлять законодательную инициативу (совместно с невыборным Государственным Советом), на ее решения могло быть наложено царское вето, которое, однако, можно было преодолеть. Хотя постоянные судьи назначались пожизненно, некоторые политические преступления находились в юрисдикции административных органов, а не судов, а судебные решения Сената, гибридного судебно-исполнительного органа власти, во многих случаях осуществлявшего роль высшей судебной инстанции, могли быть отменены царем¹⁹. Хотя и можно сказать, что правительство Российской империи медленно продвигалось от самодержавия к конституционной монархии, путь ему предстоял неблизкий.

Это что касается несовершенства представительной демократии. Либерализм, если следовать моему определению, также был недоразвит. Отчасти это было связано с недоразвитостью крестьянских прав собственности на наделную землю, которая составляла подавляющую часть принадлежавших крестьянству земель и примерно половину всех сельскохозяйственных земель страны²⁰. Гражданское общество было слабым, хотя уже повсюду действовали всевозможные союзы и ассоциации. Другие права собственности, не относившиеся к наделной земле, также были слабы; бизнес зачастую сильно зависел от государственных подрядов, разрешений, ассигнований и покровительства.

¹⁹ George L. Yanee, *The Systematization of Russian Government* (1973), 327. См. также: *ibid.*, 205—220, 237, 250—251, 259—260, 301—302, 382). К числу «постоянных» судей не относились судьи волостных судов, о которых речь будет ниже, и члены самого Сената.

²⁰ См.: Geroid T. Robinson, *Rural Russia Under the Old Regime* (1969), 268.

Возможно, именно православие сделало господствующий образ мыслей более враждебным к либеральной демократии, особенно в сочетании со склонностью некоторых русских подчеркивать отличия от Запада. «Славянофильская идеология, — пишет специалист по капиталистическому развитию России в XIX в., — всегда порицала легализм и его последствия — частную собственность, политический либерализм, конституционное правление и индивидуализм — как чрезмерно безличные и чуждые духу православия, приверженного идеям смирения, соборности и подчинения народа мудрому правлению самодержавного царя»²¹.

Столыпин занял пост премьер-министра именно в тот момент, когда царь — с согласия Столыпина — распустил первую Думу. Она была распущена в строгом соответствии с законом, но по причинам, которые не сулили ничего хорошего либеральной демократии. Оказалось, что невозможно придумать такого законодательного предложения, затрагивающего положение крестьянства, которое оказалось бы приемлемо и для царя, и для любого мыслимого большинства Думы. В Думе невозможно было составить большинство, которое согласилось бы открыть крестьянам доступ к тому, что, с нашей точки зрения, представляет собой всего лишь обычные права собственности на землю.

Крестьянские представители — социалисты-революционеры (эсеры) и поддерживавшие их трудовики — стремились к масштабному перераспределению земли, точнее говоря, к тому, чтобы все частные сельскохозяйственные земли, не принадлежавшие крестьянам (а в 1905 г. таковые составляли половину крестьянских земель), были разделены между крестьянами²². Но

²¹ Thomas C. Owen, *Dilemmas of Russian Capitalism: Fedor Chizov and Corporate Enterprise in the Railroad Age* (2005), 198.

²² Robinson, 268—269. Если оставить в стороне государственные земли и земли царской семьи, значительная часть которых была сравнительно непригодна для хозяйственной эксплуатации, крестьянство владело примерно 63% сельскохозяйственных земель, а некрестьянской частью владели все остальные. Более подробно об этом см. в гл. 3. К 1914 г. преобладание крестьянской земельной собственности существенно усилилось. См.: Robinson, 270—272. По ряду причин результаты расчетов у разных авторов не сходятся, но можно считать, что крестьянские владения выросли до 170,5 млн десятин, а некрестьянские (учитывая те же самые категории не-

если бы их идеи восторжествовали, крестьяне не получили бы защищенных прав собственности и в стране не сформировался бы обычный рынок земли. В любом случае никакой компенсации за отнятую землю прежним владельцам не предполагалось.

Господствующей в Думе партией были конституционные демократы, или кадеты, которых не без оснований считали «цветом русской интеллигенции»²³. Партия состояла преимущественно из юристов, профессоров, журналистов и квалифицированных специалистов, т.е. из людей, которые вроде бы должны были придерживаться либеральной программы. И в известном смысле так оно и было. Они решительно выступали против некоторых совсем нелиберальных мер, предпринятых Столыпиным, прежде всего против военно-полевых судов, которые были созданы для борьбы с грабежами и убийствами в сельской местности и делали свое дело прямо и просто — четыре дня от обвинения до казни.

Но для любого проекта превращения большинства русского населения, крестьянства, в полноправных граждан, необходимых для либеральной демократии, кадеты были совершенно бесполезны. Отчасти из верности принципу «слева у нас врагов нет» они даже не пытались вскрывать пороки в предложениях, выдвигавшихся левыми (и, разумеется, в своих собственных). А их собственная земельная программа также предполагала конфискацию дворянских земель, хоть и с выплатой некоторой компенсации, но отнюдь не по рыночной стоимости.

В Думе реформу Столыпина поддерживали только представители дворянства. Но даже при том что у курии землевладельцев представительство было пропорционально более высоким, чем у всех остальных, дворянские представители не могли составить большинства.

крестьянских собственников, что и в расчетах за 1905 г.) сократились до 71,3 млн десятин, т.е. соотношение стало 70% и 30%.

За период 1907—1914 гг. ссуды Крестьянского банка на выкуп крестьянами земли у дворян позволили крестьянам купить примерно 19,5 млн десятин. George L. Yaney, *The Urge to Mobilize: Agrarian Reform in Russia, 1861—1930* (1982), 159. Дороти Аткинсон [Dorothy Atkinson, *The End of the Russian Land Commune, 1905—1930* (1983), 83—84] приводит примерно те же цифры.

²³ Дякин В. С. Был ли шанс у Столыпина? // Государственная деятельность П. А. Столыпина: сборник статей / Отв. ред. Н. К. Фигуровская и А. Д. Степанский. 1994. С. 18.

Да и за пределами Думы картина была столь же малообещающей. Казалось, что крестьяне равнодушны к идее реформы, направленной на предоставление им защищенных прав собственности на землю. Они бунтовали, захватывали землю и жгли дворянские усадьбы, но интересовало их только увеличение площади своей земли, а не надежность личных прав на ту землю, которой они уже владели.

Но хотя крестьяне не оказывали политической поддержки реформе прав собственности, многие из них громко жаловались на ситуацию, изменить которую могла только реформа. Они были крайне недовольны, например, тем, что не могли получить банковскую ссуду, а для того, чтобы помочь делу, достаточно было сделать их землю отчуждаемой, так чтобы банк мог принять ее в обеспечение кредита, но ведь это и было целью реформы прав собственности. Кроме того, крестьяне много и бойко говорили о неудобствах чересполосицы — иногда полосы оказывались настолько узкими, что на них даже борону нельзя было пустить²⁴, а система отрубов и хуторов превосходно решала эту проблему. Более того, как мы увидим при обсуждении политики реформ, данные опросов свидетельствуют, что значительная часть крестьян была готова выйти из общины, а выдвигавшиеся ими резоны сегодня одобрил бы любой грамотный экономист²⁵.

В следующей главе мы подробнее познакомимся с особенностями крестьянских прав собственности на наделенную землю и попытаемся оценить, как эти особенности могли препятствовать крестьянской зажиточности и росту либерализма.

²⁴ Сенчакова Л. Т. Крестьянские наказания и приговоры, 1905—1907 гг. // Деревня в начале века: революция и реформа / Под ред. Ю. Н. Афанасьева. 1995. С. 50, 51.

²⁵ См. главу 4 и обсуждение данных опроса, проведенного в 1902 г., приводимых в: Чернышев И. Крестьяне об общине накануне 9 ноября 1906 г.: К вопросу об общине. СПб., 1911.

Глава 2

ПРАВА СОБСТВЕННОСТИ, ПОДЛЕЖАВШИЕ РЕФОРМИРОВАНИЮ

«Реформа» имеет смысл только при наличии проблемы. А проблема была, и чтобы понять ее, нужно проанализировать особенности общинных полей, переделов и семейной собственности, а также некоторые теории их происхождения. Если в них проявляются некие почти неизменные свойства русского характера, тогда предложенные Столыпиным меры просто наивны, но ссылка на характер крайне неубедительна. Поэтому нужно задуматься о том, что раз все эти вещи вели к серьезным потерям производительности, то почему, спрашивается, если эти потери были существенными, крестьяне сами не принимали мер для исправления положения, почему они не прибегали к добровольным обменам между собой или между собой и общиной. Наконец, в этой главе рассмотрен ряд более общих вопросов о крестьянском складе ума, о сплоченности крестьян и об их точке зрения на некоторые основные атрибуты современности, такие как собственность и закон.

Общинные поля

Общинные поля представляли собой смешение индивидуальной и коллективной собственности: каждая отдельная полоска имела своего хозяина, но операции по обработке нуждались в общей координации и осуществлялись коллективными усилиями¹.

---

¹ Поскольку в России таких порядков уже нет, изложение ведется в прошедшем времени. Но подобные практики до сих пор существуют в других местах. См.: D. N. McCloskey, "The Persistence of the English Common Fields," in *European Peasants and their Markets*, eds. W. N. Parker and E. L. Jones (1975), 91.

К тому же каждой семье принадлежало множество таких полосок на разных полях. Хотя эти две черты — чересполосица и смесь личного и коллективного контроля — концептуально независимы, в реальности они всегда выступали рука об руку.

Сочетая контроль личный и коллективный, общинные поля позволяли крестьянам использовать одни и те же земли для разных видов деятельности. Выпас скота производился на больших полях, что избавляло от расходов на огораживание и на присмотр за скотом. Между тем отдельные крестьянские семьи вспахивали небольшие полоски земли². Чтобы земля использовалась эффективно, общине нередко приходилось нормировать выпас, поскольку только так удавалось предотвратить «трагедию общинных выпасов», т.е. ухудшение качества пастбищ из-за чрезмерного количества скота, при том что вся выгода достается хозяевам, имеющим больше всего голов скота. Можно, например, привязать число животных в семейном владении к площади ее пахотной земли. Но даже если найдено решение проблемы общинных выпасов, остается проблема с обрабатываемой землей, поскольку каждая семья должна скосить хлеб к тому дню, когда мир решил выгонять скот на поле³. А если для выпаса использовался черный пар, то коллективным было даже решение о том, в какие годы его возделывать. Но поскольку крестьяне долго и упорно придерживались системы общинных полей, можно сделать вывод, что во многие периоды времени и во многих местах им было выгодно подчиняться коллективным решениям о севообороте, времени посева и сбора урожая.

² См. в гл. 7 о различиях в расходах на огораживание и о возможном влиянии этого на скотоводство. David Kerans, *Mind and Labor on the Farm in Black-Earth Russia, 1861–1914* (2001), 331–334.

³ David Moon, *The Russian Peasantry, 1600–1930: The World the Peasants Made* (1999), 222. См. также: Robert Pepe Donnorummo, *The Peasants of Central Russia: Reactions to Emancipation and the Market, 1850–1900* (1987), 15 (речь идет об использовании одного из трех полей в трехпольной системе для коллективного выпаса скота); Дякин В. С. Был ли шанс у Столыпина? // Государственная деятельность П. А. Столыпина: сборник статей / Отв. ред. Н. К. Фигуровская и А. Д. Степанский. 1994. С. 23 (анализ деятельности, в которой коллективный контроль полезен, и деятельности, в которой он останавливает прогресс).

Таблица 2.1

Распределение крестьян по дробности их наделов

Доля крестьян, надел которых дробится на соответствующее число полос	Число полос
4,6%	10 или меньше
10,5%	11—20
32,9%	21—40
25,6%	41—60
19,6%	61—100
7,7%	Более 100

Однако сочетание коллективизма и индивидуализма имеет смысл только при определенных обстоятельствах. Элеонора Остром утверждает, что коллективное использование ресурса бывает выгодно, когда «1) стоимость продукции на единицу земли невысока; 2) частота, или надежность использования, или урожайность невелика; 3) возможность улучшений или интенсификации низка; 4) для эффективного использования нужна большая территория; 5) для капиталовложений нужен сравнительно большой коллектив»⁴. Приводимые ею примеры успешного управления общим ресурсом включают рыбные тони, ирригационные проекты, подземные запасы воды и высокогорные луга. Примечательно отсутствие той формы интенсивного выращивания зерна, которая получила распространение в России.

Хотя это сочетание — когда деревенское стадо пасется вместе, но каждая семья обрабатывает свою землю отдельно — понять еще можно, куда труднее объяснить следующую особенность: земельный надел каждой семьи дробился на полоски на разных полях. Табл. 2.1, например, показывает, на какое число полос дробился крестьянский надел в северных и центральных губерниях России⁵. (Я согласен с высказыванием, что экономисты используют знаки после запятой, чтобы продемонстрировать

⁴ Elinor Ostrom, *Governing the Commons: The Evolution of Institutions for Collective Action* (1990), 63.

⁵ George P. Pavlovsky, *Agricultural Russia on the Eve of the Revolution* (1968), 82, п. 1. Относительно владений с 10 и менее полосками см.: Шмелев Г. И. Аграрная политика и аграрные отношения в России в XX в. М., 2000. С. 35—36. В сумме получается более 100%, по-видимому, из-за округления.

Таблица 2.2

Расстояние от деревни до самого дальнего поля

Доля крестьянских хозяйств, у которых самые удаленные полоски располагались на соответствующем расстоянии	Расстояние (в верстах = 1,0668 км) от деревни до самого удаленного поля
5,3%	1
7,4%	От 1,1 до 3
11,5%	От 3,1 до 5
38,7%	От 5,1 до 10
37,1%	Более 10 верст

свое чувство юмора. Здесь и в других местах я делаю то же самое не потому, что верю в точность этих цифр, но потому что так сделано в источниках, которыми я пользовался.)

Когда семейный надел невелик, дробление его означает, что полоски получаются очень узкими (нередко всего 1,5 ярда в ширину⁶), — так что на них и упряжку с плугом развернуть было невозможно⁷. При большом количестве полосок расстояние между ними бывало очень немалым. Табл. 2.2 показывает, на каком расстоянии от деревни находились самые удаленные поля⁸.

Эти расстояния поглощали уйму времени. Таблица показывает, что медиана расстояния до самого дальнего участка составляла от 5,1 до 10 верст или от 5,5 до 10,7 км. В 1913 г., по оценке специалистов Главного управления землеустройства и земледелия, чтобы добраться до участка, находящегося в 6400 м от крестьянской избы — т.е. чуть ниже медианы расстояния, — тратилось примерно столько же времени, сколько и на саму работу⁹. В некоторых районах крестьяне сократили

⁶ Peter I. Lyashchenko, *History of the National Economy of Russia to the 1917 Revolution*, trans. L.M. Herman (1949), 444. [См.: Лященко П. И. История народного хозяйства СССР. Т. 1. М., 1939.]

⁷ Kerans, 328.

⁸ Pavlovsky, 82, п. 2. См. также: Анфимов А. М. Крестьянское хозяйство европейской России 1881—1904 гг. М., 1980. С. 84.

⁹ Тюкавкин В. Г. Великорусское крестьянство и столыпинская аграрная реформа. М., 2001. С. 207. Приходится предположить, что либо крестьяне очень медленно ходили (на 4 мили нужно чуть более часа, если только пешеход не тащит на себе тяжелый плуг), либо у них был очень короткий рабочий день (включая время на

потери времени за счет того, что посещали самые отдаленные участки только дважды в год — один раз, чтобы взрыхлить землю и засеять ее, и второй — для сбора урожая¹⁰.

Какое-то время историки объясняли чересполосицу страстью к равенству¹¹. Но это объяснение не соответствовало явлению. Самый наглядный факт — не было никакой нужды дробить земли каждой семье для уравнивания ценности этих земель. Позднее ученые обратились к идее эффективности. Макклоски в ряде статей пытался доказать, что чересполосица давала каждой крестьянской семье страховку от опасностей, связанных с местоположением поля. «Стаи птиц и рои насекомых опустошают поля точно»¹². Поскольку риск потерять урожай из-за вредителей, засухи, холода или жары зависит от местоположения (низины, например, особенно страдают от сильных дождей), раздробление земли позволяло каждой семье получить «портфель», сбалансированный по риску. Когда земля раздроблена, семья больше защищена от голода из-за превратностей природы. Мы ведь платим за страховку, защищающую нас от риска для жизни и имущества, так и крестьяне могли терпеть неудобства, создаваемые раздробленностью земли и чересполосицей, ради защиты от голода¹³.

Распространенность практики раздробления крестьянских земель в России может служить косвенным основанием предложенной Макклоски теории страхования: чем больше регион отличался разнообразием качества почв и ландшафта (и соответственно чем больше был потенциал диверсификации риска с помощью раздробления земли), тем больше было число полос¹⁴. Так, в нечерноземных районах почвы разнообразнее,

---

ходьбу туда и обратно). См. в главе 7 обсуждение спора об источнике Тюкавкина. Более подробно о потерях времени на дорогу см.: Kerans, 325—327, 342—343.

¹⁰ Кофод К. А. 50 лет в России (1878—1920). М., 1997. С. 44.

¹¹ McCloskey, "The Persistence of the English Common Fields," 93—99 (отвергает логику стремления к равенству). Из последних объяснений этого через стремление к равенству см.: Kerans, 323 («общинные поля... держатся стремлением к равенству»), 329.

¹² D. N. McCloskey, "English Open Fields as Behavior Toward Risk," in *Research in Economic History*, ed. Paul Uselding (1976), 114, 146.

¹³ Ibid., *passim*.

¹⁴ Lazar Volin, *A Century of Russian Agriculture: From Alexander II to Khrushchev* (1970), 89—90.

чем в черноземных, и уровень раздробленности земли был выше. Но модель России свидетельствует против теории Макклоски. Именно в нечерноземных районах (где чересполосица была наибольшей) крестьяне в большей степени участвовали в несельскохозяйственной деятельности, но ведь вовлеченность в сложный рынок труда давала достаточную защиту от всяких невзгод и *ослабляла* потребность в чересполосице как инструменте защиты от риска.

Смит, сторонник другого объяснения, выявил и другие несообразности в теории Макклоски. В числе прочего он показал, что колебания погоды от года к году не столь значительны, как предполагает теория; кроме того, можно было обратиться к другим формам страхования, например хозяин поместья мог бы изменять ежегодные сборы в соответствии с урожайностью, но тогда чересполосица должна была бы быть меньшей там, где такие лендлорды были, чем там, где таких лендлордов не было, тогда как на самом деле имело место обратное (в Англии, которая была главным предметом исследований Смита)¹⁵.

Смит рассматривает чересполосицу как инструмент контроля стратегического поведения в управлении пастбищами. Выпас скота — это и благо и ущерб для земли, которая используется и как пашня. Навоз — это плюс, вытаптывание — минус. Если бы земля была нарезана едиными участками, пастух мог бы искать своей выгоды, так чтобы навоза на его участок попадало побольше, а в сырую погоду, когда велик риск вытаптывания, отгонял бы скот на другие участки. Чтобы пресекать такие трюки пастуха, за ним нужно следить, а это накладно. Чересполосица же делает такие трюки практически невозможными.

Смит не только указывает на слабости в теории Макклоски, но и опирается на тот факт, что чересполосица была распространена там, где землю попеременно использовали как пашню и как пастбище (также в Англии). Хотя в соответствии с теорией страхования можно было бы ожидать, что чересполосица преобладала там, где землю использовали только для пахоты, а не там, где ее использовали попеременно как пашню и как пастбище, что само по себе обеспечивает диверсификацию крестьянского «портфеля», в действительности чересполоси-

¹⁵ Henry E. Smith, "Semicommon Property Rights and Scattering in the Open Fields," *J. of Leg. Stud.* 29 (January, 2000): 131, 154–157.

ца совершенно отсутствовала в первом случае и была распространена во втором¹⁶.

Нам нет необходимости делать выбор между этими теориями, потому что обе они поддерживают два вывода, существенные для наших задач. Во-первых, чересполосица не является надежным свидетельством того, что русские как-то особенно привержены равенству или перераспределению, что сделало бы практически невозможным переход к настоящей частной собственности на землю. *Некоторое* стремление к социально-организованному перераспределению, вероятно, прочно сидит в человеке. Правдоподобно предположение, что в коллективах охотников-собирателей, где во многом и сформировалась человеческая природа, умеренные формы перераспределения давали группе преимущество перед другими группами, в которых никакого перераспределения не практиковалось. Первые должны были получать выгоду от выживания семей, в которых охотника временно преследовали неудачи. И плата за это была невелика: удачливый охотник все равно не мог подолгу сохранять добытое мясо, а усердным членам группы было не трудно выявлять увиливание от дележки и принуждать к честной взаимности. А родственные связи между дающими и принимающими помогали сделать такое перераспределение генетически выигрышной стратегией¹⁷. Но поскольку функция чересполосицы не имеет отношения к равенству и перераспределению, ее присутствие в истории России не может служить свидетельством какой-либо особой склонности к эгалитаризму, которая могла бы сделать защищенные права собственности как-то особенно неподходящими для России.

Во-вторых, если прав Смит или Макклоски (или истина где-то посередине), то модернизация, по-видимому, может

¹⁶ Smith, 156. Вернее, это то, что Смит обнаружил в истории Англии. Мне неизвестны попытки оценить в случае России взаимосвязь между чересполосицей и чередованием пашни и пастбища на одном поле, но похоже, что после жатвы «стерня» «как правило, использовалась для выпаса деревенского скота». Volin, 91; Moon, 222.

¹⁷ Paul H. Rubin, *Darwinian Politics: The Evolutionary Origin of Freedom* (2002), 66–67. См. также: Richard A. Posner, “A Theory of Primitive Society, with Special Reference to Primitive Law,” *J. L. Econ.* (1980): 1, 32–34; Kristen Hawkes, “Why Hunter-Gatherers Work: An Ancient Version of the Problem of Public Goods,” *Current Anthropology* 34 (1993): 341–361.

уменьшить привлекательность чересполосицы. В случае успеха модернизации открывается доступ к альтернативным формам страхования, включая и собственно страхование урожая. Когда улучшается технология, снижаются издержки на долгосрочное хранение продукции. Когда улучшается транспортная сеть, регион, способный вывозить зерно, начинает процветать, а по мере улучшения коммуникаций и монетизации экономической жизни развивается способность быстро мобилизовывать запасы продовольствия.

Кроме того, модернизация изменяет издержки и выгоды, предполагаемые теорией Смита. Отделение пашни от пастбища — это форма специализации земли, делающаяся более распространенной по мере расширения рынка, в связи с чем у всех производителей возникает нужда в более усовершенствованных ноу-хау или оборудовании¹⁸. Вместе с этими изменениями начинает возрастать напряженность в соединении двух форм эксплуатации земли и, разумеется, развиваются две культуры (индивидуальная обработка небольших участков земли и выпас большого общинного стада), т.е. все происходит примерно так же, как при возникновении напряжений в управлении [промышленным] конгломератом. Смит обнаружил, что в Англии новые культуры, клевер и турнепс, дали возможность отказаться от выпаса овец на скошенных полях¹⁹. Сопровождающая модернизацию специализация и в России вызовет споры о соотношении выгод и издержек²⁰.

¹⁸ Smith 160; см. также: Carl J. Dahlman, *The Open Field System and Beyond: A Property Rights Analysis of an Economic Institution* (1980), 179—180.

¹⁹ Smith, 160.

²⁰ Яни склонен предполагать, что выпас скота на скошенных полях эффективен даже в современных условиях, и указывает на явный успех немецкого профессора Отто Шиллера, по предложению которого в 1941—1943 гг. в СССР на территории, оккупированной германской армией, была воссоздана система выпаса скота по жнивью. George L. Yaney, *The Urge to Mobilize: Agrarian Reform in Russia, 1861—1930* (1982), 167. См.: Otto Schiller, "The Farming Cooperative: A New System of Farm Management," *Land Economics* 27 (1951): 1. Но Шиллер не оставляет ни малейших сомнений, что Рейх (забавный пример для подражания!) обратился к его системе как к временному решению, когда из-за острой нехватки техники в условиях военного времени невозможно было перейти к системе устойчивой специализации земель и выходом стало предложение

Короче говоря, скорее всего в России, как и везде, чересполосица (система открытых полей) служила утилитарным целям и была вполне совместима с индивидуализмом западного уровня, но технологические и экономические изменения постепенно понизили выгоды этой системы и увеличили соответствующие издержки.

Переделы

Чересполосица предполагает существование общины. Поскольку индивидуальная обработка сезонно перемежается с общим выпасом, необходимо коллективное управление последним. Но даже если нет общего выпаса, нарезка земли узкими полосками требует координации вспашки, посева и пр. И в этой коллективной организации крестьянского сельского хозяйства Россия не отличалась от Западной Европы, за исключением того, что ее размывание здесь задержалось. Но Россия внесла свою специфику. Существовало два вида общин: наследственные, где право собственности передавалось семье, как в Западной Европе²¹, и передельные, в которых земля подлежала регулярному переделу. Передел мог осуществляться по-разному, но главной его целью было обеспечить соответствие между количеством земли и трудовым потенциалом семьи²².

дать крестьянам стимулы, которых они не имели в колхозах. Ibid., 1—3. Шиллер в восторге от результатов, но не приводит количественных данных. Если исходить из лучших предположений, этот эпизод напоминает о том, что есть тысячи способов организовать катастрофу и что навязывание правительством какой-либо единственной модели — это дело рискованное. Далее станет ясно, что столыпинская реформа во многих отношениях не имела отношения к подобному навязыванию кабинетных решений.

²¹ Alan Macfarlane, *The Origins of English Individualism: The Family, Property and Social Transition* (1979), 23—24.

²² Сходные системы преобладают в некоторых районах Африки и по сей день: семьи имеют право на использование земли, но старейшины могут перераспределять землю, чтобы поддерживать примерно постоянное соотношение между землей и трудовым потенциалом семьи. Утверждают, что старейшины неплохо справляются с этим делом, по крайней мере там, где земля еще не стала товаром, потому что после этого возникают разного рода злоупотребления. См.: Jean Ensminger, "Changing Property Rights: Recounting Formal and Informal Rights to

Этот потенциал могли подсчитывать исходя из числа взрослых работников обоих полов или числа мужчин любого возраста (при этом подростка могли учитывать как часть взрослого работника)²³. По крайней мере в некоторых передельных общинах брак давал право на земельный надел, что послужило распространению очень ранних браков²⁴. Переделу не подлежали крестьянские жилища и небольшие приусадебные участки, которые составляли наследуемое имущество даже в передельных общинах, а также исключительно общинные ресурсы, такие как охотничьи угодья, рыбные тони и права на заготовку дров. В период между освобождением крепостных и началом столыпинских реформ передел мог осуществиться только по решению двух третей участников общинного схода.

Как и в случае с чересполосицей, есть определенная тенденция объяснять переделы следствием природного стремления к равенству. В данном случае такое объяснение хотя бы правдоподобно: передел действительно вел к уравниванию земельной собственности — по крайней мере по тому критерию, которого придерживалась община. Переделы осуществлялись в ущерб подходам, которые могли бы способствовать повышению производительности: ведь можно было либо узаконить права собственности и торговлю землей, либо, возможно, административно вознаграждать более высокую производительность. При первом подходе крестьянин имел бы право на всю землю, которая досталась ему по наследству, плюс на все то, что он сумел получить в дар, купить или выменять. Такой подход поддерживал бы рост производительности косвенным образом, поскольку семьи, способные повышать урожайность, могли бы скупать землю у менее умелых или энергичных. При втором подходе (должен сказать, чисто теоретическом) администрация непосредственно вознаграждала бы за лучшие урожаи и столь же непосредственно наказывала за плохие.

Land in Africa," in *Frontiers of the New Institutional Economics*, eds. John N. Drobak and John V. C. Nye (1997), 165—196.

²³ Geroid T. Robinson, *Rural Russia Under the Old Regime* (1969), 35; Moon, 211—212; Francis Marion Watters, *Land Tenure and the Financial Burdens of the Russian Peasant, 1861—1905* (1966), 144—245; Jerome Blum, *Lord and Peasant in Russia from the Ninth to the Nineteenth Century* (1961), 512—513.

²⁴ Steven L. Hoch, *Serfdom and Social Control in Russia: Petrovskoe, a Village in Tambov* (1986), 116—117.

Тем не менее было бы чрезмерной поспешностью утверждать, что передел свидетельствовал об эгалитарности крестьян. Данные хоть и неполны, но можно предполагать, что переделы возникли в ответ на подушный налог, введенный Петром Великим, который впервые был собран в 1724 г. и ликвидирован в 1887 г.²⁵ Переделы получили широкое распространение только в середине XVIII в.²⁶ Распространению переделов способствовало и повышение плотности сельского населения. До введения подушного налога общины, нарезая землю новым семьям, не трогали при этом уже существовавшие хозяйства, а использовали ничейную землю²⁷. Когда плотность населения увеличилась, чтобы дать землю А, приходилось ее забирать у Б. Кроме того, Петр радикально увеличил общее налоговое бремя и, таким образом, усилил влияние налогов на крестьянское хозяйство²⁸. В связи с этим можно рассматривать переделы как ответ общины на проблему нехватки земли и повышение налогового давления государства, как ответ на решение государства установить подушный налог. Кроме этого, временами государство само поощряло эту практику, требуя проведения переделов не только на государственных и удельных землях, но принуждая к этому и помещичьих крестьян, поскольку считалось, что так можно повысить доходы казны²⁹.

Географическое распределение передельных общин также указывает на то, что переделы, хотя бы отчасти, были ответом на государственную налоговую политику. Только в 1783 г. или позже Россия распространила подушный налог на Восточную Украину³⁰, на украинских крестьян в русских губерниях,

²⁵ Moon, 80; Blum, 464.

²⁶ Moon., 213—215. Петрович отмечает, что практику переделов связывают с подушным налогом главным образом в силу отсутствия письменных свидетельств о переделах до введения этого налога. Michael B. Petrovich, "The Peasant in Nineteenth-Century Historiography," in *The Peasant in Nineteenth-Century Russia*, ed. Warne S. Vucinich (1968), 210.

²⁷ Ср.: Moon, 211 и Moon, 213—215.

²⁸ Ibid., 215.

²⁹ См.: *Пушкарев С.* Крестьянская поземельно-передельная община в России. Newtonville, 1976, особенно части I и III.

³⁰ Россия присоединила восточную Украину, или так называемую «левобережную Украину» (т.е. часть Украины на левом берегу

а также на белорусские, литовские и балтийские губернии³¹. Буквально во всех этих регионах практика переделов совсем не прижилась или была незначительной³². Карта и табл. 2.3 содержат данные о географическом распространении переделных общин.

Хотя система «эгалитарного» распределения, судя по всему, возникла под давлением подушного налога, логической связи между ними нет. Далеко не факт, что эгалитарное распределение земли — это лучший способ примирить запросы фискального ведомства с собственными потребностями общинных крестьян. Ведь только из-за того, что государство требовало уплаты определенной суммы налога с каждой головы, община не была обязана иметь соответствующую этому систему налогообложения и распределения земли между общинниками. Государство требовало от общины уплаты налога за каждого, но право разверстывать налог оно предоставляло либо самой общине, либо — перед освобождением крепостных — помещику³³. Община имела возможность распределять землю из соображений максимизации производительности (скажем, просто закрепив права частной собственности и разрешив свободный обмен землей),

---

Днепра, если следовать на юг по течению), вместе со Смоленском в 1667 г. по условиям заключенного с Речью Посполитой Андрусовского перемирия. См.: John Channon and Rob Hudson, *The Penguin Historical Atlas of Russia* (1995), 50—51. Остальная Украина была присоединена в 1793 г. на основании второго договора о перемирии с Польшей. Ibid., 52—53.

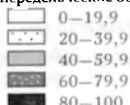
³¹ Moon, 80, 215.

³² Ibid. Оуэн говорит, что в Белоруссии только 25—50% земель были наследуемой собственностью. Launcelot A. Owen, *The Russian Peasant Movement, 1906—1917* (1963), 57, но Дубровский перечисляет шесть губерний — Могилевскую, Витебскую, Виленскую, Ковенскую, Гродненскую и Минскую, — в которых 72,6% общин не знали переделов (Дубровский С. М. Столыпинская земельная реформа. М., 1963. С. 570—573 [см. табл. 2.3]). Расхождение возникло, возможно, из-за того, что Оуэн отнес Смоленскую губернию (в которой по данным Дубровского 99,4% крестьянских земель не знали переделов) к числу белорусских губерний.

³³ Dorothy Atkinson, "Egalitarianism and the Commune," in *Land Commune and Peasant Communism in Russia: Communal Forms in Imperial and Early Soviet Society*, ed. Roger Barlett (1990), 9; Dorothy Atkinson, *The End of the Russian Land Commune, 1905—1930* (1983), 8—9.

Процент семей, входивших
в передельские общины

* Переделы
не практиковались

Карту составил Билл Нельсон

Карта 2.1. Преобладание передельных общин по губерниям

Таблица 2.3

Географическое распространение передельных общин

ГУБЕРНИЯ	% СЕМЕЙ В ПЕРЕДЕЛЬНЫХ ОБЩИНАХ	ГУБЕРНИЯ	% СЕМЕЙ В ПЕРЕДЕЛЬНЫХ ОБЩИНАХ
Центрально - черноземный район		Юго - Западный край (или Правобережная Украина)	
Орловская	89,7	Волынская	0,25
Тульская	85,3	Подольская	0,4
Рязанская	97,4	Киевская	9,0
Тамбовская	97,0	Малороссия	
Курская	69,7	(или Левобережная Украина)	
Воронежская	98,6	Черниговская	51,5
Центрально - промышленный район		Полтавская	17,9
Тверская	99,0	Харьковская	93,2
Ярославская	99,8	Новороссия	
Костромская	100,0	(или Степная Украина)	
Калужская	99,7	Бессарабская	28,1
Московская	100,0	Херсонская	93,3
Владимирская	97,3	Екатеринослав - ская	99,2
Средне - Волжский район		Таврическая	92,1
Пензенская	96,5	Область войска Донского	100,0
Казанская	100,0	Нижневолжский район	
Нижегородская	99,6	Самарская	99,1
Симбирская	98,5	Астраханская	100,0
Саратовская	99,9	Оренбургская	100,0
Озерный район		Уральский район	
Санкт - Петер - бургская	97,8	Вятская	99,2
Олонецкая	98,2	Пермская	100,0
Псковская	100,0	Уфимская	97,8
Новгородская	99,9	Северный край	
Белоруссия		Архангельская	97,4
Ковенская	0,0	Вологодская	96,7
Витебская	53,0		
Гродненская	0,0		
Вильненская	0,0		
Минская	0,0		
Могилевская	80,5		
Смоленская	99,4		
ВСЕГО		76,7	

а затем установить для каждой семьи налог в форме постоянной или растущей доли получаемой ею продукции. Можно ли считать, что выбор механизма равномерного передела земли свидетельствует о стремлении к равенству? Сомнительно.

В конце концов, процесс передела начался в эпоху крепостничества. Крестьяне сами были собственностью частных землевладельцев (помещиков), российского государства (государственные крестьяне) или императорской семьи (удельные крестьяне)³⁴. Владельцы ведь имели возможность решить, нужно ли, чтобы подушному налогу соответствовало пропорциональное распределение земли. Исследовав крепостную деревню перед освобождением, Хох обнаружил, что управляющий имением делал именно это (в соответствии, видимо, с мнением самого помещика): требовал от общины, чтобы она распределила землю пропорционально числу работников в семье³⁵. Такой способ распределения мог обеспечивать приемлемую производительность (по меньшей мере сопоставимую с той, которую получали при неизменности наделов), но только при соблюдении следующих условий: если различия в умении и труде крестьян были сравнительно несущественны или просто их было трудно оценить заранее; если было трудно или невозможно получить экономию на масштабе производства; если долгосрочные вложения в улучшение собственности были не особенно прибыльны; и, пожалуй, самое важное, если свободный обмен землей между крестьянами был несовместим с властью помещика. При таких условиях тот факт, что крепостник выбирал эгалитарное перераспределение, очевидно соответствовавшее предпочтению государственной власти (именно такой порядок поддерживался в общинах государственных и удельных крестьян)³⁶, следовало бы объяснить простой алчностью. Можно без преувеличения сказать, что такая практика не больше свидетельствует об эгалитарности, чем «одинаковое» распределение заводчиком станков в заводском цехе³⁷.

³⁴ По состоянию на 1857 г. численность этих трех категорий крестьянства составляла соответственно 42%, 52% и 6%. См.: Moon, 99.

³⁵ Hoch, *Serfdom and Social Control in Russia*, 117–126. См. также: Moon, 217–218.

³⁶ Moon, 217–218.

³⁷ Ср.: Кабанов В. В. Крестьянская община и кооперация России XX века. М.: 1997. С. 145 («Эгалитаризм насаждался сверху помещиками и государством прежде всего как инструмент сбора

Из последовательности распространения переделов можно сделать вывод, что в тот период эта практика не оказывала негативного влияния на производительность. Крепостные повинности могли погашаться фиксированным количеством денег или натуральных продуктов, либо трудом. В случае «оброка» крепостной просто уплачивал помещику определенную сумму денег (в ранние периоды плата могла вноситься ремесленными изделиями или продуктами питания)³⁸, а в случае «барщины» он половину рабочего времени (скажем, три дня в неделю) работал на своем наделе на себя, а остальное время — на помещичьей земле, весь продукт которой доставался помещику. Естественно, что стимулы для упорного и изобретательного труда были больше в случае оброка, потому что весь дополнительный доход доставался крепостному. В результате оброк преобладал в тех районах, где производительность сельского хозяйства отличалась большей изменчивостью, а выгода от разумных экономических стимулов была наибольшей. Практика переделов закрепилась прежде всего в регионах с преобладанием барщины, а уж потом и там, где крестьяне сидели на оброке³⁹. Короче говоря, чем меньше в этом районе было значение стимулов повышения производительности, тем раньше в нем приживалась практика переделов, из чего следует, что и сами переделы были косвенной формой признания сравнительной несущественности экономических стимулов.

Далее, в тех областях, где несельскохозяйственное производство имело важное значение, а различия в индивидуальной производительности могли быть достаточно большими, помещики и общины зачастую выбирали менее равномерное распределение земли и налогов. В одной нижегородской деревне, например, налог на богатых крестьян составлял тридцать ставок подушного налога, а на бедных — только полставки, но зато и наделы богатых крестьян были пропорциональны их повышенным налогам⁴⁰.

платежей», цит. по: *Покровский Н. Н.* Мирская и монархическая традиция в истории российского крестьянства // *Новый мир.* 1989. № 9. С. 229).

³⁸ Moon, 70.

³⁹ Ibid., 218.

⁴⁰ Ibid., 209—209.

Но действительность была сложнее. Крестьяне, переселявшиеся в Сибирь или на другие приграничные территории и не знавшие над собой никаких помещиков, часто образовывали передельные общины. Возможно, они считали, что уравнительные переделы оправданы достаточно высокой производительностью земли, либо эта идея составляла «часть их культурного багажа»⁴¹. Но даже если все дело было в традиции, она возникла в ходе истории, в которой не имела никакого значения привязанность крестьян к идее равенства.

С окончанием крепостного права переделы стали менее регулярными, из чего следует, что силы, поддерживавшие эту практику, в основном выдохлись. Но нет согласия по вопросу о том, насколько именно они выдохлись. Тюкавкин указывает на свидетельства того, что, по состоянию на 1910 г., примерно 60% общин не знали переделов с момента окончания крепостного права, т.е. с 1861 г., но процесс был неравномерным, а в некоторых районах этап «выкупа» (см. ниже) начался только в 1883 г.⁴² Но есть и другого рода свидетельство. Обычно переделы основывались на данных переписи, а в период 1858—1897 гг. переписи не проводились⁴³, что и может служить объяснением затухания переделов в этот период. В выборочном обследовании, охватившем 400 общин центральных и средне волжских губерний, Вольное экономическое общество обнаружило, что более 90% общин провели передел за период с 1895 по 1910 г.⁴⁴

В жизни русской деревни были черты, способствовавшие поддержанию тех же мер уравнительного перераспределения, которые нам известны по обществам охотников-собирателей: число жителей не столь велико, чтобы усердным работникам трудно было выявить отлынивающих и принудить их к взаимности; члены семьи жили в пределах географической досягаемости; избыточную продукцию хранить долго трудно. Хотя все

⁴¹ Ibid., 220 (поддерживает вторую идею).

⁴² Тюкавкин. С. 171—174.

⁴³ В 1897 г. в Российской империи была проведена первая полная перепись населения. Но с 1678 г. проводились обследования для установления подворного налога, а с 1718 г. начались ревизии для установления подушного налога. Moon, 20.

⁴⁴ Atkinson, *The End of the Russian Land Commune*, 74—75. Ср.: Тюкавкин. С. 173—174 (доказывает, что после отмены крепостного права процент переделов был намного ниже).

это соответствует роли общины как покровительницы вдов, сирот и других своих членов, от которых временно отвернулась удача, все это слабо связано с переделами самой земли. Переделы проще всего объяснить существовавшей в России налоговой системой и системой сельского хозяйства, в которой ущерб, наносимый переделами производительности, был невелик. Повторим еще раз, что истоки и история переделов в России не свидетельствуют о наличии у крестьян глубоко укорененной враждебности к частной собственности и к рынку; скорее это был просто их ответ на исторические обстоятельства, который мог бы быть выбран и вполне индивидуалистическим народом.

Семейная собственность против личной

В России крестьянские наделы были собственностью скорее семейной, нежели личной⁴⁵. Это ограничение прав главы семьи до известной степени защищало женщин и маленьких детей, уменьшало их возможные потери в случае безответственного поведения мужа или отца. (Главные риски были далеко не ничтожны, поскольку лень и пьянство главы семьи

⁴⁵ Ст. 8 и 165 Положения о выкупе оставляют двойственность в вопросе о праве домохозяина на выкуп, поскольку не уточняют, может ли он действовать один и вопреки несогласию семьи и будет ли новое право собственности принадлежать ему лично. См. также: John Maynard, *The Russian Peasant and Other Studies* (1942), 56—57; Volin. 104 (сопоставляет положения закона от 14 июня 1910 г., установившие порядок приобретения и объединения земельных наделов домохозяином в передельческой общине с прежней практикой, когда при переделе земель наделялась семья); Teodor Shanin, *The Awkward Class: Political Sociology of Peasantry in a Developing Society: Russia 1910—1925* (1972), 220—225 (отмечает, что усилия законодателя сделать землю личной собственностью натолкнулись на сопротивление крестьян); Moon, 181 (полагает, что в законе об освобождении крестьян от 1861 г. «заложена» именно семейная собственность на землю, а не личная); Корелин А. П. Социальный вопрос в России в 1906—1914 гг. (Столыпинская аграрная реформа) // Государственная деятельность П. А. Столыпина: сборник статей / Отв. ред. Н. К. Фигуровская и А. Д. Степанский. 1994. С. 79 (ссылается на решения 1880—1890-х гг., расширившие права семьи за счет прав домохозяина).

в любом случае влетали в копеечку.) Это ограничение защищало и общину, которой в противном случае приходилось бы брать на себя заботу о разоренной семье. Защиту получали и взрослые сыновья, которые могли бы лишиться земли, если бы у их отца была возможность продать землю или завещать ее кому-либо постороннему для семьи. Но по законам империи правила наследования определялись местными законами, так что рискованно делать обобщения о границах полномочий главы семьи в вопросе раздела земли⁴⁶.

Такое отрицание личной собственности характерно для крестьянской жизни, как ее понимали Маркс и Вебер. Они называли крестьянскую систему, в которой землей владел не индивид, а семья и в которой глава семьи не мог ни продать, ни передать землю при жизни или в завещании. Кроме того, в крестьянском хозяйстве, как его понимал Вебер, брак заключался рано (лишние рабочие руки всегда нужны) и был практически лишен романтики, потому что людям редко приходилось встречать сверстников, которых они не знали бы с детства. Покупка и продажа земли были редкими событиями, а передавали ее преимущественно из заботы о равенстве — чтобы дать больше земли отпрыскам, имеющим больше детей. Производство и потребление осуществлялись преимущественно внутри семьи; совсем безземельных людей, которые кормились только своим трудом, было сравнительно мало. Молодые редко покидали семью как в географическом, так и в профессиональном плане⁴⁷.

Эта веберовская крестьянская культура в России сохранялась дольше, чем в Западной Европе. Макфарлейн, например, доказывает, что уже к 1300 г. в Англии больше не осталось «крестьян» в веберовском смысле. Работая с документальными источниками, которых в то время было куда меньше, чем в наши дни, он обнаружил, что уже к 1300 г. английские фермеры обладали широкой свободой при жизни совершать операции с землей за пределами семьи; отсутствуют свидетельства об уравнивающих актах передачи земли и редки упоминания о расширенной семье как экономической единице; браки

⁴⁶ Jane Burbank, *Russian Peasants Go to Court: Legal Culture in the Country-Side, 1905–1917* (2004), 103, 106. См. также *ibid.*, 194–195, где описано применение концепции «получить по заслугам» [just deserts] в делах о наследстве.

⁴⁷ Macfarlane, 23–25, 39–52, 82–84.

заклучались позже, потому что молодой человек мог жениться, только имея возможность содержать себя, жену и детей без помощи своих родителей. Как отмечает Макфарлейн, эта индивидуалистическая модель вела к материальному неравенству в среде малоимущего рабочего класса, но зато возникло равенство возможностей: толковый и трудолюбивый фермер мог разбогатеть и стать джентри*. Как мы увидим ниже, в конце XIX в. в России наметился несомненный отход от классической модели крестьянской экономики, но в том, что касается передачи и обмена наделными участками земли, продолжала господствовать веберианская крестьянская модель — глава семьи действовал скорее как доверенное лицо семьи, чем как собственник.

Издержки чересполосицы, передела и семейной собственности

Модернизация российской экономики изменила соотношение издержек и выгод от сохранения особых правил распоряжения крестьянскими наделами. С самого начала у этих правил была своя оборотная сторона: чересполосица создавала массу неудобств, переделы убивали стимулы к инвестициям и исключали рыночные операции с землей (какой смысл покупать землю, если в будущем возможен передел?), а из-за семейной собственности не только тормозились рыночные операции с землей, но и затягивался период времени, в течение которого молодые оставались под своеобразной опекой семьи. Затрудненность рыночных операций препятствовала осуществлению мер по повышению производительности, как очевидных (получение экономии от масштаба благодаря соединению полосок в единый участок земли), так и менее очевидных. Если бы землю было легко продавать и покупать, земля неумелых хозяев привлекла бы внимание тех, кто умеет обращаться с землей и мог бы предложить за нее цену, которая улучшила бы положение и продавца, и покупателя. К тому же в условиях коллективного контроля, который закреплял все три особенности крестьянского землевладения в России, новаторские решения могли приниматься только по всеобщему согласию или по решению большинства — сам по себе домохозяин был связан по рукам и ногам.

---

* Нетитулованное мелкопоместное дворянство. — *Прим. перев.*

Таблица 2.4

**Затраты труда (рабочих дней на единицу земли)
в 72 крестьянских хозяйствах Пензенской губернии**

Средний размер полосок в десятинах (одна десятina = 2,7 акра)	Человеко-дней труда	
	Нечерноземные районы	Черноземные районы
До 0,2	29,1	—
0,2—0,4	28,8	22,1
0,4—0,8	20,9	21,7
0,8—1,2	—	16,6
1,2 и более	—	12,6

Исторически сложилось так, что советские ученые обратили внимание только на проблемы, создаваемые чересполосицей, и не проявили особого интереса к последствиям практики переделов и семейной собственности. Разбросанность земельных делянок, разумеется, ограничивает возможность экономии на масштабе — обстоятельство, вызывавшее почти священный трепет у руководителей советской сельскохозяйственной политики. Передел же, напротив, всего лишь уничтожает личную, эгоистичную заинтересованность в улучшении земли, которая считалась уже чем-то несущественным для нового советского человека. И даже если в действительности советское государство использовало весьма сильнодействующие стимулы, такие как обещание всевозможных льгот, с одной стороны, и угроза Гулага — с другой, оно никогда не сочувствовало чисто экономическим стимулам, создаваемым выбором потребителей, преломленным через рынок.

Чересполосица. Многие из недостатков чересполосицы были чисто материальными и потому наглядными. Судя по отдаленности и разбросанности земельных делянок (см.: табл. 2.2), очевидно, что крестьяне тратили много времени и сил на то, чтобы добраться до отдаленных участков. Результаты обследования 72 крестьянских хозяйств в Пензенской губернии, показанные в табл. 2.4, демонстрируют, что бесполезная трата сил при этом была очень значительной⁴⁸.

⁴⁸ Volin, 91. См. также: Тюкавкин. С. 207 (соотносит время на ходьбу и время на работу при разных расстояниях от избы до поля);

Затраты труда на возделывание любого данного количества земли тем больше, чем меньше средняя величина участка. Большая часть дополнительного труда уходила на то, чтобы добраться до земельного участка из дома. (К тому же полосы были очень узки, зачастую шириной от трех до четырех метров, так что пахать их можно было только вдоль⁴⁹.) Хотя суммарные затраты труда зависели от типа почвы (чернозем и не чернозем), необходимость иметь дело с мелкими участками удвояла затраты труда на единицу площади.

Из всех издержек, создаваемых чересполосицей, эту проще всего было бы устранить с помощью обменов между семьями. Крестьяне могли бы хоть каждый год договариваться об обмене, и это позволило бы им сэкономить время на дорогу. Собственно говоря, такие сделки имели место. Предприимчивые крестьяне — известные как «собиратели земли» или «землепромышленники» — брали в аренду множество участков на самых далеких от деревни полях, а потом сдавали их в аренду большими участками⁵⁰. Тот факт, что эта практика была ограничена только дальними полями и даже на таких полях не была повсеместной, говорит о том, что издержки на переговоры, необходимые для подобных операций, были выше потенциальной выгоды.

Панов А. Земельная реформа в России. Истоки и уроки. М., 2001. С. 27 (график, отражающий падение прибыльности, по оценке немецких экономистов, при значительном расстоянии земельной делянки от деревни: при расстоянии более 4 км производительность составляет всего 2% в сравнении с близким полем). Макклоски, работавший преимущественно с английскими данными, полагает, что расстояние играет не столь большую роль. См.: D. N. McCloskey, "The Prudent Peasant: New Findings on Open Fields," *J. Econ. Hist.* 51 (1991): 343, 348.

⁴⁹ Blum, 328.

⁵⁰ David A. J. Macey, "The Peasant Commune and the Stolypin Reforms: Peasant Attitudes, 1906–1914," in *Land Commune and Peasant Community in Russia: Communal Forms in Imperial and Early Soviet Society*, ed. Roger Bartlett (1990), 227. Ср. у Керанса с вводящим в заблуждение разговором об «округлении», где явно имеется в виду ограниченная практика временного соединения полосок в один участок, причем не только на дальних полях, Kerans, 337. См., в общем: Paul Gregory, *Before Command: An Economic History of Russia from Emancipation to the First Five-Year Plan* (1994), 45–51 (подчеркивает возможность повышения эффективности с помощью договоренностей между крестьянами).

Остальные издержки чересполосицы попадают в категорию внешних эффектов. Самое очевидное — это потеря земли, занятой межами⁵¹. Нужно учесть и то, что чересполосица серьезно тормозила механизацию. Поскольку полосы были узкие, крестьянин, пытавшийся использовать сельскохозяйственную технику, должен был либо как-то приладиться к этому пространственному ограничению, что часто оказывалось просто невозможным, либо заключать соглашение с соседями о том, что он захватит обработку и их землю. В первом случае наказанием ему была неэффективность использования сельскохозяйственной техники, во втором, даже если соседи выражали согласие, все издержки на механизацию ложились на новатора, а выгоды приходилось делить с соседями. Чересполосица мешала и применению сортовых или улучшенных семян — из-за близкого соседства с делянками, засеянными несортовыми семенами, эффект быстро сводился к нулю⁵².

Естественно, многие из этих внешних эффектов легко было бы устранить решением сельского схода. Если несовпадение издержек и выгод мешало использовать механизацию, сход мог решить проблему (а иногда и решал⁵³), приговаривая использовать соответствующую технику в масштабе всей общины. (В случае механизации общине, скажем, приходилось отказываться от индивидуальной вспашки земли.) Но не нужно думать, что провести такое решение через сход было легко и просто. Есть сообщения, что общинам приходилось устраивать сходы в период сенокоса по три раза в неделю⁵⁴. Это заставляет вспомнить одну из шуток Оскара Уайльда: «С социализмом одна беда — он отнимает слишком много вечеров». Сход мало того, что болтлив, но были еще два обстоятельства, обрекавшие его на низкую эффективность. Во-первых, сам сход являл собой образец несоответствия между властью и ответственностью —

⁵¹ Volin, 91.

⁵² Ibid., 90—91. Макклоски, кстати говоря, полагал, что в случае Англии имел место еще один внешний эффект со значительными издержками — потравы скотом неогороженных посевов. McCloskey, "The Prudent Peasant," 348—349.

⁵³ Esther Kingston-Mann, "Peasant Communes and Economic Innovation: A Preliminary Inquiry," in *Peasant Economy, Culture, and Politics of European Russia, 1800—1921*. eds. Esther Kingston-Mann and Timothy Mixer (1991), 43.

⁵⁴ Bernard Pares, *Russia: Between Reform and Revolution* (1962), 83.

между молодыми и зрелыми мужчинами, которые выполняли всю работу, но были мало представлены на сходе, и стариками, которые принимали решения, но мало работали в поле. Во-вторых, любое новшество — это риск и привлекательно только для самых энергичных. Там, где первопроходцы вольны действовать по-своему, люди более осторожные могут наблюдать за ними и учиться на их опыте. Но когда решения принимаются большинством голосов, как это было на сходе, какое новшество не будет принято, пока к нему не будут готовы многие⁵⁵. При прочих равных условиях, чем больше людей имеют возможности по собственной инициативе отважиться на эксперимент, тем лучше перспективы развития⁵⁶. Система чересполосицы губит новаторство, и, по-видимому, она сыграла главную роль в том, что в России так долго удерживалась «трехпольная» система, при которой каждый третий год треть земли остается под паром.

Создаваемая системой чересполосицы необходимость коллективного принятия решения логически отделима от доминирования деревенских стариков, но в России, где эти вещи были крепко связаны между собой, чрезмерная власть оказывалась в руках тех, кто был меньше всего расположен к новшествам.

⁵⁵ См.: Boris Nikolaevich Mironov, with Ben Eklof, *The Social History of Imperial Russia, 1700—1917* (2000), 336 (отмечается, что общины были нелегки на подъем, когда приходилось отказываться от традиционных методов в пользу новшеств) [Миронов Б. Н. Социальная история России периода империи (XVIII — начало XX в.). В 2-х т. СПб., 1999. Т. 1 С. 469]. Кингстон-Манн подтверждает, что владельцы частных земель проявляли большую готовность к новшествам, но приводит и сообщения о том, что когда новшество удавалось опробовать, «оно быстрее распространялось в районах общинного землевладения» (Kingston-Mann, "Peasant Communes and Economic Innovation," 43). Подробности не сообщаются. Большая скорость распространения новинок в общинах может объясняться тем обстоятельством, что, посмотрев на успех частного землевладельца, община могла принять новинку целиком — всем коллективом.

⁵⁶ Joel Mokyr, *The Lever of Riches: Technological Creativity and Economic Progress* (1990), 176—177. См. также: Richard C. Hoffman, "Medieval Origins of Common Fields," in *European Peasants and Their Markets*, eds. W. N. Parker and E. L. Jones (1975), 30—31, 52, 60—62, где речь идет о стадности и консерватизме, создаваемых системой чересполосицы.

Соппротивление стариков идеям модернизации часто выражалось в форме крайне неприязненного к ним отношения. В одном из сообщений сын, оставивший общину, отправил подписку своему отцу на *Земледельческую газету*, а приехав домой, обнаружил, что отец оклеил газетами стены избы. Отец объяснил: «Пишут насчет хозяйства; да дураки пишут, дураки и читают; что они знают, то мы уже давно забыли»⁵⁷.

Передел. Практика переделов не допускала роста производительности. Рачительный крестьянин, решавшийся потратить время и деньги на улучшение своего надела, немедленно лишался всех полученных результатов после очередного передела. В итоге идея улучшения земли чаще всего просто не возникала. Николай Бунге, министр финансов в 1881—1887 гг. и сторонник реформирования крестьянских прав собственности, любил цитировать знаменитого английского экономиста и реформатора Артура Янга: «Дайте человеку в собственность бесплодные камни, и он превратит их в цветущий сад, но сдайте ему сад в аренду на девять лет, и он превратит его в пустыню»⁵⁸.

Китайский метод деколлективизации сельскохозяйственных земель дал экспериментальные данные о влиянии переделов на инвестиции. Семьям дали право использовать определенные участки и оставлять себе всю продукцию, превышающую установленную норму. Но местные кадры сохраняли право проводить «перераспределение» земли до 1998 г., когда новый закон обеспечил свободу от переделов сроком на тридцать лет. После 1998 г. в некоторых районах практика переделов сохранилась, а в других власти взяли обязательство не проводить никаких переделов в течение пятидесяти лет. Там, где арендаторы поверили, что переделов больше не будет, они пошли на долгосрочные вложения, в том числе завели фруктовые сады, перешли от химических удобрений к органическим, настроили теплиц и ирригационных прудов⁵⁹.

⁵⁷ Mironov, *Social History of Imperial Russia*, 346—347. [Миронов Б. Н. Социальная история России периода империи. С. 478—479]

⁵⁸ David A. J. Macey, *Government and Peasant in Russia, 1861—1906: The Prehistory of Stolypin Reforms* (1987), 266, n. 87.

⁵⁹ Roy Prosterman and Brian Schwarzwald, “Rural China Update” (Draft, 1994), 13—22. См. также: Hanan G. Jacoby, Cuo Li, and Scott Rozelle, “Hazards of Expropriation: Tenure Insecurity and

Русские общины порой демонстрировали понимание этой проблемы. Иногда крестьянину, много вложившему в улучшение земли, позволяли при переделе сохранить улучшенные участки, либо он получал соответствующую компенсацию. Действительно, законом от 8 июля 1893 г. предусматривается, что крестьянин, потрудившийся для улучшения своей земли, при переделе по возможности получал надел в том же самом месте⁶⁰. Некоторые общины требовали рачительного отношения к земле и за отсутствие такового наказывали, выделяя плохим хозяевам при очередном переделе менее плодородные участки⁶¹. Кингстон-Манн цитирует сообщение из Западной Сибири, в котором наблюдатель говорит, что «не знает *ни одного* случая, когда бы при переделе крестьянин не получил компенсацию за убытки превышающие обычные затраты труда или капитала»⁶².

Если бы тому, кто принимает централизованные решения, информация доставалась бесплатно, а агенты никогда не действовали бы из своекорыстных побуждений, тогда эти сообщения позволяли бы не волноваться насчет общины. Но именно потому, что эти предположения ложны, только частная собственность обеспечивает рост эффективности и производительности, за исключением особых ресурсов, таких как реки (в качестве путей сообщения когда государственная и коллективная

Investment in Rural China,” *American Economic Review* 92 (2002): 1420—1447. В ходе исследования изучалось использование удобрений, и различия здесь соответствовали предполагаемой длительности аренды. Но влияние на производительность прослеживается сравнительно слабо, потому что арендаторы могли использовать химические удобрения, дающие быструю отдачу, а русские крестьяне, естественно, такой возможности не имели.

⁶⁰ Закон от 8 июня 1893 г., часть I, ст. 9 (3 Полное собрание законов. № 9754).

⁶¹ Judith Pallot, *Land Reform in Russia, 1906—1917: Peasant Responses to Stolypin's Project of Rural Transformation* (1999), 81—83.

⁶² Kingston-Mann, “Peasant Communes and Economic Transformation,” 45 (курсив в оригинале). См. также: Корелин А., Шацкилло К. Ф. П. А. Столыпин. Попытка модернизации сельского хозяйства России // Деревня в начале века: революция и реформа / Ред. Ю. Н. Афанасьев. М., 1995. С. 30—31 (сообщение о стремлении разных общин использовать возможности и решать проблемы в начале XX в.).

собственность могут обеспечить эффективность за счет масштаба операций). Возьмите сообщение о том, что при переделе вознаграждались все затраты труда и капитала, «превышающие обычные». А кто устанавливал, что такое «обычные затраты» и на основании каких данных? И учитывался ли инновационный характер инвестиций, отдача от которых еще никому не известна? Как измерялось «превышение обычных затрат»? Новатор не только подвергался обычному экономическому риску, но ему также приходилось убеждать сход. На практике самые успешные крестьяне, самые трудолюбивые и предприимчивые явно были во главе тех, кто противился переделам⁶³, но для этого им нужно было заручиться поддержкой двух третей членов схода⁶⁴. Из всего этого следует, что справедливость, проявляемая сходом во время передела, не была панацеей от неблагоприятных последствий этой практики. Хотя мы довольно мало знаем о возможностях крестьян достигать договоренности относительно компенсации подобных последствий передела⁶⁵, переделы как минимум создавали необходимость в дополнительных маневрах и договоренностях, которые в других условиях были бы не нужны.

Все это не значит, что переделы полностью остановили повышение урожайности. Отнюдь нет. Как мы увидим в следующей главе, есть свидетельства о неизменном и существенном повышении урожайности в России, начиная от отмены крепостного права и до самой революции. Но трудно поверить, что переделы не были серьезным препятствием для роста производительности в мире, в котором были возможны новшества, где имела значение экономия на масштабах производства, где местные излишки можно было вывозить на региональные и международные рынки, где талантливый управляющий мог добиться успеха, а крестьяне, не имевшие перспективы в родной деревне, могли найти альтернативные виды занятости, — короче говоря, в России, какой она уже была к концу XIX столетия.

Иногда утверждают, что передельные общины создавали дополнительные издержки тем, что искусственно стимулиро-

⁶³ Moon, 223.

⁶⁴ Robinson, 74.

⁶⁵ Gregory, *Before Command*, 49–52 (отмечает желательность договоренностей о подобных сделках и отсутствие сведений о соответствующей практике).

вали рождаемость⁶⁶. Логика здесь такова, что если на каждого ребенка положена какая-то дополнительная земля, то люди, хотя бы некоторые, будут рожать больше детей. Но промежутики между переделами, их непредсказуемость и критерии прирезки к наделу скорее всего в значительной степени ослабляли этот стимул. Обычно между рождением ребенка и переделом, когда ребенок был уже в возрасте, при котором на него положено было выделять землю, проходили годы, в течение которых ребенка приходилось кормить, а пользы от него бывало немного. Кроме того, могла родиться девочка, на которую земли не полагалось, хотя со временем семья могла выдать ее замуж и получить за нее выкуп⁶⁷.

Чтобы разобраться в этом вопросе, Аткинсон сопоставила уровни рождаемости и смертности в губерниях с преобладанием переделов за период с 1861 по 1914 г. Она считает, что переделы ни при чем, поскольку, по ее данным, «более высокий уровень рождаемости в общинных [т.е. передельных] губерниях компенсировался еще более высоким уровнем смертности»⁶⁸. Довольно странная защита — это как если бы люди, озабоченные чрезмерным ростом населения, находили бы утешение в исключительно высоком уровне смертности. Но ее данные наталкивают вот на какую мысль. Если бы общины, в которых передел практиковался в более мягких формах, находились на более ранних этапах демографического перехода — от высоких уровней рождаемости и смертности к высокой рождаемости и низкой смертности и к низким уровням рождаемости и смертности — в наблюдаемой картине не было бы ничего удивительного. В самом деле, если вовлеченность в рынок и редкость переделов идут рука об руку, то это именно то, чего следовало бы ожидать, и еще можно было бы ожидать, что это заглушит стимулирующее воздействие переделов на размер семьи. Удивляет только то, что непередельные районы оказались настолько впереди других в процессе демографического перехода, что не только уровень смертности, но и уровень рождаемости в них уже резко упал.

⁶⁶ Pavlovsky, 81—84; см. также: Donald W. Treadgold, *The Great Siberian Migration* (1957), 44.

⁶⁷ Hoch, *Serfdom and Social control in Russia*, 94—96.

⁶⁸ Atkinson, *The End of the Russian Land Commune*, 383—384.

Семейная собственность. Сравнительно мало внимания было уделено тому, что в России крестьянское хозяйство было собственностью не личной, а семейной. Но похоже, что именно это обстоятельство было главным препятствием для России на ее пути к обретению выгод рыночной экономики. Оно явно мешало мобильности земли и труда: земли — потому что для проведения сделки нужно было согласие слишком большого числа людей (при этом некоторые важные лица, такие как дети, могли быть лишены права голоса), а труда — потому что молодые взрослые вместо того, чтобы самостоятельно выбирать свой путь в жизни, не покидали родной деревни, держались за наследственную землю, которую могли получить, но не могли продать. Эти обстоятельства душили экономический рост, который, по словам Пола Ромера, происходит там, «где люди берут ресурсы и перестраивают их так, чтобы получить наибольшую выгоду»⁶⁹.

Меня интересуют прежде всего права собственности на землю, и хотя самое важное право собственности — это право человека распоряжаться самим собой, я не буду задерживаться на мобильности трудовых ресурсов. Но ограничения, установленные при отмене крепостного права и ужесточенные законом, принятым в декабре 1893 г., были явно направлены на то, чтобы ограничить мобильность крестьян именно таким образом, как об этом писали Маркс, Вебер и Макфарлейн.

Что же касается земли, немобильность титулов собственности препятствовала новаторству и росту эффективности. Она ограничивала число мест, в которых новатор мог экспериментировать — не только с новыми технологиями, но и с новыми продуктами, формами управления, сбыта, финансирования и т.п. Вялые или нерадивые псевдособственники (а как еще назвать тех, кто не волен продать или обменять свою собственность?) спокойно жили в насиженных гнездах, защищенных от притязаний более изобретательных фермеров. Вытеснить их оттуда можно было только с помощью административно организованной системы мониторинга и перераспределения, но тогда потребовалась бы коллективная оценка издержек и выгод. При этом в условиях недоразвитых рынков

---

⁶⁹ Paul Romer, "Economic Growth," in David R. Henderson, ed., *The Concise Encyclopedia of Economics*, <<http://www.econlib.org/LIBRARY/Enc/EconomicGrowth.html>> (March 2, 2006).

очень многие вещи невозможно оценить по рыночной стоимости. Даже если оставить в стороне проблему информации, затаившимся псевдособственникам, представлявшим собой, в конечном итоге, самый настоящий «истеблишмент», скорее всего хватило бы политического влияния, чтобы остановить серьезные изменения. Папуа — Новая Гвинея дает крайний пример того, как многочисленные обладатели права вето могут обеспечить полную недвижность ресурсов и крайне расточительное их использование. По меньшей мере до 1980-х годов здесь для продажи общинной земли требовалось единодушное согласие «обычных собственников земли». В результате вне эксплуатации оказалось такое количество земли, что соотношение между пригодной для возделывания и действительно используемой землей составило восемь к одному⁷⁰, а бесчисленное множество проектов оказались мертворожденными в силу невозможности купить землю⁷¹.

Фиктивность собственности могла быть причиной необоснованного дисконтирования будущих доходов⁷². Когда настоящий собственник предпринимает улучшения с перспективой получения дохода в будущем и добивается успеха, он может немедленно реализовать свое достижение, продав собственность по цене, отражающей повышение в будущем потока доходов. Так происходит даже в том случае, когда ожидаемая выгода будет получена спустя долгое время после его смерти. В случае семейной собственности глава семьи может сделать это, только заручившись согласием многих членов семьи. Хотя термин «семейная собственность» может вызвать представление об уважении к благосостоянию будущих поколений, на деле имеет место обратное, по крайней мере если взять критерием стимулирование долгосрочных инвестиций.

Я не собираюсь возлагать всю вину за отсталость российского сельского хозяйства к началу столыпинских реформ на

⁷⁰ Michael J. Trebilcock, "Communal Property Rights: The Papua New Guinean Experience," *U. of Toronto L. J.* 34 (1984): 377, 380, 386. Требилкок приводит и другие оценки, согласно которым это соотношение составляет 20:1. (Trebilcock, 380.) См.: Robert D. Cooter, "Inventing Market Property: The Land Courts of Papua New Guinea," *Law & Soc. Rev.* 25 (1991): 759—801.

⁷¹ Trebilcock, 380—382.

⁷² Ibid., 407.

эти три закрепощающие особенности прав собственности. Существует, например, подход, который выделяет совершенно другую черту сельской жизни. Известный марксистский русский экономист А. В. Чаянов, позднее расстрелянный в ходе сталинских чисток, доказывал, что крестьянская семья обычно неэффективно использовала свой труд, отправляя работать на земле дополнительного члена семьи даже тогда, когда предельный продукт его труда оказывался меньше теоретического предельного продукта при более удачном сочетании земли и труда (т.е. больше земли и меньше труда) или просто в другом виде деятельности⁷³. Этот аргумент предполагает серьезные пороки рынка труда. В противном случае семья получала бы больший доход, если бы дополнительные ее члены работали по найму и зарабатывали свой предельный продукт вдали от семейного надела. Как мы увидим далее, рынок труда был ослаблен, среди всего прочего, и правовыми ограничениями свободы членов общины покидать ее для работы в другом месте. Но и при всех недостатках рынка труда большая доля вины ложится на общинную систему собственности на землю. Как мы увидим в следующей главе, были и другие факторы, ослаблявшие сельскохозяйственное развитие России.

Далее, несмотря на все препятствия, после отмены крепостного права экономика России добилась замечательных успехов. Тем не менее у нас есть все основания сомневаться, что средства, смягчавшие ретроградное влияние общины, могли, как утверждают некоторые ученые, полностью компенсировать наносимый ущерб⁷⁴. Чтобы поверить в это, нам пришлось бы поверить в возможность экономического процветания там, где возможности экспериментирования скованы многочисленными запретами со стороны тех, кто только косвенно заинтересован в результате. Двадцатый век не позволяет стоять на такой точке зрения. Поэтому реформа прав собственности была экономически оправдана.

⁷³ A. V. Chayanov, A. V. Chayanov on the Theory of Peasant Economy, eds. Daniel Thorner, Basile Kerblay and R. E. F. Smith, with a foreword by Teodor Shanin (1980), 9—10, 39—40, 236—237. [Чаянов А. В. Крестьянское хозяйство. М., 1989.]

⁷⁴ См., напр.: Pallot, *Land Reform in Russia*, 69—90.

*Ограничения на выход, продажу или обмен
в эпоху после освобождения крестьян*

Если издержки чересполосицы, переделов и семейной собственности были существенно выше, чем выгоды, возникает вопрос, почему же сами крестьяне не изобрели средств для исправления ситуации? Причиной, вероятно, были установленные государством правила, ограничивавшие возможность крестьян совершать торговые операции с землей, а также некоторые трансакционные издержки (скажем, на проведение переговоров с многочисленными соседями), которые сводили на нет все усилия в этом направлении. Я не утверждаю, что большинство крестьян было активно заинтересовано в радикальном изменении своих прав собственности. Но картина того, насколько далеко зашло правительство в политике сковывания мобильности земли и труда, помогает понять, что видели перед собой Столыпин и другие реформаторы.

По закону каждая община после отмены крепостного права должна была выплачивать государству «выкупные платежи», в значительной мере покрывавшие государственные расходы на погашение облигаций, выпущенных для компенсации дворянам за земли, перешедшие к крестьянам в результате ликвидации крепостного права. Если до реформы крестьянский труд был собственностью помещиков, то теперь он де-факто стал собственностью общины и залогом ее способности вносить выкупные платежи. Конструируя права собственности крестьян на выделяемую им землю, государство стремилось минимизировать свои риски как кредитора. Государство связало круговой порукой как наследственные, так и переделные общины. Оно заперло крестьян в общинах рядом мер, мешавших крестьянину не только продать или обменять свою землю, но даже просто выйти из общины и освободиться от соответствующих обязательств. Тем самым государство не только обеспечивало фискальные интересы казны, но и замедляло миграцию в города и «пролетаризацию» крестьянства, в чем многие видели угрозу серьезных беспорядков⁷⁵.

Чтобы выйти из переделной общины и освободиться от фискальных обязательств перед государством, крестьянин должен был не только отказаться от наделной земли, но и

⁷⁵ См., напр.: Kerans, 307.

уплатить половину выкупных платежей и получить согласие общины взять на себя ответственность за оставшуюся половину⁷⁶. Таким образом, после крестьянской реформы ему приходилось выкупать себя из общины точно так же, как до нее он мог выкупить себя из крепостной зависимости. Если стоимость его земельного надела была достаточно высока, были некие шансы на взаимовыгодную сделку с общиной, но даже при этом обязательство выплатить половину было бы значительным препятствием, учитывая неразвитость рынка ссуд и невозможность взять кредит под залог будущего труда. Чтобы выйти из общины с наследованием земельных наделов, надо было либо выплатить всю сумму причитающихся на домохозяйство выкупных платежей, либо найти кого-то, кто согласен был взять себе землю и обязательства по выкупным платежам, т.е. от земли приходилось отказываться. Подобная сделка могла состояться лишь при условии, что продуктивность надельной земли была существенно выше обязательств по выкупным платежам.

Ну и в довершение всех этих ограничений, молодые могли покинуть деревню только при наличии паспорта, который мог быть изъят властями по просьбе главы семьи⁷⁷. Понимание «семьи» было таким, что это правило было гораздо более срывающим, чем может показаться, — ни достижение сыновьями совершеннолетия, ни смерть отца при наличии нескольких сыновей не вели автоматически к выделению новых «семей». В случае смерти отца новым главой семьи чаще всего становился старший из братьев⁷⁸. А поскольку в передельной общине уход сына оборачивался сокращением надела при очередном переделе, главы семей были заинтересованы отказывать молодым в паспортах⁷⁹. Можно было бы предположить, что

⁷⁶ Robinson, 75—76; Watters, 140. Поскольку было необходимо единодушное одобрение, можно предположить, что за выход приходилось платить больше 50%. В 1889 г. появилась возможность обжаловать отказ общины дать согласие на выход у земского начальника. David A. J. Macey, "Government Actions and Peasant Reactions during the Stolypin Reforms," in *New Perspectives in Modern Russian History*, ed. Robert B. McKean (1992), 162.

⁷⁷ Macey, "Government Actions and Peasant Reactions," 118.

⁷⁸ См., напр.: Rodney D. Bohac, "Peasant Inheritance Strategies in Russia," *Journal of Interdisciplinary History* 16 (1985): 23, 27.

⁷⁹ Alexander Gerschenkron, "Agrarian Policies and Industrialization,

заинтересованность была не очень сильной, потому что после передела количество земли на одного работника осталось бы предположительно тем же самым вне зависимости от того, ушел кто-то из семьи или нет. Возможно и так, но с увеличением численности семьи косвенные выгоды положения главы семьи, о которых мы будем говорить ниже, по-видимому, повышались. Эти ограничения, разумеется, не означали, что в своих деревнях крестьяне были заперты как в тюрьме. Даже в условиях крепостного права многие жили в городах или по крайней мере наезжали туда на заработки. Исследование, проведенное в середине 1850-х годов, показало, что в пяти центральных губерниях почти четвертая часть взрослых крестьян мужского пола имела паспорта или «билеты» (более краткосрочные разрешения на свободу передвижения), дававшие право отсутствовать в деревне на срок до трех лет⁸⁰. После отмены крепостного права миграция в города только выросла, поскольку города, разраставшиеся в это время в России быстрее, чем в других странах, нуждались в рабочих руках⁸¹. При всех реальных возможностях обходить такого рода ограничения, подобные правила никак не способствовали тому, чтобы крестьяне чувствовали себя независимыми, самостоятельными людьми, и не облегчали им перехода к работе в развивающейся промышленной экономике.

Сходные ограничения испытывали и крестьяне, задумавшие продать свою землю и уйти из общины, т.е. стремившиеся получить стоимость наделной земли. Правила были чудовищно сложны, а в некоторых случаях они были неодинаковыми в разных губерниях. Поэтому предлагаемый ниже краткий очерк ситуации хоть и может показаться избыточно детальным, на деле является чрезмерной схематизацией. Сначала мы рассмотрим общины с наследуемыми наделами, а потом передельные.

До 1882 г. крестьянин, имевший наследуемый надел, мог передать его любому, кто соглашался принять на себя оставший-

---

Russia 1861–1914,” in Alexander Gerschenkron, *Continuity in History and Other Essays* (1968), 194.

⁸⁰ Boris B. Gorshkov, “Serfs on the Move: Peasant Seasonal Migration in Pre-Reform Russia, 1800–1861,” *Kritika* I (Fall 2000): 627, 635–637. Исследование проводилось в Ярославской, Костромской, Московской, Тверской и Владимирской губерниях.

⁸¹ Gregory, *Before Command*, 51.

ся долг по невыплаченным выкупным платежам⁸². Поскольку в первые годы после отмены крепостного права величина обязательств зачастую превосходила стоимость надела, желающих заключить такую сделку было немного. В 1882 г. государство создало еще одну помеху, отказав в регистрации сделок по передаче наделов, в силу чего покупатель не мог получить законного права собственности на землю⁸³. В 1893 г. было добавлено еще одно ограничение — теперь купить землю мог либо член общины, либо тот, кто соглашался стать членом общины⁸⁴.

В общине с наследуемыми наделами крестьянин мог свести свои полосы в единый участок земли только с согласия всех, кто мог быть задет таким объединением надела⁸⁵. Требование было вполне разумным, поскольку защищало интересы собственников, но из-за большого числа полосок достичь согласия всех участников было делом нелегким. Впрочем, посредством серии успешных обменов можно было постепенно объединять разбросанные полосы в один участок, что позволяло постепенно уменьшать чересполосицу, особенно в Восточной Белоруссии и на Украине, где преобладали общины с наследуемыми наделами⁸⁶, причем даже несмотря на то, что все эти обмены не имели надежного законного основания⁸⁷. Закон предусматривал также возможность коллективного объединения наделов, т.е. возможность покончить с чересполосицей через общину. Формально для этого требовалось две трети голосов схода. Но в законе не были прописаны процедуры осуществления столь сложной операции, а потому считалось, что для этого нужно единодушное согласие⁸⁸.

В передельной общине производить перенос и объединение было еще труднее, и пореформенное законодательство только

⁸² Robinson, 73.

⁸³ Ibid., 112—113.

⁸⁴ Закон 14 декабря 1893 г., ст. I (2), 3 Полное собрание законов, № 10151; Robinson, 113; Беккер С. Миф о русском дворянстве: дворянство и привилегии последнего периода императорской России. М., 2004. С. 111.

⁸⁵ Беккер. С. 119—120.

⁸⁶ Дякин. С. 24; Mironov, *The Social History of Imperial Russia*, 536. [См. Миронов Б. Н. Социальная история России периода империи. М. 1999.].

⁸⁷ Pallot, *Land Reform in Russia*, 89—90.

⁸⁸ Robinson, 72.

усугубило трудности. Формально перенос участка был возможен с согласия схода, но перспектива передела создавала слишком большой риск для покупателя: при ближайшем переделе все, им полученное, могло быть потеряно⁸⁹.

Сразу после освобождения крестьянства существовало два способа вырваться из клетки — индивидуальный и коллективный. В соответствии со ст. 165 закона об Освобождении, бывший крепостной (кроме государственных) мог изменить статус своего надела и сделать его наследуемым или добиться его нарезки одним участком, либо получив согласие общины, либо полностью выплатив свою часть выкупных платежей⁹⁰. Очевидно, что лишь немногие крестьяне были в состоянии одновременно погасить долг по выкупным платежам⁹¹. Впрочем, 14 декабря 1893 г. правительство приняло закон, закрывший даже и эту лазейку. В соответствии с этим законом, в любой момент до окончательного погашения долга по выкупным платежам (т.е. до погашения долга всей общиной), бывший крепостной мог досрочно погасить свой долг только с согласия схода⁹². С момента отмены крепостного права, т.е. с 1861 г., до начала столыпинских реформ в 1906 г. лишь около 150 000 семей перевели свои наделы в разряд наследуемых, еще меньшее число хозяйств осуществило консолидацию своих наделов⁹³. А утвердив положение о том, что даже наследуемые наделы могут быть проданы только настоящим или будущим членам общины⁹⁴, закон резко ограничил возможности продажи земли даже теми крестьянами, которые сумели сделать свои наделы наследуемыми.

⁸⁹ Ibid., 75.

⁹⁰ См. ст. 165 второго из трех законов от 19 февраля 1861 г. об освобождении крепостных, «Положение о выкупе крестьянами, вышедшими из крепостной зависимости, их усадебной оседлости и о содействии правительства к приобретению сими крестьянами в собственность полевых угодий» (текст см. в приложении). См. также: Gershenkron, "Agrarian Policies," 186—187.

⁹¹ Robinson, 71, 119. Странно, но существовало толкование требования о погашении выкупных платежей, в соответствии с которым требовалось в один раз выплатить всю изначальную сумму выкупных платежей, независимо от уже произведенных промежуточных выплат, но эта странная интерпретация была отброшена в 1882 г. См.: Gershenkron, "Agrarian Policies," 219.

⁹² Закон 14 декабря 1893 г., ст. II; Robinson, 119.

⁹³ Robinson, 119—120.

⁹⁴ Закон 14 декабря 1893 г., ст. I, п. 2.

Как и общины с наследуемыми наделами, передельные общины могли коллективно осуществить объединение наделов и покончить с чересполосицей. Сход двумя третями голосов мог придать земле статус наследуемой⁹⁵, а потом, также двумя третями голосов, пройти весь путь до ликвидации чересполосицы. Но даже не столь радикальный коллективный переход к наследуемым наделам явно был редкостью, и создается такое впечатление, что крестьяне не вполне понимали смысл этого изменения, которое навсегда избавляло их от дальнейших общинных переделов⁹⁶.

В описаниях юридических препятствий для купли-продажи земли ситуация, скорее всего, чрезмерно драматизируется. Еще и до освобождения крепостные имели возможность арендовать землю и даже покупать и продавать ее, при условии согласия на то помещика и общины⁹⁷. В конце концов, общины имели полномочия манипулировать интересами посредством частичных переделов; так что вполне возможно, что крестьяне могли, заручившись согласием общины, покупать и продавать землю, прикрывая все эти операции авторитетом общины. Во всяком случае, это правдоподобное объяснение некоторых судебных дел⁹⁸.

Принято говорить, что при всех недостатках передельной общины она открывала возможность для устранения чересполосицы — объединения участков на основании решения схода⁹⁹. На эту идею опирается критика в адрес столыпинских реформ: облегчив перевод земель в разряд наследуемых и покончив с переделами, они затруднили объединение участков. Мы будем говорить об этом в связи с самими реформами, но даже для дореформенного периода это чрезмерное упрощение.

В принципе, в случае чересполосицы всегда открыты два пути к укрупнению земельных наделов: посредством коллек-

---

⁹⁵ Christine D. Worobee, *Peasant Russia: Family and Community in the Post-Emancipation Period* (1995), 27–28.

⁹⁶ Ibid.

⁹⁷ Прокофьева А. С. Крестьянская община в России во второй половине XVIII — первой половине XIX в. (на материалах вотчин Шереметьевых). Л., 1981. С. 96–126.

⁹⁸ Burbank, *Russian Peasants Go to Court*, 97–101.

⁹⁹ См., напр.: Pavlovsky, 84; Министерство экономического развития и торговли. Аграрная реформа Петра Столыпина. <<http://www.economy.gov.ru/stolypin.html>> (18 июня 2002); Volin, 92.

тивного, квазиполитического волеизъявления или в ходе последовательно осуществляемых двусторонних или многосторонних обменов. Фактически закон позволял наследственным общинам коллективно объединяться на основании решения двух третей голосов (по аналогии с передельными общинами); другое дело, что в законе не было прописано, как именно следует проводить укрупнение участков, и это в равной мере относилось к передельным общинам. Несмотря на этот пробел в законе, укрупнение участков проводилось, но почти исключительно в северо-западных губерниях в деревнях с наследуемыми наделами¹⁰⁰. Тот факт, что стихийные процессы укрупнения участков осуществлялись преимущественно на наследуемых землях, может быть свидетельством того, что наследуемость здесь чему-то помогала, но, возможно, все дело просто в том, что в этих районах влияние рынка сказалось раньше и было более сильным. И уж во всяком случае это говорит о ложности идеи, что передельным общинам было почему-то проще преодолевать чересполосицу. Собственно говоря, нам неизвестны примеры того, чтобы укрупнение участков и ликвидация чересполосицы происходили благодаря возможностям передельной общины¹⁰¹.

Что же касается постепенного укрупнения посредством двусторонних или многосторонних обменов, то это, конечно, с большей вероятностью могло происходить в наследуемых общинах, поскольку только здесь имелись стороны, обладавшие наделами, укрепленными в собственность для подобных операций. Как мы уже убедились, в общинах с наследуемыми наделами подобные обмены происходили, хотя я не нашел сведений о степени распространенности такой практики¹⁰².

Подведем итоги. Изначально крестьянин мог изъять свой надел из череды переделов только с согласия общины или пол-

¹⁰⁰ Кофод. 50 лет в России. С. 162—169, 134—142.

¹⁰¹ См.: Yaney, *The Urge to Mobilize*, 173—174, п. 21.

¹⁰² Ср. утверждение Миронова, что после реформ Александра II количество такого рода обменов «значительно выросло». Mironov, *Social History of Imperial Russia*, 336 [Миронов Б. Н. Социальная история России периода империи. С. 469]. Но источник, на который он ссылается, по сути дела об этом молчит. См.: Сборник материалов для изучения сельской поземельной общины / Под ред. В. А. Барыкова, А. В. Половцова, и П. А. Соколовского. СПб., 1880. Т. 1. С. 325.

ностью погасив свой долг по выкупным платежам, а после 1893 г. *только* с согласия общины. Для объединения наделов требовалось согласие всех заинтересованных сторон. С другой стороны, крестьянин имел возможность осуществить укрупнение посредством длинной цепочки обменов (чему в передельных общинах мешала неясность с правовым статусом этих операций), но такое, судя по всему, происходило не часто.

До начала столыпинских реформ прогресс в деле прекращения переделов и укрупнения наделов был незначительным. Этому мешали законодательные барьеры и высокие транзакционные издержки. А в регионах, не имевших доступа к рынку, выгоды от повышения производительности сельского хозяйства были невелики, заключаясь разве что в улучшении питания собственной семьи. Поэтому нам трудно судить о том, насколько охотно крестьяне начали движение к более надежным правам собственности при появлении доступа к рынку.

Изменение правил накануне столыпинских реформ

3 ноября 1905 г. царь издал указ о прекращении выкупных платежей с 1 января 1907 г. Если бы в 1893 г. не были приняты поправки к законам об освобождении крепостных, этот указ о списании задолженностей по выкупным платежам автоматически открывал бы дверь к индивидуальному выходу из общины, по крайней мере к такому выводу приводит наиболее вероятное толкование этих законов. Вспомним, что ст. 165 закона о выкупных платежах позволяет члену общины, погасившему свою долю соответствующих обязательств, требовать выделения его надела земли. Хотя в ст. 165 говорится о ситуации индивидуального плательщика, ее легко истолковать таким образом, что снятие долговых обязательств с общины дает всем крестьянам то же право на выход из общины, которое получал крестьянин, самостоятельно погасивший свою долю задолженности. Такое толкование соответствовало бы одной из ключевых задач правительства, которое прикрепило к общине освобожденных крепостных: так было удобнее собирать выкупные платежи. По резкому выражению графа Витте, предшественника Столыпина на посту премьер-министра, «проще пасти

все стадо, нежели каждого члена стада в отдельности»¹⁰³. Как сказал Витте в мае 1906 г., окончание выкупных платежей логически означало, что система общинного землевладения, «утвержденная, чтобы обеспечить пунктуальную ликвидацию выкупного долга... также должна исчезнуть»¹⁰⁴. И многие крестьяне также сочли, что с окончанием выкупных платежей исчезают всякие основания для переделов¹⁰⁵.

Но даже при таком понимании ст. 165 окончание выкупных платежей не обязательно открывало двери к индивидуальному выходу из общины. Закон от 14 декабря 1893 г. сделал неясным статус ст. 165, а часто говорят даже, что он ее отменил. На самом деле закон от 1893 г. говорит, что до погашения всего долга по выкупным платежам (явно подразумевая суммарные обязательства общины) член общины не может без согласия схода ни получить отдельного выдела своей доли (явно говорится о получении цельного куска земли), ни досрочно погасить свою долю общинной задолженности. Закон от 1893 г. не отменил ст. 165, а отложил возможность выхода из общины без ее согласия до того момента, когда община полностью рассчитается с долгами по выкупным платежам. Как и в случае с самой ст. 165, такое понимание соответствует основной задаче правительственной политики — защитить общину от перспективы потерять самых платежеспособных своих членов и защитить государство от риска непогашения задолженности по выкупным платежам. Если понимать дело таким образом, то с аннулированием выкупных платежей крестьяне получали возможность покидать общину в индивидуальном порядке.

Получилось так, что власти так и не дали собственного истолкования отношения между ст. 165 и законом от декабря 1893 г. Столыпинский указ от 9 ноября 1896 г. утвердил новую систему перехода от общинной крестьянской собственности к частному фермерскому хозяйству, и вопрос повис в воздухе.

¹⁰³ Mironov, *Social History of Imperial Russia*, 348—349 [Миронов Б. Н. Социальная история России периода империи. Т. 1. С. 479]; см. также: Blum, 618 (целью было гарантировать поступление платежей).

¹⁰⁴ W. E. Mosse, "Stolypin's Villages," *Slavonic and East European Review* 43 (1965): 260 (цит. по Горемыкину).

¹⁰⁵ Andrew Verner, "Discursive Strategies in the 1905 Revolution: Peasant Petitions from Vladimir Province," *Russian Review* 54 (1995): 78.

Социология общины

Забавно, что согласно имеющимся свидетельствам, передельная община не обеспечивала выравнивания материального положения крестьян. Сопоставление всех данных относительно двух видов общин дает сложную картину, и при этом в общинах с наследуемой землей было больше очень бедных хозяйств (по пять десятин и менее), но в них также было меньше процветающих хозяйств (с наделом в 15 десятин и более)¹⁰⁶. И какое бы влияние ни оказывали переделы на распределение богатства, они явно не способствовали его уравниванию. Это может служить еще одной иллюстрацией идеи, что почти во всех ситуациях неизбежно возникает некоторый элемент олигархии¹⁰⁷.

В сообщениях об общине повторяются упоминания о богатых крестьянах, иногда именуемых «кулаками». Эти упоминания часто соседствуют с пассажами, в которых описывается процесс передела земли, но никогда не говорится о том, как и почему уравнильные переделы не могут помешать крестьянам обрести исключительное богатство. Здесь могли действовать несколько факторов. Во-первых, результаты передела в соответствии (приблизительном) с размером семьи естественно устаревают, потому что одни семьи растут, а другие сокращаются. Многочисленная семья, выигравшая от передела, сократившись, будет иметь непропорционально много земли на каждого оставшегося. Во-вторых, в той мере, в какой община могла манипулировать ресурсами (например, брать взятки, скажем, за укрытие от призыва на военную службу, которую воспринимали почти как смертный приговор)¹⁰⁸, старейшины или просто влиятельные крестьяне могли что-то выгадывать в свою пользу. Общинное самоуправление можно было использовать для получения выгод за счет крестьян, не пользующихся влиянием; скажем, староста мог надавить на каких-то крестьян с требованием вовремя заплатить налоги, понуждая

¹⁰⁶ Тюкавкин. С. 75. К сожалению, имеющиеся данные не позволяют рассчитать, скажем, коэффициент Джини для двух типов общин.

¹⁰⁷ См.: Robert Michels, "Oligarchy," in *The Sociology of Organizations: Basic Studies*, eds. Oscar Grusky and George A. Miller (1970), 25–43.

¹⁰⁸ Hoch, *Serfdom and Social Control in Russia*, 151.

их наняться на работу за низкую плату, а наниматель в ответ рад был его отблагодарить¹⁰⁹. Далее, имущественное неравенство могло быть результатом успешных предприятий за пределами общины, таких как, скажем, ростовщичество. Нет сомнений, что достаточно распространенной была ситуация, когда некоторым крестьянам удавалось наладить систему прибыльной эксплуатации других крестьян, что и отражено в терминах «кулак» и «миroeд»¹¹⁰. Впрочем, с этими терминами не все ясно: в ходе одного исследования обнаружилось, что до 1917 г. крестьяне редко именовали «кулаками» и «мироедами» богатых крестьян из своей деревни, используя эти ярлыки только для обозначения чужих «хапуг»¹¹¹.

Если не считать влияния богатства, в остальном община была строго патриархальной. Женщины, естественно, подчинялись мужчинам, а молодые подчинялись старшим в куда большей степени, чем в городской культуре. Все главы семей были участниками схода, но не каждый взрослый мужчина имел на это право¹¹². Сыновья, если им не удавалось выделиться из общего хозяйства до смерти старшего члена семьи (так называемое «до-смертное разделение»), оставались бесправными и находились всецело во власти отца до самой его смерти. Но и тогда не обязательно наступала независимость, потому что зачастую семья сохранялась, и место главы семьи занимал старший сын¹¹³. Оптимист мог бы объяснить господство старших преобладанием устной традиции, в которой власть и авторитет естественно принадлежат тем, кто дольше жил, а потому лучше знает, что и как делается на белом свете¹¹⁴. Но это объяснение годится только для общества, в котором существует традиция не просто устная, но и чрезвычайно влиятельная, и в котором стабильность подавляет новаторство. Такой и была крестьянская Россия.

¹⁰⁹ См.: Olga Semenova-Tian-Shanskaya, *Village Life in Late Tsarist Russia*, ed. D. L. Ransel (1993), 165.

¹¹⁰ Worobec, 41; Mironov, *Social History of Imperial Russia*, 332 [Миронов Б. Н. Социальная история России периода империи. С. 465]; Moon, 233.

¹¹¹ Jeffrey Burds, *Peasant Dreams and Market Politics* (1998), 94–95.

¹¹² Hoch, *Serfdom and Social Control in Russia*, 133–136.

¹¹³ См.: Bohac, 23, 27.

¹¹⁴ Mironov, *Social History of Imperial Russia*, 310 [Миронов Б. Н. Социальная история России периода империи. С. 444].

С господством приходили льготы: освобождение от работы и почетное место в избе. По оценкам Хоха, который детально изучил поместье Петровское, треть населения общины, занимавшая промежуточное место между детьми и стариками, выполняла три четверти полевой работы¹¹⁵. Он также обнаружил, что «в Петровском царила настоящая вражда между поколениями, и по одну сторону находились глава семьи и его жена, а по другую — все остальные, эксплуатируемые члены семьи»¹¹⁶. Как мы уже видели, власть легко конвертируется в материальные выгоды: взятки или подношения в ответ на обещание оказать покровительство (или наоборот) в отношениях с помещиком (до освобождения) или с государством. Таким образом, для общинной жизни было характерно такое же, как везде, стремление к самовозвеличению.

В главе I я провел различие между режимом частной собственности и режимом иерархически-родовых, или патронажных, отношений, причем последние служат главным образом реализации личных интересов, если, конечно, оставить в стороне прямую вражду¹¹⁷. Хотя община не была сферой господства частной собственности, она, на первый взгляд, не кажется царством патронажных отношений. Но при более близком изучении выясняется, что это была бы правильная характеристика. Главы семей, находящиеся на самом верху иерархии, действовали как совет и руководили рядовыми членами общины во всех мелочах их хозяйственной и семейной жизни, а также и в их отношениях с государством, таких как набор рекрутов или по меньшей мере исполнение некоторых законов. Можно, конечно, попытаться представить, что общинники в целом каким-то образом стояли над этим коллективным

¹¹⁵ Hoch, *Serfdom and Social Control in Russia*, 135.

¹¹⁶ Ibid., 132.

¹¹⁷ Третий метод состоит в использовании институтов, не связанных с собственностью, начиная с четко ограниченных законом требований, таких как требования на пособие системы социального обеспечения, и заканчивая более неопределенно сформулированными интересами, такими как место и характер публичных работ. Такого рода права, опирающиеся на закон, в основном свободны от патронажных отношений (по крайней мере на личном уровне), но играют скромную прямую роль в инвестировании или распоряжении ресурсами. Когда последняя функция начинает расширяться, с ней вместе начинают крепнуть и патронажные отношения.

руководством. Но состав и власть этого органа — коллектива глав семей, монопольно распоряжавшихся всеми ресурсами общины, — вряд ли заслуживает такого благостного мнения.

Община вряд ли могла избежать характерных для патронажного режима проблем с информацией и конфликта интересов. Поскольку система глушила рыночную информацию о сравнительной стоимости таких ресурсов, как труд и земля, сход не мог полагаться на нее при оценке соотношения выгод и потерь. Более того, выступая как агент общины, сход, в описании Хоха, вел себя как чисто патронажная организация, члены которой подкупами и интригами преследуют свои частные интересы. Далее, поскольку труду и земле был закрыт выход на рынок, между общинами не было рыночной конкуренции за ресурсы, как это имеет место между современными корпорациями. А это избавляло их от конкуренции, создающей самые мощные стимулы для обуздания патологий, свойственных патронажным режимам¹¹⁸.

Отношение к закону, собственности и личным достижениям

Прежде чем завершить анализ прав собственности, следует обратить внимание на некоторые установки, широко распространенные среди русских крестьян. В обширном трактате о социологических аспектах деревенской жизни Миронов изображает столкновение крестьян с «официальным законом» как чисто негативное: приходилось выполнять государственные повинности — платить налоги и выкупные платежи, отдавать парней в армию и ходить на дорожные работы; крестьяне конфликтовали со всеми некрестьянами по поводу условий договоров, а время от времени подавали наверх петиции с просьбой о помощи¹¹⁹. Миронов предлагает довольно размытую концепцию «официального закона», противопоставляя ему регулирование на основе «обычного права», которым, по его словам, руководствовались при разрешении гражданских

¹¹⁸ См. в главе I «Права собственности, гражданское общество и либеральная демократия».

¹¹⁹ Mironov, *Social History of Imperial Russia*, 104 [См. Мухомов Б. Н. Социальная история России периода империи. Т. 1.].

и уголовных дел, затрагивавших крестьян¹²⁰. По-видимому, он имеет в виду закон, применявшийся в местных крестьянских судах (в волостных судах), о которых речь будет ниже.

Миронов приводит русские пословицы и поговорки, в которых закон неизменно изображен в отрицательном свете: «Где закон, там и обида», «Где суд, там и неправда», «Не будь закона, не стало бы и греха»¹²¹. Такое отношение — если считать, что оно было преобладающим, — представляется естественной реакцией со стороны людей, которые как класс не только были исключены из процесса формирования закона, но и имели дело с законом только при столкновении с чужаками — с помещиками и чиновниками, обладавшими правом творить и применять закон безо всякой оглядки на крестьян. Энгельгардт, помещик с литературными способностями, опубликовавший письма о деревенской жизни в пореформенной России, приводит слова крестьянина, недовольного уголовным законодательством: «Что это за закон? Кто его писал? Это все господа писали»¹²². Крайняя скованность ресурсов, обусловленная (наряду с другими факторами) системой собственности на наделенную землю, означала, что у русского крестьянина было куда меньше возможностей, чем, скажем, у американского или европейского фермера в том же XIX в., даже помыслить об обращении к закону для разрешения споров о собственности с юридически равными лицами в таких, скажем, ситуациях, как оспаривание договоров, дарственных, права прохода, создания помех и причинения ущерба.

Судя по тому, что писалось об отношении крестьян к воровству и обману, у них не было идеи права, отделенного от социального статуса сторон. Крестьяне проводили различие между обманом чиновника или помещика (это хорошо) и надувательством соседа или родственника (это плохо)¹²³ и не считали за воровство рубку деревьев в помещичьем или казенном лесу, потому что дерево никто не сажал, оно само вырос-

¹²⁰ Ibid., 304—305. Там же. С. 439.

¹²¹ Ibid., 305. Там же. С. 439—440.

¹²² См., например, Aleksandr Nikolaevich Engelhardt and Cathy A. Frierson, *Aleksandr Nikolaevich Engelhardt's Letters from the Country, 1872—1887* (1993), 63. [Энгельгардт А. Н. Из деревни. 12 писем. 1872—1887. СПб., 1999.]

¹²³ Ibid., 305. Ср.: James C. Scott, *The Moral Economy of the Peasant* (1976), with Samuel L. Popkin, *The Rational Peasant* (1979).

до¹²⁴. В этом много общего с поведением получивших свободу американских негров, которые воспринимали воровство как способ получения возмещения за украденные у них свободу и труд¹²⁵ и готовы были восхищаться «подвигами» таких же, как они, осужденных за преступления против жизни или собственности белых (и только белых)¹²⁶. Но отношение крестьян может иметь и другое объяснение. Согласно Энгельгардту, крестьяне могли понимать, что нанести ущерб помещику — дело почти столь же нехорошее, как навредить крестьянину, но при этом они также исходили из того, что с дворянами иметь дело безопаснее, потому что «помещик» действует «по простоте, то есть по глупости, а не как крестьянин»¹²⁷. Крестьяне основывали свои суждения о ком-либо, исходя не только из оценки социального положения человека, но и в зависимости от покровительственных и личных связей с ним¹²⁸, что было неизбежно в системе, отличавшейся слабостью прав собственности и ограниченностью рыночных возможностей.

В крестьянской жизни было много враждебности, причем не только в отношении помещиков. Мы уже отмечали чрезмерность власти старших по возрасту, но это лишь один аспект противоречий, раздиравших крестьянский мир. Хох отмечает, что в большинстве случаев на воровстве, даже если пострадавшим был помещик, ловили только потому, что один крестьянин доносил на другого. Имеющиеся свидетельства подтверждают это объяснение. Хох заключает, исходя из данных о развитии доносительства, что «трудно представить, чтобы там не преобладала атмосфера враждебности, недоброжелательства и мстительности»¹²⁹.

К тому времени, когда Столыпин стал премьер-министром, ситуация уже во многом изменилась под влиянием как самого освобождения от крепостной зависимости, так и судебных реформ Александра II. В 1864 г. он создал крестьянские суды

¹²⁴ Hoch, *Serfdom and Social Control in Russia*, 166.

¹²⁵ Leon F. Litwack, *Been in the Storm So Long: The Aftermath of Slavery* (1979), 142—143.

¹²⁶ Leon F. Litwack, *Trouble in Mind: Black Southerners in the Age of Jim Crow* (1998), 446.

¹²⁷ Engelhardt & Frierson, 60, 224. [Энгельгард А. Н. Из деревни. 12 писем. 1872—1887. СПб., 1999.]

¹²⁸ Burds, 101.

¹²⁹ Hoch, *Serfdom and Social Control in Russia*, 168.

на уровне волости, самой мелкой территориально-административной единицы. Этим судам было поручено рассматривать маловажные гражданские и уголовные дела, вытекающие из крестьянского быта. Суд состоял из трех избираемых судей, один из которых уездным съездом назначался председателем и судил на основе местных обычаев, если это допускалось государственными законами¹³⁰. В 1889 г. эти суды были сделаны судами первой инстанции по всем делам с участием сельских жителей, исключая дворян, а судьям начали платить жалование¹³¹. Крестьяне избирали судей из числа домохозяев. Выборы проходили под надзором земского начальника, который во всех случаях назначался не из крестьян. В большинстве случаев земские начальники не вмешивались в решения крестьянского суда¹³².

Решения волостных судов сохранялись в архивах и в принципе могли бы служить основой для развития системы прецедентного права. Но трудно представить, чтобы лишенные профессиональной юридической помощи крестьяне нашли время для архивных изысканий и анализа прошлых дел, без чего невозможно прийти к последовательной и непротиворечивой судебной политике. Поэтому когда Миронов пишет об отношении крестьян к «обычному праву», он имеет в виду не англо-американское общее право, в котором идея прецедента предполагает стремление соблюдать связность и логичность при вынесении приговоров, но просто тот факт, что судьи руководствовались неким общим пониманием ситуации.

Более того, решения волостных судов могли быть обжалованы в «областном [уездном] съезде», составленном из земских начальников нескольких волостей (но, очевидно, с участием мировых судей), а потом в губернской судебной палате¹³³. На этих чиновников — в большинстве своем не имевших

¹³⁰ Jane Burbank, "Legal Culture, Citizenship, and Peasant Jurisprudence: Perspectives from the Early Twentieth Century," in *Reforming Justice in Russia, 1864—1994: Power, Culture, and the Limits of Legal Order*, ed. Peter Solomon, Jr. (1997), 85—86. См. также: Burbank, *Russian Peasants Go to Court*.

¹³¹ Burbank, "Legal Culture," 89, 91.

¹³² Burbank, *Russian Peasants Go to Court*, 167—173.

¹³³ Gareth Popkins, "Peasant Experiences of the Late Tsarist State: District Congresses of Land Captains, Provincial Boards and the Legal Appeal Process," *Slavonic and East European Review* 78, no. 1

юридического образования — была возложена обязанность каким-то образом интегрировать крестьянское обычное право в систему государственных законов, но при этом не существовало четких и последовательных правил о том, в каких случаях нужно следовать нормам государственного права, и даже не было надежных способов установить содержание крестьянского обычного права¹³⁴. Все участники неизбежно должны были быть сбиты с толку.

На самом деле волостные суды проделывали огромную работу. В 1905 г. только в одной Московской губернии, например, они рассмотрели более 25 000 гражданских дел (для сравнения — почти 22 000 уголовных дел в волостных судах и почти 80 000 всех видов дел во всех судах Московской губернии). Ученый, основательно пропахавший архивы волостных судов, обнаружил, что многие дела были связаны с землевладением и землепользованием, т.е. представляли собой иски о возмещении за «нарушение права на землю», за «нарушение права на наследование земли», за причинение различного рода вреда (сброшен мусор на чужой земле, посажены деревья там, где их нельзя было сажать, вытоптаны посевы, сожжены чужие дрова и т.п.)¹³⁵. Крестьяне явно демонстрировали готовность решать многие конфликты через суд, по крайней мере если говорить об истцах, но и проигравшие покорно подчинялись решению суда¹³⁶.

Хотя волостным судам явно недоставало последовательности в толковании правовых норм, они давали крестьянам

(January 2000): 100. См. также George L. Yaney, *Systematization of Russian Government* (1973), 326—328.

¹³⁴ Corinne Gaudin, "Peasant Understanding of Justice in Appeals of Volost Court Verdicts, 1889—1917" (рукопись, датированная ноябрем 2003 г.). См. также: George L. Yane, "The Concept of the Stolypin Land Reform," *Slavic Review* 23 (1964): 275, 279—280; Gareth Popkins, "Code versus Custom: Norms and Tactics in Peasant Volost Court Appeals, 1889—1917," *Russian Review* 59 (2000): 408—424.

¹³⁵ Burbank, "Legal Culture," 96—97. См. также: Burbank, *Russian Peasants Go to Court*, 86—87, 97—109, 230—232. Бербанк отмечает предметы исков (*ibid.*, 86—87), и из ее выборки следует, что значительная доля исков — пожалуй, существенно больше половины — имеет отношение либо к земле, либо к имуществу, напрямую связанному с землей, такому как сено, конюшни, сараи и ограды.

¹³⁶ Burbank, *Russian Peasants Go to Court*, 253, 268.

прекрасную возможность познакомиться со многими характерными чертами верховенства права: с процессом вынесения решений беспристрастным арбитром и с последующими формальными процедурами, цель которых — дать обеим сторонам шанс на справедливое решение. И исследование ряда очевидных категорий дел, в которых *могла быть* проявлена дискриминация (мужчины против женщин, члены общины против чужаков, грамотные против неграмотных), показало, что такого рода вещи не оказывали заметного влияния на исход рассмотрения в суде¹³⁷. Если число истцов, решивших обратиться в суд, — это одностороннее свидетельство, то согласие проигравшей стороны с решением суда говорит о том, что они принимали закон, который вершили волостные суды. Есть сообщения, что даже после реформ 1889 г. судьи волостных судов иногда брали взятки деньгами, водкой и продуктами, что они не всегда воздерживались от ведения дел, по которым проходили их родственники, и можно только гадать о том, сколь распространенными были эти явления, бросавшие тень на правосудие¹³⁸.

В общем, налицо были свидетельства марша, или по крайней мере движения, к воспитанию здорового правового сознания. Но поскольку даже в 1905 г. подавляющая часть крестьянских земель представляла собой общинные наделы, едва ли этому процессу удалось сильно разрушить склад ума, неизбежно сопутствовавший системе без четко очерченных прав частной собственности.

Из всего этого не следует, что недоверие крестьян к закону было результатом исключительно системы собственности, созданной для наделной земли. Серьезным уроком для крестьян было беззаконие, творившееся правительством России. До 1848 г. крестьянин имел возможность, по меньшей мере на практике, купить себе землю на имя своего помещика, хотя система эта явно создавала условия для взаимного непонимания и обоюдных претензий. В 1848 г. новый закон разрешил крепостным покупать землю на свое имя, но при этом признавал их притязания на земли, купленные на имя

¹³⁷ Ibid., 193, 255.

¹³⁸ Cathy A. Frierson, "I Must Always Answer to the Law...: Rules and Responses in the Reformed Volost Court," *Slavonic and East European Review* 75, no. 2 (April 1997): 308, 322—325.

помещика, только если помещик добровольно подтверждал их обоснованность. Но поскольку закон не был широко опубликован, крепостные продолжали действовать старым методом, и лишь немногие попытались переписать прежде купленную землю на себя. Наконец, в 1861 г. в законе об отмене крепостной зависимости государство установило ограничения на признание старых приобретений, отказавшись признавать право собственности на землю, купленную более чем за десять лет до публикации закона, а многие приобретения были сделаны задолго до этого срока¹³⁹. Учитывая эту легкомысленную готовность государства задним числом разрушать собственность, русские крестьяне имели все основания не доверять закону и без причудливых особенностей общинного землевладения.

Наконец, крестьяне зачастую неодобрительно относились к благосостоянию, превышающему средний уровень. Они понимали дело так, что необычно богатые «добились успеха или с помощью нечистой силы, либо за счет нарушения крестьянской этики коллективности и взаимности. Поскольку вероятность найти клад стремилась к нулю, они делали вывод, что удачливые крестьяне обязаны богатством тому, что занимались ростовщичеством и другими несправедливыми делами»¹⁴⁰. Было сделано все, чтобы стреножить и остановить любого, желавшего работать больше других. Существовало очень много обязательных религиозных праздников (их число выросло с 95 в середине XIX в. до 120 к его концу), и в наказание нечестивцев община могла сломать рабочий инвентарь. В Подмоскowie одного бедолагу, решившего поработать в один из церковных праздников, привлекли к суду по обвинению в богохульстве¹⁴¹. В черноземных губерниях, где старые традиции были еще крепче, крестьяне высказались об одном трудолюбии-

¹³⁹ Gerschenkron, «Agrarian Policies», 155—157; Gorshkov, 650—651 (обсуждение закона от 1848 г.). См. также: Robert Conquest, *We and They* (1980), 63 (отмечает незащищенность прав собственности на всех этажах русского общества, что лишало де-льцов возможности полагаться на будущее и заставляло стремиться к «немедленной выгоде», ради чего они готовы были и на обман).

¹⁴⁰ Worobec, 41.

¹⁴¹ Mironov, *Social History of Imperial Russia*, 341—342 [Миронов Б. Н. Социальная история России периода империи. Т. 1. С. 474].

вом односельчанине следующим образом: «Что он? Как жук в земле копается с утра до ночи»¹⁴².

Похоже, что в основе циничного отношения крестьян к богатству лежало предположение, что по производительности люди мало отличаются друг от друга. Это соответствует моей гипотезе, что практика переделов отражала веру в то, что допущение больших различий в обеспеченности землей не имеет особого значения, потому что это все равно не особо скажется на урожае, а если скажется, то толка от этого все равно будет немного, потому что куда же все это девать, ведь возможности сбыта ограничены? Но подобное умонастроение должно было понемногу исчезать с ростом специализации и появлением новых профессий, а также в той мере, в какой становилось все более очевидным, что укрупнение земельных владений ведет к росту производительности (в силу экономии на масштабах производства, а также предприимчивости и смекалке хозяина), а расширяющийся рынок предлагает новые товары, на которые можно было истратить деньги.

После освобождения эти установки также претерпели значительные изменения. Миронов утверждает, что крестьяне «стали гордиться богатством» и «а «умение нажать копейку стало служить мерилom оценки ума, характера и вообще достоинств человека»¹⁴³. Он говорит, что после 1861 г. в общине начали развиваться «связи общественного типа, основанные на прагматичном расчете, рациональном обмене услугами и вещами, на различии в имущественном положении»¹⁴⁴. В том же направлении изменялось содержание еженедельника «Нива», чрезвычайно популярного издания в кругах городской и сельской интеллигенции, и не исключено, что под действием тех же сил, которые меняли установки крестьян. «Нива» часто публиковала биографии выдающихся людей, жизнь которых казалась редакторам поучительной. За 1870—1880-е годы она опубликовала шестнадцать биографий предпринимателей, и во всех герой подвергался критике за свою страсть к личному обогащению. Но девятнадцать биографий предпринимателей, опубликованных в 1890—1913 гг., были лишены этой критичности, а в центре их оказались патриотизм героя и польза,

¹⁴² Ibid., 342 [Там же. С. 474].

¹⁴³ Ibid., 354 [Там же. С. 486].

¹⁴⁴ Ibid., 355 [Там же.].

которую он принес науке, а порой даже подчеркивалось, что их дело полезно для общества. Хотя редакция не дошла до того, чтобы печатать статьи, выставяющие в благоприятном свете самую предприимчивость и предпринимательство, но зато со страниц «Нивы» исчез блиставший там прежде герой-аскет, а с ним и проклятия в адрес стремления разбогатеть¹⁴⁵.

Другим признаком роста уважения к личным экономическим достижениям были выборы судей волостного суда. В своем довольно поучительном исследовании Бербанк обнаружила, что крестьянские выборщики предпочитали выбирать в судьи «зажиточных мужиков», из чего она делает вывод, что «выбирая таких людей в судьи, сельский люд демонстрировал, что связывает богатство с долгом и ответственностью»¹⁴⁶. Бербанк находит аргументы, выдвигавшиеся в этих судах, довольно «буржуазными»: «...будучи налогоплательщиками, участниками рыночной экономики, производителями и продавцами продукции, крестьяне рассчитывали, что их судьи будут защищать собственность и обеспечивать выполнение договорных обязательств»¹⁴⁷.

Изменение установок сказывалось и на функционировании общины. Молодежь все чаще заботилась о разделе семейного имущества при жизни отца и благодаря этому получала голос на сходе. Растущие сезонные заработки за пределами общины¹⁴⁸ давали семьям независимые источники дохода, что уменьшало потребность в большой семье как опоре и защите, а одновременно повышало у крестьян чувство самостоятельности и протест против перераспределения¹⁴⁹. Крестьяне начали покупать землю за пределами общины, что открывало путь к экономической независимости¹⁵⁰. Даже такой горячий сторонник общины и коллективизма, как Энгельгардт, видел это движение к личной независимости и понимал, что пер-

¹⁴⁵ Ibid., 491—495 [Там же. Т. 1. С. 317—320].

¹⁴⁶ Burbank, *Russian Peasants Go to Court*, 174.

¹⁴⁷ Ibid., 266. См. также р. 201, 260—261.

¹⁴⁸ Если в 1861 г. в 43 губерниях крестьянам было выписано 1,2 млн паспортов, открывавших возможности для трудовой миграции, то в 1910 г. их было выписано примерно 8,7 млн. См.: Burds, 22.

¹⁴⁹ Cathy A. Frierson, "Razdel: The Peasant Family Divided," *Russian Review* 46 (1987): 35—52.

¹⁵⁰ Mironov, *Social History of Imperial Russia*, 145 [Миронов Б. Н. Социальная история России периода империи.].

выми идут в этом направлении самые умные и прилежные крестьяне¹⁵¹.

За индивидуализм, разумеется, приходится платить. Ослабла готовность участвовать в общинном сходе и нести общинные повинности, а уровень преступности сильно вырос (более чем на 50% за период с 1874—1875 гг. по 1909—1913 гг.)¹⁵². Обычай «помощи» — вся деревня дружно бралась за строительство, скажем, конюшни, после чего следовали развлечения и выпивка, — постепенно отходил в прошлое. Нехватку трудового энтузиазма отчасти восполняли богатые крестьяне, видимо, из соображений престижа: в обмен на чисто символическую работу они ставили обильное угощение¹⁵³.

С началом XX в. выгоды, извлекаемые Россией из своеобразного характера земельных отношений в общине, становились все меньше, а издержки — как и издержки от ограничения крестьянского выбора новых альтернатив — все выше.

---

¹⁵¹ Engelhardt & Frierson, 87, 121—122. [Энгельгард А. Н. Из деревни. 12 писем. 1872—1887. СПб., 1999.]

¹⁵² Mironov, *Social History of Imperial Russia*, 343, 344 [Миронов Б. Н. Социальная история России периода империи. Т. 1. С. 476]. Уровень преступности на 100 000 населения вырос со 177 до 271.

¹⁵³ Burds, 96—98.

Глава 3

ЖИЗНЬ КРЕСТЬЯН НАКАНУНЕ РЕФОРМЫ

Революция 1905 г. началась 9 января с чисто городского события, ставшего известным как Кровавое воскресенье. В Санкт-Петербурге войска расстреляли мирный марш протеста, в котором участвовали преимущественно рабочие. По официальным данным, было убито 130 и ранено 299 человек¹. Последовала волна забастовок в городах и в сельской местности. Группы крестьян нападали на имения помещиков, захватывали зерно и землю, сжигали усадьбы. Деревня долго раскачивалась; в январе было только 17 выступлений. Но к июню их число дошло до 492, потом сократилось до 155 в июле и до 71 в августе и сентябре (уборка урожая) и, наконец, достигло пика в ноябре — 796². Первую волну беспорядков удалось в основном взять под контроль к концу 1905 г., но в мае 1906 г. пошла вторая волна. На этот раз крестьяне меньше жгли и грабили усадьбы, а больше занимались незаконным выпасом скота, валкой леса и, естественно, перестали платить налоги. Забастовали батраки, потребовавшие повысить плату. Остановить забастовки для правительства оказалось труднее, потому что нужно было не защищать усадьбы от разрушения и разграбления, а заставить крестьян вернуться к труду. Солдаты, вернувшиеся с неудачной войны с Японией, выступали в поддержку крестьян³.

Было ли это результатом бедственного материального положения? Похоже, что крестьянская беднота довольно вяло участвовала в восстаниях, возможно, потому что их было легче

---

¹ Abraham Ascher, *The Revolution of 1905: Russia in Disarray* (1988), 83–92.

² Ibid., 162. Эти цифры охватывают крупные и мелкие выступления.

³ Abraham Ascher, *The Revolution of 1905: Authority Restored* (1992), 117–118, 123–128.

запугать, чем зажиточных крестьян⁴. В 1905 г. урожай зерновых (0,461 т на душу) оказался ниже, чем годом ранее, а урожай 1906 г. упал почти до уровня катастрофически неурожайного 1891 г. (0,377 т)⁵. Вполне естественно, что восстания увязали с бедственным материальным положением крестьян, и, когда в июле 1906 г. Столыпин стал премьер-министром, главным пунктом повестки дня оказался «аграрный вопрос», толковавшийся по-разному, но вращавшийся вокруг необходимости улучшить материальное положение крестьян или по меньшей мере унять крестьянские волнения.

В действительности, вполне возможно, что объяснять восстания бедностью было ошибкой. Как мы увидим ниже, период перед революцией 1905 г. — подобно времени перед Французской революцией — был временем постепенного повышения зажиточности. Но русские крестьяне были еще довольно бедны, по крайней мере в сравнении с мелкими фермерами в других странах. Предложения по борьбе с бедностью распались на два главных типа: они были нацелены либо на повышение производительности, либо на перераспределение земли. В этой главе мы рассмотрим положение дел с производительностью сельского хозяйства и с обеспеченностью крестьян землей, чтобы сделать понятными потенциальные возможности каждой из этих соперничавших идей.

⁴ Ascher, *Russia in Disarray*, 163–164; Ascher, 1905: *Authority Restored*, 115. Будучи губернатором Саратовской губернии, Столыпин в письме к тогдашнему министру внутренних дел Дурново отметил, что в событиях 1905 г. особую активность проявили зажиточные крестьяне. См.: George Tokmakoff, *P. A. Stolypin and the Third Duma: An Appraisal of Three Major Issues* (1981), 29–30.

⁵ Ascher, 1905: *Authority Restored*, 117–118; Stephen G. Wheatcroft, “Crises and the Condition of the Peasantry in Late Imperial Russia,” in *Peasant Economy, Culture, and Politics of European Russia, 1800–1921*, eds. Easter Kingston-Mann and Timothy Mixter (1991), 142. Хотя в большинстве районов беспорядки начинались до времени уборки урожая, урожай 1906 г. был настолько плох, что это только подлило масла в огонь. См.: David Moon, *The Russian Peasantry, 1600–1930: The World the Peasants Made* (1999), 124–125 (озимая рожь была жата в центральных районах в конце июля, а в черноземных чуть ранее).

*Динамика сельскохозяйственной
производительности на душу населения*

Неадекватность дореформенного правового режима может привести к мысли, что к началу XX столетия положение русского сельского хозяйства было абсолютно безнадежным. Но это не так. Фактически, начав с очень большого отставания от Западной Европы, после освобождения крестьянства производительность в сельском хозяйстве России постепенно повышалась, в том числе в расчете на душу населения. Тем не менее в начале столетия отставание все еще было очень значительным, и темп улучшений не мог служить основой для удовлетворенности ситуацией в области прав собственности на землю.

До недавнего времени преобладало довольно мрачное представление о производстве зерна в России в последней четверти XIX в. Видный экономический историк Александр Гершенкрон, например, доказывает, что в этот период «русское сельское хозяйство... предпринимало героические усилия для поддержания на неизменном уровне производства на душу населения, но не справилось с этой задачей»⁶. Потом выяснилось, что полученные им результаты объясняются тем, какие годы он взял для сравнения. Он сравнил 1870—1874 гг. с 1896—1900 гг., но первый пятилетний период был исключительно урожайным: 1870 г. был просто необыкновенно удачным, два года были просто хорошими (1872, 1874) и не было ни одного плохого⁷. Если начальный пятилетний период сдвинуть вперед или назад всего на один год, те же данные показывают рост производства зерна примерно на 1,5% в год, что соответствует годовому приросту населения⁸. Советский статистик Обухов, взявший период 1883—1914 гг. (выбор объясняется доступностью данных), использовал метод, при котором вес зерна в каждом промежуточном году принимался равным весу в первом и последнем годах периода, и получил рост производства зерна на 2,1% в год при росте населения на 1,5% в год, или чистый прирост обеспеченности зерном на 0,6% в год⁹. Уиткрофт делает

⁶ Wheatcroft, 131.

⁷ Ibid., 131, 133.

⁸ Ibid., 131.

⁹ Ibid., 133, п. 5. По сути дела, Обухов использовал технику регрессии, при которой на график наносятся все годы периода и прово-

Таблица 3.1

Годовые темпы роста расходов на личное потребление

Период	Расходы на личное потребление (оставлено крестьянскими семьями для потребления)
С 1885—1889 по 1889—1893 гг.	0,4%
С 1889—1893 по 1893—1897 гг.	5,9%
С 1893—1897 по 1897—1901 гг.	1,6%
С 1897—1901 по 1901—1905 гг.	3,1%
С 1901—1905 по 1905—1909 гг.	0,3%
С 1905—1909 по 1909—1913 гг.	5,1%

вывод, что даже после вычета зернового экспорта получается, что потребление зерна увеличивалось¹⁰.

Пол Грегори, используя другой подход, рассчитал количество зерна и других продуктов питания, оставшихся в сельскохозяйственных районах, чтобы оценить качество снабжения сельхозпроизводителей. Как показывает табл. 3.1, взяв чистый объем сельскохозяйственного производства и вычтя продукцию, вывезенную из сельских районов, Грегори обнаружил, что в период с 1885—1889 гг. по 1909—1913 гг. потребление продуктов питания в сельских районах увеличивалось на 2,7% в год, и при этом периоды очень быстрого роста сменялись периодами стагнации или медленного роста¹¹.

Грегори получил сходные результаты для ряда других показателей экономических изменений. Он обнаружил, что производительность труда в сельском хозяйстве увеличивалась в период с 1883—1887 гг. по 1909—1913 гг. примерно на 1,35% в год¹², а доход на душу увеличивался на 1,7%

дится обобщающая прямая, минимизирующая сумму расстояний от прямой до точек графика. Полученные коэффициенты роста сопоставимы с результатами Кондратьева (*Кондратьев Н. Д. Рынок хлебов и его регулирование во время войны и революции*. М., 1922), цит. по: Peter Catrell, *The Tzarist Economy, 1850—1917* (1986), 121—122.

¹⁰ Wheatcroft, 133—142.

¹¹ Paul R. Gregory, *Russian National Income, 1885—1913* (1982), 130—132, 222—245.

¹² Ibid., 168; also *ibid.*, 133—134, 138. Грегори использовал термин «производительность труда» для обозначения количества про-

(из-за падения производства в период революции 1905 г. после 1900 г. его рост на душу населения был существенно более медленным)¹³. Кроме того, он обнаружил, что в сельском хозяйстве рост производительности не очень отставал от промышленности (75%!) и что это соотношение было примерно таким же, как в странах Запада в тот же период¹⁴. Грегори также показывает, что в период после освобождения крепостных рост дохода на душу населения в городах параллельно вызывает рост дохода в сельской местности, так что, если бы не было ограничений миграции в города, последняя вела бы к выравниванию реальной заработной платы¹⁵. Конечно, как мы видели, в стране имелись препятствия к внутренней миграции, но они были сравнительно легко преодолимы.

Какое-то время преобладало мнение, что рост крестьянской задолженности по выкупным платежам увеличивался, из чего делался вывод, что это было признаком растущей нищеты. При этом наблюдатели приводили суммы *накопленной* задолженности¹⁶. Но это ведь не очень существенный показатель. Если крестьяне в целом ежегодно не могли внести ничтожный процент выкупных платежей, суммарный долг, естественно, должен был увеличиваться. Но фактически среднегодовые недоимки составляли всего около 5%, и на протяжении всего периода эта величина оставалась достаточно постоянной. Пару раз, в 1887 и 1888 гг., сборы составили 106—107%, т.е. какие-то крестьяне погасили накопившуюся задолженность, а другие внесли плату вперед¹⁷. Поскольку правительство установило

дукции на одного работника. См.: *ibid.*, 136. Можно было бы подойти к исследованию производительности труда таким образом, чтобы зафиксировать все переменные и измерить, например, зависимость роста от изменения человеческого капитала. Грегори эта возможность не заинтересовала.

¹³ *Ibid.*, 126, 147—148.

¹⁴ *Ibid.*, 133, 168—169.

¹⁵ Paul Gregory, *Before Command: An Economic History of Russia from Emancipation to the First Five-Year Plan* (1994), 42—43.

¹⁶ См., напр.: Geroid T. Robinson, *Rural Russia Under the Old Regime* (1969), 111.

¹⁷ Steven L. Hoch, "On Good Numbers and Bad: Malthus, Population Trends and Peasants Standard of Living in Late Imperial Russia," *Slavic Review* 53 (1994): 44—48; James L. Simms, "The Crisis in Russian Agriculture at the End of the Nineteenth Century: A Different View," *Slavic Review* 36 (1977), 381.

завышенную величину выкупных платежей, чтобы иметь возможность расплатиться с бывшими владельцами, даже собрав только 92% намеченной суммы, пятипроцентная недостача фактически означала превышение. Когда в 1906 г. операция по выкупу надельных земель была завершена, правительство уже располагало растущим резервным фондом, составлявшим более 25 млн руб., или примерно 60% годового платежа (вернее, таким он был бы, если бы ранее правительство не аннулировало половину долговых обязательств)¹⁸. Таким образом, история погашения выкупных платежей никак не свидетельствует о растущем обеднении крестьян.

Наконец, демография может косвенно измерить бедность сельского населения или отсутствие таковой. В быстром росте населения России после отмены крепостного права принято было видеть некую иллюстрацию к теории Мальтуса. Идея заключалась в том, что быстрый рост населения России демонстрирует неуклонно увеличивающийся разрыв между численностью населения и ресурсами (что по меньшей мере сомнительно). На самом деле рост населения России в 1861—1914 гг. — это еще одна иллюстрация изречения Эберштадта, что в новое время ускоренный рост населения начался «не потому, что люди внезапно стали размножаться как кролики, а потому что они наконец перестали умирать как мухи»¹⁹. Уровень рождаемости в России был почти неизменен до 1900 г., когда он начал быстро сокращаться (никаких кроликов, знаете ли!). Но уровень смертности начал снижаться задолго до этого — он медленно снижался с конца 1860-х до начала 1890-х годов, а затем его падение резко ускорилось²⁰. Таким образом, в конце XIX в. в России имел место стандартный для новейшего времени демографический процесс — уровень рождаемости начал падать вслед за падением уровня смертности, а времен-

¹⁸ Hoch, "Good Numbers," 45, 46—47.

¹⁹ Nicholas Eberstadt, "Population, Food and Income: Global Trends in the Twentieth Century," in *The True State of the Planet*, ed. Ronald Bailey (1995), 15.

²⁰ Hoch, "Good Numbers," 62—63. Поскольку в этот период возрастная структура была стабильна, общие коэффициенты рождаемости и смертности поддерживают демографически значимую гипотезу о зависимости этих коэффициентов от возраста. См. также: Arcadius Kahan, *Russian Economic History: The Nineteenth Century*, ed. Roger Weiss (1989), 3.

ной лаг между этими двумя тенденциями стал причиной значительного разового роста населения²¹.

В той мере, в какой улучшение питания может служить объяснением снижения уровня смертности, благоприятная демографическая динамика может свидетельствовать о повышении производительности сельского хозяйства в расчете на душу населения. Вообще говоря, возможны и другие объяснения снижения уровня смертности, но большинство из них (помимо улучшения питания) не представляются особо правдоподобными для России того времени. Главной причиной младенческой смертности в России была практика раннего прекращения грудного вскармливания, из-за чего многие дети погибали от расстройств пищеварения, но, насколько известно, в этом отношении значительных изменений не происходило²². Не было значительных изменений санитарно-гигиенических условий жизни и в сельской местности, так что этот фактор не мог сыграть существенной роли, а скромность достижений вакцинации и терапии в Западной Европе того времени свидетельствует о том, что эти факторы не могли оказать значительного влияния на смертность в России XIX в.²³ С другой стороны, имело место некоторое сокращение смертности от оспы, что мало связано с питанием, а также от тифа и дифтерии, что может быть как-то с ним связано. О серьезном улучшении уровня питания говорит увеличение среднего

²¹ Ср.: Geoffrey Drage, *Russian Affairs* (1904), 114–115 (обнаружено, что в первые 20 лет после освобождения крестьянства население увеличивалось пропорционально величине земельного надела: начиная с 16,6% для имеющих менее десятины на душу и до 30,3% для имеющих шесть и более десятин). Анализ недоразумения, приведший исследователей к необоснованно мрачному представлению о тенденциях изменения производительности и материального благосостояния, см. в: Elvira M. Wilbur, "Was Russian Peasant Agriculture Really That Impoverished? New Evidence from a Case Study from the 'Impoverished Centre' at the End of the Nineteenth Century," *Journal of Economic History* 45 (1983): 137–147.

²² Hoch, "Good Numbers," 69.

²³ Ibid., 70. См. также: Thomas McKeown, "Fertility, Mortality and Causes of Death: An Examination of Issues Related to the Modern Rise of Population," *Population Studies* 31 (No. 3, November 1978): 535–542.

веса рекрутов в 1890—1899 гг.²⁴ В целом данные в какой-то степени поддерживают вывод о повышении производства на душу населения. Или, если говорить более строго, они подрывают убедительность противоположного утверждения.

В начале XX в. производительность сельского хозяйства в России была значительно ниже, чем в Западной Европе. Согласно П. И. Лященко, средняя урожайность зерновых в России в 1909—1913 гг. была 43 пуда (0,69 метрической тонны) на десятину (2,7 акра, или 1,09 га), тогда как в Дании урожайность составляла 195, во Франции 190, а в Германии 152 пуда²⁵. Отчасти это отставание может быть объяснено

²⁴ Hoch, "Good Numbers," 68—70. В другой работе Хох обнаруживает, что после 1830 г. периоды повышенной смертности (на 50% выше скользящей средней [trended average]) не имеют никакой связи с нехваткой хлеба, измеряемой уровнем цен на зерно. Если бы это в целом оказалось верным для России, у нас исчезли бы основания связывать острые проблемы смертности и обеспеченности продовольствием, а благоприятные демографические данные перестали бы служить свидетельством повышения производительности сельского хозяйства. Хох, однако, не считает, что эти данные ставят под сомнение его предыдущие утверждения. См.: Hoch S. L., "Famine, disease, and mortality patterns in the parish of Borshevka, Russia, 1830—1912," *Population Studies* 52 (1998): 357—368.

²⁵ Peter I. Lyashchenko, *History of the National Economy of Russia to the 1917 Revolution*, trans. L. M. Herman (1949), 735. [Лященко П. И. История народного хозяйства СССР. Т. 1. М., 1939. С. 613.] Справочник по европейской статистике, содержащий данные об общем производстве различных видов зерновых и о площадях их выращивания, свидетельствует о примерно таком же отставании России. См.: В. R. Mitchell, *European Historical Statistics: 1750—1970* (1975), 210—226, 249—266. Митчелл приводит данные о площади, отведенной под пшеницу, рожь, ячмень и овес, и о производстве этих культур. Разделив урожай на площадь, получаем, что в 1909—1913 гг. средняя урожайность зерновых в России составила 0,75 т с гектара, тогда как в Германии она составляла 1,93 т, в Великобритании — 1,91 т, во Франции — 1,29 т, в Швеции — 1,64 т и в Бельгии — 2,37 т. В 1900—1904 гг. сопоставление выглядело не лучше: 0,71 т с гектара в сравнении с 1,67 т в Германии, 1,23 т во Франции, 1,07 т в Швеции и 2,29 т в Бельгии. В 1905—1909 гг. урожайность в России составила 0,67 т с гектара, что было отчасти связано с разрухой, воцарившейся в результате революции 1905 г. (У Митчелла данные об урожайности в Великобритании

географическими факторами — в России не совпадают районы с плодородными почвами и зоны теплого климата с достаточным количеством осадков. При движении с северо-запада на юго-восток качество земли в целом ухудшается, а количество осадков увеличивается²⁶. Летом дожди приходят слишком поздно, и само лето из-за северного положения страны слишком короткое²⁷. Альтернативное объяснение указывает на бедность крестьян, но здесь мы начинаем ходить по кругу. Не приходится спорить, что новшества всегда сопряжены с риском, а всякий риск опаснее для людей, живущих на грани нищеты, чем для более зажиточных. Но в любой момент XIX в. Россия была не беднее, чем страны Западной Европы в более ранний период; иными словами, бедность западноевропейских крестьян не остановила прогресс.

В России бедность — или что бы то ни было еще — также не остановила прогресс. Но страна явно отставала от Западной Европы, а русские крестьяне все еще жили в условиях череспоселосицы (от которой в Европе к тому времени уже в основном избавились) и регулярных переделов земли (которых западноевропейцы никогда не знали). Нетрудно предположить, что если бы крестьянам, желавшим действовать самостоятельно, позволили выйти из системы, они сумели бы выращивать на русских почвах более богатые урожаи.

Крестьянская земля

Поскольку все программы, выдвигавшиеся в противовес столыпинским реформам, предлагали перераспределение земли, необходимо выяснить, какая доля сельскохозяйственных земель принадлежала крестьянам в действительности. Ответ — примерно две трети, причем доля крестьянских земель постоянно

за 1900—1904 гг. приведены в гектолитрах, т.е. в мерах объема, а не веса, что трудно перевести в тонны с гектара.) Сходные данные приводит Анфимов. См.: Анфимов А. М. Крестьянское хозяйство европейской России 1881—1904. М., 1980. С. 202. См. также: I. M. Rubinow, *Russia's Wheat Surplus* (1906), 25.

²⁶ Moon, 120. См. также: Kahan, *Russian Economic History: The Nineteenth Century*, 7 (о засушливом климате Черноземья).

²⁷ Richard Pipes, *Russia Under the Old Regime* (1975), 5—6. [Пайпс Р. Россия при старом режиме. М., 1993. С. 15.]

повышалась. Но чтобы почувствовать настроения крестьян и тех, кто им симпатизировал, необходимо обратиться к отмене крепостного права, когда крестьяне получили свои «надельные земли». В результате освобождения средняя обеспеченность крестьян землей улучшилась, но они не получили всей земли, которую обрабатывали прежде, и, кроме того, им пришлось вносить «выкупные платежи». По сравнению с вариантом, при котором крестьяне получили бы без выкупа всю землю, которую они обрабатывали до освобождения, реформы Александра II кажутся половинчатыми. Мы начнем с процесса освобождения крестьян, а потом обратимся к вопросу об обеспеченности крестьян землей.

Разочарованность результатами освобождения от крепостничества. Мы уже рассмотрели ключевой аспект освобождения: крестьяне получили права собственности на землю. Но при этом внешний контроль остался почти таким же, как при старом порядке, только часть полномочий помещика перешла к общине, а часть — к государству.

Рассмотрим влияние отмены крепостного права на ресурсы и обязательства вчерашнего крепостного. До освобождения собственной земли у него, как у крепостного, не было. Точнее говоря, некоторые предприимчивые крепостные владели кое-какой землей, и, кроме того, в постоянной собственности крепостного была его изба и небольшой приусадебный участок. В общинах с наследуемой землей семья владела некоторым количеством пахотной земли, а иногда и сенокосов, но не имела в собственности пастбищ, лесов и водных угодий²⁸. У всех остальных крепостных земли не было. Крестьянин обрабатывал участок, выделенный ему господином — помещиком, государством или удельным ведомством, — за что платил ему оброк или отрабатывал барщину.

В результате освобождения крепостной получил примерно ту же землю, которую прежде обрабатывал, в соответствии с непростыми правилами, спущенными из центра. Но при этом на него легла пропорциональная доля обязательств общины по выкупу земли. В среднем после реформы крестьянские наделы оказались чуть меньше, чем до нее: закон увеличивал размер наделов там, где они были ниже установленного законом минимума, и понижал их там, где они получались боль-

---

²⁸ Moon, 212.

ше установленного максимума²⁹. Но несмотря на некоторое уменьшение общей площади крестьянских земель (и среднего семейного надела), скорее всего от реформы в этом плане пострадали только те, кто до нее имел в пользовании существенно больше среднего надела: установленные законом нормы имели целью защиту надела, так сказать, типичной крестьянской семьи³⁰.

Выкупные платежи были рассчитаны таким образом, чтобы они составили 80% стоимости семейного надела, а стоимость его оценивалась по капитализации «твердой арендной платы» за соответствующий надел, о величине которой договаривались между собой помещик и крепостной в условиях законодательно установленного максимума арендной платы³¹. Общая сумма выкупных платежей за 49 лет была достаточна, чтобы возместить государству большую часть расходов на выплату бывшим владельцам капитализированной стоимости того, что они получили бы в виде оброка или барщины³². Естественно возникает вопрос: как стоимость полученной крестьянами земли соотносилась с величиной выкупных платежей?³³ Недавние исследования поставили под сомнение старую идею о том, что со вчерашних крепостных за землю брали слишком много. Данные, используемые всеми аналитиками — естественно, неточные, — указывают на то, что средняя цена за десятину была существенно выше при продаже небольших участков земли (менее 500 десятин), которые были посильны для крестьян, чем больших (более 500 десятин)³⁴. Учтя эту особенность цен на землю, Хох пришел к выводу, что вчерашние

²⁹ Steven L. Hoch, "Did Russia's Emancipated Serfs Really Pay Too Much for Too Little Land? Statistical Anomalies and Long-Tailed Distributions," *Slavic Review* 63 (2004): 247, 268–274. См. также: Robinson, 80–82.

³⁰ См.: Hoch, "Too Much for Too Little Land," 264–274.

³¹ Alexander Gerschenkron, "Agrarian Policies and Industrialization, Russia 1861–1914," in Alexander Gerschenkron, *Continuity in History and Other Essays* (1968), 169–170, 176, 215.

³² Hoch, "Too Much for Too Little Land," 262.

³³ Относительно утверждений, что выкупные цены намного превосходили реальную стоимость земли, см.: Robinson, 83–84, 88; Christine D. Worobec, *Peasant Russia: Family and Community in the Post-Emancipation Period* (1995), 30.

³⁴ Hoch, "Too Much for Too Little Land," 257–260.

крепостные скорее недоплачивали за полученную землю, чем переплачивали³⁵.

В общем освобождение дало крепостным чуть меньше земли, чем было в их пользовании до реформы, но при этом их обязательства снизились еще *значительнее*, потому что выкупные платежи составляли только 80% того, что крепостные обязаны были платить прежде. Представляется правдоподобной оценка, что от реформы пострадали только те крепостные, земельные наделы которых до нее были существенно выше средней величины, но даже они могли оказаться в выигрыше, поскольку и выкупные платежи оказались заметно ниже прежнего бремени.

Ситуацию вчерашнего крепостного можно представить следующим образом: он купил землю, которую прежде обрабатывал, на условиях 49-летней ипотеки. Крепостной, который прежде платил оброк, теперь вносил вместо него выкупные платежи, а для барщинных крестьян выкупные платежи заменили обязанность обрабатывать помещичью запашку. При том что для обеих групп экономические условия хозяйствования изменились примерно одинаково, для барщинного крестьянина в пореформенной жизни было больше новизны. Освобождение перевело его трудовую повинность в денежную форму, так что теперь ему потребовалось как-то зарабатывать дополнительные деньги для внесения выкупных платежей — беря землю в аренду, работая исполщиком или нанимаясь работать за деньги. Чаще всего нанимателем его оказывался бывший помещик или кто-либо вроде него. Хотя это изменение означало увеличение гибкости (крепостной получал свободу, скажем, заниматься несельскохозяйственным трудом, чтобы заработать на выкупные платежи), ближайшим результатом оказывалось некоторое снижение уровня жизни. Прощаясь с оброком и барщиной, крестьянин, ожидавший в результате отмены крепостного права мгновенного очутиться в светлом будущем, неизбежно оказывался разочарованным.

Законы об освобождении крестьян давали крепостному возможность выбрать уменьшенный надел («нищенский надел»), площадь в четвертую часть стандартного, но зато бесплатно, безо всяких выкупных платежей. В силу отсутствия выкупных платежей (и соответственно заинтересованности государства

³⁵ Ibid., 260—263.

в коллективной ответственности) можно было бы предположить, что крестьяне, выбиравшие четвертной надел («дарственники»), делали это в индивидуальном порядке. На деле, однако, в Великороссии законы уполномочили принимать эти решения *деревни* (а в Малороссии, или на левобережной Украине, и в Новороссии — *деревенские концы*)³⁶. По-видимому, правительство при этом исходило из опасений, что если дело пустить на самотек, то самые слабые и неудачливые крестьяне превратятся в городских или деревенских пролетариев. Поскольку дарственники владели своей землей на стандартных общинных началах, их опыт не может служить лабораторией для изучения того, как крестьяне повели бы себя в условиях личной собственности на землю.

Хотя в литературе было принято сокрушаться по поводу бедственной судьбы дарственников, недавно проведенное исследование доказывает, что они с большим успехом приспосабливались к рыночным отношениям, чем остальные крестьяне, взявшие вчетверо более крупные наделы на условиях выкупа; в веберианском смысле, они быстрее шли по пути превращения из крестьян в фермеры. В большом числе деревень они быстро приобрели достаточно земли — купили или взяли в аренду и начали хозяйствовать примерно в том же масштабе, что до отмены крепостного права³⁷. Очевидно, что их фермерская предприимчивость отчасти была вызвана нуждой: продолжив заниматься сельским хозяйством (по крайней мере не переходя резко к менее интенсивной земледельческой деятельности вроде пчеловодства), они вынуждены были действовать через рынок для того, чтобы хотя бы восстановить прежний масштаб хозяйствования. Но даже расширяя свое хозяйство с помощью аренды, дарственники, похоже, в большей степени действовали по-рыночному: они, например, чаще платили за арендованную землю деньгами, а не становились пользователями³⁸. А земля, которую они покупали или арендовали, была в равной мере доступна и тем крестьянам, которые взяли землю на условиях выкупа и могли бы с помощью аренды, скажем, увеличить масштаб своей деятельности, но они ведь

³⁶ Бурдина О. Н. Крестьяне-дарственники в России, 1861—1907. М., 1996. С. 131—137.

³⁷ Там же. С. 88—130.

³⁸ Там же. С. 103.

Таблица 3.2

**Землевладение в европейской части России:
с 1877 по 1905 г.**

ВЛАДЕЛЬЦЫ	ПЛОЩАДЬ ЗЕМЛИ, ТЫС. ДЕСЯТИН	
	1877 г.	1905 г.
I. Крестьяне и другие сельские жители, исключая казаков		
Надельная земля	111 629	123 183
Ненадельная земля		
в личном и совместном пользовании	5 788	19 970
в общинном владении	765	3672
Всего земли у крестьян	118 121	146 825
II. Дворяне, горожане, государство, церковь и пр.		
Дворяне	73 077	52 104
Священнослужители (в личном владении)	186	322
Горожане	11 699	16 241
Некрестьяне, живущие в сельской местности, и смешанные общины	1 717	4 350
Государство и императорская семья	157 823	145 881
Городские управы	1 884	2 030
Церкви и монастыри	2 129	2 579
Другие организации	870	643
Всего земли у некрестьян	249 385	224 150

этого не делали³⁹. В отношении урожайности новое исследование не выявило существенного отличия дарственников от всех остальных⁴⁰.

Общие тенденции в обеспеченности крестьян землей. Хотя реформы Александра II многих разочаровали, в период от освобождения крестьян до столыпинских реформ крестьянский клин земли неуклонно увеличивался. В табл. 3.2 приведены соответствующие данные по 45 из 50 губерний европейской части России за период 1877—1905 гг.⁴¹

³⁹ Там же. С. 163—64.

⁴⁰ Там же. С. 88—130.

⁴¹ Таблица заимствована из Robinson, 268. Опущены 9,5 млн десятин земли, принадлежавших «другим классам собственников».

О чем все это говорит? Во-первых, следует с осторожностью подходить к приросту надельной земли у крестьян, потому что, возможно, часть этого прироста не имела отношения к реформам Александра II. Хотя реформы были начаты в 1861 г., прошли годы, прежде чем все крепостные вошли в систему выкупных платежей, ставших обязательными только в 1881 г., но и после этого еще потребовалось время, чтобы они охватили всех бывших крепостных. Но площадь принадлежавшей крестьянам ненадельной земли утроилась! Вспомните о Лопахине, разбогатевшем крестьянине из «Вишневого сада», который происходил из крепостных, а в конце пьесы выкупает поместье, в котором родился, у дворян, не имевших ни желания, ни способностей, чтобы толково им управлять. Разумеется, дворяне продавали землю не только потому, что оказались никудышными хозяевами, — некоторые из них расчетливо вкладывали средства в другие виды производительных ресурсов (или в ценные бумаги)⁴². Менее чем за 30 лет от бывших помещиков к бывшим крепостным перешло более 20 млн десятин. Для первых это означало продажу почти трети земли, которой они владели в 1877 г., а для вторых — увеличение их земельных владений почти на 20%.

Если отбросить государственные и удельные земли (о причинах чуть ниже) и добавить третью группу, объединяющую «другие классы собственников», которым принадлежало 9,5 млн десятин, получится, что в 1905 г. общая площадь сельскохозяйственных земель составляла около 235 млн десятин⁴³. Если предположить, что в составе 9,5 млн десятин крестьянской земли не было, получим, что крестьянам принадлежало около 147 млн десятин, или 63%, а всем остальным — 88 млн десятин, или 37%⁴⁴.

⁴² Беккер С. Миф о русском дворянстве: дворянство и привилегии последнего периода императорской России. М., 2004. С. 81—83, 308—309.

⁴³ Robinson, 268.

⁴⁴ Есть и другие данные. Ср., напр.: Тюкавкин В. Г. Великорусское крестьянство и столыпинская аграрная реформа. М., 2001. С. 104, где утверждается, что к концу XIX века крестьянам принадлежало 34 млн десятин ненадельной земли.

Хотя дворянство избавлялось от земли, концентрация земельной собственности была поразительно высока: около 1100 собственников владели более чем 5000 десятин каждый, что составляло

Земельная собственность государства и императорской семьи была намного больше помещичьей. Но более 85% этих земель располагались на Крайнем севере и Северо-Востоке, а в других районах в составе этих земель было много лесов и неудобий. В результате, по состоянию на 1905 г., только 4 млн десятин государственных и удельных земель использовалось под пашню, сенокос или пастбища, и в большинстве случаев арендаторами были крестьяне⁴⁵. В августе 1906 г., как только Столыпин стал премьер-министром, были изданы два указа о продаже существенной части этих земель на довольно выгодных условиях через принадлежавший государству Крестьянский банк. К 1914 г. банк продал крестьянам около 1,5 млн десятин⁴⁶. Поэтому легко понять, что все участники дебатов говорили преимущественно о помещичьих землях.

Можно ли на основании этих данных сделать подразумеваемый многими вывод о том, что крестьяне страдали от нехватки земли или, как говорили в тот период, от малоземелья? Термин не имеет общепринятого значения. Можно представить, что он мог бы указывать на одну из следующих ситуаций: 1) обеспеченность крестьян землей, в пересчете на душу, сокращалась; 2) обеспеченность крестьян землей, в пересчете на душу, сокращались даже с учетом роста урожайности; 3) земельные владения значительной части (или большого числа) крестьян были недостаточны для получения средств к существованию; 4) земельные владения значительной части (или большого числа) крестьян были недостаточны для получения средств к существованию, и при этом у этих крестьян не было других реальных или потенциальных источников дохода.

Первые две возможности связаны с изменением ситуации во времени. В период 1877—1905 гг. население увеличивалось на 1,5% в год, т.е. быстрее, чем росла доля ненадельной земли в принадлежавших крестьянам земельных угодьях. Если сделать вполне обоснованное предположение, что прирост надельной земли был скорее номинальным, чем реальным, тогда обеспеченность крестьян землей, в пересчете на

примерно 40% принадлежавших дворянам 50 млн десятин. См.: Nicholas Spulber, *Russia's Economic Transitions: From Late Tsarism to the New Millenium* (2003), 76.

⁴⁵ Robinson, 136.

⁴⁶ Ibid., 199, 230.

душу, падала⁴⁷. Но, если судить по данным о росте населения и суммарном объеме сельскохозяйственного производства, падения обеспеченности земель — с учетом роста урожайности — не было. Здесь следует добавить предостережение: данные о производстве на душу населения не учитывают производственных издержек⁴⁸. Чтобы вычислить изменение объема чистой продукции, необходимо вычесть дополнительные производственные издержки, такие как плата за новую технику или удобрения, и может оказаться, что при общем росте производства имело место уменьшение чистого реального душевого дохода. Но данные о росте населения и сельскохозяйственной продукции, потребляемой в сельских районах, говорят об обратном.

Многие авторы предполагают третью форму малоземелья: многим крестьянам не хватало земли для получения средств к существованию. Тюкавкин, например, говорит, что 54,3% семей в передельных общинах в европейской части России имели менее девяти десятин, а он считает, что это была нижняя граница обеспечения средств к существованию⁴⁹. А Ленин и вовсе утверждал, что крестьянской семье нужно было иметь пятнадцать десятин, «чтобы свести концы с концами»⁵⁰. Если принять критерий Ленина, в 1905 г. только 17,7% крестьянских хозяйств в европейской части России могли сводить концы с концами⁵¹. Но хотя в среднем крестьяне жили очень бедно, массовый голод имел место только в годы катастрофически низкого урожая, каким стал 1891 г., но тогда правительство

⁴⁷ См., также: Robert Pepe Donnorummo, *The Peasants of Central Russia: Reactions to the Emancipation and the Market, 1850—1900* (1987) (показывает, что в разных местностях обеспеченность земель на душу крестьянского населения сокращалась).

⁴⁸ Например, когда Грегори говорит о «производительности труда», он явно имеет в виду производство на одного работника, не учитывая возможных изменений других издержек производства. Gregory, *Russian National Income*, 136.

⁴⁹ Тюкавкин. С. 76. См. также: Robinson, 98 (хотя здесь признается «сомнительность» данных).

⁵⁰ Цит. по: Тюкавкин. С. 66.

⁵¹ См.: Тюкавкин. С. 75. С позиций уравнительности любопытно, что в передельных общинах было существенно больше семей, отвечавших ленинскому 15-десятичному критерию, чем в общинах с наследуемой землей: 19,7% (в передельных) и только 11,0% (с наследуемой землей).

предприняло куда более эффективные и энергичные меры помощи, чем британское правительство в Индии в ту же эпоху⁵². И как мы видели, есть реальные свидетельства того, что положение улучшалось, хотя и очень медленно.

Наконец, даже если бы удалось вычислить, сколько именно земли в качестве единственного источника дохода нужно было для обеспечения крестьянской семье средств к существованию, мы упустили бы четвертое, экономически, вероятно, наиболее важное возможное значение термина «малоземелье»: количество земли, которое не дает возможности подняться над уровнем бедности даже при наличии других источников дохода. В число последних входят обработка — за деньги или за часть урожая — арендованной земли, работа по найму⁵³ и, наконец, малое предпринимательство. Фактически в начале XX в. крестьяне арендовали на стороне и обрабатывали 37 млн десятин земли⁵⁴. Трудно понять, почему ученые часто рассматривают сам факт аренды земли как свидетельство бедности крестьян⁵⁵, и ведутся даже споры по вопросу о том, кого было больше среди арендаторов — совсем бедных или не очень-то и бедных⁵⁶. Различие между землей собственной и арендованной зависит от разных факторов: фермер, обрабатывающий только свою землю, принимает на себя другой набор рисков (скажем, перспективу изменения стоимости земли), по сравнению с тем, кто обрабатывает арендованную землю, и выбор того или иного набора рисков зависит не только от материального положения. В любом случае, даже если аренда земли приносила больше выгоды зажиточным крестьянам, бедным это также позволяло улучшить свое материальное положение, а иначе чего ради они брали бы ее в аренду?

⁵² Moon, 116. См. также: Wheatcroft, 162 (цит. по: Richard R. Robins, *Famine in Russia, 1891/1892* (1975); Ascher, 1905: *Authority Restored*, 118.

⁵³ Тюкавкин. С. 83—113.

⁵⁴ Там же. С. 84—85.

⁵⁵ Wilbur, 137—144 (отвергает этот вывод).

⁵⁶ Ср.: Wilbur, 137—144 (показывает, что среди арендаторов земли было больше зажиточных крестьян), и Тюкавкин. С. 91—92 (доказывает, что аренда усиливала неравенство в обеспеченности землей, поскольку большую часть земли арендовали зажиточные крестьяне), и Donnoghmo, 185—186 (утверждает, что большинство арендаторов составляли бедняки).

Для оценки условий жизни крестьянства важнее было то, что в сельской местности увеличивались возможности несельскохозяйственной занятости: даже в период 1877—1894 гг. 23,6% общего дохода крестьяне получали от занятости за пределами сельского хозяйства⁵⁷. Ленин сам отмечал, что в «промышленных районах» крестьяне начинают жить «более опрятно (в том, что касается одежды, домашней обстановки и т.п.)» и добавил, что «это замечательно прогрессивное явление следует приписать заслугам российского капитализма»⁵⁸.

Производительность крестьянского и помещичьего хозяйства

По данным Центрального статистического комитета в 1860-е годы урожайность зерновых на землях частных владельцев была выше, чем на наделных землях (33 и 29 пудов с десятины соответственно), и впоследствии увеличивалась все быстрее. В табл. 3.3 показаны изменения урожайности в последующие десятилетия по отношению к периоду 1861—1870 гг. (100%)⁵⁹.

Волин объясняет различие в урожайности более высоким качеством частновладельческих земель⁶⁰. Это объяснение

⁵⁷ *Анфимов А. М.* Экономическое положение и классовая борьба крестьян европейской России в 1881—1904 гг. М., 1984. С. 156—157. См. также: Simms, 395 (говорит, что «во многих случаях деньги в крестьянском хозяйстве появлялись преимущественно не от продажи зерна, а от занятий ремеслом»).

⁵⁸ Цит. по: Simms, 387, п. 47. Советские историки, например Дякин, вроде бы готовы признать, что «с экономической точки зрения [стольпинская] реформа была необходима и прогрессивна». Дякин В. С. Был ли шанс у Столыпина? // Государственная деятельность П. А. Столыпина: сборник статей / Отв. ред. Н. К. Фигуровская и А. Д. Степанский. 1994. С. 26.

⁵⁹ *Кауфман А. А.* Аграрный вопрос в России. М., 1918. С. 221. См. также: Gatrell, 121—122 (ссылается на Кондратьева); *Бородин А. П.* Столыпин: реформы во имя России. М., 2004. С. 190; Spulber, 79—80. Заметьте, что здесь годовые темпы роста урожайности существенно ниже 2,1%, о которых говорят Обухов и Уиткрофт. Здесь заведомо есть скрытые методологические проблемы, касающиеся классификации земель, переходивших из рук в руки.

⁶⁰ Lazar Volin, *A Century of Russian Agriculture: From Alexander II to Khrushchew* (1970), 69.

Таблица 3.3

**Урожайность на наделных землях и землях,
находящихся в частной собственности**

Десятилетие	Частнособственнические земли	Наделные земли
1861—1870	100	100
1871—1880	112	107
1881—1890	127	117
1991—1900	142	134
1901—1910	163	148

представляется правдоподобным для помещичьих земель в начальный период: помещики влияли на процесс раздела земли со вчерашними крепостными и могли нарезать себе самые плодородные поля. Но трудно понять, каким образом это стартовое преимущество могло обеспечить *более быстрый темп* повышения урожайности на частнособственнических землях впоследствии⁶¹. Свою роль могла сыграть свобода от нелепой системы прав собственности общинного землевладения с его переделами, чересполосицей и семейной собственностью. Кроме того, реформы Александра II открыли крестьянам возможность покупать помещичьи земли⁶², и начался процесс естественного отбора, в ходе которого земли нерадивых помещиков скупались рачительными крестьянами⁶³. Таким образом, задолго до столыпинских реформ отмена крепостного права открыла крестьянам доступ к частнособственнической земле и свела воедино два мира, которые прежде были искусственно разделены: крестьянский талант и рынок земли.

*Цены на землю и зерно; Государственный
крестьянский поземельный банк*

Известно утверждение, что с момента ликвидации крепостного права до 1905 г. «рост цен на землю сопровождался падением

⁶¹ Этот момент отмечает Кауфман (Указ соч. С. 221).

⁶² См. в гл. 2 об изменении правил, о котором писал Гершенкрон в: "Agrarian Policies," 155—157. См. также: Moon, 120; David A.J. Macey, "The Role of the Peasant Land Bank in Imperial Russia's Agrarian Reforms, 1882—1917" (1998), 6.

⁶³ Этот момент отмечает Федоров: *Федоров Б. Петр Столыпин: «Я верю в Россию»*. М., 2002. Т. 1. С. 383.

цен на зерно»⁶⁴. Это поднимает следующие вопросы: 1) Так ли это? 2) Если это соответствует истине, то как объяснить такое серьезное расхождение в изменении цены на ресурс и цены на его (обычно) самый ценный продукт? 3) Мог ли здесь сыграть негативную роль Государственный крестьянский поземельный банк?

Разнонаправленное парадоксальное движение цен действительно имело место в том смысле, что мировые цены на зерно⁶⁵ какое-то время падали, а цены на землю в России в целом росли, хотя имелись значительные региональные различия⁶⁶. Россия проявляла все большую активность на мировом рынке зерна, и ее цены следовали за движением мировых цен. Миронов, например, выделяет три ярко выраженных периода в движении российских зерновых цен: 1829—1881 гг., когда цены росли в среднем на 2% в год; 1881—1895 гг., когда цены падали в среднем на 4,4% в год; и 1895—1914 гг., когда цены росли в среднем на 2,7% в год⁶⁷. В Британии и Америке зерновые

⁶⁴ Dorothy Atkinson, *The End of Russian Land Commune, 1905—1930* (1983), 32.

⁶⁵ Мировые цены — это вещь до известной степени абстрактная, но цены в Британии, о которых речь будет идти ниже, могут служить достаточно хорошим ориентиром, поскольку в то время британская экономика была открытой. См.: Enzo R. Grilli and Maw Cheng Yang, "Primary Commodity Prices, Manufactured Goods Prices, and the Term of Trade of Developing Countries: What the Long Run Shows," *The World Bank Economic Review* 2 (No. 1, 1985): 5—7 (обсуждение вопроса о том, в какой мере можно использовать внутренние цены для того, чтобы получить приблизительное представление о международных ценах).

⁶⁶ George Pavlovsky, *Agricultural Russia on the Eve of the Revolution* (1968), 110 (рассмотрены периоды 1860—1870, 1870—1883 и 1883—1889 гг., и продемонстрирован спад на 14% в Центральном сельскохозяйственном и Средне-волжском регионах в 1883—1889 гг., т.е. в разгар падения мировых цен 1881—1895 гг.).

⁶⁷ Миронов Б. Н. Хлебные цены в России за два столетия (XVIII—XIX вв.). Л., 1985. С. 49. Похоже, что он говорит о ржи и овсе (см. Там же. С. 48). Миронов доказывает, что на протяжении всего XIX в. постепенно усиливалось влияние европейских зерновых цен на российский рынок, потому что неуклонно снижались транспортные издержки на доставку зерна из России на европейские рынки, и параллельно делалось менее существенным расстояние от зерновых районов до портов. См.: Там же. С. 54—56, 159—160.

цены также падали в 1881—1894 гг., а потом повышались в 1895—1914 гг. и впоследствии⁶⁸.

Исходя из общих соображений, можно предположить, что если ресурс особенно ценен тем, что благодаря ему производится некая специфическая продукция, то изменения рыночных цен на этот ресурс должны идти более или менее параллельно с изменениями цен на соответствующую продукцию, с поправкой, естественно, на изменения производительности ресурса. Поскольку известно, что урожайность быстро росла, простое сопоставление цен на землю и зерно мало что может сказать. Поразительно, что, хотя Ковальченко и Милов обнаружили тесную связь между ценами на землю и зерно, они сочли их не связанными с урожайностью⁶⁹. Авторы исследования не дают объяснения того, почему изменения урожайности оказывали столь незначительное влияние на динамику цен. Анфимов в менее статистической по своему характеру работе (см. табл. 3.4) сопоставил процентные изменения валовой стоимости урожая ржи с десятины с процентными изменениями цен на землю⁷⁰.

Если данные табл. 3.4 верны, то непонятно, в чем заключается подлежащая объяснению непоследовательность. За 30 лет цена земли выросла на 250%, а валовой доход с десятины — на 188%⁷¹. В этом отклонении нет ничего поразительного. В самом

⁶⁸ См.: Abbott Payson Usher, "Prices of Wheat and Commodity Price Indexes for England, 1259—1930," *Review of Economic Statistics* 13 (1951): 105 (цены на пшеницу в Британии); Fred A. Shannon, *The Farmer's Last Frontier: Agriculture, 1860—1897*, vol. 5, *The Economic History of the United States* (1977), 192 (на пшеницу в Америке).

⁶⁹ Ковальченко И. Д., Милов А. В. Всероссийский аграрный рынок XVIII — нач. XX в. Опыт количественного анализа. М., 1974. С. 269—272. Для периода 1895—1910 гг. относительный коэффициент между урожайностью и ценой земли был выше 0,42 только в четырех из 45 губерний, охваченных исследованием. А соотношение между ценой ржи и ценой земли оказалось выше 0,70 в четырнадцати губерниях, было от 0,60 до 0,70 еще в 15 губерниях, и от 0,42 до 0,60 еще в 10, и ниже 0,42 в шести губерниях. В 11 черноземных губерниях, специализировавшихся на выращивании зерновых, корреляция была самой высокой, а еще в восьми — второй по величине.

⁷⁰ Анфимов. Экономическое положение. С. 142.

⁷¹ Поскольку в первое десятилетие цены на зерновые падали, а во второе были более или менее неизменны, причиной роста доходности десятины земли могло быть только повышение производительности.

Таблица 3.4

Цена земли и валовая стоимость урожая ржи

	Процентное изменение за указанный период		
	1886—1895	1896—1905	1906—1915
Цена земли	13,7%	102,8%	51,8%
Средняя доходность десятины ржи ⁷²	10,1%	50,9%	73,3%

деле, если взять только 20 лет, непосредственно предшествовавших столыпинским реформам, расхождение оказывается куда более значительным: цена на землю выросла на 130%, а валовой доход с десятины — только на 66%. Можно было бы предположить, что рыночная цена земли должна учитывать ожидание роста урожайности. Знание о совершенствовании техники и роли оборудования и удобрений могло распространяться быстрее, чем их внедрение в производство. Арендная плата следовала за повышением цен на землю и в известной степени подтверждала идею, что в цене земли находят отражение ожидания роста доходности⁷³. В любом случае в 1906—1915 гг. рост

⁷² Кроме ржи, выращивались и другие зерновые, но все зерновые цены, похоже, двигались в одном направлении. См., напр.: табл. 4.2 в: J. L. van Zanden, *The Transformation of European agriculture in the nineteenth century: the case of the Netherlands* (1994), 109, показывающую, что за период с 1875—1879 гг. по 1910—1914 гг. цены на рожь упали примерно на 18%, на пшеницу — на 31, на овес — на 17 и на ячмень — на 8%. Здесь, как и всегда, однако, очень многое зависит от выбора границ периода. Если начальным периодом сделать 1880—1884 гг., то получим, что цены на рожь и пшеницу упали к 1910—1914 гг. примерно на 25%, а цены на овес и ячмень почти не изменились (ячмень подорожал на 3%, а овес подешевел на 5%).

⁷³ Анфимов. Экономическое положение. С. 143—145. Но при этом арендные ставки росли пропорционально повышению урожайности в 1886—1895 гг. и в 1906—1915 гг. (Там же. С. 150). См. возможное объяснение ниже.

Чаянов, упомянутый в главе 2 как автор теории, объясняющей сельскохозяйственные беды России вне связи с режимом прав собственности, доказывал также, что крестьянская семья, направляющая на землю чрезмерное количество труда (т.е. продолжающая добавлять труд, когда предельный продукт уже меньше, чем теоретический предельный продукт труда при оптимальном

цен был достаточно велик, чтобы оправдать решения тех — в подавляющем большинстве крестьян, — кто в ожидании этого роста купил землю в предыдущее десятилетие⁷⁴.

Короче говоря, в таком случае совсем непонятно, что именно тут подлежит объяснению. Средние показатели по России имеют сомнительную ценность, а работа Ковальченко и Милова, дезагрегировавших их по губерниям, просто ставит в тупик. Кроме того, данные об «урожайности» мало что говорят сами по себе в отсутствие данных об изменении других слагаемых, таких как техника, удобрения и труд.

Необходимо учесть еще и постепенное распространение кредита. Сегодня мы привыкли к тому, что цены на жилье и процентные ставки движутся в противоположных направлениях (при прочих равных), а потому не должны бы удивляться, что цены на землю росли по мере того, как кредит делался все более доступным и круг возможных покупателей земли со-

---

сочетании земли и труда), была готова платить за землю больше, чем дисконтированная текущая стоимость чистого продукта земли. Он высказал предположение, что такая стратегия могла обеспечивать рост материального благосостояния семьи за счет того, что она использовала труд, не находивший другого применения. См.: A. V. Chayanov, *A. V. Chayanov on the Theory of Peasant Economy*, eds. Daniel Thorner, Basile Kerblay, and R. E. F. Smith, с предисловием Федора Шанина (1986), 9—10, 39—40, 236—237 [*Чаянов А. В. Крестьянское хозяйство*. М., 1989.]. Не очень понятно, действительно ли несовершенство рынка труда было настолько велико, чтобы исходя из этого можно было объяснить покупку земли по цене, столь значительно превышающей дисконтированную стоимость ее чистого продукта.

⁷⁴ Ср. аргумент Макклоски, объясняющий, почему рост урожайности, создаваемый уничтожением чересполосицы и огораживанием полей, должен найти отражение в повышении цен на землю. Огораживание повышает производительность *всех* факторов производства, и соответственно должна вырасти доходность земли, труда и капитала. Но если труд и капитал сравнительно мобильны и предприниматель может увеличить их использование при сравнительно неизменных ценах, то земле такая мобильность несвойственна, у нее мало альтернативных направлений использования, а потому рост производительности должен найти отражение в росте цены земли. См.: D. N. McCloskey, "The Economics of Enclosure: A Market Analysis," in *European Peasants and Their Markets*, eds. W. N. Parker and E. L. Jones (1975), 154—155.

ответственно расширялся. По сути дела, совершенно независимо от Государственного крестьянского поземельного банка, о котором речь пойдет ниже, после отмены крепостного права началось быстрое распространение кредитных учреждений⁷⁵. За период с 1870—1879 гг. по 1900—1909 гг. объем кредитов, выданных под залог земли, вырос в шесть раз⁷⁶.

Поэтому кажется обоснованным вывод о том, что рост цен на землю в России был вызван естественными рыночными силами. Тем не менее высказываются предположения, что Государственный крестьянский поземельный банк, или, для краткости, просто Крестьянский банк, сыграл значительную роль, затруднив крестьянам путь к улучшению своего материального положения путем покупки или аренды земли⁷⁷. На самом деле, однако, представляется маловероятным, чтобы действия банка шли вразрез с интересами крестьян.

Крестьянский банк, несомненно, был влиятельным игроком в деле финансирования скупки земли крестьянами. За 1883—1892 гг. он профинансировал примерно 34% операций по расширению крестьянских земель, а за 1893—1905 гг. — около 75%⁷⁸. 14 октября 1906 г. был издан указ, опустивший процентную ставку банку существенно ниже рыночного уровня⁷⁹.

⁷⁵ Активы системы коммерческого кредитования в России, включая ипотечное кредитование, выросли на 14% за 1881—1893 гг., на 80% за 1893—1900 гг. и на 42% за 1900—1908 гг. См.: Olga Crisp, *Studies in the Russian Economy Before 1914* (1976), 116.

⁷⁶ Ibid., 133 (с 353,7 млн руб. до 2123,7 млн).

⁷⁷ Анфимов, например, указывает на цены, по которым Крестьянский банк скупал землю в 1906 и 1907 гг. (108 и 105 руб. за десятину), намного превышающие цены 1904 и 1905 гг. (69 и 94 руб. за десятину), и высказывает предположение, что в 1906—1907 гг. цены покупки были выше рыночных, потому что в то время «помещики, напуганные беспорядками в деревне, спешно избавлялись от недвижимости». Анфимов. Крестьянское хозяйство. С. 58—59. Но в 1906 г. крестьянские волнения пошли на убыль, и правительство соответственно, отвергло планы перераспределения помещичьих земель, так что с ценами все не столь ясно, как считает Анфимов.

⁷⁸ Pavlovsky, 149, 152. См. также: Macey, "The Role of Peasant Land Bank," 7 (сопоставимые данные за 1883—1895 гг.); ср.: Gerschenkron, "Agrarian Policies," 221—222 (существенно более низкие оценки).

⁷⁹ George L. Yaney, *The Urge to Mobilize: Agrarian Reform in Russia, 1861—1930* (1982), 253—254. См. также: A. D. Bilimovich, "The

Кредиты Крестьянского банка несомненно способствовали повышению спроса на землю и, соответственно, росту цен. Более того, Мейси сообщает, что хотя оценки стоимости земли, предлагавшиеся Крестьянским банком, были ниже рыночных цен, они при этом были выше оценок, на основании которых выдавали ссуды частные банки⁸⁰. По сути дела, Крестьянский банк был менее осмотрительным кредитором, чем частные банки. Поэтому он, возможно, мог содействовать повышению спроса крестьян на землю еще в большей мере, чем можно судить по его доле в финансировании этих операций.

Если роль Крестьянского банка заключалась в том, что он повысил спрос и дал сотням тысяч крестьян возможность приобрести дополнительную землю, то его деятельность могла нанести ущерб только двум группам крестьян: тем, кто предпочел бы заплатить за нее наличными, и тем, кто по каким-то причинам не мог получить кредит в Крестьянском банке, но получил бы ссуду в другом месте, если бы цена земли не поднялась в ответ на операции Крестьянского банка. Для всех других крестьян деятельность Крестьянского банка была только полезна — они получили возможность купить больше земли, чем в любом другом случае. Легко предположить, что крестьяне покупали эту землю по доброй воле — нет никаких указаний на то, что банк принуждал их брать у него ссуды. И нет никаких оснований считать, что приобретавшие землю крестьяне были одурачены. Разумеется, подобно всем, кто покупал в России землю до большевистской революции, они поддались иллюзии, что приобретают настоящие права собственности — и эти иллюзии были развеяны революцией точно так же, как были развеяны все упования на права собственности, верховенство права и либеральную демократию. Если на мгновение забыть об источнике средств, которыми оперировал Крестьянский банк, придется признать, что его деятельность могла нанести ущерб лишь ничтожному числу крестьян.

Разумеется, расширив кредит и вызвав тем самым общее повышение цен на землю, банк, надо полагать, увеличил суммы, получаемые продавцами земли, подавляющее большинство которых составляли помещики. В этом смысле история Крес-

---

Land Settlement in Russia and the War," in A. N. Antsiferov, et al., *Russian Agriculture during the War* (1930), 319.

⁸⁰ Macey, "The Role of the Peasant Land Bank," 15—16.

стьянского банка превосходно укладывается в схему, предлагаемую теорией общественного выбора: правящие элиты используют власть для перераспределения ресурсов в свою пользу. В той мере, в какой деятельность банка могла либо привести к повышению налогов, либо помешать их снижению, что имело бы место в противном случае, издержки легли на крестьянство в целом, поскольку оно выплачивало существенную (хотя не обязательно непропорционально большую) долю налогов⁸¹.

Итак, в целом крестьяне могли понести некий косвенный и, пожалуй, незначительный ущерб: в качестве невольных источников средств Крестьянского банка; в качестве несостоявшихся покупателей, вытесненных с рынка покупки или аренды земли вследствие повышения цен на землю, вызванного расширением кредита; в качестве покупателей, выгода которых, полученная благодаря облегчению доступа к кредиту, оказалась не столь высока, как она была бы без повышения цен; и в качестве арендаторов, которым в силу тех же самых причин пришлось платить более высокую арендную плату, чем при иных обстоятельствах. Насколько мне известно, никто не сделал попытки дать количественную оценку всех этих форм ущерба.

Налоговое бремя

До сих пор мы говорили о роли правительства России в установлении правил игры — определение и изменение прав собственности и содействие становлению рынка с помощью операций Крестьянского банка. Но оно, подобно любому другому правительству, действовало и как гигантский насос, который одной рукой выкачивал средства у населения, а другой — рассеивал их. Крестьянский банк участвовал в рассеивании — субсидировал покупку и продажу земли или по меньшей мере предоставлял капитал для этих операций. Налогообложение в Российской империи — слишком сложный предмет, чтобы всерьез анализировать его здесь. Но стоит уделить некоторое внимание тому, как налоги (наверное, и в самом деле чуть

⁸¹ См., напр.: Robert Gorlin, "Problems of Tax Reform in Imperial Russia," *Journal of Modern History* 49 (1977): 246 (описана система налогообложения и предложения по повышению прогрессивности шкалы налогов).

более высокие, чем если бы капитал Крестьянского банка был пущен на сокращение налогов) влияли на картину распределения материального благосостояния, которая и по сей день возбуждает страсти тех, кто обращается к «аграрному вопросу».

Налоговое бремя было неодинаковым в разных губерниях, но налоговое бремя на надельную землю, даже если оставить в стороне выкупные платежи, зачастую было выше, чем на помещичьи земли⁸². При этом на крестьян в большей степени ложились наиболее обременительные в России акцизные налоги (на спички, табак, сахар, чай и керосин) и налоги на прибыль от государственной водочной монополии. В конце XIX — начале XX в. доходы от акцизных налогов впятеро превышали поступления в казну от так называемых «прямых налогов»⁸³. В 1906 г. доходы государства от «спиртовой монополии» (преимущественно от водки) составили почти 700 млн руб. из 2,3 млрд руб. поступлений в государственный бюджет⁸⁴. Может показаться несправедливым, что правительство использовало налоговую систему, основное бремя которой ложилось на крестьянство, но у правительства были свои резоны. Во-первых, косвенные налоги платили только те, кто так или иначе потреблял подакцизные товары. Во-вторых, многие косвенные налоги (в том числе в виде государственной монополии) ложились на «греховные» товары, такие как водка и табак, так что если бы спрос сильно зависел от цены, т.е. был бы высокоэластичным, эти налоги отталкивали бы крестьян от потребления вредных для здоровья товаров⁸⁵. В-третьих, в конце столетия совокупное

⁸² Hans Rogger, *Russia in the Age of Modernization and Revolution, 1881—1917* (1985), 77, 96. См. также: Francis Marion Watters, *Land Tenure and Financial Burdens of Russian Peasant, 1861—1905* (1966), 163, 170—179.

⁸³ Rogger, 78. См. также: Kahan, *Russian Economic History: The Nineteenth Century*, 61—65; Simms, 377, 382 (данные о поступлениях от водочной монополии, косвенных налогов и выкупных платежей за 1886—1899 гг.).

⁸⁴ См., например: Gorlin, 249.

⁸⁵ Ibid., 250 (указывает, что высшие государственные лица заботились о здоровье народа). Ср.: Шебалдин Ю. Н. Государственный бюджет России в начале XX в. // Исторические записки. Т. 65. 1959. С. 163, 168—170 (указывает на рост акцизов на табачные изделия и алкоголь как на доказательство того, что царское правительство предпочитало выкачивать налоги с бедных слоев).

среднее налоговое давление на крестьян, даже с учетом выкупных платежей, составляло около 18% дохода⁸⁶, что не так уж и много.

Тем не менее, учитывая характер подакцизных товаров, налоговое давление на самые бедные слои оказывалось более значительным, особенно если его брать как долю в потреблении крестьянами *покупных* товаров. Даже если налоговая система не доводила никого до прямого голода, она явно усугубляла нищету многих.

Белый взгляд на крестьянскую жизнь

Хотя после отмены крепостного права материальное положение крестьян постепенно улучшалось, но, по нашим меркам, даже накануне столыпинских реформ оно было еще весьма убогим. В типичной деревне в избах площадью 350 кв. футов (32,5 кв. м) жили в среднем по восемь человек⁸⁷. Наблюдатели — не учитывавшие «беднейших» крестьян и описавшие условия жизни только сравнительно зажиточных крестьян, — сообщают, что во многих избах не было труб, так что их обитателям удавалось выжить только благодаря поступлению воздуха через щели в стенах⁸⁸. Стеклопанные окна «не были правилом», и «во многих домах окна были затянуты высушенными бычьими пузырями или другим полупрозрачным материалом,

---

Сторонники налогов на грехи, естественно, исходили из высокой эластичности. Если спрос на «грех» эластичен, моралисты должны быть довольны, потому что он ведет к сокращению соответствующего потребления; если же спрос неэластичен, должны быть довольны экономисты, потому что этот налог незначительно искажает рыночное поведение. Если бы величина эластичности была известна, одна из двух групп была бы обязательно недовольна.

⁸⁶ Moon, 115. По оценке Кагана (Kahan, *Russian Economic History: The Nineteenth Century*, 64), в 1912 г. налоги на крестьян составляли около 11% их доходов. Поскольку косвенные налоги были настолько выше суммы прямых налогов и выкупных платежей, разница между оценками не может быть объяснена тем, что с 1 января 1907 г. выкупные платежи были отменены.

⁸⁷ Hoch, "Famine, disease, and mortality patterns," 357—368.

⁸⁸ Stepiak [Сергей Михайлович Кравчинский], *The Russian Peasantry, Their Agrarian Condition, Social Life and Religion* (1977), 142—143.

так что даже в полдень убогая обстановка избы была едва различима в полумраке»⁸⁹. Сегодня мы знаем, что при сжигании дров образуется «чертова пропасть канцерогенов»⁹⁰, а содержащиеся в дыме химические вещества вредно действуют на мозг, глаза (могут вызвать слепоту), сердечно-сосудистую и дыхательную системы⁹¹. Из-за этого дыма в избах были редки сверчки, мыши, клопы, комары и даже знаменитые своей живучестью тараканы⁹².

Пищевые отбросы, экскременты людей и животных заполняли двор и дорогу за забором, и после дождя навозная жижа нередко просачивалась в избу⁹³. Встречались деревни, в которых не было ни одной уборной⁹⁴. Мебели практически не было; в качестве постели использовались печи и лавки⁹⁵. Обувью служили плетенные из лыка лапти. Лучшую одежду крестьяне приберегали для похорон, так что старуха время от времени гордо примеряла похоронную одежду, глядясь на себя в зеркало, сделанное из осколка стекла, прислоненного к черной тряпке, и радуясь тому, «какой она будет нарядной, когда ее положат в гроб»⁹⁶.

Неудивительно, что в России накануне революции 1905 г. политически активные люди страстно мечтали улучшить жизнь крестьян. В то же время эти сведения позволяют нам понять условия, в которых начинались реформы. Принадлежавшая крестьянам ненадельная земля постепенно увеличивалась, а дворянское землевладение быстро сокращалось. Несмотря на сковывающие условия общинной собственности, произво-

⁸⁹ W. Bruce Lincoln, *In War's Dark Shadow: The Russians Before the Great War* (1983), 44–45.

⁹⁰ Richard Hellie, "The Russian Smoky Hut and its Probable Health Consequences," *Russian History* 28 (2001): 171, 176, цитирует R. Stone, "Environmental Toxicants under Scrutiny a Baltimore Meeting (March 1995 Society of Toxicology Conference)," *Science* 267 (1995): 1770.

⁹¹ Steven L. Hoch, *Serfdom and Social Control in Russia: Petrovskoe, a Village in Tambov* (1986), 60.

⁹² Hellie, 172. См. также: Maurice G. Hindus, *The Russian Peasant and the Revolution* (1920), 10–11.

⁹³ Hindus, 5–6; Lincoln, 47.

⁹⁴ Lincoln, 47.

⁹⁵ Stepniak, 143; Hindus, 7.

⁹⁶ Hindus, 6.

дительность крестьянского труда росла, в результате чего они, безусловно, становились не беднее, а богаче. Хотя на протяжении большей части периода от отмены крепостного права до 1906 г. цены на землю росли, с учетом роста урожайности не получается истории обостряющихся лишений, даже если говорить о тех, кто начинал с небольшим количеством земли. Имея все это в виду, мы переходим к политическим альтернативам начатой Столыпиным политики приватизации.

Глава 4

ПОЛИТИКА РЕФОРМ

Столыпинские реформы стали законом в ситуации конституционного тумана. Они начались с указа царя от 9 ноября 1906 г., потом были подтверждены законом от 14 июня 1910 г. и уточнены законом от 29 мая 1911 г. Почему они были введены указом, а не сразу законом? А потому что в первой Думе не было большинства, по крайней мере готового большинства, способного поддержать предложенное правительством решение «аграрного вопроса». Поэтому Столыпин решил действовать в рамках ст. 87 Основных государственных законов Российской империи, которая позволяла царю единолично принимать законы во время перерыва заседаний Государственной Думы, когда «исключительные и чрезвычайные обстоятельства требовали принятия каких-либо мер, требующих законодательного обсуждения»¹. Основные государственные законы, первый опыт России в сфере конституционализма, были приняты 23 апреля 1906 г. в качестве частичного осуществления обещаний, данных царем в октябрьском Манифесте 1905 г. Ст. 87 была одним из нескольких положений, наделявших исполнительную власть законодательными полномочиями.

Аграрные реформы связаны не только с использованием правительством в ноябре 1906 г. ст. 87, но и с еще двумя ключевыми моментами провалившегося российского конституционного эксперимента. Во-первых, конфликт с Думой по аграрному вопросу стал причиной того, что в июле 1906 г., сразу после того, как Столыпин стал премьер-министром, Дума была распущена. Распуск Думы, хоть и предусмотренный законом, стал отражением явной неспособности российского общества наладить хотя бы элементарное сотрудничество между законодательной и исполнительной властью, совершенно необходимое для функционирования государства. Вторая Дума, избранная в начале 1907 г., была еще более левой, чем первая, и открывала

---

¹ Marc Szeftel, *The Russian Constitution of April 23, 1906: Political Institutions of the Duma Monarchy* (1976), 99.

еще меньше перспектив для совместной работы над аграрными проблемами. 3 июня 1907 г. была распущена и вторая Дума — еще более роковое событие, поскольку царь одновременно заменил существующий закон о выборах законами, более благоприятными для землевладельцев не из крестьян. Только после этого изменения, часто именовавшегося государственным переворотом, Столыпин смог обеспечить законодательную поддержку для своей реформы прав собственности на землю.

Однако Столыпин рассматривал аграрные реформы как часть программы построения правового государства, в котором крестьяне получают в полном объеме гражданские права, и благодаря этому, как он надеялся, — положение полноценных граждан. В самом деле, он сопровождал свои аграрные преобразования другими — направленными на устранение правовых барьеров между крестьянами и остальным обществом. Но цели и средства плохо согласовывались. Использование ст. 87, пусть и вполне законное, явно не продвигало страну по пути к конституционному правлению, понимаемому как система, в которой отношения между разными ветвями власти сбалансированы, а действия правительства опираются на согласие граждан. Поэтому в альтернативных подходах нас интересуют не только потенциально возможные решения «аграрного вопроса», но и возможные линии развития сценария, который мог бы со временем укрепить конституционализм, тем самым политически и экономически продвинув Россию по пути либеральной демократии.

Состав первой Думы

Выборы, проведенные в конце зимы и весной 1906 г., дали Думу, тяготевшую к полной или частичной экспроприации помещичьих земель. Несмотря на два препятствия, Дума оказалась преимущественно левой. Во-первых, система выборов давала преимущество землевладельцам перед крестьянами и рабочими: первые выбирали одного представителя от каждых 2000 землевладельцев, крестьяне — одного от 30 000, а рабочие — одного от 90 000². Во-вторых, две главные левые партии, социал-демократы (позднее расколовшиеся на большевиков и меньшеви-

² Abraham Ascher, *The Revolution of 1905: Authority Restored* (1992), 43.

ков) и социалисты-революционеры (объявившие себя представителями крестьянства), бойкотировали выборы³. Точно оценить распределение голосов в Думе невозможно, потому что она была распущена еще прежде, чем закончились выборы по всей стране, так что были избраны только 478 депутатов (из теоретически возможных 524)⁴. Центр (относительный) составляли 185 кадетов, включая примерно 40 депутатов, явно тяготевших к социализму. На правом крыле находились 70 депутатов: прогрессисты (включая группу мирнообновленцев), польские национал-демократы, октябристы и другие умеренные. Левое крыло, решительно не собиравшееся сотрудничать с правительством, состояло из 111 депутатов: трудовиков, социал-демократов и социалистов-революционеров. Наконец, имелись еще «беспартийные», среди которых были и возможные сторонники реформирования надельного землевладения⁵.

Для понимания того, какие силы противостояли правительству, задумавшему решить проблемы сельской России с помощью реформы прав собственности, сначала рассмотрим позиции правых и левых, а потом кадетов, без поддержки которых Дума вряд ли смогла бы принять реформу крестьянского наследственного права.

Помещики

Помещики — не считая присоединившихся к левым партиям или к центру — отличались скорее неприятием принудительного перераспределения их земель, чем приверженностью к какому-либо определенному взгляду на дальнейшее развитие общины. Тот факт, что им не нравилось принудительное перераспределение, с выкупом или без, вряд ли нуждается в объяснении. Однако некоторые дворяне были готовы принять ограниченное перераспределение в надежде, что на этом крестьяне успокоятся и оставят остальные помещичьи земли в покое.

Что касается отношения к общине, среди землевладельцев и близко не было какого-либо согласия по этому вопросу. В 1890-е годы, например, помещики в целом поддерживали

³ Ibid., 47.

⁴ Ibid., 42—43, 51.

⁵ Ibid., 51, 87—90.

принятые 14 декабря 1893 г. ограничения на выход из общины, поскольку община считалась «защитой против обезземеливания и обнищания»⁶. И, хотя к марту 1905 г. Особое совещание под председательством Витте сумело заручиться поддержкой большинства по вопросу о механизме выхода крестьян из общины, совещание было распущено отчасти из-за ведомственных дрызг, а отчасти в силу утверждений, что такая политика разрушит общину⁷. Сторонники реформы могли исходить — и фактически исходили — из того, что община может служить инструментом организации давления крестьян на помещиков, а это была достаточная причина, чтобы ее распустить⁸. Но некоторые держались противоположного мнения — что опаснее иметь дело с неорганизованными и разрозненными крестьянами⁹. В Государственном Совете, верхней палате законодательного органа России после 1905 г. и бастионе помещичьих интересов, аграрным реформам Столыпина противились правые. Правые изображали общину оплотом закона и порядка, а возможность смены формы собственности объявляли лицензией на захват чужой собственности, выражая опасения, что реформы приведут к массовой пролетаризации крестьянства¹⁰. Некоторые проклинали реформы как «бур-

⁶ David A.J. Macey, *Government and Peasant in Russia, 1861—1906: The Pre-History of Stolypin Reforms* (1987), 33.

⁷ Ibid, 107—18; Федоров Б. Петр Столыпин: «Я верю в Россию». М., 2002. Т. 1. С. 349.

⁸ См., например: Зырянов П. Н. Проблема выбора целей в столыпинском аграрном законодательстве // Государственная деятельность П. А. Столыпина: сборник статей / Отв. ред. Н. К. Фигуровская и А. Д. Степанский. 1994. С. 100—101. Ср.: Marina Petrovna von Bock, *Reminiscences of My Father, Peter A. Stolypin* (1970), 175 (пишет о том, что «общинная жизнь крестьян в деревне сильно облегчала работу революционеров», которые могли эксплуатировать то лишения крестьянства, вызываемые вредным влиянием общины на производительность, то роль общины в поддержании сплоченности крестьян, а то и оба сюжета одновременно) [См.: Бок М. П. Воспоминания о моем отце П. А. Столыпине. Нью-Йорк: Издательство им. Чехова, 1953].

⁹ Alexander Gerschenkron, "Agrarian Policies and Industrialization, Russia 1861—1914," in Alexander Gerschenkron, *Continuity in History and Other Essays* (1968), 190—191.

¹⁰ Бородин А. П. Государственный Совет России (1906—1917). Киров, 1999. С. 170—179, 187.

жуазный либерализм»¹¹. В Думе дворяне, входившие в правое крыло, критиковали реформу с тех же позиций, доказывая, например, что, получив землю в полную собственность, крестьяне просто «пропьют ее» или продадут иностранцам¹². Учитывая многообразие и непостоянство мнений помещиков, советские историки приукрасили картину, изобразив их как сплоченную фалангу, движимую убеждением, что их интересы требуют «разрушения» общины¹³. Среди исследователей идут горячие споры о том, в какой мере можно рассматривать реформы как «губительные» для общины или, если говорить менее образно, как источник сомнительного давления на крестьян, склонявшихся к жизни в общине. Но лучший способ разрешения вопроса — это анализ законодательства, чему посвящены две следующие главы. Что же касается приватизации общинной собственности, здесь дворянство раскололось во мнении, как и должно быть в отношении к политике, которая непосредственно не затрагивала дворянских владений и конечное воздействие которой на материальное положение дворянства вряд ли можно было предсказать.

Эсеры, трудовики и другие крестьянские представители

Самым крайним вариантом программы левых был «проект 33-х», отражавший взгляды социалистов-революционеров¹⁴. Проект начинается решительным заявлением, что «всякая частная собственность на землю... отныне совершенно уничтожается» и что вся земли отныне будет принадлежать всему населению¹⁵. Каждый гражданин должен был получить «равные» права на использование земли для ведения сельского

¹¹ Там же. 184.

¹² Шмелев Г. И. Аграрная политика и аграрные отношения в России в XX в. М., 2000. С. 8—9.

¹³ См., напр.: Зырянов. Проблема выбора целей. С. 100—101.

¹⁴ Launelot A. Owen, *The Russian Peasant Movement, 1906—1917* (1963), 34; Земельный вопрос / Под ред. Е. С. Строева. М., 1999. С. 89 (приписывает появление проекта 33 депутатов «влиянию эсеров»).

¹⁵ Полностью текст опубликован в: Сидельников С. М. Аграрная реформа Столыпина. М., 1973. С. 73—77.

хозяйства, причем на достаточное количество земли, так чтобы после уплаты налогов оставалось достаточно средств для удовлетворения здоровых нужд хозяина и его семьи («потребительская норма»). Никто не должен иметь больше земли, чем он может обработать без найма помощников («трудо-вая норма»). О купле-продаже земли, естественно, не было и речи, поскольку проект предусматривал в первую очередь уничтожение всякой частной собственности на землю. Но на случай, если бы кто-нибудь задумал искать бреши в системе борьбы с частной собственностью, была запрещена и аренда земли. В качестве мелкой уступки практическим потребностям, если кто-нибудь в результате «какого-либо несчастного случая» утратит способность вести хозяйство самостоятельно, он может передать свой участок местной общине или товариществу в обмен на денежную помощь, а когда восстановит свои силы и опять сможет хозяйствовать, то сможет получить свою землю обратно.

В определенной степени этот проект, вероятно, отражал взгляды, преобладавшие среди крестьянства. Оговорка «в определенной степени» необходима, потому что в мире, в котором сформировалась эта точка зрения, тогда действовали две переходные тенденции. Во-первых, существовал контраст между ресурсами, усилиями и вознаграждением помещиков, с одной стороны, и крестьян — с другой. У помещиков было намного больше ресурсов в пересчете на члена семьи, они меньше напрягались и получали многократно более высокую отдачу. Поскольку всю тяжелую физическую работу выполняли крестьяне, недооценивавшие управленческую и предпринимательскую деятельность помещиков, для них был очень привлекателен лозунг «земля — крестьянам» и только крестьянам.

Во-вторых, поскольку крестьяне жили в мире, где права собственности, о которых мы говорили в главе 2, были очень слабыми, они мало сталкивались с выгодами и стимулами, которые могут обеспечить защищенные права собственности. Хотя крестьяне и могли проникнуть в мир сравнительно защищенных прав собственности и делали это в широком масштабе с 1877 по 1905 г., тем не менее очевидно, что многие из них — возможно, большинство, — относились враждебно к любому помещику, обладавшему участком земли больше среднего. Отсюда осуждение любой собственности, превышающей

площадь, которую члены семьи могут обработать своими силами. Отсюда же прозвища, изобретенные для сравнительно зажиточных крестьян, — «кулаки» и «мироеды».

Петиции, составлявшиеся крестьянами в революционной горячке 1905—1907 гг., были изложены в словах, превосходно отвечавших духу «проекта 33-х»¹⁶. Их страницы пышут негодованием против помещиков: «Если бы нам дали по 5 копеек в день за всю работу, которую мы переделали за время крепостничества, мы бы легко выкупили всю землю помещиков»¹⁷. «Мы трудимся без отдыха, а господин и священник пируют в праздности и всегда всем обеспечены»¹⁸. «Крестьяне и другие сословия создали богатство России своими мозолистыми руками»¹⁹. Процесс наделения землей в период освобождения от крепостного права рассматривался в петициях как полная несправедливость²⁰, и для убедительности приводились слова из книги Лев 25, 23, где Господь предписывает, что «землю не должно продавать навсегда; ибо Моя земля; вы пришельцы и поселенцы у Меня»²¹. Об аренде у помещиков говорилось, что она доступна только на «разорительных условиях»²². Петиции откровенно зывали к политическим идеям, вдохновлявшим «проект 33-х»: необходимо покончить с частной собственностью на землю и сделать ее достоянием только тех, кто ее обрабатывает. Отвергался даже намек на компенсацию, и это понятно — авторы петиций не хотели повторения истории с выкупными платежами, за которые государство расплатилось по большей части крестьянскими деньгами.

В петициях не было попыток перейти от перечисления обид к политическим рекомендациям, и уж тем более — к рассмотрению рецептов повышения производительности. В них не рассматривались возможные преимущества системы частной собственности на землю — создание действенных стимулов для

¹⁶ Я наткнулся на работу, автор которой основательно изучил эти петиции. *Сенчакова Л. Т.* Крестьянские наказания и приговоры, 1905—1907 гг. // *Деревня в начале века: революция и реформа* / Ред. Ю. Н. Афанасьев. М., 1995. С. 43—66.

¹⁷ Там же. С. 49.

¹⁸ Там же. С. 50.

¹⁹ Там же. С. 63.

²⁰ См., напр.: Там же. С. 48.

²¹ Там же. С. 53.

²² Там же. С. 50.

хлебопашцев, простота передачи ресурсов для более производительного их использования, обеспечение возможности продажи своего права на землю для крестьян, пожелавших перебраться в город или заняться чем-то, не связанным с сельским хозяйством. В них были отмечены факторы, связанные с производительностью: чересполосица (например, когда полосы настолько узки, что на них невозможно использовать плуг²³) или то, что крестьяне не могут получить кредит (в чем не было ничего удивительного, если учесть хрупкость прав собственности на землю)²⁴. Хотя такого рода проблемы можно было легко решить с помощью мер, укрепляющих права собственности и облегчающих укрупнение наделов, авторы петиций, похоже, просто не понимали этого. Любопытно, что некоторые из них предлагали для решения крестьянских проблем и другие меры, отличные от конфискации частной собственности, — такие как замена существующих налогов прогрессивным подоходным налогом²⁵. А многие развивали идеи равенства гражданских прав, что лежало в русле политики, предложенной Столыпиным: требовали упразднения крестьянского сословия, улучшения образования, совершенствования судебной системы²⁶.

Петиции любопытным образом противоречили свидетельствам крайне критического отношения крестьян к переделам и системе чересполосицы. Проведенный в Смоленской губернии в конце 1902 г. опрос 646 человек, среди которых было 328 крестьян, выявил, что большинство последних (118 человек против 68) были против общины. Многие обвиняли сторонников переделов в своекорыстности, даже называли их «грабителями»²⁷. Еще острее была критика неудобств, создаваемых чересполосицей: коллективный контроль; необходимость приноравливаться к самым нерасторопным односельчанам; потери зерна из-за медлительности отдельных хозяев; потери земли, гуляющей под межами; трудности обработки и удобрения чрезмерно узких полосок. Эта критика выражалась от лица индивидуаль-

²³ Там же. С. 49—51.

²⁴ Там же. С. 49.

²⁵ Там же. С. 57—58.

²⁶ Там же. С. 58—60.

²⁷ Чернышев И. Крестьяне об общине накануне 9 ноября 1906 г.: К вопросу об общине. СПб.: 1911. С. 42. Шмелев. С. 22—25, также описывает результаты этого опроса, но менее детально, чем Чернышев.

ных производителей, которые видели в общине помехи новаторству, использованию личного опыта и личным достижениям. Они очень остро ставили вопросы о сопутствующих социальных недугах: превращении человека в «раба» общины; бесконечных раздорах, драках и даже судебных тяжбах; конфликты между богатыми и бедными, главным образом из-за более интенсивного использования общинных выгонов скотом богатых членов общины²⁸. Звучало и прямое озлобление: «Мир контролирует каждый шаг». Для активного мужика жизнь в общине — это «пытка» и «вечное рабство»²⁹.

Даже крестьяне, защищавшие общину, соглашались с этой критикой, но противопоставляли ей преимущества общины и проблемы, которые начнутся при переходе к частному землевладению³⁰. Преимущества общины включали в себя защиту беднейших семей, поскольку те имели доступ к пастбищу, воде и другим общим ресурсам, а также больший простор для скота (вероятно, из-за неогороженности полей). Некоторые указывали на социальные аспекты дела — большим семьям нарезалось больше земли, кроме того, община привязывала крестьян к родине³¹. Некоторые даже отстаивали аргумент, прямо противоположный аргументу критиков относительно постоянных раздоров: в условиях частной собственности их станет больше. Многие говорили о том, что окончательный раздел земли не может быть честным и справедливым — по-видимому, они исходили из того, что в условиях регулярных переделов нечестность не имеет большого значения, потому что в следующий раз все можно исправить³². Но похоже, что даже сторонники общины полагали, что и при частной собственности на землю жить можно, лишь бы землицы прирезали³³.

Из данных опроса следует, что бедняки выступали за общину, середняки — против, а зажиточные раскололись в соответствии с личной оценкой возможных выгод³⁴. Критики общины, видимо, чувствовали, что на решение вопроса они все равно

²⁸ Чернышев. С. 5—29, 41—51.

²⁹ Там же. С. 41, 46.

³⁰ Там же. С. 29—41.

³¹ Там же. С. 35.

³² Там же. С. 36—38.

³³ Там же. С. 40, 49—50.

³⁴ Там же. С. 75—78.

никак повлиять не могут, поскольку все зависит от решений центральной власти³⁵.

Понятно, что наши возможности делать выводы о ситуации на основании опроса 1902 г. достаточно ограничены. Смоленская губерния экономически была сравнительно развита; например, в ходе реформ по числу хуторов и отрубов она оказалась выше среднего уровня. В отчете ничего не сказано о методологии опроса. Тем не менее гневная критика общины со стороны довольно большой группы крестьян заставляет скептически отнестись к утверждению о том, что политические петиции отражали позицию крестьянства в целом. Даже отдельный крестьянин мог держаться сразу двух мнений. Прилично одетый и, по-видимому, состоятельный мужик ответил чиновнику по поводу реформы следующее: «По убеждению я трудовик и в соответствии с нашей программой я против закона от 9 ноября, но по жизни мне это подходит... А потому я говорю вам спасибо»³⁶.

В конечном итоге, конечно, крестьяне получили именно то, чего требовали в своих политических петициях: принятый большевиками в 1917 г. Декрет о земле был очень близок к «проекту 33-х». Но пятилетний опыт, особенно убедительный в силу полного уничтожения помещичьих хозяйств, немного их образумил, как следует из принятого в 1922 г. Земельного кодекса. Он по крайней мере разрешил общинам выбирать необщинное (*участковое*) землевладение³⁷, а также позволил крестьянам добиваться выделения своей земли с согласия общины — а иногда и без оно³⁸. Но он запретил любую покупку, продажу, залог, завещание или дарение земли, а также резко ограничил возможности сдачи в аренду³⁹. Из этого смягчения позиций власти следует, что взгляды крестьян, нашедшие отражение в наказах и в «проекте 33-х», достаточно быстро радикально изменились. Возможно, сказался опыт настоящей частной собственности, расширявшей-

³⁵ Там же. С. 29, 47, 82.

³⁶ David A. J. Macey, "Government Actions and Peasant Reactions During the Stolypin Reforms," in *New Perspectives on Modern Russian History*, ed. Robert B. McKean (1992), 161.

³⁷ Земельный Кодекс Р.С.Ф.С.Р., 1922, §100.

³⁸ Там же. С. 136.

³⁹ Там же. §27.

ся в результате скупки помещичьих земель и приватизации общинных земель.

Где-то в середине спектра между предложением 33-х и идеями кадетов был еще «проект 104-х» — произведение трудовиков, находившихся под влиянием эсеров⁴⁰. В отличие от «проекта 33-х», этот проект упоминал о компенсации за землю, но очень туманно: вопрос, включая «те случаи, когда земля была изъята без компенсации», может быть разрешен только после «народного обсуждения» на местах⁴¹. И не считая этого расплывчатого упоминания о компенсации, здесь не было ничего отличающегося от предложения 33-х, с одной стороны, и предложения кадетов — с другой, и этот проект был еще дальше кадетского от всего, что могло бы составить основу для компромисса с правительством, а потому нет смысла его обсуждать.

Прежде чем распрощаться с крайне левыми, нужно кратко ознакомиться с позицией большевиков. Стандартная марксистская теория, конечно, утверждала, что в своем развитии общество неизбежно проходит стадии, установленные Марксом: феодализм, капитализм и, наконец, коммунизм. Если, как это делали социал-демократы, расценивать социальные и экономические условия, преобладавшие в сельской России в период ликвидации крепостного права до 1905 г., как феодализм, то нужно заключить, что следующей стадией должен был быть капитализм. Тогда получается, что, переходя к капитализму, общество делает шаг к коммунизму. Следуя марксистской логике, хороший коммунист должен был бы поддерживать развитие капитализма, и можно было бы ожидать, что Ленин одобрит столыпинские реформы⁴².

На деле реакция Ленина была ортодоксальной лишь частично. Он действительно считал, что столыпинские реформы способствовали развитию капитализма (это хорошо) и ускоряли «экспроприацию крестьянства, разрушение общины и возникновение крестьянской буржуазии» (все это есть результат

⁴⁰ *Строев и др.* С. 87—88, рассматривают «проект 104-х» как отражение нараставшего недовольства предложениями кадетов со стороны части депутатов от крестьян, а так же и эсеров.

⁴¹ *Сидельников.* С. 70 (текст §4 «проекта 104-х»).

⁴² См.: L. Owen, 56.

укрепления капитализма, а потому дело хорошее)⁴³. Реформы, писал он, «несомненно прогрессивны в экономическом смысле»⁴⁴. В 1903 г. в брошюре под названием «Объяснение для крестьян, чего хотят социал-демократы» он призвал к отмене всех законов, стесняющих крестьян в распоряжении своей землей⁴⁵. С другой стороны, Ленин делил сельский капитализм на два типа: прусский (с небольшим числом крупных землевладельцев, включая и зажиточных крестьян, и сельским пролетариатом) и американский⁴⁶. Для него в американском сельском хозяйстве главным было не большое число сравнительно небольших частных хозяйств, а тот факт, как он его понимал, что фермеры получили землю от государства бесплатно. По его мнению, отсюда следовало, что американские фермеры могли вкладывать труд и капитал без «излишних» расходов на аренду или покупку земли⁴⁷. В соответствии

⁴³ Donald W. Treadgold, "Was Stolypin in Favor of Kulaks?" in *The American Slavic and East European Review* 14 (1955): 10. См. также: Peter I. Lyashchenko, *History of the National Economy of Russia to the 1917 Revolution*, trans. L.M. Herman (1949), 219. [См.: Лященко П. И. История народного хозяйства СССР. Т. 1. М., 1939.]

⁴⁴ Ленин В. И. Собр. соч. 4-е изд. Т. 13. С. 219.

⁴⁵ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 7. С. 134, 181—182. См. также: Шмелев. С. 30.

⁴⁶ Treadgold, "Was Stolypin in Favor of Kulaks?" 9, цит. Ленин В. И. Собр. соч. 4-е изд. Т. 13. С. 216.

⁴⁷ Esther Kingston-Mann, *Lenin and the Problem of Marxist Peasant Revolution* (1983), 104—105. В работе «Аграрная программа социал-демократии в первой Русской революции 1905—1907 гг.» Ленин, опираясь на учение Маркса, утверждал, что частная собственность на землю серьезно ограничивает производительность, потому что расходы фермеров на аренду или покупку земли поглощают средства, нужные для совершенствования хозяйства. См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 16. С. 295. См. также: там же. С. 216—217 прим. * (утверждается, что чем меньше фермеры платят за землю, тем больше они могут вкладывать в усовершенствование хозяйства, и тем быстрее будет повышаться производительность, и обосновывается все ссылкой на американский опыт). Похоже, Ленин странным образом связывал все это с опытом американского Юга после Гражданской войны. См. Там же. Т. 16. С. 270. Такой подход соответствует обычной для марксистов позиции — вниманию к распределению и пренебрежению стимулами.

с этой теорией, конечно, процветать могли бы только первопоселенцы и их наследники, а любой фермер, купивший землю по рыночной цене, обречен на ужасные лишения. Мысль, надо сказать, ни на чем не основанная. Этот подход явно созвучен идее, о которой мы говорили выше, — причиной низкой производительности является бедность крестьян, в результате чего причиной бедности оказывается бедность, а отнюдь не пороки системы прав и стимулов.

Как бы то ни было, далее Ленин пишет, что национализация помещичьих земель в соответствии с чем-то вроде программы трудовиков приведет к развитию особенно благоприятной формы капитализма⁴⁸. Имея довольно статичное представление о капитализме, он, похоже, совсем не беспокоился по поводу предложения трудовиков о запрещении всех сделок с землей, хотя одобрительно отметил, что в их предложениях нет никаких упоминаний о сохранении отжившей общины⁴⁹.

Некоторые расслышали в высказываниях Ленина опасения по поводу того, что столыпинская реформа может перехватить инициативу, превратив крестьян в класс независимых предпринимателей и не оставив сельского пролетариата для ускорения революции. Два обстоятельства делают эту теорию несостоятельной. Во-первых, Ленин догматически верил, что капитализм неизбежно делит общество на враждебные, резко различающиеся классы, и в его высказываниях, похоже, нет никакого намека на отказ от этой аксиомы. Во-вторых, мало что свидетельствует о том, что Ленин когда-либо видел в крестьянах застрельщиков социалистической революции⁵⁰. Пассаж, который часто приводят в поддержку идеи о том, что Ленин считал, будто реформы сделают революцию невозможной, представляется в лучшем случае неясным. В 1908 г., заявив, что для успеха столыпинской реформы нужны многие годы давления на крестьян, в том числе с помощью голо-

⁴⁸ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 16. С. 215—221. См. также: Ленин В. И. По торной дорожке // Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 17. С. 26—32.

⁴⁹ Тюкавкин В. Г. Великорусское крестьянство и столыпинская аграрная реформа. М., 2001. С. 184—185 (цит. Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 16. С. 263—264).

⁵⁰ Kingston-Mann, *Lenin and the Problem of Marxist Peasant Revolution*, 212, п. 20 (цит. Ленин В. И. Аграрная программа // Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 16. С. 325).

да, Ленин заявил, что такого рода политика в прошлом имела успех. Далее он пишет: «Было бы пустой и глупой демократической фразеологией, если бы мы сказали, что в России успех такой политики “невозможен”. Возможен!

...[если] столыпинская политика продержится достаточно долго для успеха “прусского” пути... тогда аграрный строй России станет вполне буржуазным, крупные крестьяне заберут себе почти всю надельную землю, земледелие станет капиталистическим и никакое, ни радикальное, ни нерадикальное, решение аграрного вопроса при капитализме станет невозможным»⁵¹.

Смысл фрагмента непонятен. Что, например, означает невозможность «решения аграрного вопроса» «при капитализме»? В свете общих идей Ленина об отношении между капитализмом и социалистической революцией и о вероятном участии (или неучастии) в революции крестьянства этот пассаж кажется слабым основанием для заявления, будто Ленин считал, что успех реформы может похоронить его программу. Однако другие большевики явно осознавали эту опасность⁵², и в одну из бессонных ночей Ленин тоже мог прийти к этой мысли. По крайней мере некоторые ораторы на Лондонской конференции эсеров в сентябре 1908 г. открыто говорили, что если правительство достигнет успеха в насаждении частной собственности в деревне, это грозит «серьезно подорвать революционную активность»⁵³.

Кадеты

Кадеты не заняли официальной партийной позиции по аграрному вопросу, но группа кадетов в Думе выступила с «проек-

⁵¹ Bertram D. Wolf, *Three Who Made a Revolution: A Biographical History* (1948), 361; Ленин В. И. По торной дорожке // Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 17. С. 31—32.

⁵² См.: Федоров. Т. 1. С. 404 (цитирует неназванного большевика, сказавшего, что если бы Столыпин смог продолжить свои реформы еще лет 8—10, никакой революции не было бы).

⁵³ Выступая 5 декабря 1908 г. в Думе, Столыпин цитирует именно эсеровских лидеров. Столыпин П. А. Нам нужна великая Россия: полное собрание речей в Государственной Думе и Государственном Совете, 1906—1911. М.: 1991. С. 179.

том 42-х», который предусматривал принудительное изъятие помещичьих земель с частичной компенсацией⁵⁴. Правительство должно было создать фонд земель для перераспределения прежде всего за счет земель государственных, удельных и церковных. Предполагалось также экспроприировать земли частных землевладельцев, оставив некую рассчитанную для каждой местности трудовую норму, которую они смогут обрабатывать с использованием собственных животных и техники (судя по всему, без применения наемного труда)⁵⁵. Земли, сдаваемые в аренду, подлежали конфискации, даже если у собственника земли было меньше, чем положено по трудовой норме⁵⁶. Земли фонда должны были распределяться среди безземельных или малоземельных в количестве, обеспечивающем удовлетворение средних потребностей, с учетом не только качества земли, но и «стабильных заработков за пределами сельского хозяйства»⁵⁷. Экспроприируемые владельцы должны были получить компенсацию в соответствии с принципом «справедливости» (что это такое, неизвестно), основанным на урожайности, обычной для каждого конкретного района с независимыми крестьянскими хозяйствами, и без учета «арендной стоимости, созданной потребностью в земле»⁵⁸. Участки предполагалось нарезать в «долговременное» пользование, а получатель при этом платил бы за него в соответствии с производительностью земли⁵⁹.

Программа кадетов была привлекательна тем, что говорила только о распределении. В конце концов, притязания помещиков на землю не опирались на умение кого-либо из нынешних или даже прежних владельцев получать продукты земледелия. Они получили землю, чтобы иметь возможность содержать себя, служа государству на военном или административном поприще. Обязанность служить формально была отменена в 1762 г.⁶⁰, а удержание земли неслуживыми

⁵⁴ Текст этого проекта см.: Сидельников, С. 77—80. См. также: Roberta T. Manning, *The Crisis of the Old Order in Russia: Gentry and Government* (1982), 216 (отмечает наличие оппозиции в рядах партии кадетов).

⁵⁵ Сидельников, С. 78—79 (текст проекта § V(a)).

⁵⁶ Там же.

⁵⁷ Там же. С. 78, § II.

⁵⁸ Там же. С. 77, § I.

⁵⁹ Там же. С. 79, § VI.

⁶⁰ David Moon, *The Russian Peasantry, 1600—1930: The World the*

людьми — это аномалия. Из того, что производительность их земли была выше, чем у крестьян, следует, что многие из них разбирались в сельском хозяйстве (или умели нанять тех, кто в нем понимает), хотя это до известной степени лишь счастливая случайность. Но не вполне случайность: дворянские земли можно было продавать и покупать, так что постепенно земля перешла от нерадивых и бестолковых в руки тех, кто знал, как ее использовать. Вспомните еще раз о «Вишневом саде», и о потерявших свой сад обаятельных, но нерешительных аристократах.

Большим преимуществом «проекта 42-х» было то, что он так и не стал законом, т.е. не столкнулся с грубой действительностью. Одной из черт этой действительности было то, что районы, в которых имелись действительно крупные дворянские поместья, не совпадали с районами, для которых был характерен острый «земельный голод». Только $7/10$ частных земель были расположены в десяти губерниях со средним наделом на семью менее семи десятин⁶¹. Для приведения в соответствие экспроприруемой земли с нуждающимися семьями потребовалось бы переместить миллионы крестьян с одного конца России на другой. Кроме того, проект имел еще два недостатка. Во-первых, изъятие и распределение земли в соответствии с нормами производства и потребления превратило бы Россию в страну крошечных хозяйств с соответствующими последствиями для производительности. В самом деле, уже в 1905 г. общая площадь помещичьих земель была в три раза меньше земель, принадлежавших крестьянам, так что больших участков каждому нуждающемуся нарезать из этой земли не получилось бы. А вот потери от снижения производительности были бы велики. Оптимальный размер фермерского хозяйства зависит от почвы, возделываемых культур, погоды, наличия трудовых ресурсов, управленческого мастерства владельцев и легкости доступа к рынку. Только через рынок земли, отражающий личные решения миллионов владельцев, реагирующих на ценовые сигналы, которые, в свою очередь, отражают множество разных обстоятельств и факторов, Россия могла бы най-

---

Peasants Made (1999), 109.

⁶¹ Тюкавкин. С. 212. См. также: Столыпин. С. 86—96 (речь в Думе, 10 мая 1907 г.).

ти свой путь к структуре земельной собственности, которая соответствовала бы всем этим факторам и могла приспособиться к будущим изменениям.

Хотя план кадетов формально не отменял рынка земли, как это предусматривали эсеры, в случае его реализации он привел бы к очень серьезным ограничениям. Даже если предположить, что закон, принятый на основе этой программы, не запретил бы иметь больше земли, чем положено по норме, было бы большим риском приобретать больше нормы в условиях, когда законодатель безусловно одобряет подобное ограничение. А когда иметь излишек земли рискованно, оказывается труднее покинуть сельское хозяйство. Предположим, что фермер хочет заняться малым бизнесом или найти себе работу вне сельского хозяйства. (Вспомните, что даже в 1877—1894 гг. 23,6% доходов крестьяне получали от деятельности, не связанной с сельским хозяйством⁶².) Смог бы он продать свою землю? Можно предположить, что на практике он смог бы ее продать только малоземельному крестьянину, или дворянину, или какому-нибудь государственному фонду, который занимался бы скупкой земель для перепродажи подобным лицам. Это как минимум создало бы мелким фермерам препятствие при попытке смены сферы деятельности. Когда величина хозяйства строго ограничена, а возможности бросить сельское хозяйство основательно стеснены, мы получаем статичную и неэффективную сельскую экономику и промышленность, не имеющую возможностей для роста.

Второй недостаток плана кадетов состоял в том, что в силу приверженности идеалу правового государства, они предусматривали компенсацию за отобранную землю, но это создавало целый ряд проблем. Рассчитать компенсацию за почти 100 млн акров земли — если только не использовать совершенно механическую формулу — просто непосильная задача. Можно было, конечно, как-то упрощать подсчеты, жертвуя точностью ради простоты. Фактически же то, что предлагалось, лишь усложняло решение поставленной задачи. Исключив аренду земли и всю соответствующую информацию, проект поставил судью перед задачей провести буквально метафизическую линию. Поскольку от суда не приходится ждать

⁶² Анфимов А. М. Экономическое положение и классовая борьба крестьян Европейской России. 1881—1904 гг. М., 1984. С. 156—157.

совершенства, взвалить на любую правовую систему подобную задачу, особенно в малоразвитой России, — значит скорее утопить правовое государство, а не помочь его становлению.

Процесс модернизации, если бы программа кадетов его не прикончила, только усугубил бы экономические перекосы и административную трясиину. Модернизация предполагает постепенный рост производительности и населения. Если бы Россия установила административный потолок размера хозяйства, сам ход развития привел бы к постоянному понижению этого потолка, что оказывало бы дальнейшее понижающее воздействие на производительность и вело бы к усложнению административных рогаatok.

Но оставим все это и зададимся вот каким вопросом: имело ли смысл использовать проект кадетов в той ситуации, которая сложилась в России к 1906 г.? Может, скверная политика оказалась бы невысокой ценой за то, чтобы предотвратить 70 лет большевизма, точнее, за то, чтобы повысить шансы на предотвращение этой катастрофы? Здесь возможны два подхода. Во-первых, «проект 42-х» мог улучшить ситуацию в деревне или удовлетворить крестьян. Вряд ли удалось бы добиться значительного улучшения материального положения крестьян, учитывая сравнительно скромную площадь помещичьих земель (в сравнении с тем, что уже было в распоряжении крестьян)⁶³, возможные конфликты между крестьянами за расположение отруба, вероятные отступления от принципа верховенства права при изъятии и распределении земли, а также сложные вынужденные миграции крестьян из губерний, где крестьяне в наибольшей степени страдали от малоземелья, туда, где земля была в избытке. Все это нанесло бы ущерб экономике страны, в том числе и самим крестьянам. Но были бы крестьяне в итоге удовлетворены? Не вызывает сомнений, что эта политика дискредитировала бы идею, что захват помещичьих земель — прямой путь к довольству. То, как изменились настроения крестьянства с 1917 к 1922 г., говорит об их способности осознать выгоды отдельных аспектов частной собст-

⁶³ Когда крестьяне в конце концов захватили земли, принадлежавшие государству, царской семье, церкви и помещикам, им досталось от $\frac{1}{3}$ до $\frac{3}{4}$ десятины на душу. James W. Heinzen, *Inventing a Soviet Countryside: State Power and the Transformation of Rural Russia, 1917–1929* (2004), 24–25.

венности. Но было бы рискованной авантюрой строить либеральную демократию на базе конфискации (с частичной компенсацией) собственности целого класса землевладельцев⁶⁴.

Вторым моментом, оправдывающим подобную политику, могло бы быть положение о том, что в ходе нахождения законодательного компромисса, необходимого для реализации проекта кадетов, конституционные нормы смогли бы развиться и укрепиться в такой степени, что это перевесило бы негативные последствия соответствующей сельскохозяйственной политики. Компромиссное решение могло бы удовлетворить пожелания правительства и его сторонников в отношении законов, дающих крестьянам право выхода из общины, если они того желают, и удовлетворить пожелания кадетов — в отношении акта по передаче помещичьей земли крестьянам. Компромисс, вероятнее всего, предотвратил бы роспуск Думы в июле 1906 г., обращение к ст. 87 в ноябре 1906 г. для начала реформы прав собственности и изменение избирательного закона (государственный переворот) в июне 1907 г. Но все это лишь догадки и предположения. Однако опыт эффективного сотрудничества между ветвями власти и достижения более тесного согласия в управлении был бы, несомненно, полезен.

Ретроспективно, если говорить только об аграрной политике, позиции правительства и кадетов не кажутся столь безнадежно несовместимыми, чтобы была исключена возможность компромисса. Кадеты были грозны скорее на словах, чем на деле, а их политические мечтания были хуже, чем то, с чем бы они согласились в критический момент. «Проект 42-х» никоим образом не отражал позиции всей партии⁶⁵, и взгляды кадетов во второй

⁶⁴ Кэрл М. Роуз (Carol M. Rose, "Property and Expropriation: Themes and Variations in American Law," *2000 Utah Law Review* (2000): 1, 27—38) доказывает, что можно провести массовую экспроприацию, не подрывая доверия к режиму частной собственности, если притязания тех, кто подвергается экспроприации, воспринимаются как совершенно незаконные, как это бывает в случае раскола общества на «мы и они». Возможно, именно такое восприятие и господствовало после большевистской революции, но к тому моменту ни о каком доверии к режиму частной собственности говорить уже не приходилось.

⁶⁵ См.: Шелохаев В. В. Кадеты — главная партия либеральной буржуазии в борьбе с революцией 1905—1907 гг. М., 1983. С. 125 (изложены критические комментарии кадетов Щепкина и Петра-

Думе отличались большей умеренностью, чем в первой⁶⁶. Когда третья Дума рассматривала проект, ставший законом 14 июня 1910 г., утвердившим столыпинскую реформу с некоторыми поправками, кадеты, которых теперь было всего 54 человека из 441 депутата⁶⁷, смирились с идеей, что правительство должно облегчить крестьянам выход из общины. Они настаивали только на том, что нельзя силой принуждать к выходу из общины. Если их беспокойство и было обоснованным, то причина здесь в определенном своеобразии закона, который будет рассмотрен в главе 6. В любом случае, законодательный торг мог бы устранить подобные недостатки закона⁶⁸.

Что же касается правительства, то, по некоторым признакам, оно готово было пойти на уступки по политическим вопросам. Хотя высокопоставленные государственные деятели порой говорили о полной неприемлемости экспроприации собственности в какой бы то ни было форме⁶⁹, внутри правительства были силы, готовые пойти на некие меры по экспроприации, чтобы удовлетворить оппозицию. Сам Столыпин, бывший активным и влиятельным уже на посту министра внутренних дел, до занятия поста премьер-министра и разгона первой Думы 9 июля 1906 г. летом 1906 г. заметил в частной беседе, что согласен с намерением кадетов прирезать крестьянам земли, но «отвергает широкомасштабную принудительную экспроприацию частнособственнических земель»⁷⁰. В присутствии многих свидетелей он также сказал графу Бобринскому: «Вам, граф, придется расстаться с частью ваших земель»⁷¹. Позднее, отчасти исходя из данных о несоответствии между

жицкого).

⁶⁶ Ascher, 1905: *Authority Restored*, 320; см. также: Шелохаев. С. 123 (цитирует Н. Н. Кутлера, утверждавшего, что во второй Думе кадеты сторонились идей, выдвинутых в «проекте 42-х»).

⁶⁷ Ascher, P. A. *Stolypin*, 210.

⁶⁸ George Tokmakoff, P. A. *Stolypin and the Third Duma: An Appraisal of Three Major Issues* (1981), 34; но см. также с. 35 (о загадочном высказывании вождя кадетов Павла Милюкова, что «идеал малой личной собственности — это не русский идеал»).

⁶⁹ См., напр.: Macey, *Government and Peasant in Russia*, 176 (цитируется речь Горемыкина от 15 мая 1906 г.); 210 (цитируется доклад от 19 июня 1906 г., в котором отвергается идея экспроприации).

⁷⁰ *Ibid.*, 221.

⁷¹ Тюкавкин. С. 212.

районами с большими дворянскими имениями и районами с наиболее острым земельным голодом⁷², он занял более узкую позицию, признав уместность принудительного изъятия помещичьих (и иных) земель, когда это необходимо «для улучшения использования крестьянами своей земли» и если речь идет об улучшении водоснабжения, дорог или (разумеется) решения проблемы разбросанности участков⁷³. Изъятие земли под этими предлогами, сходное со сравнительно невинным суверенным правом государства отчуждать собственность (за компенсацию), вовсе не предполагает большого перераспределения. Но чуть раньше, до того, как в декабре были подавлены крестьянские волнения, начавшиеся в 1905 г., некоторые из наиболее консервативных фигур режима выражали готовность допустить частичную экспроприацию. Самым выразительным было высказывание (возможно, апокрифическое) Д. Ф. Трепова: «Я... буду счастлив отдать половину моей земли, потому что убежден, что только на этом условии смогу сохранить вторую половину для себя»⁷⁴.

Однако в целом сотрудничество между кадетами и правительством в первой и второй Думах было обречено не из-за разногласий по вопросам аграрной политики, а из-за более широких расхождений. Для Николая II конституционализм был глубоко неприемлем. Это выразилось в его враждебности и недоверчивом отношении к думским аграрным реформам. После того, как третья Дума законом от 14 июня 1910 г. привела их в надлежащий вид, брат Столыпина, Аркадий, опубликовал статью, в которой восторженно говорилось о том, что этот закон «санкционировал указ, который возвестил для экономического положения России начало эпохи, сходной с той, которую утвердили в стране [законы от отмене крепостного права]»⁷⁵. В связи с этим Николай написал Столыпину довольно резкое письмо

⁷² Ibid.

⁷³ Столыпин, 96 (речь от 10 мая 1906 г.); Ascher, 1905: *Authority Restored*, 321—322.

⁷⁴ Macey, *Government and Peasant in Russia*, 127. См. также: Дякин В. С. Был ли шанс у Столыпина? // Государственная деятельность П. А. Столыпина: сборник статей / Отв. ред. Н. К. Фигуровская и А. Д. Степанский. 1994. С. 20 (в конце 1905 г. Трепов направил меморандум Николаю II с предложением передать крестьянам 20 млн десятин).

⁷⁵ L. Owen, 46 (цит. по: Красный архив. Т. 5. С. 124 [1924]).

с выражением своего недовольства. Отметив пассаж об указе, он с явным раздражением спросил: «Хочет ли он сказать, что оба акта вышли из императорской Думы?»⁷⁶

Кадеты питали сходное отвращение к сотрудничеству с властью в интересах законодательства. До громкой победы на выборах в начале 1906 г. кадеты были настроены на серьезную законодательную работу в будущей Думе, но триумфальный успех вызвал, по словам одного наблюдателя, «опьянение успехом»⁷⁷ — любопытное предвосхищение знаменитого сталинского лозунга «головокружение от успехов». Видимо, партия поверила, что революция, начавшаяся в 1905 г., все еще продолжается, а потому «нужно придать партийной программ побольше радикализма и тем самым упрочить позиции в среде избирателей, голосующих за крайние партии»⁷⁸. Они осудили Основные государственные законы, потребовали радикального увеличения полномочий Думы и всячески выражали свое нежелание идти на компромиссы, будучи явно уверенными в том, что при любом столкновении революционное воодушевление народа заставит правительство отступить⁷⁹.

О том, до какой степени кадеты были преисполнены наступательного духа, свидетельствует энтузиазм Петра Струве — одного из самых уравновешенных людей в партии — в отношении «проекта 42-х». До этого Струве, человек острого и независимого ума, занимался проблемами российского сельского хозяйства и доказывал, что дело не в недостатке земли (малоземелье), а в перенаселенности села. Может показаться, что разницы почти никакой, потому что речь идет о той же дробе (земля/население), но его подход радикально отличался от взгляда тех, кто не устал говорить о малоземелье. Он обратил внимание на низкую производительность труда и отсутствие мобильности трудовых ресурсов, утверждая, что община искусственно держит людей в деревне, далеко от растущей промышленности⁸⁰. Но победа на выборах в первую Думу настоль-

⁷⁶ Ibid. (цит. по: Красный архив. Т. 5. С. 122).

⁷⁷ Richard Pipes, *Struve: Liberal on the Right, 1905–1944* (1980), 33. [Пайпс Р. Струве: биография. Т. 2: Струве: правый либерал 1905–1944 гг. М., 2001. С. 53.]

⁷⁸ Ibid., 35. [Там же. С. 54]

⁷⁹ Ibid., 37; [Там же. С. 57] Ascher, 1905: *Authority Restored*, 79.

⁸⁰ Richard Pipes, *Struve: Liberal on the Left: 1870–1905* (1970), 93, 112, 196. [Пайпс Р. Струве: биография. Т. 1: Струве: левый ли-

ко накопила страсти, что даже Струве одобрил «проект 42-х», заявив, что в случае его реализации он бы «гордился тем, что принадлежал к партии, которая осуществила этот проект»⁸¹.

Естественно, что кадетское «опьянение успехом» быстро испарилось, когда разгон первой Думы царем не вызвал широкого народного возмущения, а их фракция во второй Думе оказалась куда более скромной. Но даже тогда, на пути к разгону второй Думы и к «государственному перевороту» 3 июня 1907 г., кадетское большинство обвинило в предательстве четырех умеренных членов партии (включая и Струве), которым хватило смелости встретиться со Столыпиным, чтобы обсудить вопрос о выходе из тупика в отношениях между Думой и правительством⁸². Таким образом, хотя определенную роль в заключениях конституционализма в России — в разгонах Думы, в использовании ст. 87 и в одностороннем изменении закона о выборах — явно сыграл аграрный вопрос, все эти поражения конституционализма были фактически неизбежны по причине более глубокого раскола в обществе. Царь и дворянство были не готовы делиться привилегиями, и не было силы, которая могла бы их к этому принудить.

Использование ст. 87

Поскольку центральным пунктом возражений кадетов было использование правительством ст. 87, стоит рассмотреть вопрос о том, насколько обоснованы были действия правительства. Текст закона позволяет использовать эту статью только в «чрезвычайных обстоятельствах»: «Во время прекращения занятий Государственной Думы, если чрезвычайные обстоятельства вызовут необходимость в такой мере, которая требует обсуждения в порядке законодательном, Совет Министров представляет о ней на рассмотрение Государю Императору».

берал 1870—1905 гг. М., 2001. С. 141—142, 169, 282—283.]

⁸¹ Pipes, *Struve: Liberal on the Right*, 37. [Пайпс Р. Струве: биография. Т. 2: Струве: правый либерал 1905—1944 гг. М., 2001. С. 57.]

⁸² Ibid., 55—65 [Там же. С. 81—89]; Ascher, 1905: *Authority Restored*, 350—351.

ру непосредственно»⁸³.

Можно ли считать «чрезвычайными» обстоятельства, сложившиеся перед изданием указа в ноябре 1906 г.? Столыпин доказывал, что надвигающееся прекращение выкупных платежей создало своего рода чрезвычайную ситуацию. Выступая в Думе 15 марта 1910 г., он заявил, что вследствие окончания платежей начинает действовать положение — ст. 12 Общего положения о крестьянах, — которое может вызвать беспорядки⁸⁴. Но непонятно, каким образом соединение окончания выкупных платежей и ст. 12 могло создать хоть какие-то проблемы, не говоря уж о чрезвычайном положении. Ст. 12 просто устанавливает, что, когда крестьяне с согласия помещиков приобретут в собственность «полевые земли и другие угодья», «все обязательные поземельные отношения между помещиками и означенными крестьянами» прекращаются, т.е. у помещика больше не будет никаких прав на эти земли. Далее, если закон от 14 декабря 1893 г. и ст. 165 Закона о выкупе земли крестьянами прочитать так, как это предложено в главе 2, получается, что прекращение выкупных платежей дает крестьянам возможность воспользоваться своим правом выхода из общины. Разумеется, отсутствие четких процедур выхода требовало принятия административных мер, идущих в том же направлении, что и указ от 9 ноября 1906 г. Если бы такие меры просто обеспечивали реализацию права крестьян на выход из общины, не возникло бы никаких юридических препятствий для того, чтобы их самостоятельно предприняла исполнительная власть. Но существовало расхождение в толковании ст. 165 и закона от 14 декабря 1893 г.⁸⁵, правительству предстояло проявить твердость, и могли счесть, что это образует «чрезвычайную ситуацию». В том, чтобы издать указ, а не ограничиться истолкованием существовавшего закона, мог быть и политический смысл: выпуская указ, правительство не только проявляло заботу о положении крестьян, но и делало

⁸³ Szeftel, 99.

⁸⁴ Столыпин, 246—247 (выступление в Думе 15 марта 1910 г.). Общее положение, на которое он сослался, — это, надо понимать, «Общее положение о крестьянах, вышедших из крепостной зависимости», главный закон об освобождении крепостных, принятый 19 февраля 1861 г.

⁸⁵ George Yaney, *The Urge to Mobilize: Agrarian Reform in Russia, 1861—1930* (1982), 235—236, 236 n. 21.

это заметным образом. Как бы то ни было, поскольку состав Думы исключал одобрение законодателей, Столыпину в любом случае пришлось бы заплатить высокую политическую цену: либо настаивать на своем толковании двусмысленных законов, либо для преодоления сопротивления законодателей использовать ст. 87.

Даже если согласиться с «чрезвычайными обстоятельствами», все равно остается вопрос: прекратил ли действие указ — или должен ли он был прекратить действие при здравом истолковании ст. 87 — после того, как вторая Дума не утвердила его и не приняла никакого соответствующего решения. Ст. 87 предусматривает прекращение действия мер, принятых в соответствии с ней: «Действие такой меры прекращается, если подлежащим министром или главноуправляющим отдельною частью не будет внесен в Государственную Думу в течение первых двух месяцев после возобновления занятий Думы, соответствующий принятой мере законопроект, или его не примут Государственная Дума или Государственный Совет»⁸⁶.

Статья не предусматривает случая, когда соответствующий законопроект внесен в Думу в надлежащий срок, но потом лежит там без движения более двух месяцев. Поскольку он не был *отклонен* Думой, вроде бы ясно, что это не должно означать, что он прекратил свое действие. Но представим, что законопроект обсуждается в Думе месяц за месяцем, а потом Дума и Государственный Совет расходятся, так и не приняв решения? Поскольку ст. 87 требует прекращения действия меры, если законопроект «не примут Государственная Дума или Государственный Совет», представляется естественным, что это означало бы прекращение действия указа. Но поскольку Дума опять была распущена, вновь возникли условия для действия ст. 87, и исполнительная власть могла продолжить движение своим курсом. Было бы, пожалуй, бесплодным занятием толковать ст. 87 таким образом, что принятая в соответствии с ней чрезвычайная мера перестает действовать, если сессия Думы (или Думы и Государственного Совета) закончилась, не одобрив предложенного законопроекта.

То ли в силу этой логики, то ли в силу традиционного для России всемогущества исполнительной власти, то ли по каким-то

⁸⁶ Szeftel, 99; *Маклаков В. А.* Власть и общественность на закате старой России. С. 576, прим.*.

иным причинам, но Дума действовала исходя из понимания, что меры, принятые в соответствии со ст. 87, действуют неопределенно долго, если не будут однозначно отменены самой Думой (или Государственным Советом)⁸⁷. В. А. Маклаков, умеренный член фракции кадетов в Думе, в своих мемуарах отмечает, что стоявшая на левых позициях вторая Дума, хоть и была недовольно многими мерами, принятыми Столыпиным в промежутке между двумя Думами на основании ст. 87, решилась отменить лишь часть из них, и указ от 9 ноября 1906 г. не вошел в это число. По его словам, это было вызвано опасениями, что отмена указа приведет к немедленному роспуску Думы⁸⁸.

Легко критиковать Столыпина за активное использование ст. 87, но трудно придумать, как иначе он мог проводить реформы. Струве, например, позднее говорил, что крестьян можно было избавить от общины только с помощью ст. 87 и что даже третья Дума, избранная на основании избирательного закона, отдававшего еще большее предпочтение дворянским избирателям, не приняла бы закреплявшие реформу законы в июне 1910 г. и в мае 1911 г., если бы соответствующие меры уже не были проведены в жизнь на основании ст. 87⁸⁹.

Сопутствующие реформы

Реформа прав собственности была самым сложным и фундаментальным ответом правительства на аграрный вопрос, но представляла собой лишь часть решения. Другие ответы, предложенные Столыпиным и его предшественниками, также заслуживают упоминания.

В конце XIX в. правительство России освободило крестьян от двух источников их страданий. Во-первых, серия реформ, проведенных в 1859, 1868 и 1874 гг., привела к уменьшению срока службы по призыву с 25 лет (практически пожизненно-

⁸⁷ См.: М. Е. Jones, *The Uses and Abuses of Article 87: A Study in the Development of Russian Constitutionalism, 1906—1917* (1975), 71—73, 214. Государственный Совет вряд ли был способен отменить меры, принятые в соответствии со ст. 87, поскольку половина его членов назначалась царем. См.: Archer, *1905: Authority Restored*, 59—60.

⁸⁸ Маклаков. С. 579.

⁸⁹ Тюкавкин. С. 164.

му приговору, который именно так и воспринимался крестьянами до 15 (из которых только первые шесть лет были заняты действительной службой). В 1874 г. было покончено с освобождением дворян от службы в армии и были введены различные сроки службы, причем самые короткие — для людей с высшим образованием. Естественно, от этих льгот, связанных с образованием, дворянство выиграло больше, чем крестьянство, но и последним эта реформа принесла некоторое облегчение⁹⁰. Во-вторых, по инициативе министра финансов Николая Бунге правительство за 1883—1887 гг. постепенно перестало собирать подушный налог в европейской части России, а с 1899 г. — и в Сибири⁹¹.

Кроме того, правительство уничтожило коллективную ответственность (круговую поруку) общины за внесение земельного налога и выкупных платежей. В 1899 г. это было сделано для общин с наследуемой землей⁹², а с марта 1903 г. новое положение было распространено на большинство губерний с передельными общинами⁹³. А 11 августа 1904 г. в честь рождения наследника престола Николай II простил долги по выкупным платежам и прямым налогам, а также избавил крестьянство от телесных наказаний, бывших общепринятым средством выбивания долгов по налогам и сборам⁹⁴. Как уже отмечалось в главе 2, указом от 3 ноября 1905 г. выкупные платежи за 1906 г. были сокращены наполовину, а с 1 января 1907 г. и вовсе отменены⁹⁵.

Для Столыпина наделение крестьян полноценными правами собственности на землю было частью решения задачи устранения юридических различий между крестьянами и другими «сословиями» и превращения крестьян в таких же граждан, как все остальные. Именно на это был направлен декрет, выпущен-

⁹⁰ Moon, 113, 355.

⁹¹ Ibid., 113—114.

⁹² 3 Полное собрание законов, №17286, ст. 38 (прекращена круговая порука за окладные сборы).

⁹³ Там же. №22627. См. также: Geroid T. Robinson, *Rural Russia Under the Old Regime* (1969), 146.

⁹⁴ Stephen G. Wheatcroft, "Crises and the Condition of the Peasantry in Late Imperial Russia," in *Peasant Economy, Culture, and Politics of European Russia, 1800—1921*, eds. Esther Kingston-Mann and Timothy Mixer (1991), 170.

⁹⁵ Robinson, 168.

ный 5 октября 1906 г., прямо перед изданием указа о правах собственности. Хотя декрет был сокращен по сравнению с черновым вариантом, подготовленный в разгар крестьянских волнений, он существенно менял ситуацию в направлении равенства гражданских прав⁹⁶. Он отменял действие круговой поруки в нескольких областях, где она сохранилась после издания указа от 12 марта 1903 г.⁹⁷, и отменял право общины привлекать своих членов к принудительному труду за невыполнение финансовых обязательств⁹⁸. Этим же декретом были устранены различные препятствия к поступлению крестьян на государственную службу и к получению ими высшего образования⁹⁹. Кроме того, была ограничена также власть земских начальников, должностных лиц из дворян, которые начиная с 1889 г. выполняли роль суда первой инстанции для крестьян и к которым крестьяне относились с острой неприязнью: после октябрьского декрета земские начальники уже не могли налагать на крестьян наказания без одобрения вышестоящего административного органа¹⁰⁰. Этим же декретом были устранены особые юридические препятствия, мешавшие крестьянам наделять собственностью своих сыновей и выписывать векселя¹⁰¹. Были также отменены распоряжения, препятствовавшие зажиточным крестьянам иметь такие же избирательные права, как и лицам других сословий, при условии что они владели достаточным количеством земли за пределами общины¹⁰².

Важнее всего, пожалуй, было то, что декретом от 5 октября 1906 г. крестьяне получили большую свободу передвижения.

⁹⁶ См.: Тюкавкин. С. 189—190 (обсуждение законопроекта от 16 апреля 1906 г.).

⁹⁷ Robinson, 209.

⁹⁸ Robinson, 209; указ, ст. 7 (Сидельников. С. 98).

⁹⁹ Указ, ст. 1—3 (Сидельников. С. 96—97); Корелин А. П., Шаццлло К. Ф. П. А. Столыпин. Попытка модернизации сельского хозяйства России // Деревня в начале века: революция и реформа / Ред. Ю. Н. Афанасьев. М., 1995. С. 24; Тюкавкин. С. 188—189.

¹⁰⁰ Указ, ст. 11—12 (Сидельников. С. 99); Lazar Volin, *A Century of Russian Agriculture: From Alexander II to Khrushchev* (1970), 56, 108.

¹⁰¹ Указ, ст. 8 (Сидельников. С. 98); Корелин и Шаццлло. С. 24.

¹⁰² Указ, ст. 9—10 (Сидельников. С. 98); Корелин и Шаццлло. С. 24.

Было ликвидировано право общины и местных чиновников удерживать крестьянина на месте, отказывая в выдаче паспорта. При этом крестьяне были освобождены от необходимости, выйдя из одной общины, приписываться к другой — они получили право регистрироваться в органах местной власти, точнее говоря, в волости. Сначала министерство внутренних дел выхолостило эти положения, обусловив выход крестьянина из передельной общины выводом его земельного надела из общины, но указ от 9 ноября 1906 г. сделал вывод земли из общины делом достаточно простым, что превратило в реальность ту степень мобильности, которую предусматривал октябрьский (1906 г.) декрет¹⁰³.

Были приняты и «мягкие» меры помощи крестьянам — посредством образования. По данным переписи 1897 г., более 40% мужчин в возрасте от 10 до 19 лет были грамотны, тогда как в возрастной когорте 50—59 лет грамотных было всего 20%¹⁰⁴, что свидетельствовало об эффективности увеличения расходов на образование. Связь между образованием, с одной стороны, и продуктивностью сельского хозяйства и стабильностью сельской жизни — с другой, была достаточно непростой. На прошедших в Нижнем Новгороде слушаниях свидетель предложил статистические данные, показавшие корреляцию между продолжительностью обучения и использованием удобрений, что интуитивно понятно¹⁰⁵. Но отцы семейств, даже признавая пользу образования, часто не пускали своих детей в школу из страха, что «их там научат чему-нибудь не тому», а прежде всего — посеют в них неуважение к традиционному образу жизни¹⁰⁶. Чрезмерное образование «зачастую создавало угрозу интересам семьи, хозяйства и обеспеченной старости родителей. Образованный сын в поисках лучшей доли мог оставить семью. И, наконец, чрезмерная образованность подрывала авторитет старших и соответственно нарушала равновесие сельской жизни»¹⁰⁷. Тем не менее за 1908—1913 гг., когда

¹⁰³ Robinson, 209—211; Указ, ст. 4—5 (*Сидельников. С. 97*); *Тюкавкин. С. 189*.

¹⁰⁴ Moon, 348.

¹⁰⁵ Volin, 65.

¹⁰⁶ Ben Eklof, *Russian Peasant Schools: Officialdom, Village Culture, and Popular Pedagogy, 1861—1914* (1986), 476.

¹⁰⁷ Ibid. См. также: *ibid.*, 263—264, 428, о влиянии образования на рост напряженности отношений между поколениями и на разру-

Столыпин был премьер-министром, государственные расходы на начальное образование выросли почти в четыре раза¹⁰⁸.

Также были приняты меры к тому, чтобы познакомить крестьян с началами агрономии. До 1907 г., когда правительство начало резко увеличивать расходы на эти цели¹⁰⁹, этим занимались только предприимчивые земцы. Некоторые достижения производят сильное впечатление: активное московское земство менее чем за 10 лет добилось того, что почти тысяча деревень перешла к более продуктивной системе севооборота, тогда как сонное Санкт-Петербургское земство за 30 лет сумело склонить к этому только пять деревень¹¹⁰. Опасаясь, что земства распространяют не только полезные сельскохозяйственные знания, но и враждебное отношение к самодержавию (как оно, фактически и было), центральное правительство не поддерживало этой их деятельности и даже добилось смещения с поста и ареста главного инициатора московских достижений¹¹¹.

Наконец, Столыпин увеличил субсидии для крестьян, желавших переселиться в Сибирь, создал фонд в 1,5 млн десятин государственных и удельных земель для продажи крестьянам¹¹² и, понизив процент по ссудам Крестьянского банка, облегчил крестьянам скупку дворянских земель¹¹³. За 1905—1914 гг. крестьяне приобрели еще 10 млн десятин земли и увеличили свою долю сельскохозяйственных земель почти до 70%¹¹⁴.

Поскольку дворянская земля переходила к крестьянам по

шение деревенской культуры.

¹⁰⁸ Ibid., 91. См. также: Ascher, *Stolypin*, 232—235.

¹⁰⁹ Расходы на распространение агрономических знаний увеличились с 5,7 млн руб. в 1908 г. до примерно 23 млн руб. в 1913 г. *Тюкавкин*. С. 217. *Кауфман* А. А. Аграрный вопрос в России. М., 1918. С. 263, дает сходные цифры.

¹¹⁰ Volin, 66—67.

¹¹¹ Ibid., 68.

¹¹² Robinson, 199, 230. Правительство также существенно расширило предоставление кредитов для нужд сельского хозяйства, и прежде всего для сельскохозяйственных кооперативов, но по причинам, которые мы обсудим в главе 7, эта политика опиралась на идеи, полностью противоречившие целям политики изменения прав собственности, и могла стать серьезной помехой для успеха последней.

¹¹³ См. в главе 3 обсуждение указа от 14 октября 1906 г.

¹¹⁴ См.: Robinson, 271, а также источники, приводимые в главе 1.

естественным причинам и при поддержке правительства, идея о том, что «малоземелье» было причиной крестьянских волнений, оправдывая государственную конфискацию дворянских земель, представляется в лучшем случае упрощением. Тем не менее дворянство ведь и в самом деле сохранило экономический эквивалент (*value*) большинства поместий из принадлежавших им сразу после реформ Александра II, либо непосредственно (в виде сохранившихся имений, даже если землю в них обрабатывали крестьяне в качестве наемных работников, исполщиков или арендаторов), либо в превращенном виде, т.е. в виде средств, полученных от продажи земли крестьянам. Поскольку столыпинская программа не предполагала как-то менять этот эквивалент, она не сулила крестьянам немедленного повышения их материального благосостояния, а лишь выгоды от роста производительности и ускорения индустриализации.

Хотя окончание выкупных платежей и улучшение правового положения крестьян были существенными изменениями, только наивный может решить, что это способствовало популярности правительства среди крестьян. Нет ни малейших свидетельств этого. Для тех, кому известна история реформ, предшествовавших Французской революции, в этом нет ничего удивительного. В самом деле, Уиткрофт показывает, что снисходительность правительства к тем, кто не выполнял обязательств по налоговым и выкупным платежам, вела не только к снижению государственных доходов, но и поощряла уклонение от платежей. Отметив, что в прежнее время порка широко использовалась для вразумления неплательщиков, Уиткрофт спрашивает: «Неужто правительство действительно думало, что крестьянство продолжит вносить ненавистные выкупные платежи после того, как правительство отказалось от использования насилия и круговой поруки и даже простило тех, кто отказывался платить?»¹¹⁵ В конце концов, волнения 1905—1906 гг. начались после послаблений, дарованных в 1903 и 1904 гг. (упразднение порки и круговой поруки плюс аннулирование недоимок), а кратковременное ухудшение материального положения крестьян наступило только *после* этих волнений. Представляется правдоподобным, что некоторые из сопутствующих реформ главным образом придали

¹¹⁵ Wheatcroft, 170.

крестьянам смелости — хорошее предостережение для верящих в то, что более радикальные действия правительства в аграрном вопросе могли бы смягчить крестьян¹¹⁶.

Движущей силой приватизации общины явно был *не* тот процесс, который Норт описывает как путь к экономической либерализации: политическая борьба, в ходе которой группы конвертируют практическую переговорную силу [bargaining power] в институциональный обмен, который, в свой черед, систематически ограничивает хищничество правителя или правящих элит. Хотя большинство дворян одобряло приватизацию, они при этом не думали о защите собственных интересов (хотя, возможно, понимали, что община является инструментом разжигания мятежных настроений крестьянства). И даже если смоленский опрос показал, что значительная часть крестьян одобряла политику приватизации, от одобрения до практической поддержки дистанция огромного размера.

Получается, что правительство приняло эту политику в результате решения, которое Норт и его последователи считают невозможным, — в результате свободного выбора, а не социального давления¹¹⁷. Иными словами, крестьянские волнения 1905—1906 гг. свидетельствовали о том, что *что-то* нужно делать, а окончание выкупных платежей требовало как минимум чтобы правительство установило простые правила выхода из общины, поскольку последние были нужны главным образом как инструмент сбора этих самых платежей. Принудительное перераспределение земли было неосуществимо, потому что царь и дворянство не пошли бы на это, особенно после того, как беспорядки были в основном подавлены. Но правительство могло действовать с большей осмотрительностью и сделать больший упор на другие аспекты своей программы, такие как образование в деревне, распространение агрономических знаний и помощь переселяющимся в Сибирь. Когда в 1906 г. царь назначил Столыпина премьер-министром, он сделал это совершенно сознательно: незадолго до этого он

¹¹⁶ Ibid., 171—72.

¹¹⁷ Так, Авнер Грейф пишет: «Например, устанавливаемые государством правила, ценности или социальные нормы, реально ограничивающие поведение, рассматриваются как результат, а не как внешние силы». Avner Greif, "Historical and Comparative Institutional Analysis," *American Economic Review* 88 (1998): 80.

черкнул одобрительное замечание на меморандуме Столыпина, предполагавшем правительству дать крестьянам возможность создавать единоличные хозяйства (глава 1). Да, Столыпин отличался редкостным умением успокаивать беспорядки, не прибегая к кровопролитию, но его программа изменения прав собственности также была хорошо известна. Поэтому, назначив Столыпина на пост премьер-министра, царь сделал выбор в пользу реформы прав собственности. Поскольку столыпинские реформы были примером подлинной программы либерализации сверху, возникает вопрос — каким образом подобная программа могла бы привести к успеху?

Глава 5

ОБЗОР РЕФОРМ

Столыпинские аграрные реформы продолжают возбуждать острые споры. Противники говорят о них как о попытке «разрушить» общину, считая, что они были навязаны крестьянам правительством, а те буквально единодушно им противились. Сторонники рассматривают их как попытку открыть перед крестьянами новые возможности и направить русскую деревню по пути модернизации.

В этой главе мы рассмотрим ключевые элементы реформ (какие возможности они открыли перед каждым крестьянином и общинами в целом), а также их непосредственные результаты (такие как общая площадь земель, вышедших из системы чересполосицы и переделов), масштаб, и усиление, и ослабление крестьянских требований, ход реформы в разных губерниях и взаимосвязь успеха реформы с размером крестьянских наделов. Если говорить о крестьянских требованиях о выходе из общины, то успех реформ несомненен. Но по-настоящему оценить реформы можно только проанализировав трудности и стимулы, которые она обрушила на крестьян, а это уже тема главы 6.

Положения реформы: основные черты

Положения реформы были весьма сложны. По мере принятия очередных законов — указа от ноября 1906 г. и законов от 14 июня 1910 г. и 29 мая 1911 г. — их содержание менялось. Проводилось различие между хозяйствами с наследуемой и с перераспределяемой землей, между изменением формы собственности (для прекращения переделов) и объединением наделов в отдельные участки (для борьбы с чересполосицей), между землеустройством отдельных хозяйств и разверстанием целых деревень. Более всего озадачивает, пожалуй, малообоснованное различие между хозяйствами, которые были в наследуемой собственности в период крепостного права, и

теми, которые стали наследуемыми уже в ходе или сразу после реформ Александра II.

Указ. Изменение формы собственности. Ст. 1 части I указа давала каждому владельцу общинного надела право закрепить его в «личную собственность». (Как мы увидим далее, это была почти, но все-таки не совсем «частная собственность».) Это изменение формы собственности, известное как *укрепление* наделной земли в личную собственность, не сопровождалось автоматически нарезкой отдельного участка, но до принятия закона от 29 мая 1911 г. являлось предварительным условием для выделения такого участка.

Ст. 2 и 3 части I определяли, каким образом возможность будущего перераспределения влияла на количество земли, которую получал выходявший из общины крестьянин. В основном домовладелец получал ту землю, которая находилась в его пользовании на момент выхода без учета арендуемых участков. Но многие хозяйства использовали больше земли, чем им нарезали бы в случае очередного перераспределения. Указ предусматривал разные правила обращения с излишками земли в зависимости от того, имело ли место перераспределение в течение 24 лет перед подачей заявления о закреплении земли в личную собственность. Поскольку эти правила могли дать необоснованные преимущества желавшим такого закрепления, они детально проанализированы в данной главе.

В соответствии со ст. 4 крестьянин, укреплявший землю в собственность, сохранял право на долю в принадлежавших общине пастбищных и лесных угодьях.

Ст. 1, конечно, определяла только подачу «требования» об укреплении земли в собственность. Крестьянин обращался с требованием к общине, которая должна была в течение месяца (ст. 6) принять соответствующее решение (приговор). Если община этого не делала, крестьянин мог обратиться к земскому начальнику, который представлял в деревнях министерство внутренних дел и на которого было возложено разрешение споров между общиной и выделявшимися из нее крестьянами (ст. 6). Далее крестьянин в поисках справедливости мог обратиться к «уездному собранию», состоявшему преимущественно из уездных земских начальников (ст. 8), а в исключительных случаях — и к губернским властям (ст. 9). На этот уровень попадали только дела о превы-

шении полномочий и «недвусмысленном нарушении закона»; споры по поводу межевания и землеотвода решались, по-видимому, на более низком уровне.

По имеющимся данным, только четверти выходявших из общины крестьян удавалось в течение месяца получить согласие схода¹. Остальные заявления либо получали приговор схода с задержкой, либо обращались к земскому начальнику или в более высокие инстанции. Хотя некоторые истолковывают низкий процент своевременных решений схода как свидетельство того, что крестьяне были настроены против перевода земли в личную собственность², на самом деле это говорит только о сопротивлении той части схода, которая намеревалась остаться в общине.

Согласно ст. 1 части III, участки наследуемой земли, ставшей таковой в процессе наделения землей вчерашних крепостных или после этого, становились личной собственностью домохозяина, признанного таковым решением схода, землеустроительной комиссией или местным судом. В соответствии с этим положением право собственности автоматически переносилось с семьи на главу семьи.

Кроме того, решением двух третей участников схода передельная община могла коллективно сделать наделы всех своих членов наследуемыми (часть IV).

Ликвидация чересполосицы. В соответствии с указом крестьянин, укрепивший надел в личную собственность, мог потребовать, чтобы община предоставила ему эквивалент его надела единым участком как можно ближе к деревне (ст. 12). (Различные формы ликвидации чересполосицы обозначались одним словом, *землеустройство*, которое охватывает различные способы объединения полосок земли в единый участок.) Крестьянин мог в любое время потребовать, чтобы ему нарежали его долю. Если он выдвигал это требование независимо от общего передела, он имел право на требуемое количество земли при условии, что не существует основательных препятствий к проведению землеустроительных работ, а этот

¹ Dorothy Atkinson, *The End of the Russian Land Commune, 1905–1930* (1983), 75, 89.

² См., напр.: Ether Kingston-Mann, *Lenin and the Problem of Marxist Peasant Revolution* (1983), 120.

вопрос решался уездным собранием³. При возникновении серьезных препятствий к выделению отдельного участка община могла договориться о возмещении деньгами, а если соглашения с общиной достичь не удавалось, то решение о величине денежной компенсации принимал волостной суд (ст. 13). Если величина возмещения заявителя не устраивала, ему приходилось оставаться владельцем разрозненных полосок земли.

Если же требование о выделе участка к одному месту совпадало с общим перераспределением земли, сход не мог навязать заявителю деньги вместо земли. В этом был очевидный смысл, потому что если уж община осуществляла передел, не могло возникнуть препятствий для нарезки единых участков тем, кто этого добивался. Таким образом, если крестьян обрабатывал с требованием укрепить его надел в личную собственность или успевал сделать это до приговора схода о переделе земли, община была обязана нарезать ему участок к одному месту (ст. 14). Этим же положением могли воспользоваться владельцы наделов, досрочно погасившие выкупные платежи и укрепившие землю в личную собственность в соответствии со ст. 165 закона о ликвидации крепостного права (ст. 17).

Хотя по указу получить единый участок земли, или выдел, могли те, кто укрепил наделы в личную собственность в соответствии с указом или ст. 165, вся община — с наследуемой или переделяемой землей — могла двумя третями голосов принять решение о разверстании земли участками для всех хозяйств (часть IV).

Указ предусмотрел процедуру рассмотрения споров и конфликтов, неизбежных при выделении надела к одному месту (ст. 15). При этом главной фигурой в урегулировании споров стали земские начальники⁴.

Самой необычной чертой указа было то, что он наделил правом требовать выдела участка к месту только крестьян, укрепивших надел в личную собственность после освобождения, но не дал аналогичного права домохозяевам, лично владевшим землей еще до отмены крепостного права. Комментато-

³ См в приложении примечание к ст. 13, где обсуждается необоснованное предположение некоторых авторов о том, что решение принималось сходом.

⁴ George L. Yaney, *The Urge to Mobilize: Agrarian Reform in Russia, 1861–1930* (1982), 261, 278.

ры согласны в том, что крестьяне, относившиеся к последней категории, не могли выделиться из общины по этому указу⁵. Текст указа не позволяет толковать его иным образом. Некоторые разделы указа рассматривают эти давние наследуемые наделы отдельно от тех, на которые права личной собственности были приобретены недавно⁶, а в этом не было бы необходимости, если бы предполагалось, что с обоими категориям хозяйств следует обращаться одинаково. Таким образом, крестьяне, земля которых получила статус наследуемой еще до ликвидации крепостного права, могли выделить ее в один участок только с одобрения общины⁷.

Трудно понять, по каким причинам правительство могло не хотеть, чтобы у них была возможность выделиться из общины с той же легкостью, что и у крестьян, только что укрепивших наделы в личную собственность. Разумеется, общине доставляло много хлопот и неудобств бесконечно заниматься выделением единых участков земли по мере поступления соответствующих требований — куда проще было бы разом нарезать отруба или хутора всем домохозяевам общины (или желающим обособиться). В этом смысле понятно желание законодателя ограничить права отдельных хозяйств, как это и было сделано, когда общине разрешили откупаться, в том случае если оказывалось, что выдел связан со значительными неудобствами или просто почему-либо невозможен. Но ограничение права на беспрепятственный выход из общины только для тех, кто недавно укрепил землю в собственность, в эту логику не укладывается. Единственным оправданием такого подхода могла бы быть идея, что в общинах с наследуемыми наделами

⁵ См., напр.: Atkinson, *The End of the Russian Land Commune*, 59.

⁶ См.: Указ, часть III, ст. 1, и ср. с частью IV.

⁷ Ст. 165 Общего положения о выкупе устанавливала, что крестьянин, не погасивший свою долю долга по выкупным платежам, может выделить свой надел к месту только с согласия общины. (Как мы видели, правительство проводило различие между крестьянами, самостоятельно погасившими свою часть долга по выкупным платежам, и теми, чей долг был аннулирован царским указом.) Робинсон говорит, что владельцы наследуемых наделов могли добиться выделения их одним участком, только договорившись с теми, чьи полосы оказывались вовлечены в эту операцию, а это было вряд ли легче, чем добиться согласия схода. См.: Geroid T. Robinson, *Rural Russia Under the Old Regime* (1969), 73—74.

подвергать всех остальных крестьян всем процедурам, связанным с принудительным выделом, было бы чрезмерным вмешательством в *их* права собственности⁸. Но, поскольку неудобства для остальных одинаковы независимо от права собственности, мне эта идея кажется неубедительной.

Закон от 14 июня 1910 г. Этот закон, одобренный третьей Думой, ввел еще одну форму закрепления наделов в собственность. Ст. 1 объявляла, что передельные общины, в которых не было общих переделов земли со времени наделения крестьян землей в ходе освобождения от крепостного права, отныне считаются перешедшими к наследственно-подворному владению. Можно предположить, что таким образом законодатель рассчитывал ускорить процесс укрепления наделов в собственность, но результаты оказались прямо противоположными. Зачастую бывало трудно выяснить, имели ли место общие переделы за последние полвека, так что любая попытка кого-либо закрепить надел в собственность могла сделать уязвимым статус общины. По сути дела, крестьяне, противившиеся любым переменам в правовом статусе или расположении участка земли, напрямую использовали возможности, предоставленные им ст. 1. Ссылаясь на нее, они перекрывали возможности выдела из общины тем, кто пытался использовать другие механизмы реформы. Негативные последствия оказались таковы, что министерство внутренних дел выпустило циркуляр о неприменении ст. 1⁹.

Закон 1910 г. изменил также порядок надзора за ходом реформы. Разрешение споров и конфликтов было возложено на землеустроительные комиссии, а обжаловать их решения можно было в губернских землеустроительных комиссиях и далее (в случае прямого нарушения и злоупотребления законом) в Сенате, квазисудебном бюрократическом органе, не имевшем ничего общего с Сенатом США (ст. 33, 37 и 38)¹⁰. Поскольку землеустроительные комиссии были более заинтересованы в успехе реформы, чем министерство внутренних дел, вероятно, это изменение привело к ускорению хода реформы.

⁸ Atkinson, *The End of the Russian Land Commune*, 59.

⁹ Yaney, *The Urge to Mobilize*, 181.

¹⁰ Ibid., 261, 326–327.

Кроме того, закон ограничил права общины, когда требование о выделе носило коллективный характер и исходило от хозяйств, укрепивших наделы в личную собственность (ст. 32, 34, 35), в том числе в соответствии со ст. 1 данного закона (ст. 8). В случае общего передела домохозяин мог настоять на выделе к одному месту, если подавал соответствующее заявление до того, как сход принимал решение о переделе (ст. 34(1), 35). Вне условий общего передела домохозяин мог требовать выдела, если только — как и прежде — это не создавало чрезмерных трудностей для общины (ст. 34(2)(б)). Новым было то, что группа домохозяев, укрепивших наделы в личную собственность, могла лишить общину права выдать им деньги вместо выдела к месту, если их набиралось 20% от числа членов общины (в общине с более чем 250 дворами — 50 дворов или более) (ст. 34(2)(а)). Логика, по-видимому, заключалась в том, что в любой данной общине подобных коллективных обращений о выделе не могло быть много, а в силу массовости причиняемые процедурой выдела неудобства окажутся сравнительно терпимыми.

Закон 1910 г. также облегчил путь к разверстанию всей общины с наследуемыми наделами, установив, что отныне для этого вместо двух третей голосов схода достаточно простого их большинства (ст. 45). Для общин с переделаемыми наделами или с сочетанием наследуемых и переделаемых наделов осталось прежнее правило о двух третях голосов (ст. 46), как это было установлено указом. А община, задумавшая осуществить передел с разверстанием наделов к месту, получила право сделать это досрочно, т.е. не выжидать обязательные 12 лет после последнего передела, как это требовал закон от 8 июня 1893 г., и без обычно требуемого разрешения губернских властей (ст. 34).

Закон от 29 мая 1911 г. Этот закон завершил пятилетние усилия правительства по реформированию крестьянского землевладения. Главным новшеством было то, что теперь для выделения участка к месту не нужно было укрепления надела в личную собственность. Таким образом, отдельные хозяйства или группы хозяйств, независимо от прежней формы собственности, представлявшие 20% и более входивших в общину дворов, получили возможность выйти на хутора или отруба по правилам, которые прежде относились только к хозяйствам, укрепившим надел в собственность в рамках реформы.

Влияние прежнего статуса земли сохранилось только для случаев разверстания целой общины, поскольку остались разные требования к большинству — простое большинство голосов для общин с наследуемой землей, в том числе ставшей наследуемой в ходе реформы, и две трети голосов для общин с переделываемой или смешанной землей (см. ст. 35, 36 и 42). Чтобы облегчить процесс в целом, землеустроительные комиссии должны были заботиться о том, чтобы при выделе участков не возникали помехи для возможных в будущем выделов или для разверстания всей общины (см. 21). Землеустроительные комиссии впервые получили полномочия в принудительном порядке использовать ненадельные земли или земли соседних общин, когда они вклиниваются в надельные земли и необходимы для проведения землеустроительных работ (см., например, ст. 50). Другие положения закона 1911 г. мы рассмотрим в ходе детальной критики реформы и ее методов.

Результаты реформ

Реформа продолжалась почти девять лет, до начала Первой мировой войны, когда землемеров, без которых ликвидация чересполосицы была невозможна, призвали в армию. Война не сразу остановила деятельность землеустроительных комиссий, но после 1915 г. все было кончено. За девять лет реформ не было достигнуто задуманного преобразования села, но делу был дан мощный старт.

Следующие данные, подготовленные Дороти Аткинсон, по-видимому, весьма точно характеризуют итоговую ситуацию.

Укрепление в личную собственность. Изначально речь шла о судьбе 138,8 млн десятин надельной земли¹¹. В 1905 г. 115,4 млн десятин, или 83%, относились к переделываемым наделам, а остальные 23,4 млн десятин были под наследуемыми наделами¹². К концу 1915 г. землеустроительные комиссии, действовавшие в соответствии с указом от 9 ноября 1906 г. и ст. 1 зако-

¹¹ В табл. 3.2 показаны 123 млн десятин надельной земли, и разница объясняется тем, что в состав крестьянской надельной земли не включены надельные земли казаков. См.: Robinson, 268—272.

¹² Atkinson, *The End of Russian Land Commune*, 83.

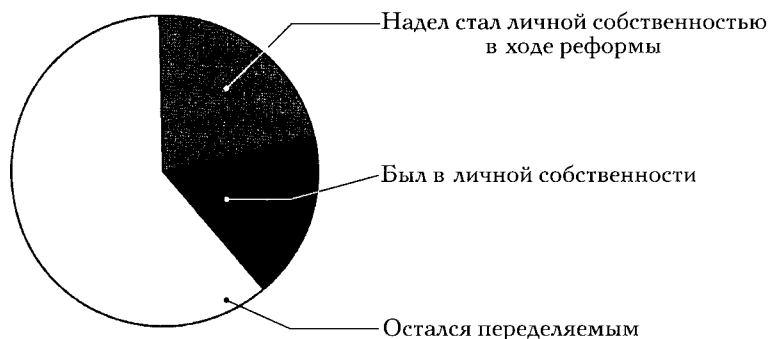

Рис. 5.1. Доля хозяйств, укрепивших надел в личную собственность

на 14 июня 1910 г., уменьшили площадь переделываемых земель примерно на 16,4 млн десятин, или на 14%. Таким образом, операции по землеустройству затронули 12% всех крестьянских наделных земель. В результате соотношение между переделываемыми и наследуемыми наделами составило 71 к 29¹³.

С числом затронутых домовладений вопрос сложнее. Дело в том, что за годы реформ число домовладений выросло как в результате общего роста населения, так и в силу того, что реформа облегчила раздел семей. На начало 1916 г. правительственная перепись насчитала 15,3 млн домовладений, из них, по оценке Аткинсон, около 11,5 млн *владели бы* переделываемой землей, если бы не реформа. В ходе реформы около 2,5 млн домовладельцев стали обладателями наследуемой земли, что составляет чуть меньше 22% ожидаемой совокупности в 11,5 млн домовладений с переделываемыми наделами. К концу 1915 г. соотношение между хозяйствами с переделываемой и наследуемой землей составило 61% к 39%¹⁴ (см. рис. 5.1).

В количественном отношении изменения числа домовладений были очевидно значительнее, чем изменения в площади. По сути дела, хозяйства, укреплявшие землю в собственность, имели наделы заметно меньшие, чем в среднем¹⁵.

¹³ Ibid.

¹⁴ Ibid., 80—81.

¹⁵ Ibid. Средняя площадь переделываемого надела составляла 10,2 десятины (см. *ibid.*), тогда как средний размер хозяйства, укреплявшего надел в личную собственность, составлял порядка 6,6 десятины (16,4 млн десятин разделить на 2,5 млн хозяйств). Однако

Правдоподобное объяснение (обсуждение см. ниже) заключается в том, что правом укрепления земли в личную собственность воспользовались прежде всего крестьяне с малыми наделами, намеревавшиеся оставить сельское хозяйство или по крайней мере отказаться от ведения собственного хозяйства.

Аткинсон, насчитавшая 2,5 млн хозяйств, укрепивших наделы в личную собственность, включила туда около 470 000, сделавших это в соответствии со ст. 1 закона от 14 июня 1910 г. Там, где группы хозяйств подавали заявление о разверстании всей общины, она учла только самих заявителей, или около 317 000 хозяйств. В соответствии с законом считалось, что форма собственности изменилась у всех домовладений общины. Но на деле те, кто не подавал заявлений, обычно игнорировали изменение — возможно, потому что действительно считали, что был передел, а может, потому что им не нравился результат или они его считали несправедливым; к тому же, как мы видели, некоторые использовали подобное укрепление наделов в собственность, чтобы помешать ходу реформы. То, что Аткинсон их исключила, представляется разумным. Но когда изменения формы собственности требовала вся община, Аткинсон учитывала всех членов общины, которых набралось еще 153 000¹⁶.

Буквально во всех случаях смена формы собственности — с переделаемой на наследуемую — сопровождалась закреплением земли в личную собственность. Указ гласил, что новый титул собственности будет закреплен за главой семьи, поименованным в документе, фиксирующем новый титул собственности. Было предусмотрено и исключение (часть III) для случаев, когда этот документ устанавливал, что создается неделимая собственность нескольких лиц, не состоящих между собой в родстве, т.е. нечто подобное тому, что в англо-американском праве было бы совместным владением (*joint tenancies*) или владением сообща (*tenancies in common*).

Выделение участка к одному месту. Единственным способом преодоления чересполосицы является, естественно, объединение надела — выделение участка к одному месту. По оценке Аткинсон, к 1917 г. землеустроительные комиссии нарежали

см.: *ibid.*, 94 (средний размер хозяйства, укреплявшего надел в личную собственность, определяется в 7,0 десятин).

¹⁶ *Ibid.*, 76—77.

единицами участками порядка 12,7 млн десятин¹⁷, что составило чуть больше 9% всей надельной земли (138,8 млн десятин). Поскольку средний размер объединенных участков был почти в точности равен среднему наделу — 9,9 и 9,7 десятины¹⁸ соответственно, — доля хозяйств, прошедших через землеустройство, была почти равна доле консолидированных земель. Считая, что на конец 1915 г. в стране было 15,3 млн домовладений, получаем, что 1,3 млн землеустроенных участков составили примерно 8,5% общего числа хозяйств.

Может показаться, что это немного. Но Россия очень большая страна. К концу 1915 г. землеустройство было проведено на площади, превышающей всю территорию Англии, причем это было сделано в стране, в которой к началу реформ почти не было землемеров, а к тому моменту, когда их начали отправлять на фронт, их число достигло почти 7000¹⁹.

Другие цифры и контекст. Чтобы получить более точное представление о достижениях реформ, полезно уяснить еще ряд вещей. Во-первых, в данные о числе изменений формы собственности не включены те случаи, когда такое изменение происходило одновременно с землеустройством. По указу этот путь был открыт для деревень с переделываемой землей, а после 29 мая 1911 г. эта возможность открылась и перед отдельными хозяйствами. Нет ясности в вопросе о том, какое число хозяйств прошло эту процедуру.

Во-вторых, администрация не успевала удовлетворять запросы на изменение формы собственности и проведение землеустроительных работ. Как мы видели, Аткинсон учла примерно 2 млн хозяйств, изменивших форму собственности по указу от 9 ноября 1906 г., и еще 0,5 млн — в соответствии со ст. 1 закона 1910 г. Но на основании указа было подано 2,8 млн *заявлений*. Таким образом, даже если предположить, что какое-то число

¹⁷ Ibid., 93.

¹⁸ Ibid.

¹⁹ Давыдов М. А. Очерки аграрной истории России в конце XIX — начале XX вв. По материалам транспортной статистики и статистики землеустройства. М., 2003. С. 260. К концу 1912 г. землеустроительные работы были проведены на площади, составляющей 69% территории Англии, а на конец 1915 г. экстраполяция дает 109,6%. О числе землемеров см.: Федоров Б. Петр Столыпин: «Я верю в Россию». М., 2002. Т. 1. С. 371; Давыдов. С. 285.

заявлений было отозвано, результаты преобразований были бы еще более значительными, если бы землеустроительные комиссии успевали удовлетворять уже поданные заявки.

Что касается выделения участков, доля неисполненных заявок здесь была еще больше, чем в случае запросов на изменение формы собственности: более 60% поданных заявлений²⁰. Если бы власти сумели удовлетворить все «индивидуальные» запросы на проведение землеустроительных работ, число хозяйств, заведших хутора и отруба, выросло бы примерно на 150%, с 1,3 млн до более 3 млн. Если предположить, что при этом средняя величина участка после землеустройства не изменилась, площадь земель, на которых было проведено землеустройство, выросла бы до 40 млн из 138,8 млн десятин надельной земли, т.е. почти до 29% вместо 9%.

Данные о консолидации земельных наделов также неполны в силу особенностей классификации. Приведенные выше данные включают все случаи единоличного землеустройства, но не охватывают работы по групповому землеустройству, которые в некоторых случаях также имели конечным итогом выделение личных наделов к одному месту. Оба термина вводят в заблуждение. Единоличное землеустройство включает как выдел отдельного хозяйства, так и разверстание всей деревни с нарезкой отрубов для каждого двора. (Почти две трети хозяйств, прошедших через землеустройство, сделали это в рамках разверстания всей деревни²¹.) А термин «групповое землеустройство» обозначал четыре типа изменений: 1) дробление большой общины на более мелкие — каждая со своей землей; 2) проведение точных границ между селениями; 3) проведение точных границ между общинными землями и землями частных владельцев; 4) любое перераспределение земли внутри общины, если при этом уменьшалось число чересполосных участков, приходящихся на хозяйство²². В первых трех случаях устранялись препятствия к выделу

²⁰ Число не удовлетворенных требований об изменении формы собственности также росло, но намного медленнее. Причина здесь в том, что после закона от 29 мая 1911 г. вопрос об изменении формы собственности стал преимущественно теоретическим, и у властей появилась возможность немного навести отставание.

²¹ Давыдов, 285.

²² Yaney, *The Urge to Mobilize*, 146, 155—56 и п. 4. См. также ст. 1 закона от 29 мая 1911 г. Обобщим неуклюжую и создающую путаницу номенклатуру: землеустройство делится на два типа, еди-

индивидуальных наделов к одному месту²³, хотя здесь это и не было главной задачей; четвертый тип по определению означал объединение индивидуальных наделов. Нельзя рассматривать эти формы группового землеустройства как эквивалент выделения личного надела к одному месту, но полностью игнорировать их тоже неверно. К концу 1915 г. групповым землеустройством было охвачено примерно 1,1 млн хозяйств, чуть меньше 1,3 млн, охваченных единоличным землеустройством²⁴. Если добавить неудовлетворенные заявки о групповом землеустройстве, в действительности предполагавшие создание отрубов и хуторов, это несомненно увеличит 3 млн заявлений о проведении единоличного землеустройства.

Возьмем консервативную оценку достижений реформы за девять лет: количество передельных общин уменьшилось на 14%, а чересполосица сократилась на 9%. Много это или мало? Мерилом можно взять заявление самого Столыпина: «Дайте государству 20 лет мира, внутреннего и внешнего, и вы не узнаете нынешнюю Россию»²⁵. Если предположить, что новые крестьяне - фермеры оказались сравнительно успешными, темп реформ мог бы ускориться, но, вероятно, недостаточно, чтобы за двадцать лет, т.е. к 1926 г., Россия смогла полностью перейти к наследуемым правам и ликвидировать чересполосицу. Но это ведь совершенно естественно. Другим странам на решение проблемы чересполосицы понадобились столетия. В Англии, где не было общего закона об огораживании, за период с 1760 по 1850 г. были приняты тысячи законов об огораживании,

---

ноличное и групповое. *Единоличное землеустройство*, в свою очередь, делится на *выдел* (соединение чересполосных участков надела в одном месте) и *разверстание* (нарезка отрубов и хуторов для всех дворов деревни). Четыре формы *группового разверстания* приведены в тексте.

²³ Yaney, *The Urge to Mobilize*, 155—156 и п.4; см. также: *ibid.*, 362.

²⁴ Тюкавкин В. Г. Великорусское крестьянство и столыпинская аграрная реформа. М., 2001. С. 203. По данным Тюкавкина, через единоличное землеустройство прошли 1,234 млн хозяйств, т.е. чуть меньше 1,3 млн по Аткинсон. Для нашего подхода эта разница совершенно неважна.

²⁵ Там же. С. 167. Сравните сообщение Кофода о позиции консультанта, сказавшего в 1912 г.: «Двенадцать лет мира и двенадцать лет землеустройства, и Россия будет непобедима» (Кофод К. А. 50 лет в России (1878—1920). М., 1997. С. 219).

затронувших порядка 5,5 млн акров, т.е. только 20% земли²⁶. Во Франции крупномасштабные работы по землеустройству и объединению земельных владений продолжались еще в конце 1940-х годов²⁷. Вообще в Западной Европе движущей силой этого процесса зачастую выступали богатые землевладельцы, которые имели возможность увеличить свои владения²⁸. Кроме того, рыночные отношения лишь постепенно проникали в российскую глубинку. При том что реформы позволили инициативным крестьянам перейти к более продуктивной форме собственности и при этом не чрезмерно обременили неинициативных, первые девять лет выглядят как вполне пристойный старт, и не имеет большого значения, сколько времени потребовалось бы России, чтобы довести реформу до конца.

Динамика потока запросов

Как мы уже видели, землеустроительные комиссии не справлялись с выполнением потока заявок на изменение формы собственности и проведение землеустроительных работ (особенно это касается последних). К концу 1915 г., когда Первая мировая война остановила этот процесс, в очереди на землеустройство (как единоличное, так и групповое) застыли 3,8 млн хозяйств, а «успели» пройти землеустройство чуть меньше 2,4 млн хозяйств (1,23 млн в единоличном разряде и 1,14 млн в групповом)²⁹.

Если говорить о требованиях на землеустройство в целом, то в этой кампании приняла участие большая доля крестьянских хозяйств: 6,2 млн хозяйств подали требования о выделе-

²⁶ Launcelot A. Owen, *The Russian Peasant Movement, 1906–1917* (1963), 48. См. также: J. R. Wordie, “The Chronology of English Enclosure, 1500–1914,” *Economic History Review* 36 (new series, 1983): 483–505.

²⁷ Robert A. Paxton, *Vichy France: Old Guard and New Order, 1940–1944* (1972), 207.

²⁸ Stuart Banner, “Transitions Between Property Regimes,” 31 *J. Leg. Stud.* (June 2002): S359–S371.

²⁹ Тюкавкин. С. 203; David A. Macey, “A Wager on History: The Stolypin Agrarian Reform as Process,” in *Transforming Peasants Society, State and the Peasantry, 1861–1930*, ed. Judith Pallot (1998), 164 (Table 8.2).

нии земли к месту и почти 3,4 млн хозяйств — об изменении формы землевладения (2,8 млн в индивидуальном порядке на основании указа и еще 0,6 млн целыми деревнями на основании ст. 1 закона 1910 г.)³⁰. Это существенная доля от 15,3 млн хозяйств на конец 1915 г., по оценке Аткинсон.

Строго говоря, если целью преобразований считать хутор или отруб наследуемой земли, следовало бы учитывать только землеустроительные работы, причем только единоличные выделы и разверстания, плюс некую долю групповых землеустроительных работ, результатом которых было появление хуторов и отрубов³¹. Тем не менее сам масштаб цифр позволяет говорить о том, что реформа пошла широко (в главе 6 мы обсудим вопрос о том, в какой мере такой ход преобразований может быть объяснен насилием со стороны власти).

Хотя роста числа заявок год от года не наблюдалось, нет оснований считать, что реформы выдохлись, и еще менее — что в 1911 г. они «захлебнулись»³². Табл. 5.1 и 5.2 показывают динамику запросов на проведение работ, которая больше говорит о реакции и настроениях крестьян, чем статистика завершенных изменений форм землевладения или укрупнения.

Приведенные в табл. 5.1 данные о заявках на землеустройство (использованные при построении диаграммы на рис. 5.2) включают заявки как на единоличное, так и на групповое землеустройство, возможно, в равных долях, как было с выполненными заявками³³. И нам не известно, какое число единоличных выделов (главная цель реформы!) осуществлялось в ходе проведения работ по групповому землеустройству. В известном смысле, однако, число заявок на групповое землеустройство говорит в пользу успеха реформ: эти работы хоть и не были главным в замыслах правительства, но проводились по требованию крестьян, так что трудно согласиться с яростными критиками реформы, утверждающими, что это результат навязывания крестьянству точки зрения правительства.

³⁰ Тюкавкин. С. 193.

³¹ У нас нет данных о том, какое число хозяйств подавало за год запросы на проведение работ, *напрямую* ведущих к выделению надела к одному месту. Ср.: Macey, "A Wager on History," 165 (Table 8.3) и Давыдов. С. 248—259 (табл. 3.2 и 3.3).

³² Давыдов. С. 244 (цитирует Анфимова как представителя течения, считающего, что реформы провалились).

³³ Давыдов. С. 248—259 (табл. 3.2 и 3.3).

Таблица 5.1³⁴

**Крестьянские хозяйства в европейской части России,
подавшие заявки на изменение формы землевладения
и землеустройство (тыс.)**

Годы	На изменение формы землевладения единоличного хозяйства	На изменение формы землевладения целых деревень в соответствии со ст. 1 закона 1910 г.	На укрупнение (<i>землеустрой-</i> <i>ство</i>)	Всего
1907	211,9		213,3	425,2
1908	840		380,7	1220,7
1909	649,9		705	1354,9
1910	341,9	53,8	650,2	1045,9
1911	242,3	252,2	678,1	1172,6
1912	152,4	117,5	1226,2	1496,1
1913	160,3	102,2	1105,7	1368,2
1914	120,3	68	828,1	1016,4
1915	36,5	24,3	380,9	441,7
Всего	2755,5	618	6168,2	9541,7

Таблица 5.2

**Число завершенных работ по единоличному
и групповому землеустройству (тыс.)**

Год	Единоличное землеустройство	Групповое землеустройство	Всего
1907	8,3	4,3	12,6
1908	42,4	17,6	60,2
1909	119,4	85,7	205,1
1910	151,8	110,6	262,4
1911	206,7	112,4	319,1
1912	122,5	125,6	248,1
1913	193,0	193,6	386,6
1914	203,9	268,2	472,1
1915	173,5	220,9	394,4
Всего	1221,5	1139,0	2360,5

³⁴ Таблица и график построены на основании данных о запросах на землеустройство, взятых в: Тюкавкин. С. 193, 203. Что касается заявлений о проведении землеустроительных работ, Мейси (Масеу, "A Wager on History," 163) дает немного другие данные за 1907 г., а потому получает и несколько отличную суммарную величину.

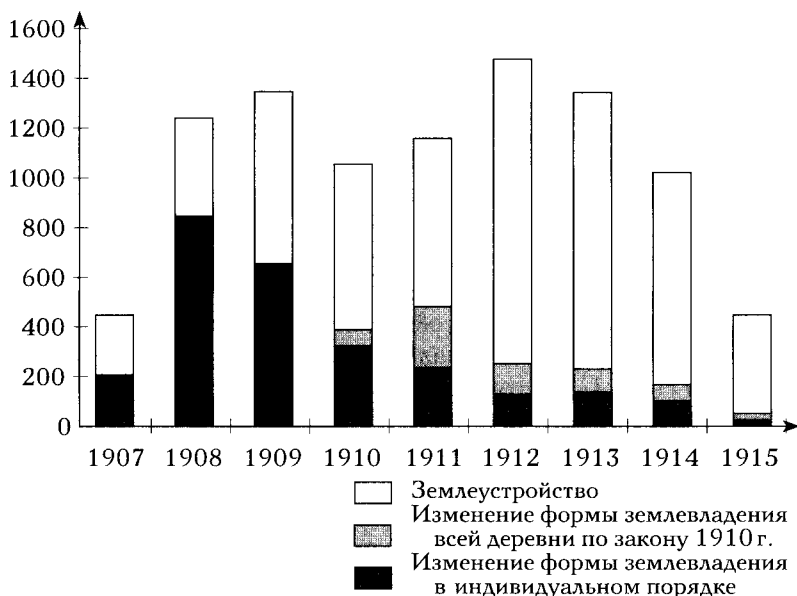

Рис. 5.2. Заявки на изменение формы землепользования и на землеустройство (тыс.)

Хотя число заявок на изменение формы землевладения ощутимо снижалось, это падение было компенсировано — а начиная с 1911 г. с лихвой — ростом заявок на землеустройство, которое по закону 1911 г. можно было проводить без предварительного изменения формы землевладения. Консолидированные данные демонстрируют смешанную тенденцию: пик был достигнут в 1909 г., потом еще один в 1912 г., небольшой спад в 1913 г. и более выраженный в 1914 г. (здесь уже начало сказываться влияние войны). До 1915 г. спады не были ни глубокими, ни продолжительными.

Привлекает внимание волнообразный характер динамики. Заявки на землеустройство достигли пика в 1912 г., почти вдвое превысив уровень 1911 г., возможно, потому что крестьяне признали, что закон 1911 г. устранил неясности, содержащиеся в более раннем законе, и сделал возможным землеустройство наделов, полосы которых были зажаты между частными наделами, что прежде препятствовало выделению единых участков. Но в 1912 г. количество единоличных землеустройств сократилось — возможно в силу большей сложности и особенностей закона 1911 г. В 1913 г. сократилось и

число заявок на землеустройство, отражая, возможно, некоторое разочарование в результатах³⁵.

В табл. 5.2 приведены данные о количестве завершенных работ по единому и групповому землеустройству в 1907—1915 гг.³⁶

Можно представить, что такая динамика складывалась под действием двух общих факторов, действовавших в противоположных направлениях. С одной стороны, действовал принцип достижимости результатов: разумно предположить, что семьи, которым перемены были особенно выгодны, первыми проявили инициативу, вызвав начальный вал заявок, за которым последовал спад. С другой стороны, есть роль примера: если те, кто первыми подали заявки, получили желаемое, можно представить, что за ними потянулись соседи.

В любом случае, если бы правительство хотя бы сумело удовлетворить все поданные заявки, результатом стало бы очень существенное сокращение чересполосицы.

Различия между губерниями

В разных губерниях крестьянство встретило реформы по-разному. В табл. 5.3 приведены данные по большинству губерний европейской части России. На двух картах, следующих за табл. 5.3, эти данные представлены в графической форме — отдельно по изменению формы землевладения и по землеустроительным работам. Возникает искушение использовать современные статистические методы для поиска объяснения этих различий в ходе реформ. Но недостаток данных и трудность их количественного выражения заставляют отказаться от этого намерения, по крайней мере пока. Поэтому мы приводим их здесь не столько для того, чтобы сделать четкие выводы, сколько для того, чтобы получить общее представление и отметить проблемы.

³⁵ См.: Давыдов. С. 267, где предложены правдоподобные объяснения резкого роста числа заявок, и ср.: Там же. С. 272—277; см.: Мэсью, "A Wager on History," (предложено объяснение спада 1913 г.).

³⁶ См.: Мэсью, "A Wager on History," 164; см. также: Тюкавкин. С. 203; Кофод А. А. Русское землеустройство. СПб., 1914. С. 112. Андрей Андреевич Кофод — русифицированное имя Карла Кофода, автора воспоминаний «50 лет в России».

Таблица 5.3
Заявки, изменение формы собственности и землеустройство в 45 губерниях европейской части России

Губерния	% выполненных заявок на изменение формы землеустройства	% хозяйств с передаваемыми наделами, изменивших форму землеустройства	% площадей передаваемой земли, изменивших форму землеустройства	% хозяйств, вышедших на хутора и отруба наделных земель	%
1	2	3	4	5	6
Центрально-Черноземный район					
Орловская	85,7	39,0	26,4	5,9	6,0
Тульская	79,0	21,6	24,5	12,2	10,1
Рязанская	74,3	17,0	9,4	5,4	4,1
Тамбовская	68,4	24,0	14,0	6,6	6,2
Курская	85,9	43,8	28,0	8,4	7,0
Воронежская	57,4	20,1	12,7	9,0	6,5
Центрально-Промышленный район					
Тверская	72,3	15,7	12,8	8,7	10,0
Ярославская	62,2	9,6	8,9	7,0	8,4
Костромская	69,5	9,6	8,8	3,5	3,5
Калужская	89,2	23,6	20,8	5,9	6,0
Московская	78,2	31,2	21,0	16,5	8,0
Владимирская	67,7	10,1	5,5	5,5	5,0

Продолжение табл. 5.3

1	2	3	4	5	6
			Средневожский район		
Пензенская	68,0	25,2	15,7	9,7	8,7
Казанская	48,4	8,6	5,0	5,4	4,2
Нижегородская	66,3	14,4	8,5	7,7	6,0
Симбирская	63,3	23,9	18,0	8,5	8,9
Саратовская	69,2	27,7	18,6	18,4	22,0
			Озерный край		
Санкт-Петербургская	63,1	10,3	9,8	31,3	27,7
Олонцевская	71,3	11,8	3,8	1,5	1,5
Псковская	72,9	18,8	18,6	18,2	18,8
Новгородская	69,2	10,1	9,5	9,5	9,0
			Белоруссия		
Ковенская	**	**	**	22,2	20,2
Витебская	84,7	28,8	21,8	31,6	26,1
Гродненская	**	**	**	12,1	6,2
Вильненская	*	*	*	13,3	9,3
Минская	*	*	*	6,7	9,6
Могилевская	96,9	56,8	54,8	15,0	18,2
Смоленская	67,0	15,8	14,6	18,1	20,2

Продолжение табл. 5.3

1	2	3	4	5	6
		Правобережная Украина			
Волынская	*	*	*	12,7	11,8
Подольская	*	*	*	2,4	1,9
Киевская	98,4	48,6	50,7	9,2	7,7
		Левобережная Украина			
Черниговская	73,1	8,5	7,1	3,9	4,0
Полтавская	84,4	12,1	13,8	11,2	10,4
Харьковская	68,4	29,1	20,6	24,0	20,0
		Новороссия			
Бессарабская	88,9	15,1	17,3	8,4	7,6
Херсонская	84,1	38,1	33,2	24,0	23,1
Екатеринодар- ская	84,5	54,1	37,7	33,0	32,6
Таврическая	83,7	63,6	48,5	32,0	24,9
Область войска Донского	*	*	*	9,9	20,7
		Нижеволжский район			
Самарская	74,2	49,4	29,6	25,9	28,6
Астраханская	30,5	5,3	2,6	8,6	9,5
Оренбургская	62,5	10,5	4,3	****	****
Ставропольская	67,3	***	***	24,9	35,4

Окончание табл. 5.3

1	2	3	4	5	6
		Уральский район			
Вятская	45,8	4,9	3,9	0,9	0,6
Пермская	48,2	4,0	3,1	2,4	0,4
Уфимская	70,3	14,8	5,2	5,8	5,5
		Северный край			
Архангельская	*	*	*	0,5	0,5
Вологодская	50,8	6,5	3,7	3,5	2,8
Итого	72,8	22,1	14,0	10,9	10,7

Источники: информация об изменении формы собственности взята из: Дубровский. С. 574—576 (табл. 2).

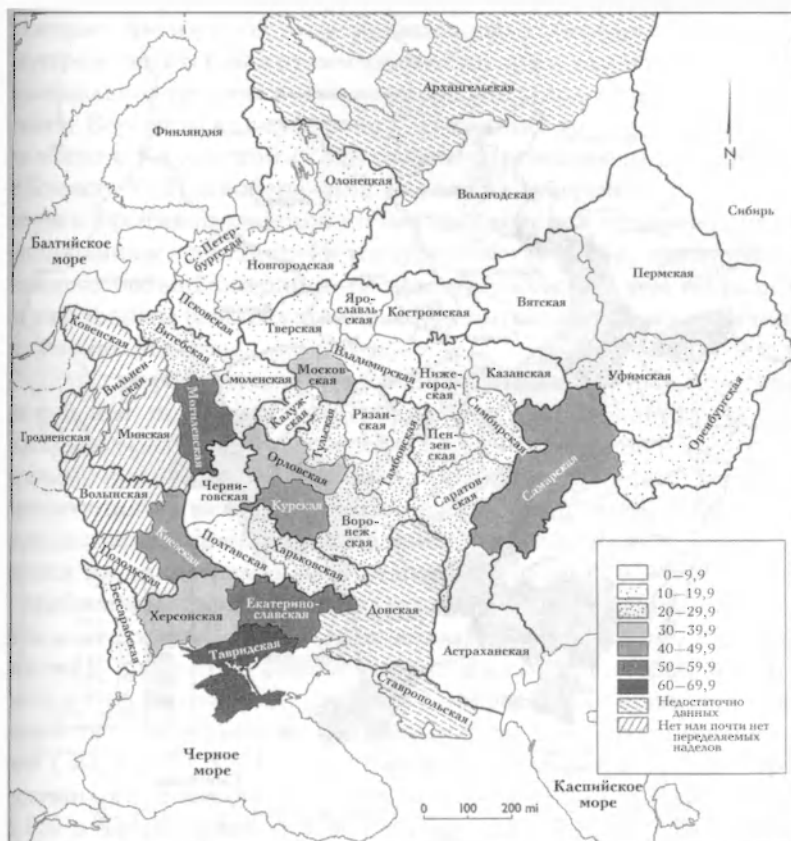
* указывает на отсутствие данных (по словам Дубровского); иногда, как, например, в случае Минской и Виленской губерний, это предположительно означает, что права на земельные участки уже были на 100% наследуемыми;

** указывает на то, что губерния вообще не была включена в таблицу Дубровского, поскольку, видимо, он рассматривает ее как часть Литвы, да и в любом случае в ней не было передельных наделов и общин. Данные о землеустройстве взяты из: L. Owen, 87, и перегруппированы таким образом, чтобы показать распределение по регионам.

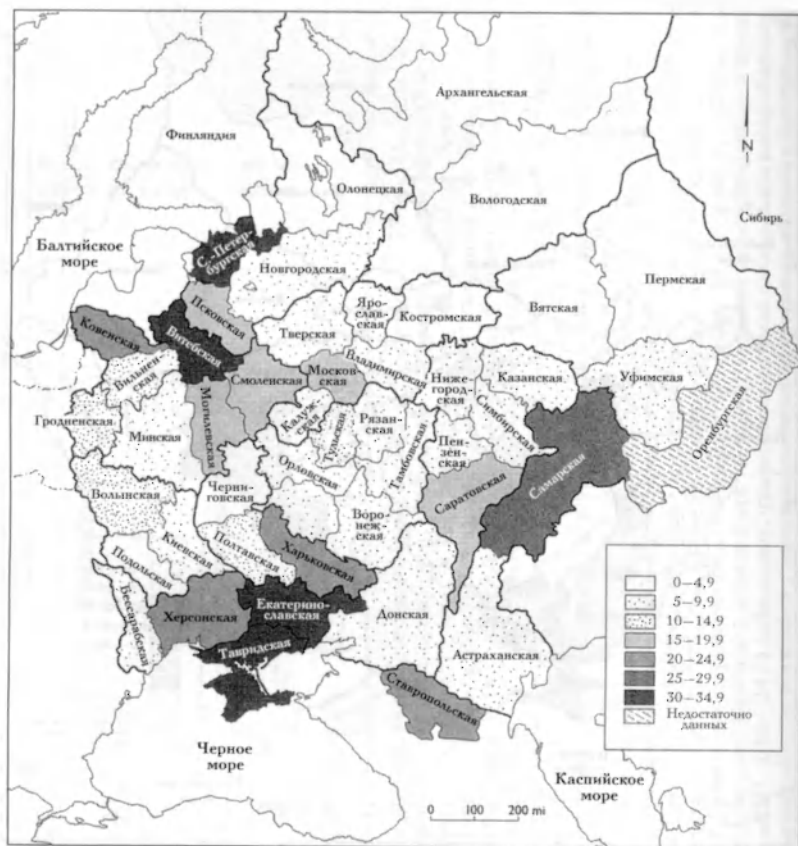
*** показывает, что из-за отсутствия данных о первоначальной распространенности передельных общин вычислить проценты невозможно. См.: Дубровский. С. 574.

**** означает, что у Оуэна нет соответствующих данных. Распределение губерний по регионам взято из: Maureen Perrie, *The Agrarian Policy of the Russian Socialist-Revolutionary Party from its Origin through the Revolution of 1905—1907* (1976), хй, только Старопольскую губернию я из соображений удобства отнес к числу нижеволжских. Из соображений простоты и последовательности итоговые процентные показатели изменения формы землевладения и землеустройства взяты у Дубровского и Оуэна, соответственно. По колонкам 1, 2 и 3 итоговый процент рассчитан только по 40 губерниям. См.: Дубровский, С. 576.

Данные Дубровского о землеустройстве (Дубровский, 246—247) довольно значительно отличаются от данных Оуэна. При этом данные в: *Першин П. Н.* Земельное устройство дореволюционной деревни. М. — Воронеж, 1928. С. 420—437 — близки к данным Оуэна, а не Дубровского. Причиной может быть то, что Дубровский включает данные о групповом землеустройстве Дубровский (с. 204—207, 246—247) доказывает, что чем больше была изначальная раздробленность наделов, тем больше было землеустроительных работ, но поскольку у него процент землеустроенных наделов в центрально-черноземных и промышленных губерниях существенно выше, чем у Оуэна и Першина, можно заключить, что он, видимо, где-то ошибся, возможно, включил групповое землеустройство.

Карта 5.1. Процент хозяйств, изменивших форму землевладения, по губерниям

Карта 5.2. Процент хозяйств, вышедших на хутора и отруба, по губерниям

По большей части губернии, где активно шло изменение формы землевладения, были передовыми и в землеустроительных работах. Но есть и очевидные исключения. Самым поразительным является Центрально-Черноземный район: если не считать Тульской губернии, которая по всем показателям занимает среднее место, в черноземных губерниях темп землеустройства отставал от темпа смены формы землевладения, и в нескольких случаях очень значительно (Орловская, Тамбовская и Воронежская губернии). Подобная же аномалия имела место в Калужской (Центрально-Промышленный район) и Киевской (Правобережная Украина) губерниях. Есть примеры и противоположной аномалии, которая особенно сильно проявилась в Санкт-Петербургской губернии, где произошло намного больше операций по землеустройству, чем по изменению формы землевладения. Непонятно, чем эти различия можно объяснить.

Там, где реформы шли в среднем успешнее, чем по стране в целом, проявилось, по-видимому, действие двух следующих факторов: пример соседей и соседних районов и высокий уровень производства товарной продукции, а прежде всего — ориентация на международный рынок. Например, если говорить о смене формы землевладения, то доля хозяйств, решившихся на такое изменение, имеет тенденцию расти вместе с дроблением наследуемых наделов, существовавших в губернии до реформы³⁷. Так, в двух черноземных губерниях с очень высоким процентом изменений формы собственности, в Курской и Орловской, уже к началу реформы доля крестьянских хозяйств с наследуемыми наделами была намного выше средней (30,3 и 10,3% соответственно), тогда как в других черноземных губерниях она была невелика (2,6% в Рязанской, 3,0% в Тамбовской и 1,4% в Воронежской)³⁸. (Тульская губерния по этому критерию выбивается из ряда — 14,7% хозяйств с наследуемыми наделами до реформы, но при этом процент изменения формы землевладения только средний.) Аналогичным образом в двух губерниях, где доля наследуемых крестьянских наделов изначально была выше среднего, —

³⁷ Подмечено в: *Тюкавкин*. С. 194.

³⁸ Данные о доле дореформенных наследуемых наделов взяты из: *Дубровский С. М.* Столыпинская земельная реформа. М., 1963. С. 570—573 (табл. 1).

Киевской (91%) и Могилевской (19,5%) — больше половины хозяйств из передельных общин перешли к личной наследуемой собственности.

Пример играл роль и в землеустройстве. До реформы стихийное движение по разверстанию происходило в Западном крае, главным образом в Белоруссии (с большим размахом в Ковенской, и очень заметно в Псковской, Витебской, Могилевской и Смоленской губерниях) и на Украине (во всяком случае в Волынской губернии), т.е. там, где было мало передельных общин³⁹. На это стихийное движение оказал влияние пример единоличных хозяйств, распространенных в западном крае, особенно в балтийских губерниях. Во всех этих районах, где и до реформы чересполосица была сравнительно невелика, количество крестьян воспользовавшихся открытыми реформой возможностями для, выделения наделов к месту, было значительно выше среднего. Минская, единственная из белорусских губерний, в которой не было движения по разверстанию наделов, по доле хозяйств, выделивших наделы к месту, и площадей, на которых прошло землеустройство, находилась среди отстающих⁴⁰. Правильно оценив роль живого примера, Кофод, служивший в 1905—1907 гг. чиновником по особым поручениям в Главном управлении землеустройства и земледелия, организовал экскурсии крестьян за государственный счет в места удачных разверстаний без участия чиновников. Всего было проведено порядка 250 таких экскурсий в балтийские губернии и за границу⁴¹. К 1908 г. Кофод пришел к убеждению, что в каждой российской губернии есть уже достаточно примеров высококачественного разверстания, и от таких экскурсий можно отказаться⁴².

Конечно, благодаря примеру разверстание распространялось и до реформ, и пример, безусловно, имел решающее значение в дореформенном объединении земель. Многие произ-

³⁹ Анфимов А. М. П. А. Столыпин и российское крестьянство. М., 2002. С. 154; Donald W. Treadgold, *The Great Siberian Migration* (1957), 45.

⁴⁰ См.: Кофод К. А. 50 лет в России (1878—1920). М., 1997. С. 163. Кофод до реформы активно помогал сокращению чересполосицы.

⁴¹ Панов А. Земельная реформа в России. Истоки и уроки. М., 2001. С. 127.

⁴² Кофод К. А. 50 лет в России. С. 201.

ходило случайным и стихийным образом, как распространяются семена в природе. Кофод рассказывает о могилевском крестьянине, который женил своего сына на девице из витебской деревни, в которой незадолго до этого произошло разверстание. На его могилевских соседей, побывавших на свадьбе, увиденное произвело огромное впечатление, и, вернувшись домой, они всем об этом рассказывали. К 1904 г., пишет Кофод, разверстание было проведено в 154 деревнях по обеим сторонам границы между губерниями⁴³.

В губерниях с более развитым товарным производством сельскохозяйственной продукции реформа шла быстрее. Из табл. 5.3 видно, что большинство белорусских и украинских губерний (правобережные, левобережные и новороссийские), в которых была развита торговля сельскохозяйственной продукцией, в том числе и международная, были в числе передовых⁴⁴. Нечто подобное недавно можно было наблюдать в Африке, где целью реформ было укрепление частной собственности на землю⁴⁵.

Эта взаимосвязь с более развитой торговлей может служить подтверждением теории, согласно которой развитие торговли благоприятно для реформы: развитие торговли дает больший выигрыш тем, кто ведет единоличное хозяйство, открывающее возможности для внедрения новшеств и повышения эффективности. Развитость торговли также понижает выгоду чересполосицы и открытых полей с точки зрения любой из теорий, объясняющих их существование: понижается ценность этих полей в качестве инструмента уменьшения риска, поскольку открываются другие возможности подстраховаться на случай неурожая; одновременно растет специализация,

⁴³ Там же. С. 140.

⁴⁴ См., напр.: Lazar Volin, *A Century of Russian Agriculture: From Alexander II to Khrushchev* (1970), 107; George Pavlovsky, *Agricultural Russia on the Eve of the Revolution* (1968), 135–140; Robert Edelman, *Gentry Politics on the Eve of the Russian Revolution: The Nationalist Party, 1907–1917* (1980), 52–57; Robert Edelman, *Proletarian Peasants: The Revolution of 1905 in Russia's Southwest* (1987), 44–45.

⁴⁵ Jean Ensminger, "Changing Property Rights: Reconciling Formal and Informal Rights to Land in Africa," in *Frontiers of the New Institutional Economics*, eds. John N. Drobak and John V. C. Nye (1997), 165–196.

понижающая выгоду от использования чересполосных полей для выпаса скота, что, в соответствии с теорией стратегического поведения, привело в свое время к распространению чересполосицы⁴⁶. При альтернативном подходе в развитии торговли и готовности к реформе можно видеть результат действия предшествующих причин, таких как развитие каналов торговли и распространенность знаний о новейших методах ведения сельского хозяйства. Очевидно, что эти гипотезы не являются взаимоисключающими.

С причинной ролью примеров единоличного хозяйствования тоже не все просто. Чаще всего можно было познакомиться с работой единоличных хозяйств там, где действовали и другие факторы, скажем, близость к западным рынкам. Именно эта близость способствовала возникновению здесь хозяйств, служивших примерами, а также росту связанных с реформами выгод, и каждый из этих результатов мог усиливать другой.

Помимо местных примеров и торговли, есть еще один фактор, определяющий межгубернские различия, — противодействие на местах, — который лучше всего измерять долей выполненных заявок на изменение формы собственности (см. первый столбец табл. 5.3). Хотя земские начальники и суды имели полномочия игнорировать несогласие общины на изменение формы собственности, община могла заблокировать соответствующие попытки. В этом отношении разница между губерниями была очень велика. Только по Центрально-Черноземному району доля удовлетворенных заявок на изменение права собственности составляла от 57,4% по Воронежской губернии до 85,9% по Курской, а для Центрально-Промышленного района — от 62,2% по Ярославской губернии до 89,2% по Калужской⁴⁷. Это во многом объясняет тот факт, что, когда сопротивление на местах было незначительным, намного большее число крестьянских хозяйств могло принять участие в изменении формы собственности.

Отсюда возникает следующий вопрос: какие причины обуславливали разные уровни сопротивления на местах. Тюкавкин и другие считают, что сила сопротивления на местах была отражением крайнего земельного голода или, если использовать менее метафорический язык, малой площади сельхозугодий

⁴⁶ См. главу 2 «Общинные поля».

⁴⁷ Тюкавкин. С. 195; Дубровский. С. 574—576.

на одного крестьянина⁴⁸. Интуитивно это кажется правдоподобным объяснением. Если крестьяне полагали, что изменение формы собственности уменьшит земельные ресурсы общины — т.е. на каждое оставшееся в общине хозяйство после этого будет приходиться меньше земли, — то намеревающиеся остаться в общине будут особенно яростно противиться попыткам ее покинуть там, где обеспеченность землей ниже. Как мы увидим, крестьяне нередко считали, что в результате изменения формы собственности на оставшиеся в общине хозяйства будет приходиться меньше земли. Неясно, насколько основательны были эти соображения, но мы займемся этим вопросом только в следующей главе⁴⁹.

На самом деле нет особой ясности в вопросе о том, какое значение имел в данном случае уровень обеспеченности земель. На севере и северо-востоке, в условиях изобилия земли, изменение формы землевладения было редкостью⁵⁰. Заявок было сравнительно немного, что может означать, что в силу изобилия земли люди были удовлетворены сложившимся положением. Но здесь и сопротивление общин было очень упорным, что отражено в низкой величине показателя удовлетворенных заявок в Вятской (45,8%) и Пермской (48,2%) губерниях. На основании таких данных трудно судить о том, какую роль играла нехватка земельных угодий.

Более того, здесь могло играть роль бесконечное число специфических местных факторов. Например:

- Сравнительно низкий уровень объединения участков в некоторых районах Правобережной Украины мог быть связан с тем, что общины сдавали свои земли производителям сахара, что переводило проблему чересполосицы в разряд чисто теоретических; а также с запутанными сервитутами, затруднявшими вычисление справедливых долей при разверстании и выделе⁵¹.
- В Московской губернии высокий процент изменения формы землевладения и выделов хозяйств из общины мог быть

⁴⁸ Тюкавкин. С. 195.

⁴⁹ См. главу 6.

⁵⁰ Pavlovsky, 139; см. также: Atkinson, *The End of the Russian Land Commune*, 72, 86 (о величине наделов в разных губерниях).

⁵¹ Pavlovsky, 136; А. Кофод. Русское землеустройство. С. 128.

связан с высокой интенсивностью использования земли — выращивание овощей и скота для местных рынков⁵².

В Центрально-Промышленном районе общины довольно хорошо научились повышать производительность в рамках старой системы, например обеспечивали расширение полос и совместно осуществляли мелиоративные работы — и эти успехи, очевидно, ослабляли привлекательность реформ⁵³.

Кофод, который занимался землеустройством еще до реформ, а потом активно участвовал в их проведении, в качестве благоприятных факторов выделяет однообразие почв (проще делить землю) и «промышленный характер» крестьянских хозяйств (предположительно, признак большего рыночного опыта)⁵⁴. В качестве отрицательных факторов он называет следующие: бездействие бюрократии (в некоторых губерниях землеустроительные комиссии не были созданы до 1911 г.); ужасное качество землеустроительных работ (в Астраханской губернии все пришлось переделывать заново)⁵⁵; неудовлетворительное состояние сельскохозяйственных угодий, нуждавшихся в мелиоративных работах (это, как можно предположить, затрудняло землеустройство)⁵⁶; наличие запутанных сервитутов (особенно на западе)⁵⁷; наличие оврагов, болот, лесов и всяких других препятствий на местности⁵⁸; высокий уровень промышленного развития (местная власть могла вовсе не интересоваться вопросами сельского хозяйства, а могла примыкать к партии, враждебной реформам)⁵⁹; специфичность законов о земле, действовавших в Черниговской и Полтавской губерниях с 1859 г.⁶⁰

⁵² Тюкавкин. С. 195. Относительно других местных факторов см.: Yaney, *The Urge to Mobilize*, 355—358.

⁵³ Министерство экономического развития и торговли. Аграрная реформа Петра Столыпина (на сайте <http://www.economy.gov.ru/stolypin.html> (опубликовано на сайте 18 июня 2002 г.)). См. также: Yaney, *The Urge to Mobilize*, 355.

⁵⁴ Кофод. Русское землеустройство. С. 67.

⁵⁵ Там же. С. 110, 124—125.

⁵⁶ Там же. С. 129.

⁵⁷ Там же. С. 127, 130—131.

⁵⁸ Там же. С. 151.

⁵⁹ Там же. С. 127.

⁶⁰ Там же. С. 106—107, 107 и прим. 1, 129. См. также: Давыдов.

Наконец, до принятия закона 29 мая 1911 г. процесс тор-мозился наличием пробелов в законодательстве. Во многих местах, особенно в центральных губерниях, общинные зем-ли были перемешаны с землями частновладельческими, что затрудняло или просто делало невозможным объединение учас-тков, пока новый закон не дал землеустроительным комиссиям полномочия, позволившие преодолевать подобные затрудне-ния⁶¹. Перепутанность земли близко расположенных деревень (особенно в районах Верхней Волги и в центрально-промыш-ленных районах) была также еще одним из источников помех; поэтому для решения соответствующих вопросов требовалось большинство в две трети схода, пока закон 1911 г. не разрешил принудительно прирезать земли деревням, в которых осущест-влялось разверстание⁶².

Короче говоря, трудно сделать определенные выводы на основании данных о региональном распределении смены фор-мы землевладения и разверстаний. Возможность лично поз-накомиться с ведением единоличных хозяйств и степень ори-ентации на рынок несомненно играли немалую роль, но чрез-вычайно велика была роль и местных особенностей, многие из которых с трудом поддаются количественному выражению.

Различия в величине наделов, выделенных или переведенных в личную собственность

Наделы домовладений, переводивших землю в личную соб-ственность, были меньше средней величины, а потому доля хозяйств, проводивших эту операцию, была выше доли земель, претерпевших изменение формы землевладения. И вполне воз-можно, что средние по размеру хозяйства участвовали в про-цессе меньше, чем может показаться. Например, в Самарской

С. 280—281. Здесь автор сопоставляет нечерноземные губернии, откуда шел большой поток переселенцев в Сибирь и где расходы на покупку сельскохозяйственной техники были сравнительно *низки-ми* (предположительно, остававшиеся на месте утратили интерес к совершенствованию своего хозяйства), и губернии Новороссии, откуда шел большой поток переселенцев, но при этом расходы на покупку сельхозмашин были *высокими*.

⁶¹ Кофод. Русское землеустройство. С. 356.

⁶² Там же.

губернии форму землевладения меняли преимущественно безземельные, не имевшие пахотной земли, и зажиточные крестьяне с наделами по 15 десятин и более⁶³. Можно предположить, что безземельные крестьяне приватизировали свои небольшие владения в надежде их продать и, возможно, оставить сельское хозяйство.

Можно было бы предположить, что активнее всех в процессе смены формы землевладения и выделения наделов участвовали самые зажиточные, имевшие больше возможностей использовать преимущества единоличного хозяйства. Но все не так просто. Крестьяне с большими наделами обычно владели диспропорционально большим количеством скота, и в тех общинах, где не ограничили численность поголовья пропорционально площади надела, они получали огромную выгоду от наличия общины. Но даже когда вводились ограничения на численность скота в крестьянском хозяйстве, они могли использовать свою квоту с большей полнотой, чем все остальные, а потому предпочитали оставаться в общине, а не переходить к единоличному хозяйству⁶⁴.

⁶³ Дубровский. С. 222, 257; см. также: Atkinson, *The End of the Russian Land Commune*, 91; L. Owen, 63.

⁶⁴ Ср.: Дубровский. С. 227 (о выгодах, получаемых зажиточными крестьянами в условиях общинного выпаса). Кофод, бывший активным участником реформы и знатком тогдашнего положения дел в деревне, также предполагает, что владельцы большого количества скота противились реформам. Кофод. 50 лет в России С. 175; Кофод. Русское землеустройство. С. 61, 132. Кофод утверждает, что каждый имевший больше голов скота, чем в среднем приходилось на площадь его надела, и даже те, чей надел был при этом ниже средней величины, противились разverstанию, потому что боялись утратить свое сравнительное преимущество (Кофод. Русское землеустройство. С. 61 и 61, прим. 1). Павловский (Pavlovsky, 133—134) утверждает, что все дело, возможно, в различии положения государственных и помещичьих крестьян. Государственные крестьяне в целом были более зажиточными, а потому, заключает он (неявно проводя недоказанное предположение о влиянии величины надела на стимулы), общины государственных крестьян не чувствовали особой необходимости менять методы ведения хозяйства. Он также утверждает, что государственные крестьяне не только были лучше обеспечены землей, но зачастую имели дополнительные источники дохода за пределами сельского хозяйства, а потому оказывались менее заинтересованы в переходе к единоличному хозяйствованию.

* * *

Этот обзор реформ скорее демонстрирует их сложность, чем призывает к их осуждению или восхвалению. Он показывает, что крестьяне их приняли, и с немалым энтузиазмом, если судить по потоку заявок на изменение формы собственности и землеустройство. Но если ставить вопрос о возможной роли реформ в продвижении либеральной демократии, главным оказывается процесс. Если крестьяне приняли реформу под давлением правительства или в погоне за приманкой, подвешенной тем же правительством (особенно если она была создана за счет крестьян, не пожелавших участвовать в реформе), тогда напор заявок на землеустройство и перевод наделов в личную собственность не предвещал либеральной демократии ничего хорошего. В главе 6 мы и займемся этими и другими вопросами относительно легитимности и вероятного воздействия реформ.

Глава 6

ЗАДАЧИ И ДАВЛЕНИЕ: ЗАМЫСЛ РЕФОРМЫ

О замыслах Столыпина идут бесконечные дебаты. Несмотря на сложное и двойственное отношение Ленина, советские историки третировали Столыпина как дворянского наемника, который взялся разрушить общину как возможный источник организованного политического сопротивления или ослабить крестьян политически, стравив их между собой. Его либеральные почитатели видели в нем подлинного реформатора, завершившего начатое Александром II освобождение крепостных тем, что открыл крестьянам возможность стряхнуть с себя ярмо общины, заменившей былых помещиков.

Людьми движут смешанные мотивы. Идеализм, великодушие и любовь к стране — эти чувства, несомненно, были присущи царю и части дворянства. Но разумно предположить, что среди целей, которые преследовали царь и дворянство, было и сохранение их экономических и политических преимуществ. И эта цель, безусловно, ограничивала их представления о приемлемой политике¹. Для дворян зрелище того, как пылают их усадьбы и гибнут посевы — или усадьбы и посевы их друзей и соседей или даже просто кого-либо из землевладельцев, — должно было быть сильным импульсом.

Но, как бы ни был силен этот импульс, задачи царя и дворянства, бывших сторонниками Столыпина, оставались глубоко двойственными. В зависимости от ценностей, целей и представления о том, как устроен этот мир, каждый из них мог решить, что если крестьянам открывается путь к приватизации общинных земель, то так или иначе понижается риск

---

¹ См., например: Alexander Gerschenkron, "Agrarian Policies and Industrialization, Russia 1861—1914," in Alexander Gerschenkron, *Continuity in History and Other Essays* (1968), 140—248 (утверждает, что главной целью реформ было не допустить крестьянских восстаний).

крестьянских восстаний. Это может сработать, например, следующим образом: 1) повысить продуктивность крестьянского хозяйства, ослабив стремление крестьян захватить дворянские земли; 2) привить крестьянству буржуазную мораль и чувство уважения к дворянской собственности; 3) втянуть крестьянство в процесс борьбы за землю между собой, ослабив силу их противостояния дворянству; 4) раздробить крестьянство посредством расселения по изолированным хуторам, ослабив его политически. Первые два пути к безопасности либеральны — укрепление частной собственности во имя целей классического либерализма, повышения материального благосостояния и независимости. Третий и четвертый пути кажутся низкими и недостойными.

Процесс, в ходе которого члены общины отдают предпочтение частной собственности, может выглядеть, если этот выбор сделают многие крестьяне, как «разрушение» общины, что вызывало неистовую ярость у советских историков. Но он может выглядеть и как создание класса мелких землевладельцев, к чему и стремился Столыпин². Это всего лишь две стороны одной медали.

Учитывая двойственность и частичное совпадение целей, можно заняться анализом текстов, чтобы установить соотношение между прогрессивными и реакционными целями царя и дворянства. Другой подход заключается в том, чтобы подвергнуть анализу сами реформы и установить, в какой мере прогрессивные цели и методы могли быть извращены реакционным контекстом. Для ответа на эти вопросы нужно установить возможности и ограничения, которые ставила реформа перед разными участниками событий, разворачивавшихся в российской деревне.

Я исхожу из предположения, что во многих случаях трудно знать наверняка, какие именно отношения собственности окажутся наилучшими для некоего конкретного ресурса. Лично я полагаю, что когда права собственности принадлежат частным лицам или добровольным объединениям (товариществам, корпорациям и т.п.), это, как правило, наилучший способ обеспечить производительное использование ресур-

² Ibid., 236 (цитирует высказывание Столыпина о «классе мелких собственников», которые «по своей природе являются врагами всех разрушительных теорий»).

сов, поскольку при этом собственники получают достаточно точные стимулы и широкие возможности для новаторства и можно обойтись без чрезмерного администрирования со стороны государства. Но это, безусловно, не может быть правилом для всех ресурсов и во всех ситуациях. Для рек и океанов, например, совершенно не годится привычная система собственности, когда ресурс делится на участки, каждый из которых оказывается под контролем исключительно одного частного владельца³. Когда при такой форме собственности транзакционные издержки оказываются чрезмерно высоки (скажем, для использования ресурса собственникам приходится заключать слишком много сделок с другими собственниками), есть смысл обратиться к другим формам прав собственности (или к режиму неимущественных прав), по крайней мере в тех случаях, когда удастся придумать правила, задающие пользователям правильные стимулы.

Представляется весьма правдоподобным, что к 1906 г. на широких просторах России частная собственность смогла бы возобладать над общинной системой переделов и чересполо-сыцы в ходе честной конкуренции. Но рассчитывать на такую конкуренцию — это утопизм. История задает исходную точку, и всякому, кто вносит изменения, приходится нести бремя оценки непривычных альтернатив. Оценивая возможное влияние нелиберальности — не впадая при этом в утопизм, — есть смысл задаться вопросом, а позволялось ли гражданам сделать достаточно независимый и беспристрастный выбор между возможными формами собственности. Чем более независимым и беспристрастным был выбор, тем более либеральными были методы реформы, с тем большей уверенностью решение крестьян перевести землю в личную собственность или провести землеустройство можно истолковать как показатель их выбора в пользу частной собственности и тем меньше риск того, что методы реформы могли усилить подозрение у крестьян — и других граждан — в деспотизме и несправедливости правительства.

---

³ Сходные вопросы встали в связи с ресурсами, которые привлекли внимание в результате научно-технического прогресса (такими как диапазоны теле- и радиовещания). См., напр.: Kevin Werbach, "Supercommons: Toward a Unified Theory of Wireless Communication," *Texas Law Review* 82 (2004): 863—973.

В этой главе я вначале рассмотрю ряд аргументов, которые лично мне кажутся ложным следом: я имею в виду нападки, в которых с помощью игры слов или использования явно нереалистичных предположений делаются попытки полностью запутать вопрос о реформах. Затем я кратко рассмотрю обвинения в использовании «административного давления», с помощью которого, как утверждается, крестьянам, игнорируя установленные правила, просто навязывали определенные решения. Затем, и это самое существенное, я проанализирую несомненные или спорные недостатки самих правил, состоявшие в том, что они: 1) излишне активно подталкивали крестьян к определенному выбору между изменением формы землевладения и землеустройством и сохранением статус-кво; 2) допускали изменение формы собственности, чтобы затормозить землеустройство; 3) излишне активно способствовали таким формам разверстания, которые вели к расколу деревень⁴; 4) не смогли дать крестьянам в полной мере использовать преимущества частной собственности.

Ложный след

Есть несколько обвинений в адрес реформ, которые не заслуживали бы даже упоминания, если бы их не повторяли столь часто. Будучи давно на слуху, они обрели некую видимость основательности, поэтому есть смысл их кратко проанализировать.

1. *Насилие по определению.* Можно, хоть это и бесплодный подход, любые новые правила выделения крестьян из общины рассматривать как «насилие» в отношении оставшихся в общине. Так, один автор пишет, что когда вопрос может быть решен простым большинством голосов (как в случае землеустройства по закону 1910 г. для общин с наследуемой землей), «меньшинство должно подчиниться, и легко понять, что право одного владельца покинуть общину и выделить свою землю к одному месту очень походит на принуждение всех остальных

---

⁴ Речь идет о том, что реформы были благосклонны к выделяющимся на хутора за счет тех, кто предпочитал отруба. О значении терминов см. ниже.

к согласию с его намерением»⁵. Или возьмите утверждение вождя кадетов, Павла Милюкова: «Вы отпускаете на свободу миллион человек, чтобы повязать сто миллионов остальных с помощью полиции и гвардии»⁶. Даже здравомыслящий Робинсон, рассматривая реформу как альтернативу конфискации помещичьих земель, приписывает дворянству идею, что «общинные права собственности крестьян должны быть ликвидированы, чтобы не пришлось сделать это в отношении частных прав собственности помещиков»⁷.

Когда одна сторона коллективной целостности впервые получает право выделить свое имущество, на всех остальных ложится новое законное обязательство — не препятствовать выделению. Такой вывод неизбежен. А когда большинство получает право распустить общину, что прежде можно было осуществить только при единодушном одобрении, закон вводит в игру новую форму «принуждения». Но если охарактеризовать эти изменения как «насильственное» разрушение общины, тогда *любое* изменение существующих законных прав представляет собой «насильственное» разрушение чьего-то права, а источником «насилия» всегда является государственная власть. Поскольку этот принцип применим к любым корректировкам существующих законных прав, то это либо бессмысленный вздор, либо мандат на полный застой в законотворчестве. Было бы особенно странно винить в этом столыпинские реформы, поскольку в них «проигравшие», т.е. вынужденные

⁵ John Maynard, *The Russian Peasant and Other Studies* (1942), 59. Обратите внимание, что в своих напаках Мейнард мешает в кучу правила единоличного выдела и разверстания всей деревни.

⁶ Thomas Riha, *A Russian European: Paul Milukov in Russian Politics* (1969), 172.

⁷ Geroid T. Robinson, *Rural Russia Under the Old Regime* (1969), 183. Сравните предположение Эстер Кингстон-Манн, что «только 20% [вышедших из общины за 1906—1917 гг.] сделали это по собственной инициативе», *Lenin and the Problem of Marxist Peasant Revolution* (1983), 120 and n. 59, где она ссылается на Дороти Аткинсон: Dorothy Atkinson, *The End of the Russian Land Commune, 1905—1930* (1983), 86. Страница, на которую она ссылается, вообще не имеет отношения к делу, но на соседней с. 89 есть наблюдение, что только 27% заявлений на изменение формы землевладения получали одобрение общины. Похоже, что Кингстон-Манн превратила саботаж общин в недобровольность решений о закреплении наделов в личную собственность.

смириться с тем, что кто-то выделяется из общины, всегда получали некую безусловную компенсацию. Утратив право требовать передела наделов других общинников, домохозяева и сами получили защиту от подобных требований в отношении их земли. Когда от выбравших чересполосицу требовали отдать определенные полосы, в обмен они получали землю равной добротности⁸.

Более того, в общинах, решавших укрепить землю в собственность или разверстать ее, решение принималось двумя третями или простым большинством голосов (хотя нельзя исключать того, что правительство добивалось таких решений с помощью давления или неоправданных приманок). Если бы реформ не было, тогда меньшинство продолжало бы принуждать большинство жить по правилам, которые это большинство отвергало. Поскольку для проведения в жизнь любого закона (даже неизменных законов) всегда применяется насилие, эпитет «насилие» остается по большей части бессмысленным, если не считать особых законов или порядков.

Примечательно, что по крайней мере до закона 1911 г. меньшинство общинников, решившее остаться в общине, имело право *сохранить* переделы и чересполосицу. Таким образом, в общине со смешанной формой землевладения (наследуемой и переделаемой) общинники, пожелавшие сохранить землю в переделаемой собственности, могли сделать это даже после того, как большинство высказалось за разверстание (ст. 42). А в соответствии со ст. 50(1) чересполосные наделы подлежали принудительному выделению к одному месту только в том случае, если землеустроительная комиссия пришла к решению,

⁸ Некоторые авторы, похоже, исходят из того, что раз в деревнях большинство было против того, чтобы отдельные домохозяева брали землю в личную собственность или выделяли ее к одному месту, то это каким-то образом делает реформу нелегитимной. См., напр.: Grigoriĭ Gerasimenko, "The Stolypin Agrarian Reforms in Saratov Province," in *Politics and Society in Provincial Russia, Saratov Province, 1500—1917*, eds. Rex A. Wade and Scott Seregny (1989), 236, 238, 243. Это предположение опровергается тем, что оставшиеся в общине всегда получали компенсацию натурой. См. ниже в этой главе параграф «Административное давление», где обсуждаются обвинения в том, что выделявшиеся из общины получали завышенные наделы, что, будь это правдой, означало бы, что остающихся просто грабили.

что без этого разверстание неосуществимо⁹. Эти меры защиты меньшинства общинников, выбирающих переделы и чересполосицу, резко контрастируют с утверждениями самых ярких критиков реформы, которые, судя по всему, держали бы в общине каждого крестьянина до тех пор, пока он не сможет добиться того, чтобы сход единогласно разрешил ему выделиться.

2. «Ставка на сильных». Выступая в Думе 5 декабря 1908 г. Столыпин заявил, что, издавая указ 1906 г., правительство сделало ставку «не на пьяных и убогих, а на крепких и сильных»¹⁰. Советские пропагандисты использовали это высказывание как свидетельство того, что Столыпин проводил реформы в интересах «кулаков» — ругательное слово, используемое чтобы подчеркнуть, что крестьянину этот человек несимпатичен, потому что он неприлично богат или нажил богатство неправедным путем.

Из контекста, в котором были произнесены эти слова, ясно, что Столыпин вовсе не намеревался как-то покровительствовать разбогатевшим крестьянам, а уж тем более разбогатевшим

⁹ Ст. 50(3) закона 1911 г. может быть истолкована так, что принудительное выделение возможно, когда две трети владельцев передельческой земли проголосовали за разверстание всей деревни, но такое истолкование противоречит ст. 50(1). Джордж Яни (George L. Yaney, *The Urge to Mobilize: Agrarian Reform in Russia, 1861–1930* (1982)), 360) пишет, что по закону 1911 г. в общине, осуществляющей разверстание, крестьяне имели возможность разделить свою землю на полосы. Если исходить из практических соображений, совсем непонятно, чего ради власти стали бы принуждать кого-либо к отказу от чересполосицы, если только этого не требовалось для того, чтобы провести разверстание всех остальных. Ср. ст. 36 закона 1910 г., которая требует обязательного участия в разверстании хозяйств, укрепивших землю в собственность, только когда (1) без этого невозможно или сильно затруднено разверстание тех, кто принял именно такое решение, или (2) когда этого «требует» большинство, решившее сохранить переделяемую форму собственности. См. также: Yaney, *The Urge to Mobilize*, 264.

¹⁰ Столыпин П. А. Нам нужна великая Россия: полное собрание речей в Государственной Думе и Государственном Совете, 1906–1911. М.: 1991. С. 178. Непосредственно перед этим Столыпин убеждал, что законы нужно составлять в расчете на «разумных и сильных, а не пьяных и слабых». См.: Там же.

неправедно. В этот момент обсуждался закон 1910 г., и споры шли о том, кому должна принадлежать земля после изменения формы землевладения — домохозяину или семье в целом. Аргументом в пользу того, чтобы земля была достоянием семьи, было то соображение, что это защитит жену и детей от безответственного поведения главы семьи — пьяницы, расточителя и неспособного. Столыпин возразил, что закон не должен ориентироваться на исключительные ситуации, что не следует «убивать этим кредитоспособность крестьянина, нельзя лишать его веры в свои силы, надежд на лучшее будущее, нельзя ставить преграды обогащению сильного для того, чтобы слабые разделили с ним его нищету»¹¹. Лучше, сказал он, решать особые проблемы с помощью особых учреждений опеки над жертвами расточительности, как это предусмотрено в проекте закона (принятого в мае 1911 г.)¹². Развивая эту же тему в речи, произнесенной в марте 1910 г., он подчеркнул значение отчуждаемости прав, чему может помешать семейная форма собственности¹³. Такое отношение к этому вопросу он проявил не позднее начала 1903 г., когда выступил в пользу расширения избирательных прав крестьян, чтобы обеспечить присутствие большего числа «основательных и усердных» коллег в органах местного самоуправления, в земствах¹⁴.

Из речей Столыпина ясно следует, что, по его мнению, обычный русский крестьянин заслуживает называться «сильным». Он просто стремился к тому, чтобы из заботы о расточительном меньшинстве — для чего, по его мнению, лучше всего подходят направленные, точечные решения — не принимались решения, способные остановить развитие обычных крестьян.

Мы еще вернемся к вопросу о неадекватности реформ в вопросе о кредитоспособности крестьян. Это хоть и серьезный дефект, но его нельзя приписать неправедной заботе о кулаках. На деле все было как раз наоборот.

¹¹ Там же.

¹² Шмелев Г. И. Аграрная политика и аграрные отношения в России в XX веке. М., 2000. С. 25.

¹³ Столыпин. С. 251.

¹⁴ Thomas Fallows, "Governor Stolypin and the Revolution of 1905 in Saratov," in *Politics and Society in Provincial Russia, Saratov Province, 1500—1917*, 162.

3. *Арифметические придирки*. Советские историки любили демонстрировать, что участки земли, возникавшие в результате землеустройства, зачастую были сравнительно малы и недостаточны даже для того, чтобы обеспечить выживание крестьянской семьи. Порой это рассматривается как прямое доказательство того, что Столыпин проиграл свою «ставку на сильных»: возникавшие хуторские и отрубные хозяйства в среднем не были «сильны» в том смысле, который историки ошибочно приписали этому слову (владелец большого хозяйства)¹⁵.

Вроде бы очевидно, что если общинник получал право изменить форму собственности земли или собрать ее в единый участок, это никак не меняло количественного соотношения между крестьянской и помещичьей землей. Ссылки на средний размер отрубов делались не только для того, чтобы показать противоречие целям, ошибочно приписанным Столыпину, но и напомнить о том, что в ходе реформ не происходило конфискации или перераспределения дворянских земель. Действительно, этого не было.

Критики могут также предполагать, что выделяемые из общины наделы были недостаточно велики для эффективного хозяйствования. Учитывая советскую любовь к гигантским предприятиям, критики могли добросовестно верить, что это серьезный аргумент против реформ. Но ведь нет ясности не только в вопросе о наилучшем режиме прав собственности для конкретных ресурсов, но и в вопросе об оптимальной величине сельскохозяйственного предприятия. Можно предположить, что единого оптимального размера вообще не существует. Все зависит от возделываемой культуры, особенностей почвы, рельефа местности, доступности рынка, используемых технологий посева, пахоты и сбора урожая, а также от личных достоинств владельца. Частная, исключительная собственность на легко отчуждаемую землю позволяет тем, кто верит в преимущество крупного хозяйства, проверить свою интуицию. При полной отчуждаемости земли и наличии правил, создающих условия для развития ипотечного кредитования (два момента, в которых реформа, как мы увидим, оказалась не на высоте), хозяйства могли развиваться до оптимально подходящего

¹⁵ Дякин В. С. Был ли шанс у Столыпина? // Государственная деятельность П. А. Столыпина: сборник статей / Отв. ред. Н. К. Фигуровская и А. Д. Степанский. 1994. С. 28.

размера. А между тем, поскольку надежды правительства на повышение урожайности полностью оправдались (как мы увидимся в следующей главе), реформы позволили крестьянам укрепить свой материальный достаток, несмотря на все арифметические выкладки.

4. Выводы из продажи укрепленной в собственность земли.

Укрепив землю в личную собственность, многие немедленно использовали выгоды нового положения — около 40% сделавших это продали примерно 25% земли, перешедшей в личную собственность¹⁶. Расхождение в процентах отчасти объясняется тем, что многие продали лишь часть своей земли, а отчасти тем, что продавцы владели, как правило, очень небольшими наделами¹⁷. Многие продали свою землю, чтобы немедленно купить другую (порядка 25%, по данным опроса, проведенного министерством внутренних дел в 1914 г.)¹⁸. Другие уехали (в город или в Сибирь), либо остались на месте, чтобы заняться чем-то другим, стать батраком или, если человек продавал лишь часть земли, хозяйствовать на оставшемся участке¹⁹.

В советской историографии было принято в связи с этим говорить о «мобилизации наделных земель»²⁰ и о «процессе дифференциации крестьянства»²¹. И в этом они были правы. Если экономика развивается так, что падает спрос на сельскохозяйственных рабочих и повышается спрос на несельскохозяйственную рабочую силу, то открывшаяся возможность избавиться от земли позволяет крестьянину получить за нее деньги и перебраться в город. А рынок земли создавал возможность оптимизировать размер хозяйства.

¹⁶ Корелин А. П., Шаццлло К. Ф. П. А. Столыпин. Попытка модернизации сельского хозяйства России // Деревня в начале века: революция и реформа / Ред. Ю. Н. Афанасьев. М., 1995. С. 28. См. также: Дубровский С. М. Столыпинская земельная реформа. М., 1963. С. 361 (цифры примерно такие же).

¹⁷ Корелин, Шаццлло. С. 361—375.

¹⁸ Там же. С. 28.

¹⁹ Там же; см. также: Кофод А. А. Русское землеустройство. 2-е изд. СПб., 1914. С. 165—169 (приводит данные о том, как устроились продавшие землю в разных губерниях).

²⁰ Дубровский. С. 359.

²¹ Там же. С. 381.

Отношение советских историков к этому вопросу было двойственным. Движение к капитализму — это движение к социализму, а потому, в конечном итоге, дело хорошее. Но поскольку, с их точки зрения, капитализм плох, процесс нужно описать в таких словах, которые представят его в отрицательном свете. «Процесс концентрации земли в руках сельской буржуазии очевиден»²². Но если исходить из того, что благосостояние растёт с повышением производительности и что в целом повышение размеров хозяйства способствует росту производительности (правдоподобное утверждение для России начала XX в.), тогда непонятно, почему нужно фыркать на то, что в результате продажи земли повышался средний размер крестьянских хозяйств: ведь на горизонте не было даже признаков монополизма и соответствующих извращений логики хозяйствования. И картину не меняет то, что у продавцов обычно было меньше земли, а у покупателей — больше: продавцы явно сочли, что им выгоднее продать землю. И реформа позволила им сделать это.

Неудивительно, что среди продавцов было много семей, которым не хватало рабочих рук для эффективного хозяйствования — вдовы и слишком старые либо недееспособные крестьяне. Реформы не только позволили им продать свою землю, но, поскольку у них в среднем было больше земли, чем им нарезали бы при очередном переделе, реформы ещё защитили их от последствий передела (независимо от того, продавали они землю или сохраняли её)²³.

5. *Отсутствие региональных различий в законе.* Поскольку условия в разных регионах были разными, критики и даже сторонники реформ выступали против отсутствия региональной дифференциации²⁴. Но целью реформаторов было создание правового режима, позволяющего владельцам определенного

²² Там же. С. 380.

²³ Atkinson, *The End of Russian Land Commune*, 99.

²⁴ См., напр.: George Tokmakoff, *P. A. Stolypin and the Third Duma: An Appraisal of Three Major Issues* (1981), 51 (цитирует речь графа Витте в думских дебатах по поводу законопроекта, принятого в 1910 г.). Борис Федоров, сторонник реформ, также выражает сожаление, что не были учтены «конкретные условия... того или иного региона». Федоров Б. Петр Столыпин: «Я верю в Россию». М., 2002. Т. 1. С. 401.

рода собственности (чересполосной и переделываемой земли) поменять форму землевладения и сделать землю наследуемой и объединить в один участок. Поскольку общие правила были нейтральны и применялись беспристрастно, можно предположить, что крестьяне принимали выгодные для них решения с учетом местных условий.

Критики утверждали, что реформы особо поддерживали совершенно изолированные хозяйства, центром которых являлся семейный дом (хутор), и создавали затруднения для деревенского расселения, при котором в центре нарезанной как пирог земли находятся деревенские избы, а уж от них расходятся участки обрабатываемой земли (отруба)²⁵. Помимо личных предпочтений (женщины предпочитали жить в деревне, где было больше возможностей для общения), географические варианты определялись доступом к воде, что составляло относительную привлекательность обоих типов расселения. Но с формально-юридической стороны хутора не имели никакого преимущества перед отрубам, так что жаловаться можно было бы только на недостатки в проведении реформы. Об этом мы будем говорить ниже.

«Административное давление»

Несомненно, даже либеральный закон, открывший крестьянам выход из общины, злоупотребления властей могли сделать источником бессмысленного хаоса. Произошло ли это со столыпинскими реформами?

Даже сторонники реформ признают, что имело место незаконное давление. Тюкавкин пишет, что подобных случаев «было немало», где «часть объяснялась карьеристскими устремлениями чиновников, часть личными качествами (опьянение властью, вредным характером)»²⁶. Борис Федоров, современный российский либерал и биограф Столыпина, считает, что против противников реформ власти порой использовали давление на крестьянский сход и «административные меры», включая ссылку, — хотя ссылке подвергались

²⁵ См., напр.: Дякин. С. 26. Подробности см. ниже.

²⁶ Тюкавкин В. Г. Великорусское крестьянство и столыпинская аграрная реформа. М., 2001. С. 156.

только те, кто сам использовал насилие, чтобы помешать другим реализовать права, данные им реформой²⁷. Но он видит в этом просто своеобразие «русской действительности»²⁸. И в самом деле, что-то в этом роде, по-видимому, неизбежно при *любых* изменениях в государстве, институты которого плохо приспособлены для борьбы с административным произволом и злоупотреблениями.

Оценить масштаб административных злоупотреблений очень трудно; систематического изучения этого вопроса никто не проводил. В этом деле нелегко найти виноватых, потому что в некоторых случаях насилие со стороны властей было реакцией — порой чрезмерной — на насилие со стороны крестьян, противившихся реформе и с самого начала прибегавших к вандализму, грабежам, поджогам и даже убийствам²⁹. Полная неясность с утверждением, что власти побуждали крестьян выделяться из общины, нарезая выделенцам лучшие участки земли³⁰. В отсутствие активного рынка земли оценка стоимости участка должна была являться острейшей проблемой, и каждая из сторон имела возможность обвинить другую в том, что власть незаконно ей подыгрывает. И если землемеры были склонны нарезать выходящему из общины крестьянину более крупные участки той земли, что похуже, — исходя

²⁷ Федоров. Т. 1. С. 379.

²⁸ Там же.

²⁹ См., напр.: Atkinson, *The End of the Russian Land Commune*, 88; Шмелев. С. 19–20 (утверждает, что за 1907–1914 гг. зарегистрировано 6828 случаев поджога тех, кто выделился из общины); David A. J. Macey, “The Peasant Commune and the Stolypin Reforms: Peasant Attitudes, 1906–1914,” in *Land Commune and Peasant Community in Russia: Communal Forms in Imperial and Early Soviet Society*, ed. Roger Bartlett (1990), 219, 225–229; David Kerans, *Mind and Labor on the Farm in Black-Earth Russia, 1861–1914* (2001), 356–357. Особенно энергичный обзор деятельности противников реформ см.: Gerasimenko, 233–254. Мнение современного наблюдателя, что враждебность пошла на убыль, когда крестьянство убедилось в потенциальной выгодности новых порядков, см.: Полежаев П. Эксперимент Столыпина, или Убитая Перестройка. М., 1992. С. 80–82 (русский перевод книги, опубликованной в 1912 г. на французском).

³⁰ См., напр.: Judith Pallot, *Land Reform in Russia, 1906–1917: Peasant Responses to Stolypin’s Project of Rural Transformation* (1999), 133–134; Дубровский. С. 176.

из соображения, что он лучше с ней справится, — остающиеся в общине легко могли решить, что их обделили. Наконец, если вышедшие из общины крестьяне быстро и значительно повышали продуктивность своей земли (а так чаще всего и было), то общинники, естественно, игнорировали роль энергии и умения, а весь успех приписывали изначальному качеству земли³¹.

Но нет сомнений в том, что такие злоупотребления не имели поддержки центральной власти. Лидеры реформы — Столыпин, Кривошеин (глава Министерства сельского хозяйства на протяжении большей части рассматриваемого периода)³², Кофод и Риттих (глава департамента государственных земельных имуществ в Министерстве сельского хозяйства и «исполнительный директор» реформ)³³ — настаивали на том, что реформы должны строиться на добровольных решениях крестьян, желающих либо укрепить землю в собственность, либо выделить ее к одному месту, а попытки принуждения могут только навредить реформам³⁴. Можно, конечно, предположить, что они лицемерили, а втайне вели противоположную политику. Но свидетельств этого у нас нет. Напротив, Столыпин, например, в частном письме Кривошеину писал, что о применении насилия речи никогда не шло³⁵. В той мере, в какой одной из политических целей реформ было завоевание доверия и поддержки крестьян — или хотя бы ослабление их недоверия и враждебности, — любое применение силы, способное возмутить сельских жителей, несомненно имело бы

³¹ David A. J. Macey, "Government Actions and Peasant Reactions During the Stolypin Reforms," in *New Perspectives in Modern Russian History*, ed. Robert B. McKean (1992), 153—154 (также указывает на сложность оценки в отсутствие активного рынка земли).

³² См.: Yaney, *The Urge to Mobilize*, 133—134, 233—234.

³³ Ibid., 207.

³⁴ Тюкавкин. С. 154—155. См. также: Дубровский. С. 176 (цитирует циркуляр Я. Я. Литвинова, директора земельного департамента МВД, в котором тот убеждает, что погоня за высокими показателями может только отбросить реформы назад).

³⁵ Федоров. Т. 1. С. 379. В июне 1908 г. об этом же заявил новый губернатор Московской губернии, сказавший, что принуждение к укреплению земли в личную собственность «совершенно противоречит основной идее» указа. Бородин А. П. Столыпин: реформы во имя России. М., 2004. С. 190—191.

пагубные последствия³⁶. А что касается каверзного вопроса об определении качества земельных участков, центральные власти настойчиво призывали деятелей на местах действовать с крайней тщательностью и осмотрительностью³⁷.

Некоторые из свидетельств, приводимых в подтверждение административного давления или принуждения, либо слабы, либо просто говорят о противоположном. В литературе содержится яркий пример деятельности члена землеустроительной комиссии, который попытался убедить сход проголосовать за разверстание деревни, угрожая присылкой солдат и арестом несогласных. Все было тщетно. Тогда он велел крестьянам не расходиться и подумать, пока он попьет чаю и немного вздремнет (превосходная деталь — вздремнуть). Вернувшись в итоге на сход, он опять задал тот же вопрос, и на этот раз крестьяне проголосовали за разверстание³⁸. Все замечательно, но было и продолжение: местный земский начальник узнал об этой истории и отменил решение схода³⁹.

Другим стандартным свидетельством является циркуляр Министерства внутренних дел, разосланный губернаторам в 1908 г., в котором было следующее предложение: «Осуществимость обязательных выделов [т.е. выделение отдельных хозяйств] помимо согласия обществ несомненно сделает последние более уступчивыми»⁴⁰. Поскольку выдел отдельного хозяйства вне условий общего передела мог сильно стеснить оставшихся членов общины, принудить их к сложной перетасовке полосок безо всякой выгоды для себя, это можно истолковать как приглашение к использованию выделов для того, чтобы побудить сход проголосовать за разверстание. Но содержание циркуляра было более сложным. В нем добросовестно изложено положение указа 1906 г. о том, что выделение может быть осуществлено либо в ходе передела, либо отдельно

³⁶ Macey, "Government Actions and Peasant Reactions," 135—136, 142, 151, 157—159.

³⁷ Ibid., 154.

³⁸ Министерство экономического развития и торговли. Аграрная реформа Петра Столыпина (<http://www.economy.gov.ru/stolypin.html> (опубликовано на сайте 18 июня 2002 г.)). См. также: Зырянов П. Н. Петр Столыпин: политический портрет. М., 1992. С. 59—60.

³⁹ Тюкавкин. С. 157.

⁴⁰ Дякин. С. 26.

от него, но при условии, что тем самым не возникают «особые неудобства... для остальных однообщественников». В циркуляре отмечено, что ограничение выделов временем проведения общего передела фактически лишает права на выдел крестьян тех общин, которые не проводят переделов. Далее, передача вопроса о неудобствах в землеустроительную комиссию, в которой противники выдела могли высказать свое понимание дела, могла удержать от любых злоупотреблений (злоупотреблений, предположительно имевших форму неуместно узкого толкования понятия «особые неудобства»)⁴¹. Сомнительно, чтобы в этом циркуляре содержалось что-либо большее, чем признание Министерством внутренних дел возможных последствий выдела отдельных хозяйств вне условий общего передела. Мы вернемся к этому при обсуждении за и против допущения такого рода выделений.

Служащие землеустроительных комиссий и другие чиновники на местах могли считать и, пожалуй, вполне справедливо, что успешный ход реформы открывает им путь к личному успеху. Один из губернаторов (уфимский) недвусмысленно наставлял земских начальников, что по указанию министра внутренних дел (Столыпина) при оценке их служебной деятельности будет учитываться только успех реформ⁴². (Ничего не известно о том, как именно выразил свое требование Столыпин, если он вообще говорил что-то подобное.) Такое напутствие, безусловно, могло бы побудить исполнителей к чрезмерному рвению. И многие земские начальники, порядка 45% которых были в прошлом армейскими офицерами, спешили вызвать полицию для умирения конфликтов между желающими выделиться крестьянами и их противниками вместо того, чтобы потрудиться над достижением компромисса⁴³. Но Столыпин публично требовал, что-

⁴¹ Тюкавкин. С. 155. До 1910 г., однако, функция землеустроительной комиссии сводилась к посредничеству в спорах между деревнями и претендентами на выделение, а если ей не удавалось привести стороны к согласию, дело могло быть передано сначала земскому начальнику, а потом — уездному собранию. Yaney, *The Urge to Mobilize*. 261—262, п. 5. Тюкавкин отмечает, что через четыре документа после этого циркуляра последовало письмо Столыпина с решительным запретом применения какого-либо насилия, которое Дякин игнорирует. Тюкавкин. С. 155—156.

⁴² Дякин. С. 42.

⁴³ Macey, "Government Actions and Peasant Reactions," 157—158.

бы укрепление земли в собственность и выделы были добровольными. В таком случае честолюбивые чиновники, понимая, что центральное правительство контролирует деятельность на местах, должны были бы выражать свое служебное рвение способами, согласующимися с этими предписаниями, или, по крайней мере, чтобы все выглядело как согласующееся с ними⁴⁴. И центр постепенно усиливал давление на местных чиновников, чрезмерно полагавшихся на силу полицейского внушения⁴⁵.

Скрупулезные современные исследования реформ, в том числе самые критичные, в основном опровергают обвинения в серьезном административном давлении⁴⁶. Этот вывод поддерживается одним поразительным фактом — чрезвычайно большим разбросом в доле крестьян, поддерживавших реформы: от 4,9% в Вятской губернии до 56,8% в Могилевской — в отношении права укрепить надел в личную собственность, и от 0,5% в Архангельской губернии до 33% в Екатеринославской в отношении права выделить свою землю к одному месту. Если бы центр требовал или поощрял политику «административного давления», то придется признать, что либо его власть была совершенно ничтожна, либо крестьяне порой проявляли поразительную стойкость. Однако критики реформы никогда не отмечали какого-либо особого сопротивления в таких местах, как Вятская губерния, которое могло бы объяснить очень низкий процент поддержки реформ.

Серьезное «административное давление» во многом обесценило бы выводы, делаемые на основе числа крестьянских тре-

⁴⁴ Это отмечено в: Тюкавкин. С. 157.

⁴⁵ Macey, "Government Actions and Peasant Reactions," 158.

⁴⁶ Среди самых критичных работ см.: Yaney, *The Urge to Mobilize*, 186—192, 297—306; Pallot, *Land Reform in Russia*, 133—134, 143—144 (признает, что обвинения в использовании административного давления преувеличены, если не считать таких ухищрений, как льготы при нарезке земли, о которых говорилось выше). См. также: Macey, "Government Actions and Peasant Reactions," 151; Atkinson, *The End of Russian Land Commune*, 88. Бородин А. П. Столыпин: реформы во имя России. М., 2004. С. 191—196 (находит мало свидетельств давления со стороны правительства и фактов бездействия и нерасторопности земских начальников; в число последних входит поданная в 1907 г. петиция крестьян Курской губернии, в которой они жалуются на задержку и просят ускорить действия по их прошениям об укреплении их наделов в личную собственность).

бований о выделе и укреплении земли в собственность. А если рассматривать создание частной собственности как политику приучения людей к мысли, что собственность служит защитой от государства и других хищников, применение насилия явилось бы прямым отрицанием самого существа этой политики. Нельзя отрицать, что какое-то давление использовалось, но в свете отсутствия фактов поощрения к этому со стороны центра уровень давления, вероятно, был не выше, чем это неизбежно в случае любой реформы, проводимой в нелиберальной стране.

*Пристрастность в пользу укрепления земли
в собственность и выделения земли к одному
месту*

Реформы не отличались идеальной нейтральностью. Было три ключевых вопроса: обращение с домохозяевами, наделы которых оказались бы урезаны в случае нового передела; проблема деревенского пролетариата, отходников; выделение отдельных хозяйств вне условий общего передела. Отклонения здесь не были незначительными, но были ли они настолько радикальными, чтобы оправдать утверждение, что либеральные реформы проводились нелиберальными методами? Некоторые методы закрепления прав собственности на землю вроде тех, что использовались в Африке колониальными властями, а потом сменившими их независимыми государствами, были совершенно нелиберальны, поскольку попирали традиционные права и обычаи безо всякой заботы о согласии населения⁴⁷.

Некоторые выдвигали предположения, что к выделению крестьян подталкивали не только возможное давление, создававшееся действовавшими законами о реформах, но и ссуды и подъемные, выдававшиеся на перемещение на новое место крестьянских изб и хозяйственных построек⁴⁸. Но величина ссуд и субсидий была существенно меньше расходов на

⁴⁷ Jean Ensminger, "Changing Property Rights: Reconciling Formal and Informal Rights to Land in Africa," in *Frontiers of the New Institutional Economics*, eds. John N. Drobak and John V. C. Nye (1997), 165–196.

⁴⁸ См., напр.: Kerans, 316, 358.

переселение⁴⁹. Некоторых из получателей ссуд и субсидий эта помощь могла склонить к идее выделиться из общины. Но поскольку подъемные далеко не покрывали расходы на переезд, они вряд ли могли сдвинуть с места того, кто в действительности предпочитал чересполосицу и общинные порядки.

Теперь обратимся к трем группам правил, которые с наибольшим правдоподобием можно винить в том, что они заставляли крестьян принимать реформы.

1. Влияние ожидаемых потерь в результате будущих переделов. Среди претензий к указу 1906 г. самой обоснованной, пожалуй, была критика того, как он обошелся с укреплением в личную собственность той части надела, которую семья могла бы потерять при гипотетическом будущем переделе. Указ позволял домохозяину сохранить землю, которую он использовал в момент смены формы собственности, в том числе ту ее часть, которую он утратил бы, если бы очередной передел случился в то время, когда он подал соответствующий запрос.

Указ предусматривал разные правила обращения с такими излишками в зависимости от того, имел ли место общий передел в течение 24 лет, предшествовавших подаче заявки на перевод земли в личную собственность. Если передела не было, ст. 2 (части I) просто позволяла крестьянину сохранить излишки. Таким образом, если семья уменьшилась за годы, прошедшие после наделения ее землей (или после передела, случившегося более чем за 24 года до подачи заявки на укрепление надела в собственность), за домохозяином оставались все излишки без какого бы то ни было учета потерь, возможных в том случае, если бы передел состоялся в то время, когда он подал заявку.

Если в предшествовавшие заявке 24 года имел место общий передел, ст. 3 устанавливала, что крестьянин может сохранить излишки, уплатив за них. Но цена за излишки устанавливалась на уровне стоимости десятины, применяемой при расчете вносимых общиной выкупных платежей. Поскольку за период от отмены крепостного права до столыпинских реформ цены на землю росли, выделявшимся из общины крестьянам это было

⁴⁹ Главное Управление Землеустройства и Земледелия (ГУЗУиЗ). Землеустройство крестьянства: сводные данные сплошного по 12 уездам обследования хозяйственных изменений в первом году после землеустройства. СПб., 1915. Гл. XI. С. 21.

выгодно. Выгода, конечно, была не столь велика, как в том случае, когда переделов не было в течение 24 лет и крестьянин получал излишки бесплатно. Нам не известно, как часто это происходило, но на практике крестьянин либо платил общине водкой (надо думать, не слишком тщательно производя вычисления), либо не платил вообще⁵⁰. После того, как земля была переведена в личную собственность, община могла получить свои деньги с него только через суд, но вернуть себе излишки уже не могла⁵¹. В случае, когда в предыдущие 24 года имел место общий передел, закон предлагал своего рода премию за укрепление земли в личную собственность⁵².

Правительство откровенно сообщило, что если за предыдущие 24 года ни разу не было общего передела, значит, в этой общине перераспределение, можно считать, отмерло. Довольно убедительная логика. Существовало распространенное заблуждение, что принятый в июне 1893 г. закон, фактически потребовавший, чтобы передел производился не чаще чем раз в 12 лет, *на самом деле* требовал, чтобы он происходил с такой частотой. Если община противится якобы требуемой регулярности переделов, значит, стремление к переделам в ней угасло. Кроме того, передел был связан с переписями населения. В 1859—1907 гг. переписей не производилось, поэтому отсутствие переделов в этот период мало о чем говорит, но, когда перепись проводилась, препятствие к проведению переделов исчезало. Из некоторых данных следует, что в 1895—1906 гг. в некоторых районах 60% общин провели передел⁵³, а остальные, откладывавшие передел до проведения переписи или даже далее, были не слишком заинтересованы в переделе. Плюс к этому, царский указ об отмене выкупных платежей, даже до указа 9 ноября 1906 г., усугубил конфликт между сторонниками и противниками переделов, дав в руки противников новое риторическое оружие: если уже недалеко до

⁵⁰ Дубровский. С. 220—221.

⁵¹ Там же.

⁵² Закон от 29 мая 1911 г., позволивший крестьянам, владевшим переделаемыми наделами, прямо обращаться с требованием провести землеустройство их наделов, ничего не говорит об обращении с излишками. Поскольку указ 1906 г. не был отменен, возможно, что крестьянин, владевший передельческой землей, сохранял теоретическое право укрепить ее в личную собственность, и это право учитывалось порядком землеустройства.

⁵³ Atkinson, *The End of the Russian Land Commune*, 74—75.

прекращения выкупных платежей, то какой смысл проводить передел?⁵⁴ Отсюда следует, что и без всякой реформы уже намечался некий компромисс, не дававший полных гарантий предпологаемым победителям следующего передела.

Дополнительную сложность вносили и общинные процедуры принятия решений о переделе. В некоторых случаях дело могла блокировать оппозиция со стороны тех, кто в результате передела мог потерять часть земли, а потому всячески мешал сторонникам передела получить на сходе необходимое большинство голосов. Такое поведение можно считать честным или нечестным, но, даже если исходить из того, что мешать переделу — это нехорошо, нет никакой *особой* несправедливости в законе, который позволяет тем, кому это выгодно, укрепить землю за собой.

А как насчет сохранявшейся практики частичных переделов, целью которых был учет последних изменений в составе семей? Не подрывают ли они вывод о том, что в деревнях без общих переделов сама идея передела уже отжила свой век? Вовсе нет. Община, активно практиковавшая частичные переделы, достаточно оперативно учитывала изменения в численности семей, так что излишки, которые, согласно указу, раздавались задаром, никак не могли быть значительными. Частые и тщательные частичные переделы вроде бы свидетельствовали о том, что идея передела жива, но при этом подразумевали, что излишки, раздаваемые по указу, будут сравнительно невелики.

Существуют данные (фрагментарные) опросов, из которых следует, что в ряде случаев решение об укреплении земли в собственность принималось из желания получить выгоду, точнее, защитить семейный надел от будущих переделов. В одном случае были опрошены 139 крестьян, взявших землю в личную собственность, из которых 27% признали, что сделали это, чтобы не понести убыток в результате передела⁵⁵. Опрос был проведен в 1909 г., в последний год, когда эти положения указа 1906 г. еще действовали. Когда в 1913 г. министр внутренних

⁵⁴ Andrew Verner, "Discursive Strategies in the 1905 Revolution: Peasant Petitions from Vladimir Province," *Russian Review* 54 (1995): 78.

⁵⁵ Дубровский. С. 213. Другая таблица Дубровского с результатами опроса указывает на сходные мотивы решения пойти на выдел, но по крайней мере до издания закона 1911 г. выделу подлежала земля, прежде того укрепленная в личную собственность (Дубровский. С. 217). Другие материалы опросов, вскрывающие желание обойти будущий передел, см. в: Pallot, *Land Reform in Russia*, 110—111.

дел спросил губернаторов, почему после 1909 г. резко упало число заявок о закреплении земли в собственность, те дружно ответили, что вначале заявок было много, потому что крестьяне опасались потерь от переделов⁵⁶. Таким образом, после 1909 г. стремление к выделу было уже слабо связано с желанием спасти излишки от передела. Не ясно также, являлся ли даже для этих 27% опрошенных вопрос об излишках главным. Отказались бы они от возможности закрепить землю в собственность, если бы при этом излишки отбирались или за них пришлось бы заплатить по справедливой рыночной цене?

Было ли отношение к излишкам несовместимым с лежавшим в основе реформы принципом частной собственности? Ответ зависит от того, как определить базовые права участников процесса. Если ориентироваться на то, что по закону принадлежало членам общины на момент подачи заявки об укреплении надела в собственность, тогда вопроса о нарушении прав частной собственности даже не возникает. А если ориентироваться на то, что перед нами процесс, охватывающий риски и выгоды будущих переделов, тогда указ 1906 г. отбирал (без компенсации) то, на что рассчитывали общинники в своих ожиданиях, надеясь извлечь выгоду в ходе будущих переделов.

Бесспорного ответа здесь не существует. Беря за основу существующие владения (а не неопределенные результаты будущих переделов), мы руководствуемся древней интуицией, понимая, что при прочих равных отнять у человека то, что он *уже* имеет, более хлопотно, чем отнять у него перспективу выгоды, особенно негарантированной. Некоторые крестьяне, желавшие сохранить излишки земли, могли чувствовать, что имеют право на это, потому что потратились на то, чтобы сделать ее более плодородной, — а по утверждениям сторонников общины такое случалось, несмотря на практику переделов, подавлявших стимулы к улучшению земли, — и стремились закрепить за собой плоды своего труда⁵⁷. С другой стороны, правительство не говорило о том, что практика переделов настолько губительна для интересов самого крестьянства, что ее следует ликвидировать. Напротив, неявным образом признавалась ее определенная легитимность, и это признание бросает некую тень на то, как обошлись с излишками. Впрочем, пожалуй, это реше-

⁵⁶ Pallot, *Land Reform in Russia*, 109—110.

⁵⁷ Macey, "Government Actions and Peasant Reactions," 149.

ние относительно излишков можно рассматривать как разумный компромисс: правительство не считало переделы настолько неприемлемыми, что их следовало бы немедленно запретить, но при этом осознавало их вред, а потому открыло крестьянам легкую возможность вырваться из тисков этой традиции.

В конечном итоге вопрос о том, не создало ли решение вопроса об излишках незаконного давления в пользу укрепления земли в собственность, — это пример проблемы, неизбежно возникающей в ходе любой либеральной реформы в непро-свещенном обществе. По сути дела, нелиберальный характер режима проявлялся в наличии ряда маловразумительных прав, а эта невразумительность, в свою очередь, порождала неразрешимые вопросы о ценности прав и затрудняла путь к беспристрастному выходу из тупика.

Если не считать, что излишки были слишком сильным стимулом для закрепления земли в собственность, трудно усмотреть что-то особенно неприятное в том, как указ с ними обошелся. Для закрепления за собой наделов больших, чем они получили бы при очередном переделе, указом воспользовались прежде всего вдовы, престарелые, семейные пары с плохим здоровьем или большим числом дочерей⁵⁸. Их преобладание, естественно, мало способствовало росту производительности, каковой был одной из главных целей реформ (по крайней мере пока они не продавали свою землю какому-нибудь сильному хозяину), но помощь обездоленным всегда радует Робин Гуда, скрывающегося в каждом из нас. Кроме того, община зачастую имела возможность выкупить у них излишки по сравнительно низкой цене⁵⁹.

Заслуживают краткого упоминания два аргумента, высказанных Столыпиным в Государственном совете. Защищая свое решение вопроса об излишках, он отметил, во-первых, что поскольку намного проще рассчитать выкупную стоимость земли, чем ее рыночную стоимость, использование первой позволит избежать бесконечных споров. В этом есть определенный практический смысл. Во-вторых, он заявил, что использование рыночной стоимости явилось бы «вторичным выкупом от

⁵⁸ Pallot, *Land Reform in Russia*, 106—107; Corinne Gaudin, “‘No Place to Lay My Head’: Marginalization and the Right to Land during the Stolypin Reforms,” *Slavic Review* 57 (1998): 750.

⁵⁹ Тюкавкин. С. 191.

сельского общества уже раз выкупленной земли»⁶⁰. А в этом аргументе нет никакого смысла, потому что здесь смешаны в кучу проблема выкупа земли с проблемой урегулирования отношений между теми, кто покидал общину, и теми, кто в ней оставался. Можно только надеяться, что этот аргумент не сыграл роли в принятии окончательного решения.

2. «*Возвращающиеся пролетарии*». Еще один источник искажения стимулов связан с так называемыми «пролетариями»⁶¹. Когда член передельной общины покидал деревню, отправляясь на заработки, он не переставал от этого быть членом общины. Он сохранял право на надел, и если возвращался в деревню к очередному переделу и выказывал готовность вновь обрабатывать землю, то получал свою долю. И в принципе эти мигранты сохраняли право на помощь со стороны общины⁶². Разбредшиеся по свету члены общины всегда могли слететься назад, привлеченные возможностью потребовать свою долю.

Вопрос о требованиях отходников имел два возможных решения, и оба были весьма проблематичны. Крестьян, укрепивших землю в собственность, можно считать свободными от каких-либо обязательств делиться с этими пролетариями. В таком случае возникала перспектива неуправляемой цепной реакции, поскольку даже сторонники переделов могли потребовать свою землю в собственность, чтобы просто не рисковать тем, что вернувшиеся пролетарии потребуют свою часть сокращающейся площади общинных земель⁶³. Но альтернативное решение тоже было проблематичным. Если бы крестьяне, укрепившие землю в собственность, должны были делиться ею с возвращающимися пролетариями, значит, их право собственности оказалось бы ущербным, не давало бы полной защиты от переделов, и вся затея с личной собственностью на землю не выполнила бы своей роли по защите стимулов. В конечном итоге (но не ранее 1913 г.) Сенат постановил, что укрепленные в собст-

⁶⁰ Столыпин. С. 249 (речь 15 марта 1910 г.).

⁶¹ Yaney, *The Urge to Mobilize*, 237–238.

⁶² Gaudin, “No Place to Lay My Head,” 752–253.

⁶³ Yaney, *The Urge to Mobilize*, 237–238 (подчеркивает потенциальные результаты процесса приватизации общинных земель; Gaudin, “No Place to Lay My Head,” 749–756 (обращает внимание на то, что передельческая община могла просто исчезнуть, если сохраняла верность практике переделов).

венность наделы также должны нести свою долю ответственности по требованиям вернувшихся пролетариев⁶⁴. Огляды-ваясь назад, мы понимаем, что опасаться исчезновения общины причин не было.

Во всяком случае иные силы не дали ей исчезнуть — или, можно сказать, не дали отходникам оказать значительное влияние на этот процесс. Общины придумали замечательно удобное истолкование правил относительно вернувшихся в деревню отходников: если крестьянин уже вернулся, но еще не завел своего хозяйства, он не имеет права на надел. Хотя как он мог бы завести хозяйство, не имея земли?⁶⁵ Вроде бы все согласны, что ни один из видов исходивших от отходников опасностей не реализовался⁶⁶, но страхи, видимо, были достаточно реальными, что нашло отражение в заявках на укрепление земли в личную собственность.

3. *Выделение отдельных хозяйств вне условий общего передела.* Дарованное реформой личное право на выдел также могло оказать влияние на решения общинников. Вспомним, что в соответствии с указом домохозяин, укрепивший землю в личную собственность, мог потребовать, чтобы ему нарежали землю к одному месту. Если это его требование совпадало с общим переделом, когда можно было нарезать ему участок, не создавая никому особых неудобств, это право было бесспорным. Но если выдел оказывался невозможным или крайне стеснительным делом, община могла предложить взамен единого участка деньги (ст. 13)⁶⁷. Страх перед тем, что выделы будут идти один за другим, нарушая сложившийся ход хозяйствования, так что им грозит своего рода смерть от тысячи порезов, мог понуждать деревенских жителей к капитуляции и согласию на разверстание

⁶⁴ Yaney, *The Urge to Mobilize*, 237—238.

⁶⁵ Gaudin, “No Place to Lay My Head,” 759—260.

⁶⁶ Ibid., 756, 758—764; Yaney, *The Urge to Mobilize*, 237—238.

⁶⁷ Эта норма воспроизведена в законах 1910 и 1911 гг. В одном разделе последнего закона использовано довольно жесткое условие в отношении общины, препятствующей выделу своего члена, — она не имеет права откупиться от него деньгами, если «выдел участка признан (ст. 32 и 37) возможным и не связанным с особыми неудобствами» (ст. 34(2)(b) (курсив мой. — С. У.), см. также ст. 36 закона 1911 г., но, поскольку ст. 33 закона 1910 г. использует старую формулу «неудобным и невозможным», сомнительно, чтобы замышлялись какие-либо изменения.

всей деревни. И если первые выделенцы получали земли больше, чем им полагалось, или всем казалось, что им нарезают землю с избыточной щедростью, оставшиеся могли высказаться за разверстание, чтобы попросту не остаться с носом.

В общем понятно, что реформа, основанная на идеале личной ответственности, должна была включать возможность индивидуального выдела. Кроме того, как отмечает Кофод, первые владельцы отрубов и хуторов могли служить своего рода примером, чтобы более нерешительные крестьяне могли своими глазами убедиться в выгоде отказа от чересполосицы, прежде чем рискнуть пойти по тому же пути. Именно этот эффект побудил Кофода отказаться от его прежней предубежденности против индивидуальных выделов. Кофод отмечает, что многие губернии начинали с большого количества выделов, а потом постепенно приходили к разверстанию как к главной форме землеустройства⁶⁸. Разрешив индивидуальный выдел и дав самым отважным сделать шаг первыми, реформаторы создали условия для раскручивания процесса реформ⁶⁹.

Но крестьянам, не знавшим, как именно соответствующие власти будут толковать «неудобства» и насколько справедливо нарезаны участки тем, кто выделялся первыми, право на индивидуальный выдел могло казаться угрожающим. Поскольку у крестьян опасения вызывали именно индивидуальные выделы, а не разверстания всей деревни, Кофод заявил, что чем быстрее выделы выполняют функцию подачи примера колеблющимся, тем будет лучше для землеустройства⁷⁰. Поэтому так убедителен аргумент Яни, что в начале реформ (1907—1909 гг.) угроза выделов сыграла серьезную роль в возбуждении массового движения выведения своих земель из общины⁷¹.

Но Яни ослабляет свой аргумент тем, что приравнивает к угрозе выдела намерение укрепить надел в личную собственность и продать его. Он говорит, что всякий раз, как кто-нибудь продавал личные права собственности на надел, чтобы переселиться в Сибирь или в город, «оставшимся односельчанам приходи-

⁶⁸ Кофод К. А. 50 лет в России (1878—1920). М., 1997. С. 206; Кофод. Русское землеустройство. С. 133—135.

⁶⁹ См. главу 2 «Издержки чересполосицы, передела и семейной собственности».

⁷⁰ Кофод. Русское землеустройство. С. 135.

⁷¹ Yaney, *The Urge to Mobilize*, 278—279.

лось собирать деньги, чтобы выкупить освободившиеся полосы», потому что в противном случае «они могли бы достаться чужакам, которые тем самым стали бы членами общины независимо от того, нравится это коренным жителям деревни или нет»⁷². Яни столь твердо защищает изолированность крестьян, что суждение его представляется настолько консервативным, что делает почти невозможным развитие новых прав личности.

Идеологи реформы могли бы сохранить направленность преобразований на индивидуализм и при большей беспристрастности закона. Если бы, скажем, закон дал общинникам возможность самим определять вопрос о неудобствах и стеснениях, вплоть до права вето на проведение выделов, он смог бы и выделенцу дать право на покупку себе земли, а община обязана была бы ее оплатить. В конце концов, речь ведь не шла о том, что выделяющийся домохозяин мог сохранить привычную ему землю; ему в любом случае предстояло приспособляться к новой земле. Но зато при этом единственной проблемой была бы более высокая рыночная стоимость единого участка (о чем речь ниже), поскольку это соответствовало бы ее более высокой продуктивности. А если бы тот, кому отказано в выделе, получал в виде компенсации плату только за разрозненные полосы, ему фактически пришлось бы оставить общине дополнительную стоимость, отражающую возможность выделения этих полосок к одному месту. Как ни крути, одна из сторон неизбежно оказывалась в накладе.

На практике право выдела могло оказать лишь скромное влияние на количество заявок на землеустройство. Поскольку выдел одного хозяйства стоит дороже, чем разверстание всей деревни в расчете на одно хозяйство⁷³, вряд ли власти особенно подталкивали к такой форме землеустройства. Власти и на самом деле довольно рано сделали приоритетным направлением разверстание целых деревень⁷⁴, и правила, принятые 19 июня 1910 г. Комитетом по землеустройству, недвусмысленно поставили выделы на второй план⁷⁵. Закон 1911 г.

⁷² Ibid., 279.

⁷³ Когфод. Русское землеустройство. С. 135.

⁷⁴ Macey, "Government Actions and Peasant Reactions," 155—156.

⁷⁵ См. ст. 3 «Правила о выделах надельной земли к одним местам» (19 июня 1910 г.), в: П. А. Столыпин: Программа реформ. Фонд изучения наследия П. А. Столыпина, 2002. Т. 1. С. 434.

подчеркнул это подчиненное значение, потребовав от землеустроителей, чтобы при осуществлении выделов они обращали пристальное внимание на то, чтобы те не стали помехой для аналогичных землеустроительных работ в будущем (ст. 21).

Циркуляр Министерства внутренних дел от 9 декабря 1906 г. установил временный особый порядок искусственного поощрения крестьян к укреплению наделов в личную собственность. В нем говорилось, что крестьянин, обратившийся с заявлением об укреплении земли в собственность в любое время *после* того, как сход вынес решение провести передел, но до того, как уездное собрание одобрило это решение общины, может укрепить надел в личную собственность, как если бы этого передела не происходило⁷⁶. Это ставило выделяющихся из общины в положение «орел — я выиграл, решка — ты проиграл»: они могли дожидаться передела и выяснить, выгодно им выходить сейчас или стоит подождать. В декабре 1907 г. Сенат признал этот циркуляр недействительным на основании того, что с его появлением указ стал труднопреодолимым препятствием для переделов, и МВД благоразумно отступило⁷⁷.

4. *Преодоление противодействия реформам.* Не следует думать, что вся реформа была подчинена интересам крестьян, желавших завести единоличное хозяйство. Целью реформы была пахотная земля, а пастбища и другие угодья, где коллективная собственность казалась более приемлемой, оказались на обочине событий. Указ закрепил за выходящими из общины право на использование не только сенокосных, лесных и других угодий, поддававшихся разделению, но и тех угодий, которые, по понятиям общины, считались неделимыми (ст. 4). Несмотря на это требование закона, не относившееся к выпасу на зеленом паре и на скошенном поле, общины, противившиеся укреплению наделов в личную собственность и выделу земли к одному месту, не давали выделенцам пользоваться своими правами⁷⁸. И даже общины, не поступавшие так со своими, отказывали в использовании общих угодий тем, кто покупал землю выделенцев⁷⁹.

⁷⁶ Федоров. Т. 1. С. 370; Министерство. С. 10.

⁷⁷ Министерство. С. 10.

⁷⁸ Pallot, *Land Reform in Russia*, 167—169; Тюкавкин. С. 191, 196.

⁷⁹ Тюкавкин. С. 191, 196.

Нам не дано знать, в какой степени это стеснение доступа к пастбищам и другим общинным угодьям уравнивало стимулы в пользу укрепления земли в собственность и ее выделения, создававшиеся тремя рассмотренными выше положениями реформы. Но тот факт, что общины могли действовать подобным образом, опровергает идею, что центральные власти делали все возможное для того, чтобы побудить крестьян к выходу из общины. Строго говоря, ряд особенностей законов о реформе ставит под вопрос значимость потока требований об изменении права собственности и выделе. Но похоже на то, что различные несообразности в ходе реформ — расширение или сужение доступа выделенцев к общинным угодьям — были, по преимуществу результатом того, что центр просто не знал о том, как действовали законы, или не осознавал двусмысленности принятых им законов⁸⁰.

*Укрепление наделов в собственность
как помеха выделам*

В соответствии с указом и законом 1910 г. укрепление земли в личную собственность должно было предшествовать выделению ее к одному месту. Только закон 1911 г. разрешил выделять единый участок без предварительного оформления его в качестве личной собственности. Советские критики крайне негативно оценивали ситуацию, существовавшую до закона 1911 г. Принижая стимулирующий эффект освобождения от переделов, но признавая, что преодоление чересполосицы вело к повышению продуктивности, они доказывали, что укрепление земли в личную собственность мало того, что ничего не давало, но и тормозило борьбу с чересполосицей: выведя

⁸⁰ Ср.: D. N. McCloskey, "The Economic of Enclosure: Market Analysis," in *European Politics and their Markets*, eds., W. N. Parker and E. L. Jones (1975), 143—144 (привлекает внимание к тому, сколь часто огораживание вредило интересам тех, кто не имел «недвусмысленных прав на использование общинных полей»). См. также: Daniel Fitzpatrick, "Evolution and Chaos in Property Right Systems: The Third World Tragedy of Contested Access," *Yale L.J.* 115 (2006): 996, 1014—1016, 1032—1033 (подчеркивает то, как изначальная неясность с соотношением конкурирующих прав мешала достижению целей реформы прав собственности).

землю из череды переделов, крестьяне уже не могли использовать последние для выделения участка к одному месту. Убедив себя, что изменение формы собственности оказало только отрицательное влияние на ход сельскохозяйственной реформы, эти критики делали вывод, что единственной целью правительства было разрушение общины и политическое ослабление крестьянства⁸¹. Они были неправы решительно во всем.

Во-первых, хотя правительство не располагало регрессионным анализом, который доказывал бы, что переделы отвращают от инвестиций и новаторства, но эта идея вполне убедительна и интуитивно. Поскольку в истории передел явление редкое, ученые этой проблемой особо не занимались, но исследования, проведенные в Китае в конце XX в., показали, что ненадежность прав собственности делает невозможными долгосрочные инвестиции⁸². В апреле 1903 г. А. А. Риттих, выдвинувший в докладной записке Витте идею разделить акт укрепления земли в собственность и ее выделение к одному месту, исходил из того, что в силу влияния на стимулы изменение формы собственности будет самым коротким путем к повышению производительности⁸³. Нет оснований сомневаться в том, что Столыпин искренне и добросовестно верил, что ненадежность прав собственности отрицательно сказывается на производительности.

Во-вторых, тормозящее влияние укрепления земли в собственность на объединение наделов было незначительным. Конечно, если бы все остальные решились использовать передел для того, чтобы разверстать свою землю на единые участки, *и при этом* чересполосица сохранилась бы только на земле тех, кто укрепил ее в собственность, это породило бы определенную путаницу. Но уже к 1910 г. стало понятно, что наделы, укрепленные в собственность, могут быть выделены к одному месту таким образом, что это не будет мешать дальнейшему

⁸¹ Зырянов П. Н. Проблема выбора целей в столыпинском аграрном законодательстве // Государственная деятельность П. А. Столыпина: сборник статей / Отв. ред. Н. К. Фигуровская и А. Д. Степанский. 1994. С. 99—118; Кауфман А. А. Аграрный вопрос в России. М., 1918. С. 129.

⁸² См. главу 2 «Исдержки чересполосицы, передела и семейной собственности».

⁸³ David A. J. Macey, *Government and Peasant in Russia, 1861—1906: The Prehistory of the Stolypin Reforms* (1987), 62—65.

землеустройству⁸⁴. Впрочем, до реформы передел никогда не использовался для того, чтобы разверстать наделы едиными участками⁸⁵.

Далее, избавление от угрозы передела открывало путь к тому, чтобы посредством купли-продажи и обмена полос объединять разрозненные полоски: только собственник наследуемого надела мог предложить потенциальному покупателю гарантированные права собственности⁸⁶. Неизвестно, как часто такого рода сделки осуществлялись до реформы. Дякин сообщает, не указывая источника, что в Восточной Белоруссии и на Украине «рачительный хозяин мог... договориться с соседями и обменяться полосами, чтобы свести землю в один клин»⁸⁷. И Тюкавкин утверждает (также не указывая источника), что укрепление наделов в собственность сделало возможными продажи, направленные к уменьшению чересполосицы⁸⁸. В Западной Европе такого рода сделки действительно помогли решению проблемы чересполосицы, и вполне возможно, что то же самое могло бы происходить и в разных местах России, где уже были подходящие условия — сочетание наследуемого права собственности и экономических условий, делающее соответствующие хлопоты оправданными. В самом деле, крестьяне нередко сдавали в аренду очень удаленные полосы земли предприимчивым *собираателям земли* или *землепромышленникам*, которые потом сдавали ее в обработку уже едиными участками⁸⁹. Так что крестьяне были способны обращаться к рыночным решениям. Надо признать, конечно, что

⁸⁴ Закон 1910 г., ст. 36. Для разверстания этих земель было достаточно, чтобы за это проголосовало большинство оставшихся в общине. См.: Там же.

⁸⁵ Yaney, *The Urge to Mobilize*, 173—174 n. 21.

⁸⁶ Даже укрепленный в личную собственность надел подлежал объединению, но это, конечно, предполагало компенсацию натурой. Хотя теоретически надел, укрепленный в личную собственность, мог быть уменьшен для удовлетворения требований вернувшихся в деревню отходников, на деле эта угроза оставалась преимущественно теоретической. Так что единственным источником риска для держателей надельной земли оставалась перспектива передела там, где он сохранялся.

⁸⁷ Дякин. С. 24.

⁸⁸ Тюкавкин. С. 210.

⁸⁹ Macey, "The Peasant Commune and the Stolypin Reforms," 227.

при любой форме собственности в России транзакционные издержки были выше в силу неразвитости системы передачи прав собственности⁹⁰. А помимо технической неразвитости системы, характерная для России слабость традиции уважения к частной собственности⁹¹ могла сделать выигрыш от укрепления земли в собственность меньше, чем в другой стране, с более прочными правами собственности. Тем не менее изменение формы землевладения должно было сделать операции по объединению наделов легче реализуемыми (а потому и более привлекательными), а также укрепить стимулы для вложения сил и средств в улучшение земли.

Короче говоря, разрешив укрепление земли в собственность, правительство создало условия для развития реформ⁹², тем более что в самом начале реформ просто не было нужных ресурсов для проведения выделов — не хватало землемеров и понимания деталей процесса⁹³. Вероятнее всего, укрепление наделов в собственность в меньшей степени растревожило деревенскую жизнь, чем нарезка хуторов и отрубов, но, по-видимому, это способствовало росту капиталовложений в улучшение земли. Оно не оказало отрицательного воздействия на землеустройство, а, возможно, даже сдвинуло с места процесс преодоления чересполосицы.

При этом представляется бесспорным, что правительство совершило одну ошибку в отношении укрепления земли в собственность — согласно ст. 1 закона 1910 г., в любой общине, в которой в предыдущие 24 года не было переделов, наделы объявлялись наследуемыми. На практике это положение дало оружие тем, кто противился реформам: многие общины немедленно увязли в спорах о том, когда именно проводился последний передел⁹⁴. То, что этот важнейший вопрос зачастую

⁹⁰ Yaney, *The Urge to Mobilize*, 386, п. 9 (отмечает, что дореволюционные реформаторы сокрушались по поводу отсутствия в России простой системы регистрации любого рода недвижимости).

⁹¹ См., напр.: Arcadius Kahan, *The Plow, the Hummer, and the Knout: An Economic History of Eighteenth-Century Russia*, ed. Richard Hellie (1985), 124—125, 160—161, 264, 312. См. также в главе 2 о легкомысленности отношения правительства к правам собственности.

⁹² Macey, "Government Actions and Peasant Reactions," 137, 150.

⁹³ Ibid., 153—157.

⁹⁴ Atkinson, *The End of the Russian Land Commune*, 76—77; Федоров.

оказывался почти неразрешимым, само по себе свидетельствует о пропасти между дореформенной практикой и современным рынком недвижимости. В любом случае задним числом понятно, что это положение закона было явной ошибкой, за которой, по-видимому, стояло непонимание всей сложности отношений внутри общины. Однако, если не считать этой статьи, решение реформаторов сделать разверстание независимым от факта укрепления земли в собственность представляется разумным и обоснованным подходом к тому, чтобы втянуть крестьянство в процесс овладения новыми формами землевладения и землепользования.

Настойчивость правительства в вопросе о форме землеустройства

Одно из самых убийственных обвинений в адрес реформы сводится к тому, что землеустроители, движимые то ли абстрактными идеями о том, каким должно быть современное крестьянское хозяйство, то ли желанием подорвать способность крестьян к самоорганизации, заставляли крестьян принимать те формы выдела, которые были для них настоящим проклятием.

Начнем с терминологии. Определяя «хутор» и «отруб», власти подчеркивали пространственное соотношение между крестьянской избой и приусадебным участком, с одной стороны, и пахотной землей — с другой. Так, если дом и приусадебный участок составляют единое целое с пахотной землей (даже если она разделена на несколько полей), перед нами хутор, а если дом и приусадебный участок отделены от пахотной земли, то это отруб⁹⁵. Таким образом, хутор напмина-

---

Т. 1. С. 371; Yaney, *The Urge to Mobilize*, 381. В указе тоже было положение о том, что в зависимости от того, когда был последний передел, тот, кто укрепляет надел в собственность, получает излишки бесплатно или должен за них заплатить (по выкупной стоимости). Хотя здесь был вроде бы такой же потенциал для бесконечных споров, но на деле людям договориться об этом было проще.

⁹⁵ Judith Pallot, “*Khutora and Otruba in Stolypin’s Program of Farm Individualization*,” *Slavic Review* 42 (1984): 242, 243–244; Pallot, *Land Reform in Russia*, 38–39. Порой термины употребляют неточно, просто, чтобы подчеркнуть степень объединения земли, и тогда хутором называют хозяйство, расположенное на едином

ет типичное фермерское хозяйство в Соединенных Штатах, а отруб — это хозяйство, типичное для Европы. В своих циркулярах власти не только определили, что такое хутор и отруб, но и установили порядок предпочтений, так что на первом месте оказался хутор, «в плане как можно более похожий на квадрат, состоящий из одного участка земли и включающий дом и садовый участок», а на самом последнем — отруб, состоящий из нескольких участков⁹⁶.

Землеустройство с выделением отрубов, таким образом, означало сохранение деревень с их историческими ритмами и общением. С хуторами дело обстояло иначе. Именно в силу этой особенности деревенские женщины предпочитали отруба, а те, кто стремился выставить землеустроительные организации в наиболее невыгодном свете, утверждали, что отруба были для них наименее желательной формой землеустройства именно потому, что «при этом не удавалось вытащить крестьян из деревень»⁹⁷. Из чего делался, разумеется, вывод, что властям было плевать и на производительность, и на желания и вкусы крестьян, а главным было политически их разобщить. При таком взгляде, установленный в циркулярах порядок предпочтений был сигналом местным властям, что необходимо выманить или завлечь крестьян на хутора.

Но все это построено на песке. Хотя правительство собирало уйму статистики по своей программе развития прав собственности, но в ней не было четкого разделения землеустроительных операций по хуторам и отрубам, а вот в Крестьянском банке такая рубрикация была — для земель, *проданных* крестьянам⁹⁸. Чиновникам землеустроительного ведомства, естественно, хотелось хорошо выглядеть на бумаге, но при этом они сочли, что нет смысла тратить время на статистику отрубов и хуторов.

участке земли, на котором расположены пахота, дом и все хозяйственные постройки. Использование терминов так, как их определили власти, делает позицию критиков особенно выигрышной.

⁹⁶ Pallot, *Land Reform in Russia*, 38—39.

⁹⁷ Ibid.

⁹⁸ David A. J. Macey, “‘A Wager on History’: The Stolypin Agrarian Reforms as Process,” in *Transforming Peasants: Society, State and the Peasantry, 1861—1930*, ed. Judith Pallot (1998), 149, 162; David A. J. Macey, “The Role of the Peasant Land Bank in Imperial Russia’s Agrarian Reforms, 1882—1915” (1998), 12.

Принято считать, что в результате землеустроительной политики соотношение между хуторами и отрубам было три к одному⁹⁹. Странное утверждение, ведь соответствующей информации просто не существует. Возможным источником является исследование, проведенное в 1913 г. Главным управлением землеустройства и земледелия в двенадцати уездах, разбросанных по двенадцати губерниям¹⁰⁰. Помимо многих других вещей, исследователей интересовала степень консолидации, достигнутая в результате землеустройства. Результаты оказались очень хорошими: в результате землеустроительных работ 26,4% хозяйств располагали одним участком земли, 48,9% — двумя, а 24,7% — тремя¹⁰¹. Таким образом, соотношение между хозяйствами, земля которых была выделена в один участок, и всеми остальными было как раз один к трем. До землеустройства среднее и медианное число полос на одно хозяйство составляло от шести до десяти¹⁰². Если вывод о соотношении между числом хуторов и отрубов сделан на основании именно этих данных, то это ошибка, потому что здесь нет ни слова о пространственном соотношении между пахотой и усадьбой — речь идет только о числе участков в хозяйстве.

Далее, даже яростный критик реформ говорит, что «беззащитность общины перед давлением в пользу выделения контрастирует с ее относительной силой, когда начинаются переговоры об условиях выделения»¹⁰³. Она приписывает это нетерпеливому желанию властей обеспечить поголовное выделение крестьян из общины и, таким образом, неявно признает тот момент, что власти не заботились о соотношении между числом хуторов и отрубов. Поскольку известен эпизод, когда высокопоставленные лица требовали от чиновников на местах при ведении дел с крестьянами настаивать именно на хуторах¹⁰⁴, может быть, правительство, действительно, отдавало предпочтение хуторам как «средству прежде всего продемонстрировать

⁹⁹ Atkinson, *The End of the Russian Land Commune*, 86. Ср.: Pallot, *Land Reform in Russia*, 216 (не настаивает на соотношении три к одному, но исходит из того, что соответствующая информация имеется, не объясняя, как она стала ему известна).

¹⁰⁰ См.: Дубровский. С. 270 и прим. 72.

¹⁰¹ Там же. С. 279 (табл. 57).

¹⁰² Там же; см. также: Тюкавкин. С. 208.

¹⁰³ Pallot, *Land Reform in Russia*, 149.

¹⁰⁴ Ibid., 147–148.

жизнеспособность таких форм землепользования и непоколебимость правительства в его приверженности реформе»¹⁰⁵. Но, вообще говоря, поражает полное отсутствие свидетельств того, что правительство систематически пыталось распахать крестьян по хуторам.

Есть, однако, две связанные программы, посредством которых правительство пыталось покровительствовать определенным типам крестьянских хозяйств: предоставление агрономической помощи и продажа земли Крестьянским банком. Первая, программа агрономической помощи, не была ориентирована ни на хутора, ни на отруба, а только на преимущество единых участков земли перед чересполосными. В любом случае, хотя центральное правительство явно хотело оказывать помощь крестьянам, работающим на объединенных наделах, агрономы успешно противостояли этой политике. Ими двигали, среди всего прочего, враждебность к реформе и вера в то, что, распространяя агрономические знания, не годится оказывать покровительство на основе, по их мнению, нерелевантного признака. То, что агрономы смогли проводить свою линию, связано отчасти с безразличием со стороны надзиравших за ними земских организаций, а отчасти с тем, что руководители земств и сами придерживались той же точки зрения¹⁰⁶.

Крестьянский банк, напротив, действительно покровительствовал хуторам, и это его отношение могло оказать определенное воздействие. До 1906 г., осуществляя прямые продажи дворянских земель или финансируя покупку этих земель крестьянами, он имел дело по большей части с деревнями или крестьянскими обществами¹⁰⁷. За 1906—1908 гг. под давлением Столыпина банк изменил политику — теперь он отдавал безусловное предпочтение индивидуальным клиентам перед деревнями или обществами, хуторам и отрубам перед владельцами чересполосных наделов и хуторам перед отрубам. Новая политика продолжалась до 1916 г.¹⁰⁸ Например, обращаясь за ссудой на покупку дворянских земель, хуторяне могли

¹⁰⁵ Macey, “A Wager on History,” 153.

¹⁰⁶ Kimitaka Matsuzato, “The Fate of Agronomists in Russia: Their Quantitative Dynamics from 1911 to 1916,” *Russian Review* 55 (1996): 172—185; Pallot, *Land Reform in Russia*, 242—247.

¹⁰⁷ Macey, “The Role of the Peasant Land Bank,” 7—9.

¹⁰⁸ Yaney, *The Urge to Mobilize*, 273, 281—287.

рассчитывать на 100% стоимости покупаемой земли, покупатели отрубов — на 95%, а все остальные — на 90%¹⁰⁹. (Можно предположить, что дворянские земли представляли собой единые участки земли, но, попадая в руки деревень или крестьянских обществ, тут же нарезались полосками.)

Но роль Крестьянского банка в преодолении чересполосицы была довольно скромной. За 1907—1915 гг. банк продал единоличным хозяевам чуть меньше 3 млн десятин (и еще 700 000 — деревням и крестьянским обществам). Это составило лишь 19,1% земли, переданной за этот период в собственность крестьянам едиными участками, а 79,4% таких земель крестьяне получили в результате программы землеустройства наделной земли и еще 1,5% — в результате покупки государственной земли¹¹⁰.

Но даже в продажах Крестьянского банка хутора отнюдь не занимали доминирующего положения. За 1907—1915 гг. лишь 29% индивидуальных покупателей приобрели хутора, а 71% — отруба¹¹¹. Таким образом, даже этот государственный банк, который предпочитал хутора отрубам настолько, что вел статистику продаж тех и других, поставлял сельскому хозяйству страны преимущественно отруба.

Ущербность новых прав собственности

Если реформаторов можно упрекнуть в том, что они создали искусственные стимулы для укрепления земли в собственность и выделения ее к одному месту, то их можно обвинить и в том, что они не дали полноценных прав собственности тем, кто покидал общину. Крестьяне получали землю в «личную собственность», а не в «частную». В результате новая собственность оказалась опутана рядом традиционных для наделной

¹⁰⁹ Macey, "The Role of the Peasant Land Bank," 11.

¹¹⁰ Дубровский. С. 585—588; Macey, "The Role of the Peasant Land Bank," 12, 17. Цифры Дубровского не включают 4,5 млн десятин земли, купленных крестьянами у частных землевладельцев с помощью ссуд Крестьянского банка. Но эти покупки внесли крайне незначительный вклад в приватизацию земли, потому что большая их часть, 3,8 млн десятин, была куплена деревнями и крестьянскими обществами (Дубровский. С. 12).

¹¹¹ Дубровский. С. 12.

земли ограничений, причем добавились и новые. Владельцы новой собственности не получили права продавать или закладывать землю кому-либо, не принадлежащему к крестьянскому сословию. Максимальная величина их земельных владений была ограничена. Кроме того, они не получили права голоса на выборах, которое имели все остальные владевшие таким же количеством ненадельной земли. Помимо всего прочего, новые права собственности не защищали участок от вторжения землемера, который должен был сохранить возможность продолжать землеустроительные работы и программу разверстания. Последнее ограничение было установлено реформой, причем оно коснулось не только вновь объединенных надельных участков, бывших в личной собственности, но и пахотных земель, бывших в классической «частной» собственности.

Начнем с последнего пункта. Речь шла о необходимости продолжать работы по землеустройству и выделению новых единых участков. Даже до закона 1911 г. земля, переведенная в личную собственность, подвергалась перетасовке, когда дело доходило до разверстания всей деревни¹¹². А закон 1911 г., как мы видели, разрешил прирезать к общинным совершенно частные земли, если они вклинивались в них и создавали трудности для землеустроителей¹¹³. Так же обходились и с уже выделенными участками — их при необходимости переверстывали заново¹¹⁴.

Не очень понятно, насколько сильно все это должно нас тревожить. Американские штаты обычно позволяют владельцу участка, окруженного со всех сторон другими участками, приобретать право прохода к нему за соответствующую компенсацию. В этом контексте, конечно, уступка выглядит немного иначе: дать право прохода не столь обременительно, как отдать часть своей земли и получить взамен что-то другое, да

¹¹² Закон 1910 г., ст. 36. См. обсуждение в главе 6 в параграфе «Ложный след. 1. Насилие по определению».

¹¹³ Yaney, *The Urge to Mobilize*, 382 (ссылается на ст. 50 и 54 закона 1911 г.).

¹¹⁴ George L. Yaney, "The Concept of the Stolypin Land Reform," *Slavic Review* 23 (1964): 286, п. 50. Мы уже видели, как Сенат в конечном итоге решил, что земля, укрепленная в личную собственность, отвечает по претензиям вернувшихся в деревню «пролетариев». См. выше в этой главе. См. также в начале параграфа «Ложный след. 1. Насилие по определению», об обстоятельствах, при которых выделение из общины можно было навязать против воли.

и положение землевладельца, не имеющего прямого выхода к дороге, очень тяжелое. Пожалуй, ближе аналогия с положением о принудительном «слиянии» и «объединении», которое действует во всех нефтегазовых штатах Америки, в соответствии с которым индивидуальные права владельца скважины на добычу заменяются долей в централизованной эксплуатации, что дает большой рост эффективности.

В любом случае вся идея принудительной консолидации наделов была основана — как и в случае с огораживанием во всей Западной Европе — на том соображении, что из-за чересполосицы все стало настолько запутанным, что посредством добровольных сделок между участниками уже невозможно выбраться из этой системы. Полосок было множество, и они были перетасованы столь причудливым образом, что для получения приемлемых по размеру участков, позволяющих применять современную технику и методы обработки земли, потребовалось бы слишком много договоренностей, а некоторые собственники наверняка запросили бы чрезмерную цену за уступки, так что издержки на достижение компромиссного решения оказались бы непозволительно высоки. Конечно, идея, что потребуются перекройка только что нарезанных участков, наводит на мысль о невысоком качестве землеустроительных работ. Но принцип, закрепленный в законе 1911 г., представляется приемлемым и разумным ограничением прав частной собственности при условии, что при перекройке собственник получал действительно равную по качеству землю (так что не страдал стимул к улучшению земли), а власти не действовали наобум и без разбора.

Но, всматриваясь в контекст столыпинских реформ, мы обнаруживаем основания для тревоги. Одно из них содержится в факте, что закон 1911 г. поразительно далеко зашел в пресечении независимого пересмотра решений землеустроительных властей. Ст. 18 наделяет их исключительным правом разрешать «споры, возникающие собственно из землеустройства, не исключая и споров о границах подлежащих землеустройству земель». Сохранилось право обращаться в суд с жалобами на процедурные нарушения и «нарушения закона»¹¹⁵, но эта граница между вопросами, которые можно было обжаловать в суде, и теми, которые нельзя было обжаловать в суде,

¹¹⁵ Yaney, *The Urge to Mobilize*, 382.

была проведена совершенно произвольно. Далее, в решимости действовать безоглядно землеустроительные комиссии порой заходили слишком далеко. Например, специалисты по сельскому хозяйству в Министерстве сельского хозяйства требовали расширения сферы действия ряда законов о защите лесов, так чтобы они охватывали все случаи, когда действия собственника «создают угрозу для сельского хозяйства»¹¹⁶, а позднее (1922 г.) группа агрономов потребовала перехода к землеустройству исключительно на «агрономическо-экономической» основе. При этом они заранее отбрасывали точку зрения собственника как несущественную и полностью игнорировали способность рыночных сил направлять дело с помощью разумных стимулов (скажем, в виде понижения дохода у того, кто хозяйствует глупо и нерасчетливо, и вмешательства предпринимателей, желающих откупить землю, чтобы использовать ее с большей прибылью)¹¹⁷. Учитывая такие настроения, нельзя не высказать опасения, что высокопоставленные администраторы могли использовать эти в общем-то разумные положения для того, чтобы уничтожить ряд прав собственности, необходимых для эффективного рынка.

Сохраняющиеся черты неадекватности новых прав собственности были связаны с тем, что это была все-таки «личная», а не «частная» собственность. По закону о земских выборах крестьяне, владевшие только укрепленной в собственность наделной землей, не имели таких же избирательных прав, как частные землевладельцы¹¹⁸. Можно придумать разные теоретические основания для того, чтобы наделить привилегиями на выборах владельцев частной земли: они больше заинтересованы в благополучии общества; они должны быть сравнительно меньше подвержены соблазну всяких грабительских планов перераспределения; наличие у них скромной земельной соб-

¹¹⁶ Ibid., 386.

¹¹⁷ Ibid., 387.

¹¹⁸ Atkinson, *The End of the Russian Land Commune*, 63; Зырянов. Проблема выбора. С. 104–105. Но закон 1911 г. предусматривал, что когда крестьянин, владевший не только наделной, но и частной землей, объединял ее в соответствии с законом в единый участок, получившееся хозяйство могло считаться «частной собственностью», если только крестьянин не предпочитал все сделать «личной собственностью» (ст. 3). См. также: George Pavlovsky, *Agricultural Russia on the Eve of the Revolution* (1968), 128.

ственности говорит о наличии таланта и усердия (или хотя бы о том, что они не разбазарили то, что было накоплено талантом и трудом их предков). Что касается двух первых соображений, то здесь различие между надельными землями и всякими другими совершенно несущественно. Что же касается третьего, то можно смело утверждать, что крестьянин, сумевший купить частную землю, проявил больше напористости, чем тот, кто благодаря реформе укрепил надел в личную собственность. Но этот аргумент противоречит представлению самого Столыпина о типе крестьянина, который должен стать ведущей фигурой в сельской жизни — «сильного», т.е. умелого и предприимчивого. Если реформа втянула в свое русло таких крестьян (реальность, как мы видели, была сложнее), то странно было наделять их более низким политическим статусом, чем крестьян — владельцев эквивалентной ненадельной собственности. Кроме того, это решение противоречило намерению Столыпина интегрировать крестьян в общую культуру России.

Сохраняющиеся недостатки новой крестьянской собственности касались того, сколько земли крестьянин мог иметь и кому он мог ее продать. Закон 1910 г. установил предел надельной земли, которую мог приобрести крестьянин в одном уезде, — разный для разных местностей. Для Украины и Великороссии пределом был надел для шестерых мужчин¹¹⁹. Судя по всему, идея была в том, чтобы то ли сохранить мелких производителей, то ли защитить города и деревни от потерявших землю безработных крестьян¹²⁰. Вторая версия заставляет вспомнить о вечных опасениях режима: земельная реформа может привести к пролетаризации крестьянства и соответствующим политическим и социальным угрозам. В любом случае установленный верхний предел был мал, но даже если бы он был выше, все равно это противоречит идее дать предприимчивым крестьянам возможность в полной мере, насколько это позволят рыночные условия, раскрыть свои таланты. В конце концов, есть естественные границы величины крестьянско-

¹¹⁹ Закон 1910 г., ст. 56 и 57. Например, надел для шестерых мужчин составлял 18 десятин в Московской губернии и 12,6 — в Курской. См.: Тюкавкин. С. 191—192; Yanev, *The Urge to Mobilize*, 380.

¹²⁰ Ср.: Тюкавкин. С. 192 (мелкие производители) и Зырянов. Проблема выбора. С. 104 (безработные и оставшиеся без земли крестьяне).

го хозяйства: чем больше приходится полагаться на наемных работников, тем меньше возможностей помешать отлыниванию, работе спустя рукава и мелкому воровству.

Но самый большой вклад в сохранение старой системы опеки над крестьянами и ограничение прав собственности внесли положения, ограничившие способность крестьян распоряжаться землей. Ст. 50 закона 1910 г. гласит, вторя прежнему циркуляру Министерства внутренних дел¹²¹, что отчуждение надельной земли, перешедшей в личную собственность, может осуществляться только в соответствии с системой, установленной при освобождении от крепостной зависимости. Вследствие этого не допускались продажа, залог или дарение земли кому бы то ни было, не состоящему в крестьянском сословии, а также отнятие земли за личные долги домохозяина, если кредитор сам не был крестьянином. Позднее в систему были внесены два небольших послабления: указ от 5 октября 1906 г. разрешил продавать землю крестьянину из другой деревни, а указ от 15 ноября 1906 г. позволил закладывать землю в Крестьянском банке для получения ссуд на улучшение надельной земли (в том числе путем объединения полосок) и на приобретение надельной земли у покидающих деревню односельчан¹²². Сделанное для Крестьянского банка исключение создало лазейку для скромного расширения обеспеченного кредита, но исключительно в рамках государственной монополии и только для очень ограниченных целей. Такие реформы не могли стать основой порядка, в котором рыночные силы эффективно регулируют размер, форму и использование сельскохозяйственных земель.

Выступления Столыпина в защиту этих ограничений были поразительно ущербны. В других речах о реформе, произнесенных в Думе и в Государственном Совете, он анализировал факты и доказывал, что его предложения приведут к желательным последствиям, а предложения его оппонентов — к нежелательным. Но, когда дело дошло до ограничений в распоряжении надельной землей, он прибег к каким-то словесным

¹²¹ Louis Skyner, "Property as Rhetoric: Land Ownership and Private Law in Pre-Soviet and Post-Soviet Russia," *Europe-Asia Studies* 55 (2003): 889–905.

¹²² Yaney, *The Urge to Mobilize*, 255 (о передаче земли человеку, постороннему для деревни); Macey, "The Role of the Peasant Land Bank," 12; Корелин, Шацкило. С. 25.

уловкам. В речи 5 декабря 1908 г. он стойко защищал идею передачи собственности домохозяину (а не размыто определяемой «семье»), причем сослался на необходимость защитить кредитоспособность крестьян, превращающихся в собственников земли. А после этого он попытался примирить это решение с сохранением ограничений на приобретение, продажу и залог наделной земли, заявив, что закон налагает ограничения «не к земле, а к ее собственнику»¹²³. Но права собственности — это всего лишь юридический институт, управляющий отношениями между людьми (и фирмами) в связи с использованием ресурсов. Истолковывать ограничения поведения собственников наделной земли так, как будто они не ограничивают их поведения, — абсурд.

Еще Столыпин добавил, что эти ограничения должны сохранить землю для групп людей, посвятивших себя работе на ней¹²⁴. Это могло бы быть началом аргумента, что у крестьян еще недостаточно опыта ведения дел на рынке, так что если не ограничить их возможности распоряжаться землей, они могут либо пропить ее, либо утратить в силу неадаптивности. Но любое подобное утверждение наткнулось бы на его же рассуждения о том, почему Россия должна сделать «ставку на сильного».

В итоге альтернативные решения не были рассмотрены. У сторонников «семейной» собственности, указывавших на неадаптивность и непредусмотрительность крестьян, были определенные основания для такой позиции. Люди, принадлежавшие к группе, которой очень долгое время отказывали в возможности владеть собственностью и которые до сравнительно недавнего времени сами были предметом собственности, а теперь им вдруг разрешили самим владеть собственностью, могли просто потерять разум и повести себя совершенно непредсказуемо. Собственно говоря, в 1869 г. Россия предоставила башкирам право продавать свою землю, и они очень быстро продали большое количество земли, а с 1874 г. начали периодически бунтовать, требуя свою землю назад¹²⁵. Оппозиция ссылалась на то, что крестьяне сами боятся собст-

¹²³ Столыпин, 177.

¹²⁴ Там же. См. также 218—223 (речь 26 марта 1910 г. и реплика в ответ Стишинскому).

¹²⁵ Yaney, *The Urge to Mobilize*, 175.

венной недальновидности¹²⁶. Но ведь можно было бы придумать меры, дающие определенную степень защиты без столь радикального закрытия доступа ко всем источникам кредита, кроме Крестьянского банка. Можно было бы, например, предоставить крестьянам возможность отказаться от любой сделки в течение недели или двух после подписания документа — для многих ситуаций этого было бы достаточно. Но об этих проблемах, по-видимому, не думали.

* * *

Судя по тому, что нам известно о реформах, правительство не выкручивало крестьянам руки, чтобы принудить их брать землю в собственность или выделять ее в отдельный участок. Реформа открывала возможности, и даже правила об излишках — ту часть реформы, которая, по мнению многих, вовлекла крестьян в процесс реформирования, — трудно расценить как явный подкуп. В разных местностях России практика переделов была распространена не в одинаковой мере, но правительство не без оснований считало, что там, где она сохранилась, она серьезно подрывала продуктивность крестьянских хозяйств, мало что давая им взамен. Абсолютно симметричного решения этой проблемы не существовало.

Но нелиберальный контекст бросал тень на процесс реформ. Социально-экономическая изоляция крестьян лишала их возможности участвовать в выработке правил приватизации наделных земель; эта изоляция и неразвитость режима верховенства права делали их легкой целью для «административного давления». В той мере, в какой сами правила реформы подталкивали крестьян к определенному решению, это было результатом отсутствия четких прав собственности в дореформенный период. Неопределенности процесса передела делали невозможным нейтральное решение вопроса об излишках, а отсутствие развитого земельного рынка повышало риск того, что результаты выдела отдельных хозяйств будут казаться несправедливыми, а может, действительно окажутся несправедливыми. Наконец, установление предела расширения крестьянского хозяйства и ограничение возможностей заложить его в обеспечение ссуды — результат того, что режим считал необходимым сохранение патернализма в отношении кре-

---

¹²⁶ Тюкавкин. С. 180.

стьян, — лишили крестьян доступа к ряду благотворных аспектов частной собственности.

В следующей главе мы рассмотрим долгосрочные аспекты реформ. Речь пойдет, во-первых, об их воздействии на такие вещи, как продуктивность и настроения (*attitudes*) крестьян. Существеннее то, что нам придется рассмотреть, каким образом нелиберальный контекст порождал политические решения, ограничивавшие способность реформ содействовать прогрессу либеральной демократии.

Глава 7

ДОЛГОСРОЧНЫЕ ПОСЛЕДСТВИЯ

Высшей наградой для столыпинских реформ было бы убедительное доказательство того, что, если бы не война, реформы радикально понизили бы шансы большевиков на захват власти. В истории слишком много случайностей, делающих такое доказательство невозможным. В самом деле, даже на самый общий вопрос — подтолкнули ли реформы Россию к либеральной демократии или оттолкнули от нее — нельзя дать уверенного ответа.

Возможно, все дело во времени. Изменение, разумное или неразумное, всегда порождает тревогу. Реформа может подтолкнуть страну на путь либерального развития — т.е. развития либеральных институтов и роста массового благосостояния, — даже если она порождает краткосрочную неразбериху, повышающую непосредственную опасность революции. Краткосрочные риски могут стать основанием для постепенности реформ, но не для отказа от них. Если лидер откажется от реформ только потому, что при неких случайностях они могут поставить страну на грань революции, он будет смешон.

В этой главе я рассматриваю некоторые последствия реформ: их влияние на производительность; возможность того, что они привели бы к росту материального неравенства и повысили социальную напряженность в городе и деревне; предпосылки реформ в свете действий крестьян в 1917 г. и правительства в 1922 г.; возможное благоприятное влияние реформ на такие мягкие переменные, как независимость крестьян; второстепенные решения правительства, свидетельствовавшие о нелиберальном характере режима и выхолащивавшие либерализующий потенциал реформ. Затем будет рассмотрен довольно общий вопрос о том, могут ли либеральные реформы сверху в условиях нелиберального режима способствовать продвижению либеральной демократии.

Наконец, я кратко останавливаюсь на вопросе о сопоставимых реформах в постсоветской России, которую также нельзя обвинить в чрезмерном демократизме или либерализме.

Производительность

В годы, последовавшие после начала реформ, сельскохозяйственное производство в России находилось на подъеме. Один исследователь, сравнив данные по губерниям, по которым нашлись необходимые сведения, получил 24%-ный рост (по весу) производства зерновых, картофеля, семян льна и конопли за период 1901—1905 гг. и 1911—1913 гг. (19,5% для зерновых, 36,6% для картофеля и 8,1% для семян льна и конопли)¹. Примерно половину прироста можно отнести на счет увеличения площади возделываемой земли (12%-ный рост за этот период), но остальные 12% приходится отнести на счет улучшения методов хозяйствования². Подобные сопоставления всегда чувствительны к выбору начального и конечного периодов, но в данном случае у них есть то общее, что в каждом был только один год с плохим урожаем (1905 и 1911 гг.)³, причиной которого, судя по всему, была плохая погода.

Повышение урожайности было связано в первую очередь с ростом использования удобрения и сельскохозяйственной техники. За 1900—1912 гг. импорт удобрений вырос почти в шесть раз, а отечественное производство фосфатных удобрений выросло в два с лишним раза за 1908—1912 гг.⁴ Как показывают табл. 7.1 и 7.2, импорт и производство сельскохозяйственной техники также резко увеличились⁵.

¹ Alexis N. Antsiferov et al., *Russian Agriculture During the War* (1930), 53. См. также: Прокопович С. Н. Опыт исчисления народного дохода 50 губ. Европейской России в 1900—1913 гг. М., 1918. С. 68—69 (получил 40%-ный рост реальной стоимости продукции за 1900—1913 гг. при 19%-ном росте населения).

² Antsiferov et al., 48, 53.

³ Stephen G. Wheatcroft, "Crises and the Condition of the Peasantry in Late Imperial Russia," in *Peasant Economy, Culture and Politics of European Russia, 1800—1921*, eds. Esther Kingston-Mann and Timothy Mixer (1981), 128, 134.

⁴ Peter I. Lyashchenko, *History of the National Economy of Russia to the 1917 Revolution*, trans. L.M. Herman (1949), 734—735. [Лященко П. И. История народного хозяйства СССР. Т. 1. М., 1939. С. 613.] Импорт вырос с 6 млн до 34 млн пудов, а производство фосфатов — с 1,4 млн до более 3,2 млн пудов.

⁵ Lazar Volin, *A Century of Russian Agriculture: From Alexander II to Khrushchev* (1970), 111. См. также: Главное Управление Землеустройства и Земледелия (ГУЗиЗ). Землеустроенные хозяйства:

Таблица 7.1

Импорт сельхозтехники (млн руб.)		
1901—1905 гг.	1906—1910 гг.	1911—1913 гг.
20,8	30,7	54,6

Таблица 7.2

Производство сельхозтехники (млн руб.)		
1900 г.	1908 г.	1913 г.
13,3	38,3	60,5

Перед нами, конечно, рост валового производства, а не показатели повышения *чистой* производительности земли. Но укрупнение и объединение участков должно было способствовать повышению чистой продуктивности в силу сокращения издержек, порождаемых чересполосицей (таких как, например, время на переход с одной полосы на другую, конфликты с соседями по вопросу о межевании, слишком узкие полосы, не позволяющие использовать технику и коммерческие удобрения). Реформа открыла возможности использования новой техники, и крестьяне не стали бы ее использовать, если бы не рассчитывали на чистую прибыль.

Исходя из того, что за период с 1901—1905 гг. по 1911—1915 гг. валовой урожай с десятины вырос примерно на 12%, нельзя отнести весь рост на реформы прав собственности. Рост мировых цен на зерно мог побудить некоторых крестьян к большему усердию, а определенную роль мог сыграть и постепенный переход земли от дворян к крестьянам — особенно если предположить, что в этих сделках участвовали по большей части наименее оборотистые дворяне и самые расторопные крестьяне⁶. Свою роль, возможно, сыграли и более широ-

сводные данные сплошного по 12 уездам подворного обследования хозяйственных изменений в первые годы после землеустройства. СПб., 1915. Главы XVII—XVIII; Шмелев Г. И. Аграрная политика и аграрные отношения в России в XX веке. М., 2000. С. 52 (приводит сходные данные об импорте сельхозтехники).

⁶ Ср.: Министерство Экономического Развития и Торговли. Аграрная реформа Петра Столыпина (<http://www.economy.gov.ru/stolypin.html> (опубликовано на сайте 18 июня 2002 г.)). С. 19. Можно было бы вспомнить еще об отмене выкупных платежей и

кие изменения (такие как повышение качества рабочей силы в связи с повышением ожидаемой продолжительности жизни, умелости и грамотности), которые не могли не затронуть все аспекты производительности в России⁷. Реформы, разумеется, должны были оказать и кратковременное неблагоприятное влияние, поскольку крестьянам пришлось тратить время и силы на подсчеты и переговоры, на сооружение хозяйственных построек, заборов и всего остального, что необходимо при изменении конфигурации хозяйства. Но данные о росте урожайности, продлившемся недолгое время, потому что война и революция быстро перечеркнули все достижения реформ, подтверждают правоту идеи Столыпина, что причиной некоторых российских проблем были уродливые права собственности.

Сопоставление урожайности в хозяйствах с чересполосной и объединенной землей свидетельствует о прогрессе. Источником данных является проведенное правительством в 1913 г. исследование 12 уездов, по одному на 12 губерний Европейской России⁸. Советские критики игнорировали это исследование на том основании, что его результаты были предопределены выбором уездов. Но ведь основным принципом отбора было стремление избежать уездов, в которых было сравнительно мало единоличных выделов (вспомним, что сюда, вразрез с интуитивным пониманием, вошли и разверстания

окончании мирового сельскохозяйственного кризиса, только неясно, как это могло бы сказаться на росте чистой, или валовой, урожайности. Здесь также отмечено, что «только» 1911 г. отличался плохим урожаем, но, как уже было сказано в тексте, именно это уравнивает ситуацию 1901—1905 гг. и 1911—1913 гг. См. также: Тюкавкин В. Г. Великорусское крестьянство и столыпинская аграрная реформа. М., 2001. С. 210.

⁷ Arcadius Kahan, *Russian Economic History: The Nineteenth Century*, ed. Roger Weiss (1989), 66.

⁸ ГУЗиЗ. Землеустроенные хозяйства. С. 8. Для обследования были выбраны следующие губернии: Вильненская и Смоленская на периферии Белоруссии, Тверская и Ярославская в Центрально-Промышленном районе, Псковская из Озерного края (иногда ее относят к центральному Нечерноземью), Орловская и Тульская из Центрального Черноземья, Харьковская и Полтавская из Левобережной Украины, Таврическая из Новороссии, Самарская из Нижневолжского района, а Пермская стала представителем Уральского района.

целых деревень), где, по определению, мало что можно было изучить относительно землеустройства⁹. Хотя такой принцип отбора мог исказить результаты, характеризующие, скажем, положительное отношение крестьян к реформам, трудно представить, как он мог бы исказить данные об урожайности, разве что в некоем окольном смысле: что крестьяне были особенно довольны реформами там, где они начали ощущать их потенциальную выгодность. Малоубедителен и аргумент, что в Самарской губернии уезд был выбран потому, что там был «сильный кулацкий элемент», поскольку на данных об урожайности это может сказаться только в силу того, что «кулаки» лучше использовали объединенные участки земли¹⁰. Что же касается намеков на то, что исследование проводилось «царскими чиновниками», то в ответ уже был отмечен тот факт, что работа была проведена студентами землерных училищ, которые были страстными противниками режима, но обрадовались возможности напрямую поработать с крестьянами¹¹.

Исследование 12 уездов выявило значительное преимущество объединенных участков по урожайности. В 1913 г. урожайность на них оказалась в среднем выше, чем на общинных чересполосных землях, на 5% (рожь) и более чем на 30% (озимая пшеница). В отдельных уездах, разумеется, это превосходство было еще более значительным, и по некоторым культурам превысило 60%¹². Независимо собранные данные по Богородицкому уезду Тульской губернии говорят о сходном повышении урожайности¹³. Эти данные могут показаться

⁹ Дубровский С. М. Столыпинская земельная реформа. М., 1963. С. 271.

¹⁰ Там же. (Я исхожу из того, что в термине «кулак» есть некий содержательный смысл.) Дубровский также считает подозрительным большое число хуторов в сравнении с отрубам (Дубровский. С. 272), но это может привести к завышению средних показателей урожайности *только* в той мере, в какой хутора были производительнее отрубов. Это почти заведомо было именно так, но поскольку у крестьян был выбор между хуторами и отрубам, вряд ли можно считать, что это говорит против реформ.

¹¹ Тюкавкин. С. 207.

¹² ГУЗиЗ. Землеустроенные хозяйства. Гл. XXI.

¹³ Мозжухин И. В. Землеустройство в Богородицком уезде Тульской губернии. М., 1917. С. 259—260.

завышенными, но они совпадают с оценками роста урожайности в результате огораживания в Англии — от 50 до 100%¹⁴.

С чисто агрономической точки зрения явные преимущества отрубных и хуторских хозяйств могли быть частично ослаблены определенными неблагоприятными эффектами. По некоторым данным, слегка понизилось поголовье скота в расчете на душу населения, хотя в абсолютных показателях сокращения не было¹⁵. Уменьшение поголовья было относительно заметнее у отрубников, чем среди хуторян, предположительно потому что их наделы были слишком малы, чтобы тратиться на огораживание¹⁶. Как сказал один крестьянин, «общинное землевладение хорошо для скота, а единоличное — для закона и порядка»¹⁷. Трудно оценить то, как сокращение поголовья скота на душу населения повлияло на благосостояние людей. Уменьшение потребления мяса не вяжется с ростом дохода, хотя такое и возможно: относительная стоимость мяса может вырасти настолько, что люди будут сокращать его потребление, даже несмотря на рост дохода. В условиях столыпинских реформ такое было возможно, потому что благодаря землеустройству зерно стало относительно дешевле мяса из-за, например, более высоких расходов на стойловое содержание скота (*cattle fencing*). В любом случае сокращение поголовья скота не обязательно сопровождается уменьшением потребления мяса. В Англии в XVII и в первой половине XVIII в. поголовье скота снизилось, но производ-

¹⁴ J. R. Wordie, "The Chronology of English Enclosure, 1500—1914," *Economic History Review* 36 (new series, 1983): 483, 504—505.

¹⁵ Dorothy Atkinson, *The End of the Russian Land Commune, 1905—1930* (1983), 104—105. Любопытно, что темпы снижения поголовья скота на душу населения с началом реформ замедлились. Анфимов, используя данные о количестве всего скота, вычислив эквивалент в крупном рогатом скоте, показал, что наибольшее падение произошло за периоды 1902—1904 и 1905—1907 гг., но ведь в 1907 г. реформы только начинались и не могли еще оказать значительного влияния. По его данным, количество скота на 100 чел. составило 66,5 в 1896—1898 гг., 65,4 в 1899—1901 гг., 63,9 в 1902—1904 гг., 58,5 в 1905—1907 гг., 56,3 в 1908—1910 гг. и 55,3 в 1911—1913 гг. (Анфимов А. М. Крестьянское хозяйство Европейской России 1881—1904 гг. М., 1980. С. 216—217).

¹⁶ Дубровский. С. 283—87; см. также: ГУЗиЗ. Землеустроенные хозяйства. Гл. XV.

¹⁷ Launcelot A. Owen, *The Russian Peasant Movement, 1906—1917* (1963), 77.

ство и потребление мяса выросло. Причиной стало улучшение пород скота, изменение структуры стада и улучшение кормовой базы¹⁸. Я не нашел аналогичного анализа российского опыта в довольно короткую эпоху столыпинских реформ.

Есть данные о расширении площадей под монокультурами с отказом от выращивания всех других культур — особенно в центре, на юге и на востоке страны¹⁹. Трудно представить, насколько острой была эта проблема и как долго это продолжалось, поскольку крестьяне ориентировались на рыночный спрос — что характерно для полноценного частного землепользования, — чтобы максимально увеличить текущую стоимость чистого продукта земли.

Особенно показательными должны быть данные о разнице в рыночной стоимости чересполосной и объединенной земли. Цены включают расчеты крестьян на будущую урожайность — т.е. всю доступную в то время информацию о потенциальной выгоде от землеустройства за вычетом всех дополнительных вложений труда, удобрений, сельхозтехники и пр. Цены также отражают отношение покупателей к относительной социальной изолированности хуторов в сравнении с отрубам. Мы располагаем ценами на конец периода реформ для Тульской губернии: 161 руб. за десятину чересполосной земли, 225 руб. за десятину земли в отрубях и 239 руб. за десятину хуторской земли²⁰. Исследование двенадцати уездов дало примерно такое же соотношение цен — землеустроенная земля стоила на 50% больше²¹. Разрыв цен, естественно, может отражать и уже сделанные вложения в улучшение земли. Но поскольку данные

¹⁸ Robert Allen, "Agriculture During the Industrial Revolution," in *The Economic History of Britain Since 1700*, eds. Roderick Floud and Donald McCloskey (2d. ed. 1994), 1:102, 113–14.

¹⁹ Judith Pallot, *Land Reform in Russia, 1906–1917: Peasant Responses to Stolypin's Project of Rural Transformation* (1999), 237–241. См. также: Корелин А. П., Шацкило К. Ф. П. А. Столыпин. Попытка модернизации сельского хозяйства России // Деревня в начале века: революция и реформа / Ред. Ю. Н. Афанасьев. М., 1995. С. 31–32 (речь идет о «хищническом» хозяйствовании).

²⁰ *Мозжухин*. Землеустройство в Богородицком уезде. С. 213–214.

²¹ ГУЗиЗ. Землеустроенные хозяйства. Гл. VII. См. также: David Kerans, *Mind and Labor on the Farm in Black-Earth Russia, 1861–1914* (2001), 358 (отмечает более высокую стоимость землеустроенных участков, но не связывает это с урожайностью).

о различиях в цене земли отражают буквально всю известную тогда информацию о влиянии реформ на производительность и личную приемлемость²², они заслуживают самого пристального внимания.

Краткосрочный социальный стресс

Помимо чисто сельскохозяйственных последствий, реформы сопровождалась и различными краткосрочными социальными издержками. Во-первых, реформы могли усугубить уже сложившееся неравенство. В силу экономии от масштаба хозяйства можно предположить, что крестьянин с большим наделом больше выигрывал от землеустройства, чем крестьянин с малым наделом (если оставить в стороне вопрос о выгонах, пастбищах и т.п.). Хорошим примером могут служить изгороди: расходы на то, чтобы обнести изгородью участок в одну десятину гораздо выше в расчете на десятину, чем когда нужно огородить участок в 15 десятин²³. Хотя владелец небольшого надела имел возможность продать его более зажиточному крестьянину по цене, средней между ценностью земли для продавца и покупателя, это лишь частично смягчало возросшее материальное неравенство²⁴.

Разумеется, рост зажиточности крестьян мог сделать распределение доходов по России в целом более равномерным, потому что крестьяне в целом принадлежали к беднейшим слоям населения. Но это не может быть хорошим показателем социального стресса: крестьянин, очень немного выигравший от огораживания, мог чувствовать себя куда более уязвленным при виде того, как хорошо стали жить некоторые из его односельчан, чем от зрелища богача, обитающего неподалеку в барской усадьбе.

²² Этот момент отмечен в: A. D. Bilimovich, "The Land Settlement in Russia and the War," in Antsiferov, et al., 342.

²³ Для прямоугольных участков стоимость огораживания растёт пропорционально корню квадратному из площади земли, а потому расходы в расчете на одну десятину падают. См.: D. N. McCloskey, "The Economics of Enclosure: A Market Analysis," in *European Peasants and Their Markets*, eds. W. N. Parker and E. L. Jones (1975), 144–145.

²⁴ Ibid., 140–149.

Но представление о том, что богатые крестьяне использовали реформы, а бедные им противились, совершенно не соответствует реальности²⁵. Относительные преимущества землеустроенных и чересполосных участков не были распределены вдоль простой оси богатство—бедность. Первыми общину покидали вдовы, престарелые или одряхлевшие пары, боявшиеся потерять землю в результате очередного передела, а среди тех, кто выбирал переделы и чересполосицу, было довольно много зажиточных крестьян²⁶. Если и возникла тенденция к росту неравенства, то исключительно в силу того, что энергичные и предприимчивые получили возможность развиваться.

Независимо от материального неравенства, реформы, вероятно, ускорили отток рабочих рук из села в город. Среди тех, кто продавал наделы, некоторые уже были заняты вне сельского хозяйства, а другие — прежде привязанные к селу неспособностью реализовать стоимость своих наделов — теперь могли бросить деревню на более выгодных для себя условиях. Это, конечно же, усилило «пролетаризацию», этот жупел, с помощью которого режим годами пугал крестьян, мешая их выходу из общины. На определенном этапе все современные промышленно-развитые страны пережили миграцию крестьян в города и рост численности пролетариата, но эти процессы сопровождались повышением доходов бедных слоев и достижением большей равномерности в распределении национального дохода. Но, только-только переселившись в город, крестьянин не имел тех навыков и знаний, которые могут обеспечить сносные условия занятости²⁷, и какое-то время страдал от бедности и неопределенности своего положения. Поскольку городские рабочие сыграли важнейшую роль и в Февральской,

²⁵ См. в целом: David A. J. Macey, "Government Actions and Peasant Reactions during the Stolypin Reforms," in *New Perspectives in Modern Russian History*, ed. Robert B. McKean (1992), 133—175, и особенно 160—164.

²⁶ См. главу 6 «Ложный след. 4. Выводы из продажи укрепленной в собственность земли» и «Пристрастность в пользу укрепления земли в собственность и выделения земли к одному месту».

²⁷ Robert A. Dickler, "Organization and Change in Productivity in Eastern Russia," in *European Peasants and their Markets*, eds. W. N. Parker and E. L. Jones (1975), 269—292 (говорит о падении материального благосостояния в связи с ростом производительности, но не затрагивает напрямую занятость в городах).

и в Октябрьской революции, столыпинские реформы могли внести вклад в победу большевиков. Однако учитывая существовавшее в городах брожение и его радикальное усиление в период войны, можно считать, что вклад столыпинских реформ был незначительным.

Наконец, усилению социального стресса могла способствовать борьба за место под солнцем при новых правилах игры. Пэллот показывает, что община изобрела способы обуздания стратегического поведения, а реформа открыла новые перспективы манипулирования²⁸ и соответственно повышения социальной напряженности в деревне. Ее утверждения одновременно и истинны и ложны. Если бы община сумела решить проблему стратегического поведения, переделы и чересполосица не создавали бы отрицательных стимулов и практических трудностей вроде таких, как большая доля земли, занятая межами, и даже длительные переходы на дальние поля. Таким образом, Пэллот верно сослалась на принцип Коуза, согласно которому при нулевых «транзакционных издержках» распределение прав не имеет никакого значения, потому что стороны всегда смогут договориться о взаимных уступках, максимизирующих их выгоду.

Но транзакционные издержки, включающие расходы не только на достижение и реализацию договоренностей, но и на маневрирование ради заключения сделки на самых выгодных условиях, никогда не бывают нулевыми. В условиях общины две ее особенности мешали крестьянам договариваться об оптимальных методах обработки и использования земли и разделе урожая: сложность согласования прав, что необходимо для уменьшения потерь и установления надлежащего соотношения между усилиями и долей в урожае, и то, что каждая семья стремилась повысить свою долю потенциальной выгоды от улучшения координации усилий. Таким образом, общинное сельское хозяйство сравнительно неэффективно не просто по причине переделов и чересполосицы; ключевым дополнительным компонентом был обычный человеческий эгоизм, из-за которого оказывались невозможными достижение и реализация договоренностей о создании эффективных стимулов.

Любопытно, что после описания того, как крестьяне использовали дореформенную систему и реформы к собственной

²⁸ Pallot, *Land Reform in Russia*, 104–105.

выгоде (а также для использования системы таким образом, чтобы стремящиеся к собственной выгоде окончательно не отбились от рук), Пэллот характеризует тех, кто использовал правила ради сохранения общины, как людей, «которые поставили общинные интересы выше своих личных»²⁹. При этом в ее книге не найти свидетельств того, что горячие сторонники общины не добивались сохранения переделов и чересполосицы ради *личной* выгоды.

Пэллот, несомненно, права в том, что реформа открыла новые перспективы для стратегического поведения, хотя старые при этом были закрыты. Любое изменение правил создает непредвиденные возможности для манипулирования. В сложной ситуации даже самый блистательный разработчик законопроектов, ни на миг не упускающий из вида действий каждой из заинтересованных сторон, неизбежно что-нибудь проморгает, а это вызовет непредвиденные последствия. Поскольку царское чиновничество вряд ли являлось таким идеальным законодателем, непредвиденных последствий было, конечно же, предостаточно. Но *некоторая* напряженность, создававшаяся тем, что крестьяне активно включились в использование новых возможностей для самовозвеличивания, была платой за серьезное улучшение крестьянских прав собственности. И эта плата была совершенно оправданной, если в долгосрочной перспективе столыпинские реформы могли повысить производительность крестьянских хозяйств и направить крестьянство по пути интеграции со страной, в которой все граждане формально равны перед законом.

*Отношение крестьян к реформе:
принятие и отказ в ходе революции;
землеустройство в Сибири*

Мы уже ознакомились с рядом прямых свидетельств отношения крестьян к реформе, но нам придется учесть еще два события, смежных во времени и в пространстве: во-первых, захват крестьянами земель дворян и некоторых хуторян и отрубников во время Февральской революции, после чего в 1922 г. большевики отчасти восстановили систему землепользования,

---

²⁹ Ibid., 249.

созданную Столыпиным; во-вторых, ликвидация чересполосицы в Сибири, на которую столыпинские законы о реформах не распространялись.

Летом 1917 г. общинные крестьяне присвоили не только помещичьи земли, но и значительную часть бывших общинных земель, на которых после землеустройства велось единоличное хозяйство. Таким образом, они с опережением и с превышением осуществили принятый 26 октября 1917 г. большевистский декрет о земле. Хотя декрет отменил частную собственность на землю и конфисковал все дворянские земли, в нем не было никакой враждебности к хуторянам и отрубникам, ставшим единоличными хозяевами благодаря столыпинским реформам³⁰. Тем не менее крестьяне прирезали себе большую часть выделенных из общины земель, не тронув при этом (по крайней мере временно) дворянские земли³¹. Было ли это с их стороны отречением от реформ?

В некоторых случаях, конечно, действительно было. Но, скорее всего, просто получилось так, что общины стихийно превратились в механизм захвата земли. Чтобы получить свою долю в грабеже, крестьянин должен был быть членом общины, а она мало заботилась о том, кому принадлежала земля. Если перефразировать то, что сказал о банках Уилли Саттон, общины были там, где шел захват земли³². Возможно, в хаосе того времени общинное товарищество было особенно утешительным³³. Любопытно, что в некоторых местах общины, отнимая землю, заплатили за нее крестьянам, купившим ее до 1917 г.³⁴

Что бы ни руководило крестьянами в ходе захватов земли в 1917—1918 гг., похоже, что к 1922 г. они устали от перекладывания общин и увидели достоинства единоличного ведения (если не владения) хозяйства³⁵. Принятый в 1922 г. Земельный кодекс РСФСР ответил на это восстановлением созданного при Столыпине механизма консолидации хозяйств: семьи получили возможность в любое время вывести свою землю из общины с ее

³⁰ Atkinson, *The End of the Russian Land Commune*, 163—167.

³¹ L. Owen, 172.

³² Orlando Figes, *Peasant Russia, Civil War: The Volga Countryside in Revolution, 1917—1921* (1989), 49—50, 56—61; Тюкавкин. С. 150.

³³ Figes, *Peasant Russia, Civil War*, 59—60.

³⁴ Ibid., 106—107.

³⁵ Ibid., 130—131.

согласия, а могли обойтись и без ее согласия, если дело происходило во время общего передела или если о выходе заявили 20% семей. Иными словами, кодекс восстановил столыпинскую систему землеустройства, с единственным исключением: семья не могла в одиночку выйти из общины против ее желания. Крестьяне опять начали создавать единоличные хозяйства, и в Смоленской губернии, например, таковых было более 30%³⁶.

При этом Земельный кодекс 1922 г. отвергал частную собственность — ключевую цель столыпинских реформ. Вся земля была объявлена собственностью государства (ст. 2). Каждый гражданин, желавший своими силами обрабатывать землю, имел право на это, если в деревне, к которой он «принадлежал», имелась в наличии незанятая земля (ст. 9). Право пользования землей было неограниченным и прекращалось только в соответствии с требованиями закона (ст. 11). Но продажа земли, ее дарение, завещание или передача в залог были запрещены в любой форме, а попытка осуществить подобную операцию подлежала уголовному наказанию с конфискацией земли (ст. 27). Если человек уезжал, менял профессию или умирал, земля поступала в распоряжение местных властей, которые, руководствуясь указаниями центральной

³⁶ См.: Земельный кодекс РСФСР. 1922. Ст. 134—139. Хотя советские и партийные организации даже в период непа явно препятствовали этому, крестьяне уходили в единоличное хозяйствование. В Московской губернии доля земли в хуторских и отрубных хозяйствах выросла с жалких 0,13% в 1917 г. до 1,9% в 1927 г. Ковалев Д. В. Крестьянское хуторское хозяйство и его судьба в первой четверти XX в. // Зажиточное крестьянство России в исторической ретроспективе: Материалы XXVII сессии Симпозиума по аграрной истории Восточной Европы. Вологда, 2001. С. 216—223; Шмелев. С. 38 (число хуторов и отрубов в Смоленской губернии к 1924 г. превысило дореволюционный уровень). См. также: James W. Heinzen, *Inventing a Soviet Countryside: State Power and the Transformation of Rural Russia, 1917—1929* (2004), 143 (к 1927 г. 222 млн из 233 млн га обрабатываемой земли в РСФСР были в общинной собственности, 6 млн — под отрубами и хуторами, а 2 млн — в коллективных хозяйствах; заметьте, что в этих данных смешаны формы землепользования и землевладения). Отруба и хутора были сконцентрированы в западных губерниях — в Смоленской их доля составляла 33,5% (Heinzen, 163). Процесс выхода на отруба и хутора резко затормозился в 1923 г., когда народным комиссаром земледелия стал А. П. Смирнов (Heinzen, 164).

власти, находили земле новое применение. Небольшие послабления пользователям давали положения об относительно краткосрочной аренде земли (ст. 28—38). Если бы в этой системе права землепользования развились в настоящее право собственности, что было вполне возможно, трудно было бы найти другой способ для реализации отвратительного сочетания застоя и наследуемости.

Тем не менее тот факт, что большевики восстановили процесс землеустройства и создали непрерывное право землепользования (*possessory right*), позволяет предположить, что во многих существенных отношениях столыпинские реформы соответствовали крестьянским ожиданиям.

Хотя реформы были предназначены для европейской части России, сходный процесс — безо всякого указа или закона — развернулся и в Сибири. За 1908—1913 гг. около 6 млн десятин земли были нарезаны едиными участками, а на еще 14 млн десятин шли землеустроительные работы³⁷. Участие правительства было ограничено предоставлением ссуд на землемерные работы (но только для миллиона десятин, да и то лишь для разверстания целых деревень, а не выделения отдельных хозяйств). Кроме этого, правительство сделало сибирским крестьянам некий намек: после того, как в 1910 г. Столыпин с министром сельского хозяйства (А. В. Кривошеиным) посетили Сибирь, повиную наделов новым переселенцам стали выделять на правах личной собственности и на хуторских или отрубных участках³⁸. 6 млн десятин в Сибири — это примерно половина от 13 млн

³⁷ Donald W. Treadgold, *The Great Siberian Migration* (1957), 233—234. Еще одним примером может быть Польша. Закон 1910 г. распространялся и на Польшу, но землеустроительные организации здесь начали создаваться только в июне 1912 г. George Yaney, *The Urge to Mobilize: Agrarian Reform in Russia, 1861—1930* (1982), 156, п. 5. Тем не менее реформа прошла здесь с большим успехом. См.: Robert E. Blobaum, “To Market! To Market! The Polish Peasantry in the Era of the Stolypin Reforms,” *Slavic Review* 59 (2000): 406—426. Но поскольку в этих местах никогда не было перелесных общин, этот успех не дает оснований для выводов относительно собственно России.

³⁸ Treadgold, *The Great Siberian Migration*, 195—196, 233—234. (Решение Совета министров от 4 марта 1911 г. о том, что в Сибири не менее трети наделов должны предоставляться в виде обособленных участков).

десятин в европейской части России, на которых было проведено землеустройство, но, поскольку неясно, сколько земли там обрабатывалось, нельзя провести корректное сравнение³⁹.

На первый взгляд кажется поразительным, что столь большое число общин могло единогласно высказаться за разверстание. Но есть два обстоятельства, мешающие сделать отсюда какие-либо выводы о том, как подобный подход мог бы сработать в европейской части России. Сравнительно большая доля новых переселенцев (после 1899 г.) прибыла в Сибирь из западных губерний и южных степей, где традиции передела были сравнительно слабы; в западной части России фактически часто происходили разверстания по всеобщему согласию⁴⁰. Еще важнее то, что в Сибири проблемы переделов и чересполосицы стояли не столь остро, так что в результате передела семья обычно получала уже привычную землю⁴¹. Поэтому и землеустройство здесь проводить было проще. Наконец, отсутствие здесь дворянской земли не давало крестьянам оснований для конфискационных мечтаний, которые так отвлекали внимание крестьян в европейской части России, а направило их внимание на то, чтобы как можно лучше организовать имеющуюся собственность.

Выгоды: мягкие переменные

Преобразование общественной жизни было одной из целей Столыпина. В его речах в Думе последовательно рисуется образ нового русского крестьянина — свободного от искусственных ограничений, уверенного в себе, самостоятельного и готового рисковать. Правительство, говорил он, «желает поднять крестьянское землевладение, оно желает видеть крестьянина богатым, достаточным, так как где достаток, там,

³⁹ Тредголд сопоставляет 6 млн десятин с 33 млн в «деревнях давних поселенцев» (Treadgold, *The Great Siberian Migration*, 233), из чего следует, что в Сибири через землеустройство прошла намного большая доля земли. Но он не дает ответа на вопрос, были ли за пределами этих деревень еще какие-либо местности, которые также могли бы выиграть от разверстания, а потому должны быть включены в знаменатель).

⁴⁰ Treadgold, *The Great Siberian Migration*, 255.

⁴¹ Ibid., 231; см. также: ibid., 125—126.

конечно, и просвещение, там и настоящая свобода. Но для этого необходимо дать возможность способному, трудолюбивому крестьянину, то есть соли земли русской, освободиться от тех тисков, от тех теперешних условий жизни, в которых он в настоящее время находится. Надо дать ему возможность укрепить за собой плоды трудов своих и представить их в неотъемлемую собственность»⁴².

Он надеялся, что, позволив «многомиллионному сельскому населению» достичь продуктивной самодостаточности, реформа создаст правовые основания на «преобразованное русское государственное здание»⁴³. С реформами, заявил он, «весь запас [крестьянского] разума, его воли находится в полном его распоряжении: он в полном смысле слова кузнец своего счастья. Но, вместо с тем, ни закон, ни государство не могут гарантировать его от известного риска, не могут обеспечить его от возможности утраты собственности, и ни одно государство не может обещать обывателю такого рода страховку, погашающую его самостоятельность»⁴⁴.

Это видение бесконечно далеко от восприятия крестьянина как жертвы и более или менее беспомощного подопечного государства.

Трудно подыскать объективные данные, которые позволили бы как-то измерить успех Столыпина в этом отношении. Но современники утверждали, что изменения были заметны. Нам уже известен отзыв крестьянина, сказавшего, что «общинное землевладение хорошо для скота, а единоличное — для закона и порядка». Кофод (виднейший деятель землеустройства) утверждал, что пьянство и драки пошли на спад. Хотя это и не прямая цитата, похоже, он полагал, что главным фактором, помимо трезвости, необходимой для личной ответственности, является сокращение круга вопросов, требующих коллективного решения и тем самым создающих условия для острых ссор между соседями и пьянства. Сход сохранился и после развестания⁴⁵, но круг решаемых на нем вопросов резко сузил-

⁴² *Столыпин П. А.* Нам нужна великая Россия: полное собрание речей в Государственной Думе и Государственном Совете, 1906—1911. М.: 1991. С. 93 (речь от 10 мая 1907 г.).

⁴³ Там же. С. 99 (речь от 16 ноября 1907 г.).

⁴⁴ Там же. С. 177 (речь от 5 декабря 1908 г.).

⁴⁵ *Тюкавкин.* С. 177—178.

ся. Кофод напрямую связывает уменьшение пьянства с тем, что сход, бывший удобным поводом для попоек, стали соби-
раться много реже. У него есть еще одно наблюдение: с одной
стороны, можно было предсказать, какие деревни пойдут на
разверстание, просто спросив, откуда поступает больше все-
го жалоб на драки, но с другой — после разверстания всякие
драки прекращались⁴⁶.

Один автор, не сочувствующий реформам, объявляет, что
«было показано, что в годы между двумя революциями среди
крестьян произошел массовый поворот в сторону более инди-
видуалистического поведения»⁴⁷. И хотя реформы, вероятнее
всего, были особенно привлекательны для крестьян, уверенных
в себе, другой автор делает вывод, что опыт управления еди-
ноличным хозяйством сам по себе «стимулировал их любозна-
тельность, предприимчивость и уверенность в себе»⁴⁸. Другой
утверждает, что в результате реформ «крестьянский элемент,
превращавшийся в зародыш класса богатых фермеров, имел
более крепкие корни, чем аналогичный тип делового человека
в городе, который во многих случаях был зависим от иностран-
ных фирм или прямой поддержки со стороны государства»⁴⁹.
Сравнение поистине убийственное, потому что и в самом деле
русская промышленность очень сильно зависела от иностран-
ных инвестиций (особенно фирмы в Санкт-Петербурге и на
Украине) или от государственных заказов (особенно рабо-
тавшие на армию санкт-петербургские заводы)⁵⁰. Крестья-
не, получившие благодаря реформам собственность, были бы
свободны от подобной зависимости — по крайней мере до тех
пор, пока другие правительственные меры не вергли бы их
опять в состояние зависимости.

⁴⁶ Кофод К. А. 50 лет в России (1878—1920). М., 1997. С. 172. См.
также: Карпачев М. Д. Воронежское крестьянство о зажиточности
в годы столыпинской реформы // Зажиточное крестьянство России
в исторической ретроспективе: Материалы XXVII сессии Симпозиу-
ма по аграрной истории Восточной Европы. Вологда, 2001. С. 195
(сообщает, что в Воронежской губернии вышедшие из общины стали
меньше пить).

⁴⁷ Geroid T. Robinson, *Rural Russia Under the Old Regime* (1969), 238.

⁴⁸ Kerans, 366.

⁴⁹ L. Owen, 72.

⁵⁰ Tim McDaniel, *Autocracy, Modernization and Revolution in Russia
and Iran* (1991), 120—121.

Оценивая принесенные реформой изменения, легко впасть в ошибку и вообразить, что до реформы у крестьян не было вовсе никакого опыта операций на рынке земли. Пропаганда «крестьянских» партий создавала впечатление почти непримиримой враждебности, особенно если взять их идею, что права на землю должны быть только у тех, кто на ней непосредственно работает. Но была по меньшей мере одна ситуация, в которой крестьяне использовали рынок земли, чтобы избавиться от чересполосицы и улучшить свое материальное положение. Как уже отмечалось, они арендовали полоски земли в полях, настолько незначительных и расположенных так далеко от деревни, что урожай вряд ли оправдывал затраченные усилия. В ответ эту на ситуацию возник класс мелких предпринимателей, *собираателей земли*, или *землепромышленников*, которые брали эти полоски в аренду, а потом сдавали их в виде единых участков⁵¹. Возделывавшие эти поля не были собственниками земли, но крестьяне прекрасно понимали, что это дело выгодное⁵². Семена реформы с ее крестьянской собственностью на землю упали не на совершенно бесплодную почву.

Мейси отмечает, что после принятия закона 1911 г. предметом дискуссий в «толстых журналах» и в неревolutionционной прессе стали не принципы реформ (и альтернативные подходы), а более прагматичные вопросы «о том, как лучше проводить реформы и в какой еще помощи нуждается сельский мир». Он показывает, что позиция образованного общества изменилась в силу отсутствия заметных признаков того, что крестьянам стало хуже⁵³. А некоторые крестьяне, особенно те, кого правительство вывозило на экскурсии посмотреть, как живут и работают чешские и немецкие крестьяне, начинали верить, что нужно не зариться на дворянские земли, а рачи-

⁵¹ David A. J. Macey, "The Peasant Commune and the Stolypin Reforms: Peasant Attitudes, 1906—1914," in *Land Commune and Peasant Community in Russia: Communal Forms in Imperial and Early Soviet Society*, ed. Roger Bartlett (1990), 227.

⁵² Мейси отмечает, что «кулаки», оказывавшие эту полезную услугу, выступали (как и многие кулаки других видов) против ликвидации общины, которая была для них источником прямой экономической выгоды. См.: Ibid.

⁵³ David A. J. Macey, "A Wager on History': The Stolypin Agrarian Reforms as Process," in *Transforming Peasants Society, State and the Peasantry, 1861—1930*, ed. Judith Pallot (1998), 167.

тельное использовать собственные, и это будет самым верным путем к зажиточности⁵⁴. В этих изменениях можно видеть и признаки большей зрелости политической культуры России, в которой на смену противоборству, характерному для первой и второй Думы, где позиции сторон оказались настолько несовместимы, что даже не нашлось почвы для компромисса, пришло обсуждение практических вопросов, располагающих к сделкам и договоренностям. То, что случилось после Февральской революции, когда радикальное противостояние приняло форму двоевластия Временного правительства и Советов, наглядно показывает, что не стоит переоценивать эти изменения, хотя они и могли бы стать началом.

Вопрос об эффективности реформ в отвлечении крестьян от революции могло бы прояснить географическое распределение захвата земель общинниками в 1917—1918 гг. Но трудно разглядеть здесь какую-либо закономерность. Много захватов земель было в Центрально-Черноземном и Средне-Волжском районах, которые сильно отставали по темпам землеустройства. Возможно, это довод в пользу реформ. Но в той мере, в какой реформы были действительно необходимы, чтобы отвратить угрозу, создаваемую беспорядками в этих регионах, этот аргумент следует отвести или хотя бы сделать его более сбалансированным⁵⁵.

Поправление новых прав собственности

Логика столыпинских реформ требовала полной свободы отчуждения недвижимости и нестесненного рынка земли, на котором нужны были особые меры защиты крестьян от собственных опрометчивых решений о продаже и залоге (скажем, в виде требования второй подписи через несколько дней после первой). Но на деле законы ограничивали площадь надельной земли, которую мог приобрести крестьянин, и плюс к этому ему разрешалось продавать (или закладывать) ее только крестьянам и никому другому. Подобная политика, подрывающая либеральную реформу в ее основах, вполне закономерна в нелиберальных странах.

⁵⁴ Карпачев, 198—199.

⁵⁵ L. Owen, 138—145.

Прежде всего установление предела наделной земли, которую мог приобрести единоличный хозяин, о чем мы уже говорили, не позволяло собирать воедино самые плодородные участки. Легко понять, что такое укрупнение хозяйства не грозило никаким монополизмом, потому что для подобного расширения существует естественный и общий для любого бизнеса предел — проблема добросовестности исполнителей. В условиях России того времени такое расширение хозяйств не могло представлять никакой опасности.

Существеннее был запрет на продажу земли некрестьянам. Не говоря уж о том, что этот запрет был направлен на закрепление сословной разделенности, он лишал крестьян возможности использовать наделную землю как залог для получения частного кредита у наиболее доступных частных кредиторов не из числа крестьян. Отрезав этот путь, государство почти ничего не сделало для предоставления кредитов под залог из принадлежавшего ему Крестьянского банка, а создало альтернативную кредитную систему, воплотившую традиционное для режима патерналистское отношение к крестьянам.

Хотя указ от 15 ноября 1906 г., а позднее и закон от июля 1912 г. разрешил Крестьянскому банку предоставлять ипотечные ссуды на мелиорацию наделных земель, ссуды под залог наделных участков составили лишь 1% всех кредитов, выданных банком за период с 1906 по 1915 г., и большая часть таких кредитов была выдана крестьянам в Сибири и Средней Азии. Отчасти причиной этого отказа от развития ипотечного кредитования была осторожность Министерства финансов, но существеннее было следующее опасение: залог наделной земли даже Крестьянскому банку был чреват огромным риском массового невозврата ссуд, что могло привести к нарушению «неприкосновенности» крестьянской земли⁵⁶. На практике забота о неприкосновенности оборачивалась (как мы увидим) «кооперативной» системой кредитования, подавлявшей на местах крестьянскую инициативу.

⁵⁶ Yanni Kotsonis, *Making Peasants Backward: Agricultural Cooperatives and the Agrarian Question in Russia, 1861–1914* (1999), 62, 91. См. также: *Копелин А. П.* Сельскохозяйственный кредит в России в конце XIX—начале XX в. М., 1988. С. 175–190, 240 (лишь самая незначительная часть выданных ссуд была предназначена для повышения урожайности).

Современные сторонники столыпинских реформ иногда указывают на распространение кооперативов как на признак того, что добровольные крестьянские организации естественным образом вытесняли крепостническую общину⁵⁷. Но кооперативы эти по большей части были творениями государства. Государственные кредитные учреждения использовали морковку дешевого необеспеченного залогом кредита для поддержки кооперативов и вытеснения с рынка крестьян, предоставлявших кредит и оказывавших иные услуги (занимались, главным образом, переработкой молока). Хотя Кривошеин и Столыпин настаивали на расширении коммерческого кредитования под залог надельной земли⁵⁸, Центральный банк предпочел предоставлять не обеспеченные залогом ссуды кооперативам, поскольку видел в них инструмент, дающий возможность чиновникам и прочим цивилизованным людям «защищать» крестьянство от опасности, исходящей от кулаков — т.е. тех крестьян, которые имели возможность предоставлять экономически обоснованные ссуды или организовывать новые предприятия⁵⁹.

Этот подход идеально совпадал с идеологией кооперативного «движения». Его сторонники видели в кооперативах золотую середину между социализмом и капитализмом, отвергая, например, «капиталистический закон “железной необходимости”» и социалистический закон “исторической необходимости”»⁶⁰. Но весь их сарказм был припасен только для капитализма, а о социализме они предпочитали помалкивать. Они мечтали об «уничтожении капиталистической прибыли и эксплуатации»⁶¹ и развивали сеть кооперативов как средство борьбы против «эксплуатации трудящихся представителями денежного, товарного и производительного»⁶². В антикапиталистических настроениях они видели «главный цемент, соединяющий великую кооперативную семью в одно целое»⁶³. Для активистов этого движения кооперативы никогда не были

⁵⁷ См., напр.: Федоров Б. Петр Столыпин: «Я верю в Россию». М., 2002. Т. 1. С. 384; Volin, 112—114; Шмелев. С. 46.

⁵⁸ Kotsonis, 66—67, 90—93.

⁵⁹ Ibid., 71—73.

⁶⁰ Ким Чан Чжин. Государственная власть и кооперативное движение в России-СССР (1905—1930). М., 1996. С. 18.

⁶¹ Там же. С. 20.

⁶² Там же. С. 22.

⁶³ Там же. С. 36.

одним из нескольких путей к добровольному сотрудничеству людей, стремящихся улучшить свое материальное положение — а ведь именно так действуют взрослые люди в условиях капитализма⁶⁴.

Эти антикапиталистические взгляды были, по сути дела, встроены в контролируемый государством процесс кооперативного кредитования. Один докладчик на ведомственной конференции, например, доказывал, что практика кредитования под залог противоречила бы идее, которую пытаются донести до общества государственные кредиторы — необходимо «понизить капитал из роли хозяина до роли слуги, обслуживающего интересы трудового населения»⁶⁵.

Едва ли кого-нибудь может удивить тот факт, что часть российской интеллигенции была охвачена антикапиталистическими настроениями, но вот союз между кооперативным движением и царским режимом может показаться поразительным. Движение получало от государства деньги в обмен на подконтрольность и отказ от независимости, а государство за свои деньги и риск оказаться помощником подрывных организаций получало механизм подъема крестьянского благосостояния (как оно понимало этот вопрос)⁶⁶ и возможность следить за деятельностью потенциальных нарушителей порядка. Можно было бы предположить, что антикапиталистическая риторика кооператоров должна была вызвать отвращение царских чиновников, но этого не было.

На деле в высших кругах российского общества, в которых доминировали консервативно настроенные аграрии, господствовала враждебность к капитализму. Они, совершенно как марксисты, видели в капитализме предтечу социализма⁶⁷ и считали его чуждым не только России, но даже «русской душе»⁶⁸. Были определенные основания для идеи о том, что русский склад ума плохо согласуется с капитализмом. Не говоря уж об огромной роли явно иностранного капитала, роль

⁶⁴ См.: Robert Nozick, *Anarchy, State and Utopia* (1974), 163. *Нотизк Р.* Анархия, государство и утопия. М., 2007. С. 000.

⁶⁵ Kotsonis, 73.

⁶⁶ *Ким.* С. 101. См.: Там же. С. 98—137 (обсуждение условий сотрудничества между кооперативным движением и режимом).

⁶⁷ Thomas C. Owen, *Russian Corporate Capitalism from Peter the Great to Perestroika* (1995), 123.

⁶⁸ *Ibid.*, 115—138.

этнических меньшинств в учреждении и управлении российскими корпорациями многократно превосходила их долю в численности населения. Русские немцы, например, составляли всего 1,4% населения, но среди учредителей корпораций в 1896—1900 гг. их было 20,3%, а к 1914 г. они составили 19,3% их руководителей⁶⁹. При этом доля этнических русских была явно завышена в силу их возможностей манипулировать связями при дворе для того, чтобы *деформировать* рынок⁷⁰.

В свете сказанного выше в том факте, что режим поддерживал кооперативное движение, которое было явно враждебно идеям аграрной реформы, нет ничего удивительного. Это всего лишь свидетельство слабости российского либерализма в период, на который пришелся его предреволюционный пик.

На практике правительство, поддерживая кооперативное движение, вытесняло частных капиталистов, работавших в рамках рыночных ограничений, поскольку могло ссужать мелкими порциями казенные деньги, не особо заботясь о возврате средств. Чиновники, контролировавшие кредитование кооперативов, отказывали тем из них, в правлении которых находились «торгаши» или люди, которых можно было в этом заподозрить. Инспекторы противопоставляли торговцам «крестьян-производителей»⁷¹ и с возмущением говорили о «вопиющем торгашестве», т.е. о «перепродаже товаров с присвоением разницы в цене»⁷². Инспекторы доходили даже до того, что отказывали в ссудах тем кооперативам, в правление которых входили «влиятельные люди», такие как деревенские писцы⁷³. Один инспектор добивался того, чтобы сравнительно независимый кооператив отказался от помощи двух образованных местных людей — священника и счетовода, которые даже не входили в состав правления. Не достигнув успеха прямым натиском, он все-таки восторжествовал, добившись через губернатора, чтобы священника сослали в монастырь, а счетовода призвали в армию⁷⁴. Крестьяне, быстро научившиеся подыгрывать

⁶⁹ Ibid., 187.

⁷⁰ Ibid., 50—84. См. там же: с. 40, где речь идет о практике подношений фаворитам царя. Клановый капитализм был изобретен не вчера.

⁷¹ Kotsonis, 156.

⁷² Ibid., 157.

⁷³ Ibid., 158—159.

⁷⁴ Ibid., 164.

предубеждению начальства, били на жалость, изображая полную непригодность к жизни. Один, добиваясь увеличения ссуды для своего кооператива, упирал на «темноту» и «беззащитность» его членов, а инспектор жизнерадостно опубликовал это исполненное самоуничижительной вернопопданности письмо в журнале под заголовком «Наша темнота»⁷⁵.

Программа достигла немалого успеха в подавлении частной рыночной инициативы. Число частных маслобоен в Вологодской губернии сократилось с 363 в 1905 г. до 136 в 1914 г. (примерно так же выросло число кооперативных маслобоен), а чиновники, наводнившие село казенными ссудами, взяли курс на полное «искоренение» частных предприятий и замену их субсидируемыми и контролируемыми государством кооперативами⁷⁶.

Система государственного кредитования губила частную рыночную инициативу на местах и одновременно толкала чиновников к мошенничеству. Хотя номинально процент невозврата ссуд Государственного банка был невелик, достигалось это отчасти практикой *переписки*, т.е. перенесения срока погашения на будущее, когда в отчетности создавалась видимость того, что ссуда была погашена и выдан новый кредит. К 1914 г. доля «переписанных» кредитов составляла от 70 до 80%⁷⁷. Но куда существеннее этого трюкачества было то, что эта политика мешала знающим, предприимчивым крестьянам занять место руководителей, которое им, естественно, принадлежало бы в действительно добровольных крестьянских товариществах и объединениях, которые могли бы взять на себя посредничество в отношениях между государством и единоличными хозяйствами.

Таким образом, приняв подход кооперативного движения к развитию и кредитованию села, правительство добилось следующего: 1) выдавило из руководства кооперативов именно тот тип местных людей, которые могли бы взять на себя роль лидеров в развитии; 2) помешало росту кредитования под залог; 3) обеспечило дешевым кредитом кооперативы, конкурировавшие с частными предприятиями; 4) посредством массовой пролонгации кредитов сделало их «мягкими».

⁷⁵ Ibid.

⁷⁶ Ibid., 151–152.

⁷⁷ Ibid., 177–178.

Если бы правительство поставило своей целью удушение гражданского общества в деревне, то ограничение прав собственности на наделенные участки и программа развития кооперативов были бы превосходным началом.

Когда в 1914 г. началась война, слабость либеральных начал в экономической и общественной жизни России дала себя знать в приемах, выбранных правительством для получения зерна. Указ 1915 г. установил закупочную цену на зерно, по которой крестьяне были обязаны его продавать. Первоначально цена соответствовала рыночному уровню и принуждения не требовалось. С ростом инфляции закупочная цена стала невыгодной для поставщиков, и правительство прибегло к насильственным мерам. Война, конечно, требует отказа от либерализма, и вынуждает правительство использовать палку вместо морковки. Но правительство России, по словам одного автора, оказалось «единственным в Европе, которое разрушило себя во имя мобилизации всех сил на ведение Первой мировой войны»⁷⁸.

*Перспективы либеральной демократии
в условиях, когда нелиберальный режим
делает добровольные шаги в направлении
либерализма*

Хотя столыпинские аграрные реформы представляют собой не более чем отдельный случай, они предлагают некие уроки о шансах того, что нелиберальный режим может по доброй воле привести страну к устойчивой либеральной демократии. Хотя нелиберальный контекст оказывал влияние как на сами реформы, так и на решения в смежных областях политики, но если бы не война, реформы могли сделать страну более либеральной.

Что касается самих реформ, то здесь недемократичный и нелиберальный контекст неизбежно сыграл отрицательную роль. В краткосрочной перспективе, конечно, именно отсутствие демократии сделало реформы возможными — в ту эпоху никакое чисто либеральное правительство не смогло бы начать политику либерализации. Но за недемократичность тоже пришлось платить. Выборное законодательное собрание (если только можно представить, что подобный орган неким

⁷⁸ Yaney, *The Urge to Mobilize*, 419.

чудесным образом решается на приватизацию) могло бы предотвратить ряд ошибочных решений реформаторов (таких как ст. 1 закона 1910 г.). А если бы крестьяне участвовали в принятии этих законов, у них возникло бы чувство, что это действительно их реформа.

Кроме того, нелиберальный характер дореформенной эпохи наложил определенный отпечаток на правила передачи надела, породив прежде всего ряд вопросов относительно законного укрепления за крестьянами земли, — как мы убедились в главе 6, реформы не смогли предложить здесь ясного юридического ответа. Все что касалось будущего надела, зависело, от неизбежно политизированного решения общины о том, нужен ли передел и когда его проводить, но при этом было не вполне ясно, какой передел — последний или будущий — должен быть взят в качестве основания для укрепления земли за теми, кто не участвовал в переделе. Поскольку же из-за общинного характера землепользования и неразвитости земельного рынка продолжала сохраняться чересполосица, это вело к значительному занижению стоимости земли, и денежная компенсация редко могла удовлетворить выделенцев, которые своими требованиями о нарезке надела к одному месту угрожали разрушить общину. Неразвитость земельного рынка создавала атмосферу двусмысленности, а также, — условия для злоупотреблений при выборе земли для выделенцев. Крестьяне, в силу своей изолированности от гражданского общества, были не очень-то склонны доверять чиновникам, на которых была возложена задача разрешения спорных вопросов. А то обстоятельство, что правительство не было в своих действиях сковано требованиями закона, открыло двери для «административного давления».

Все эти недостатки законодательного обеспечения реформ, естественно, имели бы значение только в переходный период. Как только основная масса переделываемых наделов перешла бы в личную собственность, а большая часть чересполосных земель прошла бы через процесс землеустройства, и крестьяне стали собственниками объединенных участков земли, все эти несовершенства стали достоянием истории. В самом деле, по мере того, как ход реформы менялся в соответствии с крестьянскими требованиями (что проявилось, например, в выдвижении на первый план так называемого «группового» землеустройства и в утрате интереса к выделу отдельных

хозяйств), ослабевало противостояние как в самой крестьянской среде между противниками и сторонниками реформ, так и между крестьянством и правительством. Обида и возмущение сохранялись бы еще какое-то время, но они перестали бы быть реальной политической силой.

Однако второстепенные решения правительства стесняли развитие рынков и препятствовали интеграции крестьян в гражданское общество, тем самым бросая тень на долгосрочное воздействие реформ. Эти пагубные для рынка решения — ограничение размеров владений, запрет на продажу или залог земли юридическим или физическим лицам, не принадлежащим к крестьянскому сословию, и субсидирование антирыночного кооперативного движения — отрицательно сказывались на росте крестьянской предприимчивости, инициативности и, в конечном счете, на перспективах сближения крестьянства с гражданским обществом. И эти решения правительства не кажутся чем-то случайным. Скорее они выглядят как естественный результат характерного для режима снисходительного отношения к крестьянам, укоренившегося представления, что они нуждаются в опеке, и недоверия — или страха и отвращения — к рынкам.

Должны ли мы заключить, учитывая эту ущербность, что у добровольной либеральной реформы в условиях нелиберального режима мало шансов привести страну к либеральной демократии? В одном смысле, несомненно, история подтверждает предположения Норта: как он и предполагает, ключевые деятели элиты *не* намеревались идти к либеральной демократии. И царь, и та часть дворянства, которая поддержала Столыпина, рассчитывали на то, что реформа улучшит материальное положение крестьян и явится хотя бы по видимости политическим действием по облегчению страданий крестьянства. Но если бы им сказали, что целью реформ является либеральная демократия, они, несомненно, отшатнулись бы от них. Что касается самого Столыпина, здесь нет полной ясности. Но ведь не имеет большого значения, что на самом деле думал Столыпин — без поддержки царя и/или дворянства, он ничего сделать не смог бы. Столыпинские реформы не были примером того, как элита добровольно стремится поделиться властью и подрезать собственные крылья.

Тем не менее реформы могли двинуть Россию в сторону либеральной демократии. Возможно, необходимо было со-

блюдение трех условий. Прежде всего, конечно, нужно было время — на то, чтобы реформы охватили всю страну и начали ощущаться ее результаты. Во-вторых, правительство должно было исправить множество ошибок в своей политике: отменить предел на расширение крестьянского хозяйства; убрать препятствия для развития ипотечного кредитования; прекратить субсидирование конкурировавшего с частным сектором кооперативного движения, направлявшегося социалистически настроенной интеллигенцией. В-третьих, крестьяне должны были занять заметное место в жизни гражданского общества. Второе и третье условия дополняют друг друга: исправление ошибочных решений повысило бы роль крестьян в гражданском обществе, а это сплотило бы политические силы, готовые способствовать успеху реформ.

Как могло бы развиваться и крепнуть участие крестьян в жизни гражданского общества? Во-первых, крестьяне, которые стали фермерами, а особенно те, кто добились достаточно высокого материального положения, захотели бы играть политическую роль. Во-вторых, фермеры вошли бы в добровольные организации горожан, где смогли бы наладить контакты и овладеть искусством убеждать и организовывать. Фермеры смогли бы выйти за пределы общины и проявили бы свои организаторские таланты на более широком поприще. Многие из таких добровольных объединений носили бы неполитический характер и заботились о всяческом улучшении общественной жизни — о создании библиотек, больниц, пожарных команд и пр., заложив основу для политических действий. Тем самым они постепенно преодолевали бы разобщенность, которая, согласно Марксу, обрекает крестьян на политическое бессилие. Подобно тому, как в Кении зажиточные фермеры доказали свою способность отстаивать интересы сельскохозяйственных производителей в целом (см. главу 1), то же самое смогли бы сделать и русские крестьяне, превратившиеся в настоящих фермеров, — и они сумели бы сплотиться, чтобы противодействовать хищническим поползновениям государства.

Хотя нелиберальные режимы редко, а может и никогда, не идут на добровольный отказ от власти, они добровольно *идут* на меры, ведущие к либерализации. Естественно, что шансы на это больше всего там, где перспектива ослабления власти существующей элиты весьма сомнительна. Столыпинские реформы стали возможны именно потому, что не обещали

непосредственного ущемления власти тех, кто стоял во главе государства.

Кода: приватизация сельскохозяйственных угодий в современной России

Более чем через 10 лет после развала СССР права собственности в деревне соответствуют требованиям современного сельского хозяйства не в большей, а пожалуй, и в меньшей степени, чем в то время, когда Столыпин стал премьер-министром⁷⁹. Реформирование сельского хозяйства привлекает намного меньшее внимание общественности, чем это было в преддверии столыпинских реформ, и получает намного меньше ресурсов — вспомните про обучение землемеров и финансовую помощь на создание хуторов и отрубов. Недостаток внимания объясняется, несомненно, тем, что сегодня роль сельского хозяйства в экономике намного скромнее, а в деревнях не копится потенциал бунта и насилия. Перспективы реформ мрачны и по той причине, что деревенское население в России не растет, а стареет, и любое начинание в этой области рискует увязнуть в обязательствах по содержанию деревенских стариков⁸⁰.

На повестке дня опять приватизация, хотя с совершенно иной точки зрения. Сегодня большая часть сельскохозяйственных земель номинально находится в частной собственности, но собственниками являются корпоративные преемники советских колхозов и совхозов. Члены этих образований владеют «земельными паями». Но это всего лишь абстрактные права — земля не разделена, и контролируют ее всевозможные акционерные общества, нередко арендующие ее у держателей паев. Размер этих акционерных обществ — по большей части

⁷⁹ Превосходный обзор современных проблем см. в: Leonard Rolfes, "Completing Agricultural Land Reform in Russia: Outstanding Policy and Legal Issues," (Rural Development Institute, March 2004) (черновой вариант). См. также: Stephen K. Wegren, "Observations on Russia's New Land Legislation," *Eurasian Geography and Economics* 43, no. 8 (December 2002): 651—660; David J. O'Brien and Stephen K. Wegren, eds., *Rural Reform in Post-Soviet Russia* (2002); Stephen K. Wegren, *Agriculture and the State in Soviet and Post-Soviet Russia* (1998).

⁸⁰ См.: Шмелев. С. 218—253 (сопоставление двух эпох).

продукт советской гигантомании, а не ответственных решений частных лиц и фирм, реагирующих на рыночные условия⁸¹. Не существует рынка корпоративного контроля над этими мастодонтами, и нет практики дробления корпоративной собственности на более управляемые и производительные единицы. В этих акционерных обществах отсутствует структура управления, которая обеспечивала бы заинтересованность менеджеров в дроблении предприятий на более производительные структуры или позволяла людям внизу легко добиваться такого дробления. Тем временем незначительные по площади приусадебные хозяйства демонстрируют куда большую продуктивность и прибыльность, чем огромные площади бывших коллективных хозяйств, и производят сегодня даже большую долю продукции, чем в советские времена (в 1998 г. 57% общей стоимости сельскохозяйственной продукции по сравнению с 26% в 1990 г.)⁸².

Решение о приватизации принято, но провести его в жизнь непросто. В 2002 г. был принят закон «Об обороте земель сельскохозяйственного назначения», дающий каждому владельцу земельного пая право требовать выделения отдельного участка земли⁸³. Но правительство еще не установило примирительные процедуры, которых требует закон для разрешения споров между сельскохозяйственным предприятием и одним из его членов, пытающимся реализовать свое право. Опыт столыпинской реформы свидетельствует о том, что споры могут быть очень ожесточенными. Люди, собирающиеся выделиться, принимают это решение в разное время; предпочитающие остаться в коллективе не захотят молча смотреть на то, как их имущество растаскивается по частям.

Если рыночная стоимость земли, намеченной к выделу, превосходит стоимость аналогичного пая остающейся в хозяйстве земли (т.е. стоимость такого же количества земельных паев, как у выделенца), закон предусматривает денежную

⁸¹ O'Brien and Wegren, 10.

⁸² См., напр.: Zemfira Kaluga, "Adaptation Strategies of Agricultural Enterprises During Transformation," in *Rural Reform in Post-Soviet Russia*, eds. O'Brien and Wegren, 371. По вполне понятным причинам приусадебная земля обрабатывается намного тщательнее и любовнее, чем вся остальная.

⁸³ Федеральный закон Российской Федерации № 101-ФЗ «Об обороте земель сельскохозяйственного назначения» (2002).

компенсацию со стороны последнего в пользу покидаемого им коллектива (ст. 15). Очевидно, что рыночные оценки стоимости земли зачастую будут спорными. Закон не предусматривает возможность того, что коллектив и выделенец могут согласовать размер участка таким образом, чтобы учитывались особенности качества и местоположения, а потому неизбежны многочисленные споры по вопросу о денежной компенсации, а необходимость выкладывать деньги может помешать многим владельцам земельных паев в реализации своих прав. Нет и положения о том, что несколько семей могут требовать выделения им участков единым массивом.

Закон «Об обороте» устанавливает дополнительные и неоправданные препятствия к тому, чтобы члены коллективного хозяйства могли получить свой земельный пай: каждая из 89 областей Российской Федерации может устанавливать свой минимальный размер выделяемой земли сельскохозяйственного назначения — по-видимому, из опасений чрезмерной раздробленности земельных участков (ст. 4, 13(1)). Непонятно, почему бы не дать людям решать такие вещи самостоятельно, особенно если иметь в виду, что каждый, верящий в большую продуктивность более крупных хозяйств, может выкупить землю у тех, кому достались участки, не обеспечивающие эффективного хозяйствования.

Закон обеспечивает и механизм коллективных изменений, как в столыпинских реформах. Ст. 14 предусматривает, что решение о «порядке владения и использования» земли, находящейся в общей собственности, должно приниматься двумя третями голосов участников собрания, на котором присутствует не менее 20% собственников. Основной смысл здесь может заключаться в решении таких вопросов, как сдача земли в аренду более предприимчивым лицам или фирмам, но похоже, что таким образом можно распорядиться и всей коллективной землей. 20%-ный кворум — это очень низкий порог; неужто для того, чтобы нужные люди могли обделывать свои делишки?

Помимо разницы в законодательстве (и в низком уровне внимания государства), есть два структурных различия между сегодняшней ситуацией и 1906 г. С одной стороны, сегодня уже нет проблемы чересполосицы; бывшие колхозники и совхозники, не сумевшие приватизировать свои земельные паи, не имеют во владении ничего, кроме своих домов и приусадеб-

ных участков. Но возникла другая проблема: наличие неделимого сельскохозяйственного оборудования, производственных зданий и сооружений, которые в силу размера не могут быть использованы в семейном хозяйстве и даже в небольшом коллективном хозяйстве, объединяющем несколько семей. У большинства сельскохозяйственных акционерных обществ просто нет денег, чтобы компенсировать бывшим колхозникам права на эти вещи. Если бы можно было достаточно строго оценить стоимость самого хозяйства, что предполагает известную прозрачность структуры корпоративного управления и наличие рынка акций бывших колхозов и совхозов, имело бы смысл расплатиться с людьми акциями. Но, если описать все необходимые для этого условия, получится, что это решение неосуществимо. Хорошо лишь то, что вся эта техника и постройки настолько обветшали и устарели⁸⁴, что мало кого смогут удержать от выделения.

Закон об обороте сельскохозяйственных земель мало того что неполно и громоздко решает вопрос о приватизации, но еще создает новые препятствия для развития рынка земель сельскохозяйственного назначения. Самое поразительное, он дает «субъектам Российской Федерации» приоритетное право на покупку земель, выставленных на продажу. Он требует, чтобы собственник сначала предложил свою землю властным структурам по особой цене, а если власть не заинтересуется покупкой, собственник может предложить ее другим покупателям, но по цене не ниже той, которую отвергло областное начальство (ст. 8). Это затрудняет проведение сделок и мешает нормальному процессу, в ходе которого продавец может проверить рынок, предложив свою собственность сначала по завышенной цене, чтобы потом постепенно ее снижать, нащупывая нормальную цену. В сходное положение поставлены владельцы земельных паев, задумавшие от них избавиться (ст. 12). Составители закона либо не знакомы с тем, как функционируют рынки, либо настроены к ним враждебно⁸⁵. Невольно возникает подозрение, что закон написан с целью создать наилучшие возможности для взяточничества.

⁸⁴ См.: O'Brien and Wegren, 11 (о резком падении закупок новых комбайнов, грузовиков и тракторов в 1990-е гг.).

⁸⁵ См.: Rolfes (об этом пункте и о других созданных законом препятствиях развитию рынка земель сельскохозяйственного назначения).

Далее, так же как в начале 1900-х гг. государство организовало льготное кредитование кооперативов, современное российское государство щедро раздает льготные кредиты крупным сельскохозяйственным предприятиям, искусственно затрудняя жизнь мелким и мельчайшим хозяйствам. Более того, опять — как и в начале 1900-х гг. — государство выступает в роли снисходительного кредитора. Несмотря на большой процент банкротств, убиравших с рынка непригодных менеджеров, многие крупнейшие сельскохозяйственные предприятия продолжают работать в убыток, защищаемые от очищающего действия банкротства милостью государственных кредиторов⁸⁶. Эти кредиты не только мешают становлению рынка коммерческого кредитования, но и консервируют культуру патронажных отношений, когда экономический успех больше зависит от связей с государственными чиновниками, чем от конкурентоспособности продукции⁸⁷.

* * *

Как и в эпоху Столыпина, отдельные сторонники либеральных реформ хотя бы номинально близки к вершинам власти в России, примером чего до недавнего времени мог служить экономический советник президента Андрей Илларионов. Близость таких людей к власти помогает объяснить шаги по либерализации сельскохозяйственного сектора. Но остаются крайне шаткими главные опоры либеральной демократии, а именно личная свобода выражать свои мнения открытым и демократически значимым образом (в том числе через свободные средства массовой информации); защищенность частной собственности; независимый и беспристрастный суд;

⁸⁶ См.: Stephen K. Wegren, "Russian Agriculture During Putin's First Term and Beyond," in *Eurasian Geography and Economics* 46, no. 3 (March 2005): 224—244. О разрушительном влиянии льготного кредитования и государственного покровительства в современной России см.: Andrzej Rapaczynski, "The Roles of the State and Market in Establishing Property Rights," *J. Econ. Perspectives* 10, No. 2 (Spring 1996): 87—103.

⁸⁷ О подобном ходе развития на Украине см.: David Sedik, "Missing Pillars: The Failures of Rural Finance in Ukraine," in *Building Market Institutions in Post-Communist Agriculture: Land, Credit, and Assistance*, eds. David A. J. Macey, Will Pyle, and Stephen K. Wegren (2004), 89—106.

предсказуемость закона; соблюдение закона самим государством; решение основных законодательных вопросов законодательным собранием; энергичное и влиятельное гражданское общество. В отличие от ситуации 1906 г., беспорядки в сельской местности перестали быть серьезной проблемой как в силу старения и сокращения численности сельского населения, так и в результате удушающего влияния семи десятилетий коммунизма. Поэтому реформа прав собственности на сельскохозяйственные угодья не является столь же насущной задачей, какой она была сто лет назад. Но сохраняются все риски, сопутствующие либеральной реформе в нелиберальном государстве.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Положение о выкупе крестьянами, вышедшими из крепостной зависимости, их усадебной оседлости, и о содействии Правительства к приобретению ими крестьянами в собственность полевых угодий.

№36659

165. До уплаты выкупной ссуды выдел участков отдельным домохозяевам из земли, приобретенной обществом, допускается не иначе как с согласия общества. Но если домохозяин, желающий выделиться, внесет в Уездное Казначейство всю причитающуюся на его участок выкупную ссуду, то общество обязывается выделить крестьянину, сделавшему такой взнос, соответственный оному участок, по возможности к одному месту, по усмотрению самого общества, а впредь до выдела, крестьянин продолжает пользоваться приобретенною им частью земли в составе мирского надела без взноса выкупных платежей.

Закон 14 декабря 1893 г.

Часть II

До уплаты выкупной ссуды выдел отдельным домохозяевам и досрочный выкуп ими участков из земли, приобретенной обществом, допускается не иначе, как с согласия общества или на условиях, указанных в приговоре подлежащего сельского схода.

Указ 9 ноября 1906 г. №28528

1. Каждый домохозяин, владеющий надельной землею, может во всякое время требовать укрепления за собой в личную собственность причитающейся ему части из означенной земли.
2. В обществах, в коих не было переделов в течение 24-х лет, предшествующих заявлению отдельных домохозяев о желании перейти от общинного владения к личному, за каждым таким

домохозяином укрепляются в личную собственность, сверх усадебного участка, все участки общинной земли, состоящие в его постоянном (не арендованном) пользовании.

3. В обществах, в коих в течение 24-х лет, предшествовавших заявлению отдельных домохозяев о желании перейти от общинного владения к личному, были общие переделы, за каждым сделавшим такое заявление домохозяином, укрепляются в личную собственность, сверх усадебного участка, все те участки земли, которые предоставлены ему обществом в постоянное, впредь до следующего общего передела, пользование. Но если в постоянном пользовании желающего перейти к личному владению домохозяина состоит земли больше, нежели причиталось бы на его долю, на основаниях последней разверстки, по числу разверсточных единиц в его семье ко времени упомянутого заявления, то за ним укрепляется в личную собственность то количество общинной земли, какое причитается ему по указанному расчету. Засим оказавшийся излишек укрепляется в личную собственность только под условием уплаты обществу его стоимости, определяемой по первоначальной средней выкупной цене за десятину предоставленных в надел данному обществу угодий, облагавшихся выкупными платежами. В противном случае весь означенный излишек поступает в распоряжение общества.

4. Домохозяйства, за коими укреплены в личную собственность участки общинной земли, состоящей в постоянном пользовании (ст. 1—3), сохраняют за собой право пользования в неизменной доле теми сенокосными, лесными и другими угодьями, которые переделываются на особых основаниях.

8. Стороны и заинтересованные лица могут приносить Уездному Съезду жалобы на общественные приговоры в тридцатидневный срок со времени их объявления...

9. Постановления Уездного Съезда, последовавшие по жалобе на общественные приговоры и постановления Земского Начальника, равно как об утверждении сих приговоров и постановлений (ст. 6), почитаются окончательными и приводятся в исполнение сельским старостой или волостным старшиной. На постановления Уездного Съезда могут быть приносимы жалобы Губернскому Присутствию лишь в случае превышения пределов ведомства или власти или же явного нарушения закона.

12. Каждый домохозяин, за коим укреплены участки надельной земли в порядке, установленном в статьях 1—11 настоящих правил, имеет право во всякое время требовать, чтобы общество выделило ему, взамен сих участков, соответственный участок, по возможности, к одному месту.

13. В тех случаях, когда требования о выделе к одному месту не совпадает с общим переделом, выдел же оказывается неудобным или невозможным¹, обществу предоставляется удовлетворить желающего выделиться домохозяина деньгами по взаимному с ним соглашению, а при недостижении соглашения — по оценке, устанавливаемой Волостным Судом. С своей стороны, желающий выделиться домохозяин, если найдет определенную Судом оценку для себя невыгодной, может отказаться от получения денег и продолжать владеть укрепленными в его собственность участками в прежних границах.

14. При общих переделах выдел к одним местам участков домохозяевам, заявившим желание о переходе к личному владению до вступления в законную силу приговора о переделе или

---

¹ Аткинсон предполагает (без текстуального анализа), что до закона 14 июня 1910 г. община могла выдавать денежную компенсацию, даже если выдел к одному месту не был невозможным или неудобным. См.: Dorothy Atkinson, *The End of the Russian Land Commune, 1905—1930* (1983), 61 (считает, что формулировки закона 1910 г. значительно расширяют право отдельного домохозяина добиваться выдела к одному месту). Робинсон понимает положения указа в том смысле, что они вверяют решение вопроса о том, является ли выдел к одному месту невозможным или неудобным, на усмотрение общины, так что последняя могла *всегда* удовлетворять подобные заявки денежными выплатами, в то время как согласно законам 1910 и 1911 г. решение о невозможности оставалось за уездным съездом. Geroid T. Robinson, *Rural Russia Under the Old Regime* (1969), 219 (цитирует ст. 12—14, 15 указа). Согласно Зырянову, временные правила, принятые 15 октября 1908 г., определяли, что это решение должно приниматься уездным съездом. Зырянов П. Н. Проблема выбора целей в столыпинском аграрном законодательстве // Государственная деятельность Столыпина: сборник статей / Под. ред. Н. К. Фигуровской и А. Д. Степанского. М., 1994. С. 105. См. также: David A. J. Macey, *Government and Peasant in Russia, 1881—1906: The Prehistory of the Stolypin Reforms* (1987), 236 (обращает внимание на то, что решение о том, является ли выдел к одному месту невозможным или неудобным, в юрисдикцию уездного съезда).

ранее укрепившим за собой участки наделной земли в порядке, установленном статьями 1—11 настоящих правил, обязателен по требованию как этих домохозяев, так и общества, без права сего последнего удовлетворять выделяющихся деньгами.

15. Споры, возникающие при выделе участков к одним местам, разрешаются на основаниях, установленных в примечании к статье 12 Общего Положения о крестьянах, изд. 1902 года².

17. В порядке и на основаниях, установленных статьями 4—16 настоящих правил, производится укрепление в личную собственность и выдел участков, досрочно выкупленных на основании статьи 165 Положения о выкупе, изд. 1876 года, и не выделенных к одному месту.

IV. ...Переход целых обществ как с общинным, так и с подворным землепользованием к владению в отрубных участках совершается по приговорам, постановленным приговором двух третей крестьян, имеющих право голоса на сходе.

Закон 14 июня 1910 г. №33743

1. Общества и имеющие отдельные селения, в коих не было общих переделов со времени наделения их землей, признаются перешедшими к наследственному (участковому или подворному)³ владению.

8. В обществах и селениях, упомянутых в статье 1, выдел к одному месту участков отдельных домохозяев обязателен в случаях, указанных в пункте 2 статьи 34, и производится с соблюдением правил, изложенных в статьях 37 и 38.

33. Если выдел (ст. 32) признан подлежащими установлениями (ст. 37 и 60) неудобным или невозможным, то общество обязано удовлетворить желающего выделиться домохозяина деньгами по взаимному с ним соглашению, а при недо-

---

² См.: George L. Yaney, *The Urge to Mobilize: Agrarian Reform in Russia, 1861–1930* (1982), 261 (объясняет, что ссылка отдаёт право разрешения таких споров уездным съездам). См. также: *ibid.*, 282.

³ Различение между этими двумя видами наследственного владения неважны для общей оценки ситуации.

стижении соглашения — по оценке, устанавливаемой Уездной Землеустроительной Комиссией. Если домохозяин, желающий выделиться, найдет определенную Комиссией оценку для себя невыгодной, то может отказаться от получения денег и продолжать владеть укрепленными в его собственность участками в прежних границах.

34. Выдел к одному, по возможности, месту (ст. 32) обязателен для общества, без права удовлетворять выделяющихся деньгами, в следующих случаях: 1) при общих переделах, если заявление о выделе сделано до постановления приговора о переделе, и 2) вне общих переделов: а) если выдела потребует не менее одной пятой части всех домохозяев или, в обществах, где число домохозяев превышает двести пятьдесят, не менее пятидесяти домохозяйств, и б) по заявлению хотя бы одного домохозяина, когда выдел участка признан (ст. 33 и 37) возможным и не связанным с особыми неудобствами.

В случаях, предусмотренных пунктом 2 настоящей статьи, обществам предоставляется производить досрочные общие переделы без испрошения на то разрешения Губернского присутствия (Общ. Пол., ст. 29).

35. При общих переделах право требовать выдела к одним местам на основании новой разверстки предоставляется также домохозяевам, не закрепившим ранее за собой участков надельной земли, если требование это заявлено до постановления приговора о переделе.

36. Обязательный выдел к одним местам участков, уже укрепленных за отдельными домохозяевами, производится и без их на то согласия: 1) когда того потребует более половины остающихся при общинном пользовании домохозяев и 2) когда при выделах, предусматриваемых статьей 34, пожелавший остаться в чересполосном владении домохозяин не изъявит согласия на обмен укрепленных за ним отдельных полос, которые представляется необходимым включить в границы участков, отводимых выделяющимся. В случае, предусмотренным пунктом 1 настоящей статьи, обществу представляется произвести досрочный общий передел без испрошения на то разрешения Губернского присутствия (Общ. Пол., ст. 29).

37. Выделы к одним местам производятся Уездными Землеустроительными Комиссиями, разрешающими все возникающие

при этом споры, в том числе и споры между обществом и выделяющимися о неудобстве или невозможности выдела (ст. 33), при непременном участии Уездного Члена Окружного Суда. Постановления Уездных Землеустроительных Комиссий могут быть обжалованы по существу в тридцатидневный со дня их объявления срок в Губернские землеустроительные Комиссии, а где таковых нет — в Губернские Присутствия.

38. На постановления Губернских Землеустроительных Комиссий или, в подлежащих случаях, Губернских присутствий могут быть приносимы жалобы в Правительствующий Сенат (по Второму Департаменту) в случае нарушения означенными установлениями закона или превышения предоставленной им власти. Жалобы эти подаются Губернским Землеустроительным Комиссиям или Губернским Присутствиям в тридцатидневный со времени объявления обжалуемого постановления срок и предоставляются ими в Сенат со своими объяснениями. Означенные жалобы разрешаются Вторым Департаментом окончательно по выслушании заключения Обер-Прокурора большинством голосов присутствующих Сенаторов, а в случае равенства голосов — по мнению, принятому Первоприсутствующим.

56. Временно, впредь до пересмотра узаконений о крестьянском землевладении, воспрещается в пределах одного уезда сосредотачивать в одних руках путем покупки или принятия в дар надельную землю: 1) в губерниях и областях, в коих применяются местные Великороссийское и Малороссийское положения... — свыше шести душевых, высших или указных, наделов...

Закон 29 мая 1911 г. №55370

3. Отдельные отрубные владения крестьян и других сельских обывателей, образованные при совместном разверстании их надельных и вненадельных (ст. 2) земель, взамен владений, принадлежащих до разверстания тем же лицам и состоявших из земель обоих названных разрядов, почитаются землями частного владения. Такие отрубные владения признаются, однако, надельными по желанию владельцев, если принадлежавшая последним ненадельная земля свободна от залога

у частных лиц и в кредитных учреждениях, кроме Крестьянского Банка...⁴

21. При производстве землеустроительных действий для обществ или отдельных членов его принимается во внимание, чтобы дальнейшие возможные в обществе землеустроительные меры не были затруднены такими частичными землеустроительными действиями.

27. Выдел производится с обязательным устранением чересполосности между отдельными угодьями выделяющихся селений, причем включаемые в выдел земли, составляющие личную собственность домохозяев [ст. 47 зак. 14 июня 1910 г. (33743)], отводятся в отдельные отруба.

35. При переделе общиной пахотных земель каждый домохозяин, как укрепивший, так и не укрепивший участки общинных земель в личную собственность, вправе требовать выдела укрепленного или причитающегося ему по закону количества пашни к одному месту, если требование это заявлено до постановления приговора о переделе. При разделе пахотных земель между селениями (гл. II и III) то же право предоставляется каждому домохозяину, полосы которого затрагиваются сими разделами или выдел которых будет признан Землеустроительной Комиссией возможным без нарушения существенных интересов общины.

36. Вне указанных в предшедшей статье пределов и разделов выдел укрепленных и неукрепленных в личную собственность пахотных земель в отрубные участки производится: а) если выдела потребуют не менее одной пятой части всех домохозяев, имеющих право голоса на сходе, или не менее пятидесяти, если в обществе более двухсот пятидесяти дворов, и б) по заявлению хотя бы одного домохозяина, когда выдел участка признан возможным и не связанным с особыми неудобствами. Если в числе выделяющихся окажутся желающие выселиться на отведенные им участки и передать в распоряжение общества свои усадебные места, получая взамен соответственные

---

⁴ Последнее исключение явно направлено на то, чтобы не допустить незаметного увода заложенной ненадельной земли от требований кредиторов путем преобразования в надельную землю, которую можно было закладывать только в Крестьянском банке.

по площади участка полевой земли, то выселяющимся предоставляется право безвозмездного пользования своей прежней усадебной землей в продолжение трех лет со времени вступления в силу постановления по делу о выделе.

42. Полное по целым обществам разверстание к одним местам всех или некоторых угодий раздельного пользования в обществах, получивших землю в подворное владение или перешедших либо признанных перешедшими [ст. 1 зак. 14 июня 1910 г. (33743)] к таковому, а также в общества, все домохозяева коих укрепили свои участки в личную собственность, производятся по приговору, постановленному простым большинством домохозяев, имеющих право на сходе; в обществах же с общинным или смешанным владением — по приговору, постановленному большинством двух третей домохозяев. В этих последних обществах в составлении означенных приговоров участвуют как домохозяева, оставшиеся при общинном пользовании, так и владеющие своими участками на праве личной собственности [ст. 47 зак. 14 июня 1910 г. (33743)]. Если в таких обществах меньшинство домохозяев из числа тех, которые не владеют своей землей на праве личной собственности, пожелает остаться при общинном пользовании землей, то по заявлению их, поданному до проверки приговора Земским Начальником, им отводится в общинное владение причитающееся количество земли в отдельном участке.

50. Всякие без изъятия чересполосные земли, независимо от того, кому они принадлежат, могут быть подвергаемы совместному с землями, указанными в статье 2, разверстанию на отрубные участки при согласии на то всех заинтересованных владельцев или в обязательном порядке с соблюдением в сем случае следующих условий:

- 1) чтобы местными землеустроительными учреждениями была предварительно признана в порядке главы IX настоящего Положения невозможность разверстания без обязательного включения этих земель в общую дачу разверстания;
  - 2) чтобы земли, владельцы коих добровольно согласились включить их в общую разверстку, составляли в сложности более половины всех подлежащих разверстанию земель,
- и

- 3) чтобы число владельцев, выразивших согласие на разверстание земель, составляло более половины общего числа владельцев земель (считая каждого владеющего землей домохозяина в отдельности как при подворном, так и при общинном землевладении), включенных в дачу разверстания; при этом, однако, если в разверстку включается земля, состоящая в общинном пользовании, то для полного, по целому обществу, разверстания ее на отрубные участки необходимо, чтобы в состав указанной выше части владельцев вошло не менее двух третей домохозяев, участвующих в этом общинном пользовании, причем меньшинству домохозяев, в случае выраженного ими желания, земля отводится особым участком в общинное их пользование. При отсутствии же таковых двух третей, земля, разверстанная на отрубные участки, отводится только тем членам общества, которые изъявили согласие на разверстание.

54. Раздел угодий, состоящих в общем пользовании крестьян и частных владельцев, производится по ходатайству хотя бы одной из сторон.

Литература

- Acemoglu, Daron, Simon Johnson, and James Robinson. "Institutions as the Fundamental Cause of Long-Run Growth" (National Bureau of Economic Research Working Paper 2004), forthcoming in *Handbook of Economic Growth*, edited by Philippe Aghion and Steve Durlauf.
- Allen, Robert. "Agriculture during the Industrial Revolution." In *The Economic History of Britain Since 1700*, edited by Roderick Floud and Donald McCloskey, 2d ed., 3 vols. Cambridge and New York: Cambridge University Press, 1994.
- Ascher, Abraham. *The Revolution of 1905: Russia in Disarray*. Stanford: Stanford University Press, 1988.
- Ascher, Abraham. *The Revolution of 1905: Authority Restored*. Stanford: Stanford University Press, 1992.
- Ascher, Abraham. P. A. Stolypin: *The Search for Stability in Late Imperial Russia*. Stanford: Stanford University Press, 2001.
- Atkinson, Dorothy. *The End of the Russian Land Commune, 1905–1930*. Stanford: Stanford University Press, 1983.
- Atkinson, Dorothy. "Egalitarianism and the Commune." In *Land Commune and Peasant Community in Russia: Communal Forms in Imperial and Early Soviet Society*, edited by Roger Bartlett, 7–19. New York: Palgrave Macmillan, 1990.
- Banner, Stuart. "Transitions between Property Regimes." *J. Leg. Stud.* 31 (June 2002): S359–S371.
- Bartlett, Roger, ed. *Land Commune and Peasant Community in Russia: Communal Forms in Imperial and Early Soviet Society*. New York: Palgrave Macmillan, 1990.
- Beeker, Seymour. *Nobility and Privilege in Late Imperial Russia*. DeKalb, IL: Northern Illinois University Press, 1985.
- Bilimovich, A. D. "The Land Settlement in Russia and the War." In A. N. Antsiferov, et al., *Russian Agriculture during the War*. New Haven: Yale University Press, 1930.
- Blobaum, Robert E. "To Market! To Market! The Polish Peasantry in the Era of the Stolypin Reforms." *Slavic Review* 59 (2000): 406–426.
- Blum, Jerome. *Lord and Peasant in Russia from the Ninth to the Nineteenth Century*. Princeton: Princeton University Press, 1961.
- Bock, Maria Petrovna von. *Reminiscences of My Father, Peter A. Stolypin*. Metuchin, NJ: The Scarecrow Press, 1970.
- Bohac, Rodney D. "Peasant Inheritance Strategies in Russia." *Journal of Interdisciplinary History* 16, no. 1 (1985): 23–42.
- Burbank, Jane. "Legal Culture, Citizenship, and Peasant Jurisprudence: Perspectives from the Early Twentieth Century." In *Reforming justice in Russia, 1864–1994: Power, Culture, and the Limits of Legal Order*, edited by Peter Solomon, Jr. Armonk, New York: M. E. Sharp, 1997.
- Burbank, Jane. *Russian Peasants Go To Court: Legal Culture in the Countryside, 1905–1917*. Bloomington: Indiana University Press, 2004.

- Burds, Jeffrey. *Peasant Dreams and Market Politics*. Pittsburgh: University of Pittsburgh Press, 1998.
- Calabresi, Steven. "The Historical Origins of the Rule of Law in the American Constitutional Order." *Harv. J. of Law & Public Policy* 28 (2004): 273–280.
- Claguc, Christopher, Philip Keefer, Stephen Knack, and Mancur Olson. "Property and Contract Rights in Autocracies and Democracies." In *Democracy, Governance, and Growth*, edited by Stephen Knack, 136–180. Ann Arbor: University of Michigan Press, 2003.
- Channon, John, with Rob Hudson. *The Penguin Historical Atlas of Russia*. London and New York: Penguin Books, 1995.
- Chayanov, Aleksandr Vasilevich. A. V. *Chayanov on the Theory of Peasant Economy*, edited by Daniel Thorner, Basile Kerblav, and R. F. F. Smith; with a foreword by Teodor Shanin. Madison: University of Wisconsin Press, 1986.
- Coase, Ronald H. "The Problem of Social Cost." *J. of Law & Economics* 3 (1960): 1–44.
- Conroy, Mary Schaeffer. *Peter Arkadevich Stolypin: Practical Politics in Late Tsarist Russia*. Boulder, CO: Westview Press, 1976.
- Conquest, Robert. *We and They*. London: Temple Smith, 1980.
- Cooter, Robert D. "Inventing Market Property: The Land Courts of Papua New Guinea." *Law & Soc. Rev.* 25 (1991): 759–801.
- Crisp, Olga. *Studies in the Russian Economy Before 1904*. New York: Barnes & Noble, 1976.
- Dahlman, Carl J. *The Open Field System and Beyond: A Property Rights Analysis of an Economic Institution*. New York: Cambridge University Press, 1980.
- de Soto, Hernando. *The Mystery of Capital: Why Capitalism Triumphs in the West and Fails Everywhere Else*. New York: Basic Books, 2000.
- Dickler, Robert A. "Organization and Change in Productivity in Eastern Prussia." In *European Peasants and their Markets*, edited by W. N. Parker and E. L. Jones, 269–292. Princeton: Princeton University Press, 1975.
- Donnorummo, Robert Pepe. *The Peasants of Central Russia: Reactions to Emancipation and the Market, 1850–1900*. New York and London: Garland Publishing Co., 1987.
- Douglass, Frederick. "The Significance of Emancipation in the West Indies." Speech, August 3, 1857. In *The Frederick Douglass Papers*. Series One: Speeches, Debates, and Interviews, ed. John W. Blassingame (1985), 3:204.
- Drage, Geoffrey. *Russian Affairs*. London: J. Murray, 1904.
- Drobak, John N. and John V. C. Nye, eds. *Frontiers of the New Institutional Economics*. London and San Diego: Academic Press, 1997.
- Eberstadt, Nicholas. "Population, Food and Income: Global Trends in the Twentieth Century." In *The True State of the Planet*, edited by Ronald Bailey, 7–48. New York: Free Press, 1995.
- Edelman, Robert. *Gentry Politics on the Eve of the Russian Revolution: The Nationalist Party, 1907–1917*. New Brunswick, NJ: Rutgers University Press, 1980.

- Edelman, Robert. *Proletarian Peasants: The Revolution of 1905 in Russia's Southwest*. Ithaca, NY and London: Cornell University Press, 1987.
- Eklöf, Ben. *Russian Peasant Schools: Officialdom, Village Culture, and Popular Pedagogy, 1961–1914*. Berkeley, Los Angeles and London: University of California Press, 1986.
- Ellickson, Robert C. "Property in Land." *Yale L. J.* 102 (1993): 1315–1400.
- Emmons, Terence. *The Russian Landed Gentry and the Peasant Emancipation of 1861*. Cambridge: Cambridge University Press, 1968.
- Engelhardt, Aleksandr Nikolaevich and Cathy A. Frierson. *Aleksandr Nikolaevich Engelhardt's Letters from the Country. 1872–1887*. New York: Oxford University Press, 1993.
- Ensminger, Jean. "Changing Property Rights: Reconciling Formal and Informal Rights to Land in Africa." In *Frontiers of the New Institutional Economics*, edited by John N. Drobak and John V. C. Nye, 165–196. London and San Diego: Academic Press, 1997.
- Fallows, Thomas. "Governor Stolypin and the Revolution of 1905 in Saratov." In *Politics and Society in Provincial Russia, Saratov Province, 1500–1917*, edited by Rex A. Wade and Scott Seregny, 160–190. Columbus: Ohio State University Press, 1989.
- Field, Daniel. *The End of Serfdom: Nobility and Bureaucracy in Russia, 1855–1861*. Cambridge: Harvard University Press, 1976.
- Figes, Orlando. *Peasant Russia, Civil War: The Volga Countryside in Revolution 1917–1921*. London: Phoenix Press, 1989.
- Figes, Orlando. "The Russian Peasant Community in the Agrarian Revolution, 1917–1918." In *Land Commune and Peasant Community in Russia: Communal Forms in Imperial and Early*, edited by Roger Bartlett, 237–253. New York: Palgrave Macmillan, 1990.
- Fitzpatrick, Daniel. "Evolution and Chaos in Property Rights Systems: The Third World Tragedy of Contested Access." *Yale L. J.* 115 (2006): 996–1048.
- Fitzpatrick, Sheila. *Everyday Stalinism: Ordinary Life in Extraordinary Times: Soviet Russia in the 1930s*. New York: Oxford University Press, 1999.
- Frierson, Cathy A. "Razdel: The Peasant Family Divided." *Russian Review* 46 (1987): 35–52.
- Frierson, Cathy A. "'I Must Always Answer to the Law...': Rules and Responses in the Reformed Volost Court." *Slavonic and East European Review* 75, no. 2 (April 1997): 308–334.
- Fukuyama, Francis. *Trust: The Social Virtues and the Creation of Prosperity*. New York: The Free Press, 1995.
- Gatrell, Peter. *The Tsarist Economy, 1850–1917*. New York: St. Martin's Press, 1986.
- Gaudin, Corinne. "'No Place to Lay My Head': Marginalization and the Right to Land during the Stolypin Reforms." *Slavic Review* 57 (1998): 747–773.
- Gaudin, Corinne. "Peasant Understanding of Justice in Appeals of Volost Court Verdicts, 1889–1917" (MS dated November 2003).
- Gerasimenko, Grigori. "The Stolypin Agrarian Reforms in Saratov Province." In *Politics and Society in Provincial Russia, Saratov Province, 1500–*

- 1917, edited by Rex A. Wade and Scott Seregny, 233–254. Columbus: Ohio State University Press, 1989.
- Gerschenkron, Alexander. *Economic Backwardness in Historical Perspective: A Book of Essays*. Cambridge: Belknap Press of Harvard University Press, 1962.
- Gerschenkron, Alexander. "Agrarian Policies and Industrialization, Russia 1861–1914." In Alexander Gerschenkron, *Continuity in History and Other Essays*, 140–248. Cambridge: Belknap Press of Harvard University Press, 1968. The article appears in almost identical form in *The Cambridge Economic History of Europe*, edited by H. J. Habakkuk and M. Postan, vol. 6 (bk. 2): 706–800. Cambridge: Cambridge University Press, 1965.
- Gorlin, Robert. "Problems of Tix Reform in Imperial Russia." *Journal of Modern History* 49 (June 1977): 247–265.
- Gorshkov, Boris B. "Serfs on the Move: Peasant Seasonal Migration in Pre-Reform Russia, 1800–1861." *Kritika* 1 (Fall 2000): 627–656.
- Gregory, Paul R. *Russian National Income, 1885–1913*. Cambridge: Cambridge University Press, 1982.
- Gregory, Paul R. *Before Command: An Economic History of Russia from Emancipation to the First Five-Year Plan*. Princeton: Princeton University Press, 1994.
- Greif, Avner. "Historical and Comparative Institutional Analysis." *American Economic Review* 88 (1988): 80–84.
- Greif, Avner. "Cultural Beliefs and the Organization of Society." *Journal of Political Economy* 102 (1994): 912–950.
- Haimson, Leopold II., ed. *The Politics of Rural Russia, 1905–1917*. Bloomington: Indiana University Press, 1979.
- Hamburg, G. M. *Politics of the Russian Nobility, 1881–1905*. New Brunswick, NJ: Rutgers University Press, 1984.
- Hawkes, Kristen. "Why Hunter-Gatherers Work: An Ancient Version of the Problem of Public Goods." *Current Anthropology* 34 (1993): 341–336.
- Iledlund, Stefan. *Russian Path Dependence*. London and New York: Routledge, 2005.
- Heinzen, James W. *Inventing a Soviet Countryside: State Power and the Transformation of Rural Russia, 1917–1929*. Pittsburgh: University of Pittsburgh Press, 2004.
- Hellic, Richard. "The Russian Smoky Hut and its Probable Health Consequences." *Russian History* 28 (Nos. 1–4) (2001): 171–184.
- Hennessy, R. *The Agrarian Question in Russia 1905–1907. The Inception of the Stolypin Reform*. Geissen: W. Schmitz, 1977.
- Hindus, Maurice G. *The Russian Peasant and the Revolution*. New York: Henry Holt, 1920.
- Hoch, Steven L. *Serfdom and Social Control in Russia: Petrovskoe, a Village in Tambov*. Chicago: University of Chicago Press, 1986.
- Hoch, Steven L. "On Good Numbers and Bad: Malthus, Population Trends and Peasant Standard of Living in Late Imperial Russia." *Slavic Review* 53 (1994): 41–75.
- Hoch, Steven L. "Famine, disease, and mortality patterns in the parish of Borshevka, Russia, 1830–1912." *Population Studies* 52 (1998): 357–368.

- Hoch, Steven L. "Did Russia's Emancipated Serfs Really Pay Too Much for Too Little Land? Statistical Anomalies and Long-Tailed Distributions." *Slavic Review* 63 (2004): 247–274.
- Hoffman, Richard C. "Medieval Origins of Common Fields." In *European Peasants and their Markets*, edited by W. N. Parker and E. L. Jones, 23–72. Princeton: Princeton University Press, 1975.
- Hosking, Geoffrey A. *The Russian Constitutional Experiment: Government and Duma, 1907–1914*. Cambridge: Cambridge University Press, 1973.
- Jacoby, Hanan G., Guo Li, and Scott Rozelle. "Hazards of Expropriation: Tenure Insecurity and Investment in Rural China." *American Economic Review* 92 (2002): 1420–1447.
- Jones, M. E. *The Uses and Abuses of Article 87: A Study in the Development of Russian Constitutionalism, 1906–1917* (PhD diss., Syracuse University, 1975).
- Kahan, Arcadius. *The Plow, the Hammer, and the Knout: An Economic History of Eighteenth-Century Russia*, edited by Richard Illic. Chicago: University of Chicago Press, 1985.
- Kahan, Arcadius. *Russian Economic History: The Nineteenth Century*, edited by Roger Weiss. Chicago: University of Chicago Press, 1989.
- Kalugina, Zemfira. "Adaptation Strategies of Agricultural Enterprises During Transformation." In *Rural Reform in Post-Soviet Russia*, edited by David O'Brien and Stephen K. Wegren, 367–384. Washington, DC: Woodrow Wilson Center Press, 2002.
- Kerans, David. *Mind and Labor on the Farm in Black-Earth Russia, 1861–1914*. New York: Central European University Press, 2001.
- Kingston-Mann, Esther and Timothy Mixer, eds. *Peasant Economy, Culture, and Politics of European Russia, 1800–1921*. Princeton: Princeton University Press, 1991.
- Kingston-Mann, Esther. *Lenin and the Problem of Marxist Peasant Revolution*. New York and Oxford: Oxford University Press, 1983.
- Kingston-Mann, Esther. "Peasant Communes and Economic Innovation: A Preliminary Inquiry." In *Peasant Economy, Culture, and Politics of European Russia, 1800–1921*, edited by Esther Kingston-Mann and Timothy Mixer, 23–51. Princeton: Princeton University Press, 1991.
- Knack, Stephen, ed. *Democracy, Governance, and Growth*. Ann Arbor: University of Michigan Press, 2003.
- Kolchin, Peter. *Unfree Labor: American Slavery and Russian Serfdom*. Cambridge: Harvard University Press, 1987.
- Korros, Alexandra. *A Reluctant Parliament: Stolypin, Nationalism, and the Politics of the Russian Imperial State Council, 1906–1911*. Lanham, MD: Rowman & Littlefield, 2002.
- Kotsonis, Yanni. *Making Peasants Backward: Agricultural Cooperatives and the Agrarian Question in Russia, 1861–1914*. New York: St. Martin's Press, 1999.
- Kuran, Timur. "Why the Middle East is Economically Underdeveloped: Historical Mechanisms of Institutional Stagnation." *J. of Econ. Perspectives* 18, no. 3 (Summer 2004): 71–90.
- Landes, David S. *The Wealth and Poverty of Nations*. New York: W. W. Norton & Co., 1998.

- Lincoln, W. Bruce. *In War's Dark Shadow: The Russians Before the Great War*. New York: The Dial Press, 1983.
- Litwack, Leon. *Been in the Storm So Long: The Aftermath of Slavery*. New York: Knopf, 1979.
- Litwack, Leon. *Trouble In Mind: Black Southerners in the Age of Jim Crow*. New York: Knopf, 1998.
- Lyashchenko, Peter I. *History of the National Economy of Russia to the 1917 Revolution*. Translated by L. M. Herman. New York: MacMillan, 1949.
- Macey, David A. J. *Government and Peasant in Russia, 1881—1906: The Prehistory of the Stolypin Reforms*. DeKalb, IL: Northern Illinois University Press, 1987.
- Macey, David A. J. "The Peasant Commune and the Stolypin Reforms: Peasant Attitudes, 1906—1914." In *Land Commune and Peasant Community in Russia: Communal Forms in Imperial and Early Soviet Society*, edited by Roger Bartlett, 219—216. New York: Palgrave Macmillan, 1990.
- Macey, David A. J. "Government Actions and Peasant Reactions during the Stolypin Reforms." In *New Perspectives in Modern Russian History*, edited by Robert B. McKean, 133—173. New York: St. Martin's Press, 1992.
- Macey, David A. J. "The Role of the Peasant Land Bank in Imperial Russia's Agrarian Reforms, 1882—1917." Paper prepared for Center for Privatization and Economic Reform in Agriculture, a joint project of the Institute for Agrarian Economics of the Ukraine Academy of Agrarian Sciences and the Center for Agricultural and Rural Development of Iowa State University, 1998.
- Macey, David A. J. "'A Wager on History': The Stolypin Agrarian Reforms as Process." In *Transforming Peasants: Society, State and the Peasantry, 1861—1930*, edited by Judith Pallot, 149—71. New York: St. Martin's Press, 1998.
- Macey, David A. J. "Reflections on Peasant Adaptation in Rural Russia at the Beginning of the Twentieth Century: The Stolypin Agrarian Reforms." *Journal of Peasant Studies* 31 (2004): 400—426.
- Macey, David, Will Pyle, and Steven Wegren, eds. *Building Market Institutions in Post-Communist Agriculture: Land, Credit, and Assistance*. Lanham, MD: Lexington Books, 2004.
- Macfarlane, Alan. *The Origins of English Individualism: The Family, Property and Social Transition*. New York: Cambridge University Press, 1979.
- Manning, Roberta T. *The Crisis of the Old Order in Russia: Gentry and Government*. Princeton: Princeton University Press, 1982.
- Marx, Karl. "The Eighteenth Brumaire of Louis Bonaparte." In Karl Marx and Frederick Engels, *Selected Works in One Volume*. London: Lawrence and Wishart, 1968.
- Matsuzato, Kimitaka. "The Fate of Agronomists in Russia: Their Quantitative Dynamics from 1911 to 1916." *Russian Review* 55 (1996): 172—200.
- Maynard, John. *The Russian Peasant and Other Studies*. London: Victor Gollanz Ltd, 1942.

- Maynard, John. *Russia in Flux*, edited and abbreviated by J. I Haden Guest. New York: MacMillan, 1948.
- Mbeki, Moeletsi. "Underdevelopment in Sub-Saharan Africa: The Role of the Private Sector and Political Elites." CATO Foreign Policy Briefing No. 85 (April 15, 2005).
- McCloskey, D. N. "The Economics of Enclosure: A Market Analysis." In *European Peasants and their Markets*, edited by W. N. Parker and E. L. Jones, 123—160. Princeton: Princeton University Press, 1975.
- McCloskey, D. N. "The Persistence of the English Common Fields." In *European Peasants and their Markets*, edited by W. N. Parker and E. L. Jones, 79—119. Princeton: Princeton University Press, 1975.
- McCloskey, D. N. "English Open Fields as Behavior Towards Risk." In *Research in Economic History*, edited by Paul Uselding, 124—170. Greenwich, CT: JAI Press, 1976.
- McCloskey, D. N. "The Prudent Peasant: New Findings on Open Fields." *J. Econ. Hist.* 51 (1991): 343—355.
- McDaniel, Tim. *Autocracy, Modernization and Revolution in Russia and Iran*. Princeton: Princeton University Press, 1991.
- McDaniel, Tim. *The Agony of the Russian Idea*. Princeton: Princeton University Press, 1996.
- McKeown, Thomas. "Fertility, Mortality, and Causes of Death: An Examination of Issues Related to the Modern Rise of Population." *Population Studies* 31 (1978): 535—542.
- Michels, Robert. "Oligarchy." In *The Sociology of Organizations: Basic Studies*, edited by Oscar Grusky and George A. Miller, 25—43. New York: Free Press, 1970.
- Mironov, Boris Nikolaevich, with Ben Eklof. *The Social History of Imperial Russia, 1700—1917*. Boulder, CO: Westview Press, 2000.
- Mitchell, B. R. *European Historical Statistics 1750—1970*. London: MacMillan, 1975.
- Mokyr, Joel. *The Lever of Riches: Technological Creativity and Economic Progress*. New York: Oxford University Press, 1990.
- Moon, David. *The Russian Peasantry, 1600—1930: The World the Peasants Made*. New York: Addison Wesley Longman, 1999.
- Mosse, W.E. "Stolypin's Villages." *Slavonic and East European Review* 43 (June 1965): 257—274.
- North, Douglass and Barry Weingast. "Constitutions and Commitment: The Evolution of Institutions Governing Public Choice in Seventeenth-Century England." *The Journal of Economic History* 49 (1989): 803—832.
- North, Douglass C. *Institutions, Institutional Change and Economic Performance*. Cambridge, New York: Cambridge University Press, 1990.
- Nozick, Robert. *Anarchy, State, and Utopia*. New York: Basic Books, 1974.
- Nye, John V. C. "Thinking About the State: Property Rights, Trade, and Changing Contractual Arrangements in a World with Coercion." In *Frontiers of the New Institutional Economics*, edited by John N. Drobak and John V. C. Nye, 121—142. London & San Diego: Academic Press, 1997.
- O'Brien, David J. and Stephen K. Wegren, eds. *Rural Reform in Post-Soviet Russia*. Washington, DC: Woodrow Wilson Center Press, 2002.

- Olson, Mancur. *The Rise and Decline of Nations*. New Haven: Yale University Press, 1982.
- Olson, Mancur. *Power and Prosperity*. New York: Basic Books, 2000.
- Ostrom, Elinor. *Governing the Commons: The Evolution of Institutions for Collective Action*. New York: Cambridge University Press, 1990.
- Owen, Launcelot A. *The Russian Peasant Movement, 1906–1917*. London: P. S. King, 1937; reprint, New York: Russell & Russell, 1963.
- Owen, Thomas C. *Dilemmas of Russian Capitalism: Fedor Chizhov and Corporate Enterprise in the Railroad Age*. Cambridge: Harvard University Press, 2005.
- Owen, Thomas C. *Russian Corporate Capitalism from Peter the Great to Perestroika*. New York: Oxford University Press, 1995.
- Pallot, Judith. "Khitorta and Otruba in Stolypin's Program of Farm Individualization." *Slavic Review* 42 (1984): 242–256.
- Pallot, Judith. *Land Reform in Russia, 1906–1917: Peasant Responses to Stolypin's Project of Rural Transformation*. Oxford: Clarendon Press, 1999.
- Pares, Bernard. *Russia: Between Reform and Revolution*. New York: Schocken Books, 1962.
- Patterson, Orlando. "Taking Culture Seriously: A Framework and an Afro-American Illustration." In *Culture Matters: How Values Shape Human Progress*, edited by Lawrence E. Harrison and Samuel P. Huntington, 202–218. New York: Basic Books, 2000.
- Paxton, Robert O. *Vichy France: Old Guard and New Order, 1940–1944*. New York: Columbia University Press, 1972.
- Pavlovsky, George P. *Agricultural Russia on the Eve of the Revolution*. New York: Howard Fertig, 1968.
- Perrie, Maureen. *The Agrarian Policy of the Russian Socialist-Revolutionary Party from Its Origins Through the Revolution of 1905–1907*. Cambridge and New York: Cambridge University Press, 1976.
- Petrovich, Michael B. "The Peasant in Nineteenth-Century Historiography." In *The Peasant in Nineteenth Century Russia*, edited by Wayne S. Vucinich, 191–230. Stanford: Stanford University Press, 1968.
- Pierson, Paul. "Path Dependence, Increasing Returns, and the Study of Politics." *American Political Science Review* 94 (2000): 251–266.
- Pipes, Richard. *Property and Freedom*. New York: Alfred A. Knopf, 1999.
- Pipes, Richard. *Russia Under the Old Regime*. New York: Scribner, 1975.
- Pipes, Richard. *Struve: Liberal on the Left, 1870–1905*. Cambridge: Harvard University Press, 1970.
- Pipes, Richard. *Struve: Liberal on the Right, 1905–1944*. Cambridge: Harvard University Press, 1980.
- Popkin, Samuel L. *The Rational Peasant*. Berkeley, Los Angeles, and London: University of California Press, 1979.
- Popkins, Gareth. "Peasant Experiences of the Late Tsarist State: District Congresses of Land Captains, Provincial Boards and the Legal Appeals Process." *Slavonic and East European Review* 78, no. 1 (January 2000): 90–114.
- Popkins, Gareth. "Code versus Custom: Norms and Tactics in Peasant Volost Court Appeals, 1889–1917." *Russian Review* 59 (2000): 408–424.

- Posner, Richard A. "A Theory of Primitive Society, with Special Reference to Primitive Law." *J. of Law & Econ.* 23 (1980): 1—53.
- Powelson, John P. *Centuries of Economic Endeavor*. Ann Arbor: University of Michigan Press, 1994.
- Prosterman, Roy and Brian Schwarzwald. "Rural China Update." Draft, 2004.
- Riha, Thomas. *A Russian European: Paul Miliukov in Russian Politics*. Notre Dame and London: University of Notre Dame Press, 1969.
- Robinson, Geroid T. *Rural Russia Under the Old Regime*. Berkeley: University of California Press, 1969.
- Rogger, Hans. *Russia in the Age of Modernization and Revolution, 1881—1917*. London and New York: Longman, 1983.
- Rolfes, Leonard. "Completing Agricultural Land Reform in Russia: Outstanding Policy and Legal Issues." Seattle, WA: Rural Development Institute, draft, March 2004.
- Romer, Paul. "Economic Growth." In *The Concise Encyclopedia of Economics*, edited by David R. Henderson. <<http://www.econolib.org/LIBRARY/Enc/EconomicGrowth.html>>
- Rose, Carol M. "Property and Expropriation: Themes and Variations in American Law." 2000 *Utah L. Rev.* (2000): 1—38.
- Rosenberg, Nathan and L. E. Birdzell. *How the West Grew Rich: The Economic Transformation of the Industrial World*. New York: Basic Books, 1986.
- Rosenthal, Jean-Laurent. *The Fruits of Revolution: Property rights, litigation, and French agriculture, 1700—1860*. Cambridge and New York: Cambridge University Press, 1992.
- Rubin, Paul H. *Darwinian Politics: The Evolutionary Origin of Freedom*. New Brunswick, NJ and London: Rutgers University Press, 2002.
- Rubinow, I. M. *Russia's Wheat Surplus*. Washington, DC: GPO, 1906.
- Schiller, Otto. "The Farming Cooperative: A New System of Farm Management." *Land Economics* 27 (Feb. 1951): 1—15.
- Scott, James C. *The Moral Economy of the Peasant*. New Haven: Yale University Press, 1976.
- Sedik, David. "Missing Pillars: The Failures of Rural Finance in Ukraine." In *Building Market Institutions in Post-Communist Agriculture: Land, Credit, and Assistance*, edited by David A. J. Macey, Will Pyle, and Stephen K. Wegren, 89—106. Lanham, MD: Lexington Books, 2004.
- Semyonova-Tian-Shanskaia, Olga. *Village Life in Late Tsarist Russia*, edited by D. L. Ranscl. Bloomington and Indianapolis: Indiana University Press, 1993.
- Shanin, Tcodor. *The Awkward Class: Political Sociology of Peasantry in a Developing Society: Russia 1910—1925*. Oxford: Clarendon Press, 1972.
- Simms, James Y. "The Crisis in Russian Agriculture at the End of the Nineteenth Century: A Different View." *Slavic Review* 36 (1977): 377—398.
- Skyner, Louis. "Property as Rhetoric: Land Ownership and Private Law in Pre-Soviet and Post-Soviet Russia." *Europe-Asia Studies* 55 (2003): 889—905.

- Smith, Henry F. "Semicommon Property Rights and Scattering in the Open Fields." *J. Leg. Stud.* 29 (2000): 61–69.
- Solomon, Peter Jr., ed. *Reforming Justice in Russia, 1864–1994: Power, Culture, and the Limits of Legal Order*. Armonk, New York: M. E. Sharp, 1997.
- Spulber, Nicholas. *Russia's Economic Transitions: From Late Tsarism to the New Millenium*. Cambridge: Cambridge University Press, 2003.
- Stepniak [Kravchinskii, Sergei Mikhailovich]. *The Russian Peasantry: Their Agrarian Condition, Social Life and Religion*. Westport, CT: Hyperion Press, Reprint 1977 (original publication, New York: Harper, 1888).
- Stolypine, Arcady. *De l'Empire à l'exil: avant et après 1917: Mémoires*. Paris: Albin Michel, 1996.
- Szeftel, Marc. *The Russian Constitution of April 23, 1906: Political Institutions of the Duma Monarchy*. Brussels: Editions de la Librarie encyclopedique, 1976.
- Tokmakoff, George. P. A. *Stolypin and the Third Duma: An Appraisal of Three Major Issues*. Lanham, MD, New York and London: University Press of America, 1981.
- Treadgold, Donald W. "Was Stolpin in Favor of Kulaks?" *American Slavic and East European Review* 14 (February 1955): 1–14.
- Treadgold, Donald W. *The Great Siberian Migration*. Princeton: Princeton University Press, 1957.
- Trebilcock, Michael J. "Communal Property Rights: The Papua New Guinean Experience." *U. of Toronto L. J.* 34 (1984): 377–420.
- Tuma, Elias II. *Twenty-six Centuries of Agrarian Reform: A Comparative Analysis*. Berkeley: University of California Press, 1965.
- van Zanden, J. L. *The transformation of European agriculture in the nineteenth century: the case of the Netherlands*. Amsterdam: VII University Press, 1994.
- Verner, Andrew. "Discursive Strategies in the 1905 Revolution: Peasant Petitions from Vladimir Province." *Russian Review* 54 (1995): 65–90.
- Volin, Lazar. *A Century of Russian Agriculture: From Alexander II to Khrushchev*. Cambridge: Harvard University Press, 1970.
- Vucinich, W. S., ed. *The Peasant in Nineteenth Century Russia*. Stanford: Stanford University Press, 1968.
- Waldron, Peter. *Between Two Revolutions: Stolypin and the Politics of Renewal in Russia*. DeKalb, IL: Northern Illinois University Press, 1998.
- Watters, Francis Marion. *Land Tenure and Financial Burdens of the Russian Peasant, 1861–1905*. PhD diss., University of California at Berkeley, 1966.
- Weislo, F. W. *Reforming Rural Russia: State, Local Society, and National Politics, 1855–1914*. Princeton: Princeton University Press, 1990.
- Wegren, Stephen K. *Agriculture and the State in Soviet and Post-Soviet Russia*. Pittsburgh: University of Pittsburgh Press, 1998.
- Wegren, Stephen K. "Observations on Russia's New Land Legislation." *Eurasian Geography and Economics* 43 (2002): 651–60.
- Wegren, Stephen K. "Russian Agriculture During Putin's First Term and Beyond." *Eurasian Geography and Economics* 46, no. 3 (March 2005): 224–244.

- Weissman, Neil B. *Reform in Tsarist Russia: The State Bureaucracy and Local Government, 1900—1914*. New Brunswick, NJ: Rutgers University Press, 1981.
- Wheatcroft, Stephen G. "Crises and the Condition of the Peasantry in Late Imperial Russia." In *Peasant Economy, Culture, and Politics of European Russia, 1800—1921*, edited by Esther Kingston-Mann and Timothy Mixer, 128—172. Princeton: Princeton University Press, 1991.
- Wilbur, Elvira M. "Was Russian Peasant Agriculture Really That Impoverished? New Evidence from a Case Study from the impoverished Centre' at the End of Nineteenth Century." *Journal of Economic History* 43 (1983): 137—147.
- Wolfe, Bertram D. *Three Who Made a Revolution: A Biographical History*. Boston: Beacon Press, 1948.
- Wood, Gordon S. *The Radicalism of the American Revolution*. New York: Random House, 1991.
- Wordie, J. R. "The Chronology of English Enclosure, 1500—1914." *Economic History Review* (new series) 36 (198—195): 483—505.
- Worobec, Christine D. *Peasant Russia: Family and Community in the Post-Kmcincipation Period*. DeKalb, IL: Northern Illinois University Press, 1995.
- Wortman, Richard S. *The Development of a Russian Legal Consciousness*. Chicago: University of Chicago Press, 1976.
- Yaney, George L. "The Concept of the Stolypin Land Reform." *Slavic Review* 23 (1964): 275—293.
- Yaney, George L. *The Systematization of Russian Government*. Urbana, IL: University of Illinois Press, 1973.
- Yaney, George L. *The Urge to Mobilize: Agrarian Reform in Russia, 1861—1930*. Urbana, IL: University of Illinois Press, 1982.
- Zhou, Kate Xiao. *How the Farmers Changed China: Power of the People*. Boulder, CO: Westview Press, 1996.
- Анфимов А. М. Крестьянское хозяйство европейской России 1881—1904 гг. М., 1980.
- Анфимов А. М. П. А. Столыпин и российское крестьянство. М., 2002.
- Анфимов А. М. Экономическое положение и классовая борьба крестьян европейской России в 1881—1904 гг. М. 1984.
- Беккер С. Миф о русском дворянстве: дворянство и привилегии последнего периода императорской России. М., 2004.
- Бок М. П. Воспоминания о моем отце П. А. Столыпине. Нью-Йорк: Издательство им. Чехова, 1953.
- Бородин А. П. Государственный Совет России (1906—1917). Киров, 1999.
- Бородин А. П. Столыпин: Реформы во имя России. М., 2004.
- Бурдина О. Н. Крестьяне-дарственники в России, 1861—1907. М., 1996.
- Витте С. Ю. Воспоминания. М., 1960.
- Главное Управление Землеустройства и Земледелия (ГУЗУиЗ). Землеустройство крестьянства: сводные данные сплошного по 12 уездам

- обследования хозяйственных изменений в первом году после землеустройства. СПб., 1915.
- Давыдов М. А.* Очерки аграрной истории России в конце XIX — начале XX вв. По материалам транспортной статистики и статистики землеустройства. М., 2003.
- Дубровский С. М.* Столыпинская земельная реформа. М., 1963.
- Дякин В. С.* Был ли шанс у Столыпина? // Государственная деятельность П. А. Столыпина: сборник статей / Отв. ред. Н. К. Фигуровская и А. Д. Степанский. 1994.
- Закон 14 декабря 1893 г., ст. I (2), 3 Полное собрание законов, № 10151. Земельный Кодекс Р.С.Ф.С.Р., 1922.
- Зырянов П. Н.* Петр Столыпин: политический портрет. М., 1992.
- Зырянов П. Н.* Проблема выбора целей в Столыпинском аграрном законодательстве // Государственная деятельность П. А. Столыпина: сборник статей / Отв. ред. Н. К. Фигуровская и А. Д. Степанский. 1994. С. 99—118.
- Кабанов В. В.* Крестьянская община и кооперация России XX века. М.: 1997.
- Карпачев М. Д.* Воронежское крестьянство о зажиточности в годы Столыпинской реформы // Зажиточное крестьянство России в исторической ретроспективе: Материалы XXVII сессии Симпозиума по аграрной истории Восточной Европы. Вологда, 2001.
- Кауфман А. А.* Аграрный вопрос в России. М., 1918.
- Ким Чан Чжин.* Государственная власть и кооперативное движение в России—СССР (1905—1930). М., 1996.
- Ковалев Д. В.* Крестьянское хуторское хозяйство и его судьба в первой четверти XX в. // Зажиточное крестьянство России в исторической ретроспективе: Материалы XXVII сессии Симпозиума по аграрной истории Восточной Европы. Вологда, 2001.
- Ковальченко И. Д., Милов А. В.* Всероссийский аграрный рынок XVIII—нач. XX в. Опыт количественного анализа. М., 1974.
- Корелин А. П.* Сельскохозяйственный кредит в России в конце XIX—начале XX в. М., 1988.
- Корелин А. П.* Социальный вопрос в России в 1906—1914 гг. (Столыпинская аграрная реформа) // Государственная деятельность П. А. Столыпина: сборник статей / Отв. ред. Н. К. Фигуровская и А. Д. Степанский. 1994.
- Корелин А. П., Шаццлло К. Ф., П. А. Столыпин.* Попытка модернизации сельского хозяйства России // Деревня в начале века: революция и реформа / Ред. Ю. Н. Афанасьев. М., 1995.
- Коуз Р.* Проблема социальных издержек // Коуз Р. Фирма, рынок, право. М., 1993. С. 85—139.
- Кофод А. А.* Русское землеустройство. 2-е изд. СПб., 1914.
- Кофод К. А.* 50 лет в России (1878—1920). М., 1997.
- Ленин В. И.* Аграрная программа // Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 16.
- Ленин В. И.* По торной дорожке // Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 17.
- Лященко П. И.* История русского народного хозяйства. 2-е изд., М.—Л., 1930.
- Мандельштам Н.* Воспоминания. 1970.

- Маркс К.* Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарта // *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд.
- Министерство экономического развития и торговли. Аграрная реформа Петра Столыпина (<http://www.economy.gov.ru/stolypin.html> (загружено на сайт 18 июня 2002 г.)).
- Миронов Б. Н.* Социальная история России периода империи (XVIII — начало XX в.). В 2-х т. СПб., 1999.
- Миронов Б. Н.* Хлебные цены в России за два столетия (XVIII—XIX вв.) Л., 1985.
- Мозжухин И. В.* Аграрный вопрос в цифрах и фактах действительности. М.: Универсальная библиотека, 1917.
- Мозжухин И. В.* Землеустройство в Богородицком уезде Тульской губернии. М., 1917.
- Норт Д.* Институты, институциональные изменения и функционирование экономики. М.: Начала, 1998.
- Олсон М.* Возвышение и упадок народов. Экономический рост, стагфляция, социальный склероз. Новосибирск: ЭКОР, 1998.
- П. А. Столыпин: Программа реформ. Фонд изучения наследия П. А. Столыпина, 2002.
- Пайнс Р.* Россия при старом режиме. М., 1993.
- Пайнс Р.* Струве: биография. Т. 1: Струве: левый либерал 1870—1905 гг. М., 2001.
- Пайнс Р.* Струве: биография. Т. 2: Струве: правый либерал 1905—1944 гг. М., 2001.
- Панов А.* Земельная реформа в России. Истоки и уроки. М., 2001.
- Першин П. Н.* Земельное устройство дореволюционной деревни. М., Воронеж: Научно-исследовательский институт землеустройства и переселения; Воронежский сельскохозяйственный институт, 1928.
- Покровский Н. Н.* Мирская и монархическая традиции в истории русского крестьянства // Новый мир. 1989. № 9.
- Полежаев П.* Эксперимент Столыпина, или убитая Перестройка. М., 1992.
- Прокопович С. Н.* Опыт исчисления народного дохода 50 губ. Европейской России в 1900—1913 гг. М., 1918.
- Прокофьева А. С.* Крестьянская община в России во второй половине XVIII — первой половине XIX в. (на материалах вотчин Шереметьевых). Л., 1981.
- Пушкарев С.* Крестьянская поземельно-передельная община в России. Newtonville, 1976.
- Сборник материалов для изучения сельской поземельной общины / Под ред. В. А. Барыкова, А. В. Половцова, и П. А. Соколовского. СПб., 1880.
- Сенчакова А. Т.* Крестьянские наказания и приговоры, 1905—1907 гг. // Деревня в начале века: революция и реформа / Под ред. Ю. Н. Афанасьева. 1995. С 50, 51.
- Сидельников С. М.* Аграрная реформа Столыпина. М., 1973.
- Сидорович Г.* Столыпин: Жизнь за отечество. М., 2002.
- Столыпин П. А.* Нам нужна великая Россия: полное собрание речей в Государственной Думе и Государственном Совете, 1906—1911. М.: 1991.

Литература

- Тюкавкин В. Г.* Великорусское крестьянство и Столыпинская аграрная реформа. М., 2001.
- Федеральный закон Российской Федерации № 101-ФЗ, «Об обороте земель сельскохозяйственного назначения» (2002).
- Федоров Б.* Петр Столыпин: «Я верю в Россию». М., 2002.
- Чаянов А. В.* Крестьянское хозяйство. М., 1989.
- Чернышев И.* Крестьяне об общине накануне 9 ноября 1906 г.: К вопросу об общине. СПб., 1911.
- Шелохаев В. В.* Кадеты — главная партия либеральной буржуазии в борьбе с революцией 1905—1907 гг. М., 1983.
- Шмелев Г. И.* Аграрная политика и аграрные отношения в России в XX в. М., 2000.
- Шульгин В. В.* Размышления. Две старых тетради. Неизвестная Россия XX век. Историческое наследие. Кн. I. М., 1992.
- Энгельгард А. Н.* Из деревни. 12 писем. 1872—1887. СПб., 1999.

Предметно-именной указатель

А

Австро-Венгерская империя 34
Авторитаризм 36, 37
Агентские издержки 29, 29—30
    сн. 2
Агенты 29, 29—30 сн. 2, 240
Аграрная проблема 21
Аграрный вопрос 100, 126, 131,
    144, 153, 156, 162
Агрономическая помощь 160, 160
    сн. 109, 233
Административное давление 202,
    210—216, 242, 270. *См. тж:*
    Сила
Акцизы 125
Акцизы 126 сн. 85
Александр II 16, 90, 199
Англия 50—52, 63, 175, 177, 250
Англо-американская демократия
    26
Англо-американское общее право
    91, 174
Антикапитализм 266
Анфимов А. М. 107 сн. 25, 120,
    121 сн. 73, 123 сн. 77, 250
    сн. 15
Аренда земли 16, 66, 229
Арендная плата 121. *См. тж:*
    Арендованные земли
Арендованные земли 110—111,
    116 сн. 56, 115—117, 262
    — запрет на аренду 136
    — цены на землю и 121, 121
    сн. 73
Ассигнования 41. *См. тж:* Госу-
    дарственные расходы; Льготное
    кредитование; Субсидии
Ассоциации 41, 201, 234—235,
    235 сн. 110, 268—269, 272
Астраханская губерния 194
Аткинсон Дороти 72, 172—175,
    177 сн. 24, 179, 281 сн. 1
Атомизация 200, 232
Африка 33, 53 сн. 22, 191, 216

Б

Балтийские губернии 17, 56, 190
Банкротства 277
Барщина 60, 110
Бедность, беднота 99, 104, 107,
    116, 143, 205—206
Беззащитность 268
Белоруссия 190—191, 248 сн. 8
Белоруссия 56, 56 сн. 32
Бербанк Джейн 92 сн. 135, 96,
Беспартийные 133
Беспорядки 123 сн. 77, 263, 278.
    См. тж: Восстания; Волнения
Беспристрастный арбитр 92
«Билеты» 78. *См. тж:* Паспорт
Благосостояние 209
Благосостояние 94. *См. тж:*
    Зажиточность; Материальное
    положение
Благодарительность 30, 39
Ближний Восток 39
Бобринский А. А., граф 150
Богородицкий уезд 249
Большевики 22, 132, 141, 143—
    144, 245, 255
    — выделение земли к одному
        месту и 258
    — декрет о земле (1917 г.) 140,
        256
    — правление 147
    — триумф 254
Большевистская революция 124,
    149 сн. 64
Большинство 25, 43, 64, 76, 138,
    202, 219, 229 сн. 84
    — голосов 167, 171, 229
    — две трети 26, 54, 167, 171,
        195, 204, 275, 282, 286
    — в Думе 42, 131
    — кадетов 153
    — помещиков 153
    — простое 172, 202, 286
    — решение большинством 68
Бородин А. П. 13 сн. 2

- Брак 54, 64
- Бунге Николай 69, 157
- Буржуазия 32 сн. 5
- Буржуазная мораль 200
- Буржуазные добродетели 31
- Буржуазный аграрный строй 144
- Буржуазный либерализм 134—135
- В**
- Вакуф 39
- Вакцинация 105
- Вебер Макс 63, 73
- Веберианская крестьянская модель 64, 111
- Векселя 158
- Великая Россия 19
- Великороссия 111, 239, 284
- Взаимная выгода 50—51
- Взятки 85, 87, 276
- Виленская губерния 56 сн. 32, 248 сн. 8
- Витебская губерния 56 сн. 32, 190
- Витте С. Ю. 83, 134, 228
- Владение 275
- Владение землей 42, 42 сн. 22, 44, 105 сн. 21, 110, 208
  - государством 114
  - дворянское (помещичье) 11 сн. 44, 135, 150
  - единоличное 142
  - законное 220
  - крестьянами 115
  - новое 233
  - после отмены крепостного права 161
  - потолок размера хозяйства (надела) 109, 148, 239, 263
  - размеры 173 сн. 15
  - создание 207
- Власть 33, 88
  - губернские власти 171
  - децентрализация 31—32
  - земских начальников 91
  - злоупотребление властью 210—211
  - ограничение 35
  - правительства 124
  - распределение 31
  - распыление 33
  - элиты 20, 272
- Вода
  - доступ к 210
  - запасы 47
  - ресурсы 108, 139
  - снабжение 151
- Водка 126
- Военная служба 85. *См. тж:* Рекрутский набор
- Возвращающиеся пролетарии 216, 222, 229 сн. 86, 236 сн. 114
- Волин Лазарь 117
- Волнения 18, 158, 161—162. *См. тж:* Восстания; Беспорядки
- Вологодская губерния 268
- Волостные суды 41 сн. 19, 89, 90—91, 96, 168, 281, 282
  - дела 91—92
  - решения 91—92
  - выборы судей 96
- Волость 159
- Волынская губерния 190
- Воровство 89—91
- Воронежская губерния 189, 192, 261 сн. 46
- Восстания 100, 199 сн. 1. *См. тж:* Беспорядки; Волнения
- Временное правительство 283. *См. тж:* Правительство; Российское правительство; Советское (и Временное) правительство
- Всеобщие выборы 26
- Вторая Дума 131—132, 149—150, 153, 155, 260
- Выбор потребителей 65
- Выборы 132
  - в волостные суды 96
  - всеобщие 26
  - земские 238
  - судей 96
- Выдел 84, 168, 177, 176 сн. 22, 212—214, 224
- Выделенцы (подавшие заявки на землеустройство и перевод наделов в личную собственность) 166, 182, 192, 211, 280. *См. тж:* Заявления

- Выделы 225. *См. тж.*: Рыночная стоимость (цена)
- Выкуп 62 сн. 45
- Выкуп, выкупные платежи 154, 167 сн. 7, 279
- домохозяева и 62 сн. 45
  - завершение, отмена 103, 218
  - налоговое бремя 126
  - право на 62 сн. 45
- Выкупные платежи 76, 83–84, 104, 110, 126 сн. 86, 157, 161
- крестьяне и 104
  - отмена 247 сн. 6
  - переплата 103
  - прекращение 154
  - расчет 110–111
- Выкупные сборы
- величина 109
  - вместо оброка 109, 110
  - крепостные и 110–111
  - переплата 109
  - погашение 84
- Выпас 51 сн. 16, 196
- всей деревней 47
  - незаконный 99
  - нормы 46
  - общинный 52
  - ограничения 196
  - перевыпас 139
  - площадь 46
  - преимущества 196 сн. 64
  - управление 50
- Выход 107
- из общины 150, 153, 159, 210, 226
  - индивидуальный 84, 133
  - ограничения на выход после отмены крепостного права 75–83
  - правила 161
- Вятская губерния 193, 215
- Г
- Гана 34
- Гемофилия 19
- География 107
- Германия 17, 35 сн. 9, 106, 106 сн. 25, 262
- Гершенкрон А. 94 сн. 139, 101, 123 сн. 78, 199 сн. 1
- Главное управление землеустройства и земледелия 16, 48, 233
- Голландия 38
- Голод 49, 115, 127
- Голосование
- большинство 167, 171, 228
  - общины 204
  - право голоса на сходе 285
  - схода 213, 285
  - частных землевладельцев 238
- Города
- безработица в 239
  - миграция в 76–78, 252
  - переселение в 224
  - промышленники в 261
- Господа 89. *См. тж.*: Дворянство; Помещики
- Государственное право 92.
- См. тж.*: Общее право
- Государственные расходы 160.
- Ассигнования; Льготное кредитование; Субсидии*
- Государственный переворот 132, 149, 153
- Государственный переворот июня 1907 г. 149
- Государственный Совет 41, 134, 155, 155 сн. 88, 221, 240
- Государство
- Австро-Венгрия 34
  - древнегреческие города-государства 39
  - земли 113, 145, 148 сн. 63
  - ночной сторож 26
  - отделение церкви от 39
  - принцип верховенства права 34
- См. тж.*: Нелиберальная страна
- Государство — ночной сторож 26
- Грабители 138
- Грабительские планы 238
- Гражданские иски 92 сн. 135
- Гражданское общество 26, 30, 270, 272, 277
- государственная политика и 269
  - изоляция от 270

- либеральная демократия и 30–32
- права собственности и 30–32
- процветание 35
- роль крестьянства в 272
- слабость 41
- хищничество 32
- Гражданское право 78
- Гражданское равенство 157
- Грамотность 159
- Грегори Пол 102, 115 сн. 48
- «Греховные» товары 126
- Гродненская губерния 18, 56 сн. 32
- Грудное вскармливание
  - прекращение 105
- Групповое землеустройство 175–176, 177 сн. 22
- Гулаг 65
- Д
- Давыдов М. А. 194–195 сн. 60
- Дания 106
- Дарственники 111. *См. тж:* Нищенский надел
- Дворянство. *См. тж:* Помещики
  - землевладение 113–114 сн. 44
  - предводитель 16
  - реформа и 157
- Деколлеktivизация 69
- Декрет от 5 октября 1906 г. 158
- Деликтные иски 27
- Деловые круги (бизнес) 41
- Демографический переход 72
- Демография 104, 104 сн. 20, 105, 106 сн. 24, 115
- Демократия 13, 27, 31, 41.
  - См. тж:* Либеральная демократия
- Деньги
  - взятки 93
  - вместо земли 168, 171, 208, 269, 281 сн. 1
  - компенсация 276
- Деревня (-и) 61, 111, 134 сн. 8, 175
  - деревенские старики 68
- избы в 127–128
- крепостная (-ые) 59
- луг в 47
- отруба вокруг 210
- переделываемая земля и 175
- равновесие в 159
- родная 73
- укрупнение участков в 81–82
- Дети 62–63, 72, 86, 159, 206
- Децентрализация власти 31,
- Джонсон Сэмюэл 30
- Диарея 105
- Динамика
  - землевладения 111–117
  - землевладения крестьян 111
  - землеустройства 181 рис., 181 табл., 181–182
  - изменения формы собственности 181 рис., 181 табл., 182
  - подачи требований 179, 181 рис.
  - производительности (тенденция) 105 сн. 21
  - сельскохозяйственной производительности 101–107
  - цен на зерно 119–120, 120 сн. 71
  - к экономической независимости (путь) 96
- Дискриминация 92
- Дифтерия 105
- Долг
  - по выкупным платежам 78–79, 83–84, 168, 161 сн. 7
  - под залог недвижимости 123
- Долг по выкупным платежам 80, 168, 169 сн. 7
  - взыскание 83–84, 161–162, 218
  - платеж 80
  - причитающийся 77
  - указ о прекращении, отмене 83, 218
- Долги за землю 123
- Дома 54, 65, 233
- Домохозяин (глава семьи) 62 сн. 45, 64, 77, 87, 166, 174, 225

- выдел и 171
- выкупные платежи 65 сн. 45
- изменение формы собственности 81, 279–282
- личная собственность 167
- в общине 169
- переделы и 204
- по указу о реформе 223
- реформа и 26
- Домохозяйства
  - изменения в 173
  - изменившие формы землевладения по губерниям 187 карта
  - раздел 87, 173
  - наследуемые 173, 173 рис.
  - индивидуальное право на выделение 223–226
  - приусадебные участки 274, 274 сн. 82, 280
  - раздел при жизни отца 96
  - переделаемые наделы 172
  - отдельная обработка земли 47
  - прошедшие землеустройство 183–186 табл.
  - выделение и 174, 176, 180 табл. 5.1, 188 карта, 216
- До-смертное разделение, до смерти отца 86, 96
- Доходы
  - будущие 74
  - выравнивание 252–253
  - источники 115, 117 сн. 57, 196 сн. 64
  - на грани выживания 207
  - налоги и 126–127
  - не связанные с сельским хозяйством 117, 145, 147
  - неравенство 252
  - низкие 64
  - после отмены крепостного права 103
  - рост 103, 116, 121, 121 сн. 72, 250
- Древнегреческие города-государства 39
- Дрова 54, 92
- Дубровский С. М. 56 сн. 32, 196 сн. 64, 212 сн. 34, 219 сн. 55, 235 сн. 110, 249 сн. 10
- Дуглас Фредерик 33
- Дума 15
- Дума 17, 41–43, 135, 155, 259
  - полномочия 152
  - состав 155
  - роспуск 133, 149, 150, 153
  - большинство 42, 131
  - реформы в 240
  - царь и 153, 158 сн. 87.
  - первая 132–133, 152, 263
  - вторая 131–132, 149–150, 153, 155, 260
  - третья 150, 151–153, 155, 156
- Дурново П. Н. 100 сн. 4
- Дякин В. С. 117 сн. 58, 214 сн. 41, 229
- Е
- Европейская Россия 112, 115, 157, 180 табл. 5.1 и 5.2, 182, 183–184 табл., 248, 258
- Единогласие 25, 80, 203
- Единоличное землеустройство 176
- Ж
- Железные дороги 34
- Женщина (-ы) 49, 93, 210, 232
- Жестокое обращение 90,
- З
- Забастовки 99
- Зависимость от предшествующего пути 37
- Зажиточность 252. *См. тж:* Благополучение; Материальное положение
- Закон
  - наделы и 220
  - отношение к 88–97
  - отсутствие региональной дифференциации 209
  - официальный 88
  - подчиненное закону 27
  - равенство перед 28
  - столыпинские реформы как 131
- См. тж:* Закон об обороте земель сельскохозяйственного назначения

- ния; Основные государственные законы
- Закон об обороте земель сельскохозяйственного назначения 2002 г. 274—276
- Закон от 14 декабря 1893 г. 154, 279
- Закон от 29 мая 1911 г. 165, 171—172, 218 сн. 52, 284—287
- Законные права
  - насильственное разрушение 203
  - не связанные с собственностью 87 сн. 117
  - традиционные 216
- Законы
  - империи 63
  - об ограничениях 94, 94 сн. 139
  - об освобождении крестьян 1861 г. 62 сн. 45,
  - Общее положение о выкупе 154, 168, 159 сн. 7, 279, 280
  - Общее положение о крестьянах 154, 154 сн. 84, 280, 283
  - общий об огораживании 177
  - от 19 февраля 1861 г. 80 сн. 90
  - от 8 июня 1893 г. 70, 218
  - от 14 декабря 1893 г. 80, 84, 154
  - от 14 июня 1910 г. 131, 150, 156, 170, 173, 175
  - от 29 мая 1911 г. 156, 194—195
  - от июля 1912 г. 264
  - Столыпина П. А. 258
- См. тж:* Статьи; Декрет; Указ
- Залог [земли] 110, 123 сн., 125, 141, 207, 257, 263
  - в Сибири 264
  - вне пределов крестьянского сословия 236
  - Крестьянскому банку 240, 285 сн. 4
  - надельной 240
  - не крестьянам 271
  - ненадельной земли 285 сн. 4
- разрешен по указу 240
- рынок 207
- Занятие сельским хозяйством 73, 136, 223
  - в Германии 117
  - в Европе 232
  - в США 232
  - на арендованной земле 110
  - независимое 145—146
  - отказ от 147, 174, 253, 276
  - структура 196 сн. 64
  - усовершенствованное 246
  - хищническое 251 сн. 19
  - частное 84
  - эффективность 17
- См. тж:* Община; Маслобойни
- Западная Европа 26, 53, 105—107, 178, 229, 237
- Заработок 110
- Заявления (на землеустройство и перевод наделов в личную собственность) 165—168, 196
  - «получить по заслугам» 63 сн. 46
  - выделение участка к одному месту 174—176, 176 сн. 20, 177—182, 179 сн. 31, 180 табл. 5.1, 183—186 табл., 283, 285
  - землеустройство 179 сн. 33
  - изменение формы собственности 175, 176 сн. 20, 177—182, 180 табл. 5.1, 183—186 табл., 193, 203 сн. 7, 220, 280
  - тенденции 179, 181 рис.
- См. тж:* Выделенцы
- Земельные пай в постсоветской России 273
- Земельный кодекс Р.С.Ф.С.Р. 1922 г. 140, 256
- Землевладение 55, 107—117
  - государственное 113, 145, 148 сн. 63
  - дворянские 113 сн. 44
  - в европейской России 112 табл.
  - императорской семьи 42 сн. 22, 59, 114, 145, 148 сн. 63, 160

- крестьянское 165
- монастырское/церковное 145, 148 сн. 63
- права 92, 94 сн. 139
- размеры 195–196, 207
- тенденции 111–116
- Землемеры 172, 175, 211, 249, 273
- Землепромышленники 66, 229, 262
- Землеустроенные участки 159, 172–173
- Землеустроительные комиссии 167, 170, 195, 204, 226, 231, 237, 283–285
  - задачи 172
  - землеустройство при помощи 175
  - формы землеустройства 231–232
- Землеустроительные комиссии 212–213, 214 сн. 41
- Землеустройство 167–168, 175, 175 сн. 19, 176 сн. 22, 179, 180 табл., 224, 233, 249,
  - виды 176 сн. 22
  - власти 190
  - всей деревней 249
  - групповое 176–177, 176 сн. 22, 270
  - домохозяйства 180 табл.
  - единоличное 176–177, 176 сн. 22, 179, 249
  - запросы на 179 сн. 33
  - качество работ 237
  - комиссии 194, 213–214, 214 сн. 41
  - консолидация в результате 233
  - размеры 175 сн. 19
  - в Сибири 255–259
- См. тж:* Землеустроительные комиссии
- Землеустройство 48, 230, 258
  - исследование 79, 172
  - опрос 162, 208, 219
  - обследование 248
- Землеустройство в Сибири 255–259

- Земля
  - групповое землеустройство 175–176, 177 сн. 22
  - деньги вместо 168, 171, 208, 269, 281 сн. 1
  - захват 148, 263
  - индивидуальное землеустройство 176
  - конфискация помещичьей 43, 161, 203, 207, 259
  - крестьян 142
  - крестьянская 123
  - нехватка 55, 114, 146, 152, 161, 193, 192
  - обработка арендованной 110, 111
  - общинная 260, 279
  - передача 108
  - перераспределение 108, 162
  - подавляющая часть 41
  - права 92, 94 сн. 139
  - приватизаций в наши дни 142 сн. 47
  - программа кадетов 144–153
  - продажа 125, 138, 224, 232
  - раздел надела 52 сн. 20, 285
  - рынки 146, 208, 211, 212 сн. 31, 241, 262, 276, 276 сн. 85
  - в Сибири 259, 259 сн. 39
  - цены 118–125, 120 сн. 69, 121 табл., 129, 251
  - частная 117, 118
- Земля крестьянам 136
- Земские начальники 192, 214 сн. 41,
  - обращение к 76–77 сн. 76, 167
  - полномочия 192, 91, 168
  - нерасторопность 215 сн. 46
  - ограничение 158
- Земские начальники 175
- Земство
  - выборы 238
  - коллеги в 206
  - московское 160
  - организации 234
  - предприимчивые 160
  - Санкт-Петербургское 160

Зерно

- выращивание 47
- закупки 269
- захват 99
- нехватка 106 сн. 24
- потери 138
- продажа 117 сн. 57
- производство 101, 106—107, 106 сн. 25, 117, 121 табл., 249—250
- размещение производства 106
- рынок 119—120
- цены 106 сн. 24, 118—125, 119 сн. 67, 120 сн. 71, 121 сн. 72, 248

И

Иерархические патронажные отношения 31, 87

Иерархические фирмы 28 сн. 2

Иерархия 53 сн. 22

Изба 127

Избирательные права (крестьян) 206

Избы 127

Изгороди 92 сн. 135, 247, 249, 252

- издержки на огораживание 46, 46 сн. 2, 250, 252, 252 сн. 23
- огораживание 139

Издержки 53, 96—97, 146, 217

- краткосрочные, социальные 252
- на землемерные работы 258
- на переговоры 237
- переделов 61, 64—75
- семейной собственности 64—75
- сокращение 247
- транспортные 119 сн. 67
- чересполосицы 64—75, 52

Издержки на переговоры 66.

См. тж: Трансакционные издержки

Излишки 166, 217—218, 218 сн. 52

- нейтральное отношение 242

- отношение к 220
- регулирование 242
- Столыпин и 221

Излишки 71

Изолированность

- крестьян 14, 32
- от гражданского общества 270
- хуторов 251
- экономическая 242

Изоляционизм крестьян 225

Илларионов А. Н. 277

Императорская семья 59

- владение крестьянами 59, 108
- земельные владения 59, 114, 145, 148 сн. 63, 160

Индивидуализм 39, 42, 47, 53, 96, 225

Индивидуальное землеустройство 176

Индустриализация 161, 144

Интеллигенция 16, 43, 95, 141 сн., 266

Интенсификация 47

Инфляция 269

Информация

- количественное выражение 251
- неточная 36
- обработка 36
- получение 71е
- проблема 73, 87
- рынки информации 87
- точная 28

Иоанн Безземельный 38

Ирригация 47, 69

Истеблишмент 74

К

Кадеты 43, 133, 141, 150 сн. 66

- большинство 153
- земельная программа 144—153
- число 150

См. тж: Конституционные демократы

Калужская губерния 189, 192

Капитализм 41, 117, 141, 144, 209, 265

- американский 142
- враждебность к 266
- класс, созданный капитализмом 143
- прусский 142
- Капиталовложения 47, 70
- Каскадная теория 40
- Каста 27
- Каунас 16
- Квазиполитическое действие 81
- Кения 33, 272
- Киев 20
- Киевская губерния 190
- Кингстон-Ман Эстер 68 сн. 55, 70, 100 сн. 5, 203 сн. 7
- Китай 69, 228
- Класс
  - богатых фермеров 261
  - класс мелких собственников 200 сн. 2
  - купцов 39
  - мелкие землевладельцы 200
  - политический 31
  - предпринимателей 143, 261
  - собственников 38, 148–149
  - созданный капитализмом 143
- Классовые интересы 32, 32 сн. 5
- Ковальченко И. Д. 120, 122
- Ковенская губерния 16, 56 сн. 32, 190
- Количество осадков 107, 107 сн. 26
- Коллективизм 46, 68
- Коллективная ответственность (круговая порука) 76, 157
- Коллективное использование ресурсов 47
- Коллективное управление 53
- Колхозная система 52–53 сн. 20
- Колхозы 22, 257 сн. 36, 273, 277
- Комитет по землеустройству 225
- Коммерциализация 191–192, 195
- Коммунизм 20, 141, 278.
См. тж: Большевики
- Компенсация 43, 141, 145, 147, 220
  - в натуральном виде 204, 204 сн. 8, 229 сн. 86, 236
  - воровство как 89
  - денежная 275–276
  - отторжение идеи 137
  - при переделе 70
- Конгломерат 52
- Конкурентная система 31, 39, 88, 272, 277
  - иерархическая фирма в 15 сн. 2
  - на рынке 28
  - нейтральность в 201
  - стимулы и 88
- Консервативно настроенные аграрии 266
- Консерватизм 68 сн. 55
- Консолидация земельных наделов, выделение, выдел, единоличные хозяйства 165–166, 176, 213, 227, 229–230, 270, 280–281, 282 сн. 3, 285
  - влияние 213
  - сопротивление 224–225
  - проблема 214
- Конституционализм 131, 152
- Конституционная монархия 41
- Конституционные демократы 43.
См. тж: Кадеты
- Конституция 35, 36, 41
- Конфискация 149
  - помещичьи земли 43, 161, 203, 207, 259
  - частной собственности 138
- Конформизм 39, 46, 68 сн. 56
- Кооперативы 30, 244–267
  - движение 266, 268, 271
  - кредитные 264, 277
  - кредиты кооперативам 160 сн. 112, 268
  - маслобойни 268
  - распространение 265
  - сельскохозяйственные 160 сн. 112
  - субсидирование 267
- Корпоративное управление 27
- Корпорация 39
- Косвенные налоги 126, 127 сн. 86
- Коуз Рональд 22 сн. 24, 254
- Кофод Карл (А. А.) 177 сн. 25, 182 сн. 36, 190 сн. 40, 191,

- 194, 196 сн. 64, 212, 224,
260—261
- Красноречие 13, 19
- Кредит
- кооперативам 160 сн. 112, 268
  - мягкий 268, 277
  - необеспеченный залогом 265
  - обеспеченный залогом 240, 264, 268, 272
  - от Крестьянского банка 264
  - распространение кредита 122
  - расширение кредита 124
  - рынки кредита 76
  - цены на землю и 122
- Крепостная зависимость (крепостничество) 25, 59, 199
- окончание 61
  - экономические преимущества во время 77
- См. тж.* Освобождение
- Крепостного права отмена (освобождение крестьян) 25, 56, 59, 71, 76, 80, 90, 118, 168, 240
- доходы в городе после 103
  - законодательные акты 93
  - законы 62 сн. 45, 69—70, 83, 108, 110—111, 151, 168
  - освобождение крепостных 54, 80, 108, 113, 199
  - положения закона об 75, 76, 83—84
  - права собственности и 108
  - производительность в сельском хозяйстве после 101
  - разочарование 108—111
  - рост численности населения после 104
  - хронология 113
- Крепостной (-ые) 17—18, 93
- возможности 81
  - выкупные платежи 109—110
  - деревни перед 59
  - контроль 108
  - освобождение 54, 108, 113, 199
  - отмена крепостного права 80
  - повинности 60
  - прикрепить к общине 83
  - ресурсы 108
  - стимулы 60
- Крестьяне (фермеры) 70, 90, 112, 142 сн. 47, 207, 221, 239, 247, 259, 272
- английские 63
  - богатые 261
  - зажиточные 116 сн. 56
  - земля 142
  - изобретательные 73
  - мелкие 100
  - мелкие землевладельцы 200
  - немецкие 262
  - ограничения 46
  - риски 116
  - стимулы для 53 сн. 20
  - усердие 17
  - чешские 262
- Крестьяне 13, 63, 144 сн. 52
- арендаторы 116
  - барщина 110
  - бедняки 22, 99, 104, 107, 126
  - богатый 60, 85, 97, 127, 129
  - буржуазия 141
  - владение землей 107—117, 123, 165
  - вовлеченность в рынок 31
  - волнения (1905 г.) 151
  - волнения 18, 123 сн. 77, 199 сн. 1, 200
  - выкупные платежи 103, 104
  - движение к независимости 96—97
  - жизнь 127—129, 165
  - зажиточность 252
  - землевладение 114—115
  - избирательное право 206
  - избы 127
  - изолированность 14, 270
  - количество полос во владении 47 табл.
  - малый надел 32—33, 252
  - «мягкие» меры помощи 57—159
  - налоги 55
  - настроения 242
  - несельскохозяйственная занятость 117, 147
  - обман 89

- обычаи 78
  - одежда 128
  - отношение 255, 258
  - отношение к реформе 51–255
  - отречение от реформ 256
  - помещики и 118
  - права 30, 2002
  - право собственности 43
  - принадлежащие императорской семье 59, 108
  - роль в гражданском обществе 272
  - роль в революции 144
  - самоуправление 17
  - склонности 201, 240
  - собственность 15, 42 сн. 22, 113, 128, 140–141, 151, 235, 260, 263, 283–284
  - согласие 21, 179, 255–259
  - сопротивление 62 сн. 45, 160–161, 165
  - в сравнении с пролетариями 32 сн. 5
  - суды 89
  - сход 210
  - тенденции владения землей 112–113
  - труд 59
  - украинские 55
  - цинизм 95
  - частные земли и 118
  - эгалитаризм 55, 60
  - См. тж:* Ст. 165 Положения о выкупе
  - Крестьянская буржуазия 141
  - Крестьянские представители 135–144
  - Крестьянские хозяйства 65, 65 табл., 69, 159, 263–264, 276–277
    - единоличные 163
    - мелкие 147. *См. тж:* Мелкие землевладельцы
    - отруб – аналог европейской фермы 232
    - пай в постсоветской России 273
    - планировка 231–234
    - размер 208–209
    - хутор – аналог американской фермы 232
  - См. тж:* Колхозы; Совхозы; Мелкие землевладельцы
  - Крестьянский банк 114, 118–124, 123, 124, 232
    - залог 241–242, 285 сн. 4
    - как кредитор 124, 160
    - как продавец земель 125
    - кредит 264–265
    - отруб 235
    - продажа земли 235
    - процентные ставки 123, 124
    - хутор 233–235
  - Крестьянский выбор 201–202, 242. *См.:* Обвинения в адрес реформ
  - Крестьянский надел 138, 159, 236, 240, 263
  - Крестьянский поземельный банк. *См. тж:* Крестьянский банк
  - Кривошеин А. В. 212, 258, 265
  - Кровавое воскресенье 99
  - Круговая порука 76–77, 157. *См. тж:* Коллективная ответственность
  - Круговая порука. *См.:* Коллективная ответственность
  - Кулаки 13, 86, 137, 249 сн. 10, 262 сн. 52
    - опасность, исходящая от 265
    - покровительство 205–206
    - сильные элементы 249
  - Культурный багаж 61
  - Курская губерния 189, 192, 215 сн. 46, 239 сн. 119
- Л
- Ландес Дэвид 29
  - Латинская Америка 33
  - Левит 137
  - Левобережная Украина 55–56 сн. 30, 111, 191, 248 сн. 8
  - Ленин В. И. 20, 115, 141–144, 142 сн. 47
  - Лермонтов М. Ю. 15, Лес 108
  - Либерализм 20, 26, 42

- буржуазный 134–135
  - добровольные шаги в сторону 269–273
  - права и 31
  - препятствия 39
  - развитие 36
  - Либеральная демократия 13, 21, 26–30, 124, 132, 148–149, 271
    - гражданское общество и 30–33
    - демократический аспект 31
    - либеральный аспект 30
    - обоснование 30
    - переход к 33–40
    - перспективы 269–273
    - права собственности и 30–33
    - продвижение 196, 242
    - реформы и 245
  - Либеральная реформа 14, 20–22, 221, 245, 263, 271, 277–278
  - Либеральное рыночное общество 35 сн. 10
  - Либеральные режимы 23
  - Лизоблюдство 28, 85, 88
  - Литва 16, 56
  - Личная собственность 166–167, 235, 240, 280, 282, 284–286
  - Личная собственность 62–64
  - Личные достижения, отношение к 88–97
  - Ложный след 183–191
  - Локализм 37
  - Лондон 144
  - Луга (сенокосы) 47, 108, 114
  - Льготное кредитование 277.

См. тж: Ассигнования; Государственные расходы; Субсидии
  - Льготы (привилегии) 34, 65, 87
  - Лященко П. И. 106, 105 сн. 25, 246 сн. 4
- М**
- Макклоски Д. Н. 49–51
  - Маклаков В. А. 156
  - Макфарлейн Алан 63, 73
  - Малоземелье 116, 152
  - Малороссия 111, 284
  - Мальтузианский сюжет 104
  - Маркс 32, 63, 73, 141, 142 сн. 47, 272.
  - Марксизм 142 сн. 47
  - Марксистская теория 141, 266
  - Маслобойни 268
  - Материальное положение 84.

См. тж: Благополучие; Зажиточность
  - Межпоколенческий антагонизм 85–87
  - Мейси Дэвид 124, 179 сн. 31, 180 сн. 32, 262, 162 сн. 52
  - Мелиорация 194
  - Менделеев Д. И. 16
  - Меньшевики 132–133
  - Миграция 76, 78, 96 сн. 148, 103, 148, 195 сн. 60, 253. *См. тж:* Эмигранты
  - Микроэкономика 36, 37
  - Милов А. В. 120, 120 сн. 69, 122
  - Милюков П. 150 сн. 58, 203
  - Министерство внутренних дел 166, 208, 213, 240
    - приверженность реформам 170
    - циркуляр от 9 декабря 1906 г. 226
  - Министерство сельского хозяйства 212, 238. *См. тж:* Главное управление землеустройства и земледелия
  - Министерство финансов 265
  - Министр внутренних дел 19, 100 сн. 4, 150, 214, 219–220
  - Минская губерния 56 сн. 32, 190
  - Мироеды 86, 137
  - Миронов Б. Н. 88–89, 95, 119, 119 сн. 67
  - Митчелл Б. Р. 106 сн. 25
  - Младенческая смертность 105
  - Мобилизация надельной земли 208
  - Мобильность 75
  - Могилевская губерния 52 сн. 32, 190, 215
  - Модернизация 51–52, 148, 165
  - Монокультура 251

Монополия 209, 263

- водочная 126
- государственная 240
- риск 264
- спиртовая 126

Московская губерния 16, 92, 94,
160, 193, 212 сн. 35, 257 сн. 36

Мясо 250–251

Н

Навоз 50. *См. тж:* Удобрения

Надел (-ы) 14

- домохозяйство 244, 244 сн. 82, 279–280,
- мелкий (-е) 46, 48, 52
- несколько, мало 47 сн. 5
- приусадебный участок 230–231, 275–276,
- расположение 170
- расстояние между 48, 65, 65 сн. 48
- соединение 66 сн. 50
- стоимость 251 сн. 21
- ^д стоимость огораживания 253 сн. 23
- удаленный (-е) 47, 47 табл.
- частный (-е) 68 сн. 55
- чересполосица 47 табл.
- чрезмерно узкий (-е) 138
- См. тж:* Общинные (чересполосные) поля; Полоски; Разрозненные наделы

Наделы 166, 241, 270

- владельцы 208
- с возможностью продажи 138
- выпас 46
- и принуждение 202
- право на 54
- увеличение 72
- укрепленные в собственность 82, 219 сн. 55

Надельная земля 17–18, 30–31, 41, 63, 107, 118, 126, 235–236, 284

- залог 241
- мобилизация 208
- ограничения на 241, 263
- отчуждение 263

– потолок размера хозяйства (надела) 109, 148, 239, 263

- права на 76
- правила распоряжения 64, 97
- приобретение 263–264
- причудливые особенности 94
- раздел 173
- реформа 133
- собственность на 110, 112 табл.
- урожайность на 118 табл.

См. тж: Приватизация

Наказания телесные 157

Накопленная задолженность 103

Налог, налогообложение

- акциз 126
- в крестьянском хозяйстве 55
- доход от 127, 127 сн. 86,
- косвенный 126, 127 сн. 86
- на «греховные» товары 126, 126–127 сн. 85,
- неуплата 99
- перепись и 61 сн. 43, подушный налог 160
- платежи 85, 161
- подворный 61 сн. 43
- подоходный 138
- подушный 55, 59, 160
- политика 55
- правительства роль в 125
- прямой 125–126, 126 сн. 86, 157
- российская государственная система 60
- рост 125
- сбор 38
- уплата 88, 157

Налоговое бремя 54–56, 59, 60, 125–127

Налогообложение 35, 55–56, 61, 127

Налогоплательщик 96

Нарезка участков 25, 46, 49–50, 52, 139, 177, 191, 228, 270.

См. тж: Разрозненные участки

Насекомые 128

Население

- плотность 55

- рост 72, 101, 104, 173
- См. тж:* Рождаемости уро-
вень; Смертности уровень
- Наследственное владение (на-
следуемые наделы) 62—64, 69
сн. 59, 172
  - общее землевладение 260
  - передельная (община) 159
  - передаваемая земля 175
  - передаваемый надел 173
- См. тж:* Семейная собствен-
ность; Наследуемые наделы;
Смешанная форма землевла-
дения; Личная собственность
- Наследственные общины 53,
78—79, 84, 108, 157
- Наследуемость (личная собствен-
ность)
  - домохозяйства и 173, 173
рис.
  - собственность и 56 сн. 32,
282—283, 286—287
- Наследуемые наделы 54, 82, 157,
165—168, 171, 172—174, 179,
189, 202, 229, 281
- Настроения 238, 265
  - крестьян 243, 255—256, 258
  - перемена 148
  - покупателей 251
  - полноправных граждан 132
- Негры после отмены рабства 89
- Недальновидность 241
- Неделимая собственность 174
- Нежелание выделяться 40
- Независимость 86, 96
- Нелиберальная страна 20, 216,
263, 269—273, 277
- Нелиберальные цели 200
- Нелиберальный режим 20—23,
34, 38, 221, 245
- Немобильность ресурсов 73, 76,
88, 152
- Немцы — российские подданные
267
- Ненадельная земля 114, 116, 158,
239, 238 сн. 118, 284, 285 сн. 4
- Необеспеченный кредит 265
- Неопределенности 242
- Неопределенность прав 30
- Неправедные дела 94
- Несельскохозяйственная занятость
117, 147
- Неудобства 26, 49, 64, 168, 169,
171, 223, 281 сн. 1
  - интерпретация 224
  - особые стеснения 214, 223
сн. 67, 284, 286
  - создаваемые выделом 213
- Неурожаи 100, 100 сн. 5
  - в 1905 г. 100
  - в 1906 г. 100 сн. 5
- Нехватка земли 55, 114, 146,
152, 161, 193, 192. *См. тж:*
Малоземелье
- Нечерноземье 50
- Неясность 211,
«Нива» 95—96
- Нижний Новгород 60
- Николай II 17—19, 40, 41, 151,
157
- Нищенский надел 110. *См. тж:*
Дарственники
- Нкрума Кваме 34
- Новая экономическая политика
257 сн. 36
- Нововведения
  - в политической экономии 37
  - возможности для 201
  - выгоды 66
  - пределы и 228
  - перспективы 68—69
  - препятствия для 73, 86, 138
  - производительные 160
  - распространение 68 сн. 55
  - риски 68, 107
  - содействие 224
  - стимулы к 201
- Новороссия 111, 191, 195 сн. 60,
248 сн. 8, 259
- Новый советский человек 65
- Норма потребления 136, 146
- Норт Д. 23, 36, 40, 162, 271
-
- Обвинения в адрес реформ (пре-
дубеждение против реформ)
202, 216—227
- Обман 87, 88—89, 94 сн. 139

- Обман 89
- Обмен 18, 34, 124, 204, 229, 266
  - выгоды 87
  - за символическую работу 97
  - объединение надела посредством 81
  - ограничения на обмен после отмены крепостного права 75–83
  - рыночный 64
  - свободный 54, 56
  - товаров 95
- Обмены, из года в год 66
- Обработка земли 25, 46, 222, 230, 246
  - домохозяйствами 47
  - индивидуальная 53, 138, 145
  - методы 47, 159, 196 сн. 64, 254
  - монокультура 251
  - современная 237
- Образование 138, 157–160, 161
- Оброк 60, 108, 109, 110
- Обследование по 12-ти уездам 217 сн. 49, 233, 246 сн. 5, 248–249, 251
- Обухов В. М. 101, 101 сн. 9, 117 сн. 59
- Общее право 88, 91, 174
- Общественного выбора теория 125
- Община (-ы) 14, 18, 44, 70, 138
  - выкуп 76–77
  - выход из 149, 154, 158, 210, 226
  - географическое распределение передельных 58 табл.
  - голосование 204, 213
  - декрет о 167
  - домохозяйства в 169
  - жизнь в 127–129
  - как защита против обезземливания 134
  - отношение к 133–134
  - патриархальность 86
  - патронажный характер 86
  - приватизация 135, 141, 162
  - прикрепленность крепостных к 83
  - разрушение 199, 202
  - сопротивление со стороны 193, 203 сн. 7
  - социология 84–88
  - сторонники 139
  - функционирование 96
  - члены 30
- См. тж.: Передельная община*
- Общинные (чересполосные) поля 45–52, 165, 193, 235, 283
  - выдел к одному месту 252
  - издержки 64–75
  - недостатки 81
  - неудобство 138, 262
  - неэффективность 52–52 сн. 20
  - отход от 224
  - передель и 118, 138, 182, 200, 204–205, 252–255
  - права на использование 227 сн. 80
  - преимущества 192, 253
  - реформа 237
  - решение проблемы 229
- См. тж.: Разрозненные наделы*
- Объединение наделов (землеустройство, выделение к одному месту) 44, 62 сн. 45, 78–80, 166–170, 173, 175
  - большевики и 257
  - групповое 179
  - добровольное 215
  - домовладения и 175, 176, 180 табл. 5.1, 188 карта
  - домохозяева и 171, 282–285
  - запросы на 176, 176 сн. 20, 178–182, 179 сн. 31, 180 табл. 5.1, 183–186 табл., 284, 286–287
  - индивидуальное 159, 179
  - настойчивость правительства в вопросе 231–235
  - недобровольное 237
  - низкие показатели 193
  - обязательное 204, 205 сн. 9, 283
  - общинные (чересполосные) поля и 253

- полосок 25—26, 44, 50, 82, 166, 167—170, 178—179, 190, 201, 204 *см.* 8, 248
- постепенное 82
- права 223—226
- преимущества 253
- преодоление противодействия 226—227
- пристрастность в пользу выделения земли к одному месту 216—227
- путем землеустройства 233
- путем обмена 81, 82
- региональные различия 182—195
- в Сибири 255—256
- в Смоленской губернии 257 *см.* 36
- статистика 232
- стеснения 213
- стихийное 82
- тенденции 180 табл. 5.1, 181, 181 *рис.*,
- типы 177 *см.* 22
- требования для 81
- укрепление наделов в собственности как помеха 227—231
- формы 231—235
- целых деревень 169, 175, 176, 205 *см.* 9, 225, 249
- через землеустроительные комиссии 175
- эффект примера 190—192
- Объединение наделов в результате решения общины 82
- Объединение участков 237
- Обычное право 91
- Огораживание 177
  - в Англии 249—250, 252
  - негативные последствия 227 *см.* 80
  - производительность и 122 *см.* 74
  - процесс 237
  - условия 233
- Ограничение на приобретение земли 264
- Ограничения
  - глав домохозяйств 63
  - на выход 75—83
  - на государственную власть 35
  - на передвижения по стране 103
  - на продажу 75—83
  - на размеры надела 241, 263
  - на расширение крестьянского хозяйства 242, 274
  - после отмены крепостного права 75—83, 118 *см.* 62
- Округление 66 *см.* 50
- Окруженные участки 236
- Октябристы 133
- Октябрьская революция (1917 г.) 13, 20, 22, 254
- Октябрьский манифест (1905 г.) 131
- Олигархия 85
- Опека 239
- Опека 240
- Опрос 219—220, 219 *см.* 55
- Опьянение от успехов 152
- Органические удобрения 69
- Орловская губерния 189, 248 *см.* 8
- Освобождение крестьян. *См.*: Крепостного права отмена
- Основные государственные законы 41
  - осуждение 152
  - принятие 131*См. также:* Ст. 87 Основных государственных законов
- Особое совещание 134
- Оспа 105
- Оставление сельского хозяйства 147, 276
- Остром Элеонора 47
- Отношение
  - к закону 88—97
  - к коммуне 133—134
  - к личным достижениям 88—97
  - к собственности 88—97
- Отруб 210
  - определение 231

- рост доли 257 сн. 36
- из нескольких участков 232
- количество 249 сн. 10
- Крестьянский банк и 235
- сходство с европейскими хозяйствами 232
- Отчуждаемость 206
- Отчуждаемость надельной земли 264. *См. тж:* Залог
- Отчуждаемость собственности 260
- Оуэн А. 56 сн. 32, 186
- Охота 51, 54
- Охотники-собиратели 51
- П
- Папуа — Новая Гвинея 74
- Пар 46, 68, 226
- Парламент 32, 38
- Парцельные крестьяне (крестьяне с малым наделом) 32, 252
- Паспорт 77, 159
- Пастбища 46 сн. 3, 51, 51 сн. 16, 52, 108, 139, 166, 226, 252, 280
- Патернализм 242
- Патронажная система 28 сн. 1
- Патронажные отношения 27—28, 35 сн. 10, 87 сн. 117
  - общины как 88
  - права собственности и 29
  - родная деревня и 73
- Пауэлсон Джон 39
- Пашня 50—51, 108, 210, 226, 231, 285
- Пензенская губерния 58 табл., 65
- Первая Дума 132—133, 152, 263
- Первая мировая война 71, 178, 269
- Переговоры 31, 66, 161, 237, 254, 263
  - издержки 237
  - способность к 22
  - уступки в результате 38
- Передел 14, 25—26, 45, 53—62, 117—118, 213—214, 270
  - домохозяева и 204
  - издержки 61—62, 64—76
  - инвестиции и 228
  - история 61—62
  - компенсация за 70
  - общинные (чересполосные) поля, землеустроенные участки и 118, 138, 182, 189, 201, 204—205, 252—254
  - отказ от 81
  - практика 68—73
  - уравнильный 59, 61—62, 63—64, 85—86
  - См. тж:* Передель; Передельные общины; Наследственное владение
- Передел (перераспределение) 61, 69, 81, 173, 175, 177, 213, 228—229, 229 сн. 86, 230, 231 сн. 96
  - будущий 220—221, 226
  - общий 257
  - новый 216
  - угроза 229 сн. 86
  - См. тж:* Перераспределение; Компенсация
- Передельные общины 53—55, 57 карта, 58—59 табл., 62 сн. 45, 76—81, 84, 157, 159, 190
- Перемешанность (частных и общинных земель) 181, 195. *См. тж:* Чересполосные земли
- Переписка кредитов 268
- Перепись 61, 61 сн. 43, 158, 218
- Перераспределение 51, 73, 107, 133, 162, 166, 171—172, 176
  - будущее 217—222
  - земель фонда 145
  - масштабное 42
  - общее 166, 167, 169—171, 212—214, 217—291
  - окончательное 19
  - периодическое 25
  - по суду 168
  - принудительное 133, 162
  - протест против 96
  - указ 170
  - уравнильное 51, 61
  - устраняться от 26
  - частичное 219
  - См. тж:* Частичные переделы; Земля

- Перераспределение земли 108, 162. *См. тж:* Перераспределение
- Перерыв заседаний Государственной Думы (ропуск Государственной Думы) 131—132
- Пермская губерния 193, 248 сн. 8
- Першин П. Н. 186 табл.
- Петиции 88, 137—138, 140, 215 сн. 46, 224
- Петр Великий 55,
- Петровское 87
- Питание 105
- Погоня за приманкой 197
- Погромы 20
- Подушный налог 55, 55 сн. 26, 60, 61 сн. 43, 157. *См. тж:* Избирательный налог
- Полезность (общественная польза) 21
— утилитарная цель 53
- Политическое требование 43
- Положение
— имущественное 95
— социальное 90
- Положение о выкупе крестьянами, вышедшими из крепостной зависимости, их усадебной оседлости 154, 279, 282. *См. тж:* Ст. 165
- Полоски (земельные паи) 45, 80, 240, 276
— аренда 16
— вокруг деревни 210
— выделение, объединение 25—26, 44, 49—50, 165, 167—170, 190, 204 сн. 8, 248, 281—282
— выделенные 274
— малые 207, 237
— на разных полях 25
— невыделенные 228, 248
— объединенные 259
— передача 135—136
— передель 242, 275
— под межами 138
— размеры 95, 115—116, 275
— семейные (наделы) 225
— собственность на 238 сн. 118
— в составе мирского надела 279—280
— удаленные 48, 48 табл., 65
— узкие 138
— урожая 54
См. тж: Общинные (чересполосные) поля; Разрозненные участки; Чересполосные земли
- Полоски 3, 27, 53, 79—81
— выделенные 79
— границы между (межи) 67
— узкие 44, 66, 138
— число 49
— аренда 262
— продажа 253
— незанятые 226
См. тж: Чересполосные земли; Общинные (чересполосные) поля; Надел; Полоски
- Полтавская губерния 194, 248 сн. 8
- «Получить по заслугам», концепция 63 сн. 46
- Польза 95
- Польские национал-демократы 133
- Помещики (дворянство) 15, 43, 50, 89—90, 99, 108
— большинство 153
— владения 135, 150—151
— компенсация 76
— конфискация земли у 43, 118, 161, 203, 207, 256
— никудашные хозяева 113, 118
— правое крыло 134
— реформы и 199—200
— собственность 128, 150
— Столыпин П. и 199
— царь и 40, 152
- Помещики 59 сн. 37, 88—89. 99, 108—109, 113—114. 118—119, 123 сн. 77, 124—125
— арендная плата 137
— крестьяне и 117—188
— негодование против 137
— политики 132—133

- производительность 117–188
- размеры земель 148
- экспроприация 131–132
- См. тж:* Дворянство
- Помещики, урожайность 117–118
- Помощь 61–63, 88, 97, 116, 221
- Попечитель 15
- Порка 161
- После отмены крепостного права (пореформенные), ограничения 75–83
- После отмены крепостного права (пореформенная) Россия 89
- После отмены крепостного права 123
- Последовательность в решениях судов 91
- Пословицы, поговорки 89
- Постсоветская Россия 245
- Потолок размера хозяйства (надела) 109, 148, 239, 263
- Почва
  - однообразие 194
  - разнообразие 49, 66*См. тж:* Черноземье; Нечерноземье
- Почести 30
- Права
  - аренды 75–76
  - вытекающие из договоров 27
  - голоса 285
  - имущество 274
  - коллективизированные 30
  - крестьян 30, 202–203
  - либерализм и 31
  - на воду 6
  - на землю 92, 94 *сн.* 139
  - на надельную землю 81–82
  - на общинные поля 227 *сн.* 80
  - на передел 62 *сн.* 49
  - общинные 203
  - укрепление 222–226
  - ущербность 235–243*См. тж:* Собственности права
- Права, вытекающие из договоров 27
- Правила об излишках 232
- Правила передачи наделов 270
- Правители 14, 33–35, 39
- Правительство 19, 21, 27, 76, 80, 103–104, 123 *сн.* 77, 160 *сн.* 112, 161
  - власть 36, 125
  - давление 215 *сн.* 46
  - демократическое 14, 25, 269
  - злоупотребления 29
  - конституционное 132
  - либеральное 14
  - монополия 240
  - налогообложение 125
  - настаивание на хуторах 233
  - настойчивость в вопросе о форме землеустройства 231–235
  - подчиненное закону 27
  - ресурсы 125–126
  - Столыпин П. о 259–260
  - страх перед государством 40
  - указ о преобразовании собственности на землю 13
  - цели 269
  - экономическая политика 269
- Право
  - государственное 92
  - гражданское 88
  - общее 88, 91, 174
  - обычное 91, 92
  - правоприменение 87
  - уголовное 88*См. тж:* Англо-американское общее право; Верховенство права
- Право государство на изъятие собственности 151
- Право собственности (тителы собственности) 80–81
  - всей деревней (групповое землеустройство) 176
  - добровольность 215
  - домохозяева и 80, 279–282, 281 *сн.* 1
  - заявления на изменение 175–176, 176 *сн.* 20, 178–182, 180 табл., 183–186 табл., 192–192, 203 *сн.* 7, 220, 279, 281 *сн.* 1

- как помеха выделам 227—231
- на наделы 238 сн. 118
- на наследуемые наделы 171
- немобильность 73
- пристрастность в пользу 216—227
- продажа 208—209
- противодействие 226—227
- редкость 193
- суды и 192
- тенденции в 181 табл.
- «требование» 166
- указ и 227
- хозяйства и 181 табл.
- хозяйства, изменившие форму собственности 187 карта
- См. тж:* Наделы
- Правобережная Украина 179, 191, 193
- Правовое сознание 93—94
- Православие 42
- Предельный продукт 75, 121 сн. 73
- Предприниматели 28, 37—39, 66, 122 сн. 74, 136, 229
  - биографии 95
  - гордость 95
  - мелкие 262
  - независимые 143
  - откуп земли 238
  - и политика 32
- См. тж:* Собиратели земли
- Премьер-министр 13, 17—19, 40, 42, 83, 90, 100, 114, 131, 150, 160, 162, 273
- Преобразование 40, 172, 259
- Прецеденты 91
- Приватизация 13, 197, 199, 235 сн. 110, 270
  - община 134—135, 141, 162
  - земли сегодня 273—277
  - политика Петра Столыпина 129
- Приговор 166
- Придворные клики 19
- Принудительный труд 158
- Принуждение (давление) 197, 216
- Принцип (-ы) (правило (-ла)) 27, 242
  - большевизма 148
  - в государстве, режим 34—35
  - верховенство права 92, 93, 147, 270
  - выхода из общины 162
  - доли 63, 97
  - изменения 83—84
  - наследования 39
  - об излишках 242
  - после отмены крепостного права 75—76, 78, 83—84
  - права собственности и 27
  - приватизации 242, 270
  - реформы Столыпина и 132
  - сфера действия 37
  - ценности 124
- Принцип справедливости 145
- Принципы передела 53. *См. тж:* Передел
- Принятие риска 224, 259
- Приобретение надельной земли 263—264
- Пристрастность
  - в пользу выделения земли к одному месту 216—227
  - в пользу укрепления земли в собственность 216—227
  - выбора крестьян 201, 242
- Прогрессисты 133
- Продажа 15, 25, 63, 160, 257
  - земли 125, 136, 224, 232
  - зерна 117 сн. 57
  - Крестьянский банк 233—235
  - на условиях права собственности 207—209
  - небольшие 110
  - объяснение 113—114
  - ограничения 75—84
  - ограничения на 240, 263—264
  - приобретенного права на землю 207—208, 224
  - редкость 63
  - указ разрешающий 240
- Производительность (урожайность, продуктивность земли) 117 сн. 59, 120 сн. 69, 122, 142 сн. 47, 209, 212

- влияние реформ на 245—251
- огораживание и 122 сн. 74
- помещиков 117—118
- расточительство 62, 206
- сельскохозяйственная на душу населения 101—107
- сельскохозяйственная после отмены крепостного права 101
- тенденции 100—108, 105 сн. 21
- труда 102—103, 103 сн. 12, 115 сн. 48
- См. тж:* Зерно; Труд
- Производительность в сельском хозяйстве на душу населения 101—107
- Производство (продукция, урожайность) 63, 69, 118 табл., 121 сн. 73, 122 сн. 74, 246 сн. 1 и 4
  - зерна 101, 106 сн. 25, 121 табл., 250
  - мяса 250
  - на надельных землях 118 табл.
  - несельскохозяйственное 60
  - разнообразие 49
  - сельскохозяйственное товарной продукции 189, 246
  - сельхозтехники 247 табл.
  - способ 32
  - экономия на масштабе 59
- Пролетариат 141—143, 253
- Пролетаризация 76, 134, 239, 253
- Промышленность 16, 13, 154, 261
- Промышленный характер крестьянских хозяйств 194
- Протестантизм 39
- Процесс дифференциации крестьянства 208
- Пруссия 17
- Прусский капитализм 142
- Прямые налоги 126, 127 сн. 86, 157
- Псковская губерния 190, 248 сн. 8
- Пчеловодство 111
- Пьянство 62, 260
- Пэллот Ю. 254
- Р
- Работа исполу 110—111, 161
- Рабство 139
- Равенство перед законом 28
- Разверстание 176 сн. 22, 179, 195, 260, 284—286
  - всей деревни 176, 204 сн. 8
  - единогласно за разверстание 259, 259 сн. 39
  - как главная форма землеустройства 224
  - проголосовать за 213
- Раздел
  - наделов 173
  - при жизни отца 96
  - имущества 158
- Разделение власти между церковью и государством 39
- Разрозненные наделы (чересполосица) 17, 25, 46, 51 сн. 16, 81, 107, 138, 151, 204, 259, 270, 285—286
  - в Европе 177—178
  - выгодность 191
  - издержки 52
  - на узких полосках 138
  - назначение 48—49
  - предпочтение 217
  - преодоление 174
  - раздробление 49
  - распространение 50—52
  - собственники 204
  - сокращение 177, 228—229
  - сохранение 270
  - удаленные 229
  - функции 51
  - эгалитаризм и 51
- См. тж:* Чересполосные земли; Общинные (чересполосные) поля; Полоски
- Раннимид 38
- Распутин 19
- Расходы на личное потребление (1885—1913) 102 табл.
- Революция 1688 г. *См.:* Славная революция 1688 г.

- Революция 1905 г. 18, 41, 99—100, 103, 106—107 сн. 25, 128
- Революция 230 сн. 90, 245, 248, 261,
 — горячка 137
 — конвульсивная 35
 — крестьян роль в 144
 — опасность 245
 — отказ от реформ в 255—258
 — реформы как замена 21
 — реформы как ускорение 143
 — социалистическая 142, 143
См. тж: Большеви́стская революция; Февральская революция; Французская революция; Славная революция 1688 г.; Октябрьская революция (1917 г.); Революция 1905 г.
- Региональные различия 119, 182—196, 209
- Регрессия 101 сн. 9
- Регулирование цен 33
- Рейх 52 н. 20
- Рекрутский набор 87
- Религиозные праздники 94
- Реформа (-ы) 13, 45
 — административное давление и 210—216
 — выгоды от 259—262
 — дворяне и 157
 — добровольность 14
 — домохозяева и 25—26
 — достижения 175—178
 — в Думе 240
 — как закон 131
 — краткосрочный социальный стресс и 252—254
 — курс, проводимый сверху на 22
 — либеральная демократия и 245
 — на открытых полях 237
 — надельных земель 133
 — отношение крестьян к 254—258
 — отречение крестьян от 256
 — положения 165—171
 — помещики и 199—201, 270—272
 — после 1915 г. 172
 — признание 183—186 табл.
 — производительность вследствие 245—252
 — революция и 21—22, 143
 — результаты 171—178
 — Сенат и 170
 — сопутствующие 156—163
 — ст. 1 закона 1910 г. как ошибка 270
 — Столыпина Петра 260
 — сущность 25—26
 — царская Россия и 199—200
 — цель 189—192
См. тж: Объединение наделов; Либеральные реформы; Собственность права; Столыпина реформы; Изменение права собственности; Ст. 1 Закона от 14 июня 1910 г.; Закон от 29 мая 1911 г.;
- Реформа сверху 13—15, 20—21, 22
- Реформа снизу 15
- Римский - Корсаков Н. А. 20
- Риск, 25, 27, 40, 49, 107, 147, 220, 266
 — высокий 50
 — диверсификация 49
 — для фермеров 116
 — единственный 229 сн. 86
 — избежание 222
 — конфликта 34
 — лишения права выкупа закладной 263
 — минимизировать 76
 — монополизма 264
 — недалновидности 241
 — неизвестный 260
 — новшеств 68, 107
 — передела 220
 — подвергаться 242
 — «портфель», сбалансированный по риску 49
 — революции опасность 245
 — уменьшение 191, 199
См. тж: Страхование

- Рисков диверсификации 49
 Риттих А. А. 212, 228
 Робин Гуд 221
 Родственные связи 30
 Рождаемость 72
 Рождаемость 72, 104—105,
 104 сн. 20
 Ромер Пол 73
 Российское правительство
 13, 41, 93, 125, 156, 269.
См. тж: Правительство; Вре-
 менное правительство; Совет-
 ское (и Временное) прави-
 тельство
 Ростовщичество 85
 Роуз Карол М. 149 сн. 64
 Рузвельт Франклин 15
 Русский характер 45
 Рынки 14, 21, 32, 62, 64, 271
 — вовлеченность крестьян в 32
 — деформирование 267
 — доступ к 95, 146, 207
 — европейские 119 сн. 67
 — западные 192
 — земли 146, 208, 211, 212
 сн. 31, 242, 262, 270, 276,
 276 сн. 85
 — земли 64
 — зерна 119
 — институциональные 36
 — информации 88
 — капитала 28 сн. 2
 — международные 71
 — местные 194
 — неразвитые 73
 — опыт работы на 241
 — преобладание 30
 — рыночное окружение 32 сн. 5
 — рыночные силы 123, 238—
 240, 267
 — рыночные цены 123
 — свободные 123, 263
 — скота для местных рынков
 194
 — сложные 50
 — ссуд 77
 — транзакционные 28, 111
 — труда 76, 122 сн. 73
 — участники 274
 Рынки земли 146, 208, 211, 212
 сн. 31, 241, 262, 276, 276
 сн. 85
 Рыночная стоимость (цена) 43,
 120, 220, 221, 225, 251, 274.
См. тж: Выделы
 Рыночные сделки в условиях кон-
 куренции 28, 111
 Рязанская губерния 189
 С
 Самарская губерния 195, 248
 сн. 8, 249
 Самодержавие 41, 160
 Самоуправление 17, 159, 206
 Санитарно-гигиенические условия
 жизни 105
 Санкт-Петербург 16, 18, 99, 160,
 189, 261
 Саратовская губерния 18, 100 сн. 4
 Свобода 30, 35, 89, 118
 — английских фермеров 63
 — как постепенный процесс 38
 — обретение 35
 — от переделов в Китае 69
 — передвижения 159
 — печати 29
 — слова 27, 29, 277
 — экономическая на Ближнем
 Востоке 39
 Связи 28, 29, 267, 277
 Сделка (-и) 66, 109—110, 143,
 229
 — добровольная 45, 237
 — в конкурентной системе
 28—30
 — многосторонняя 82
 — препятствия к 276
 — рыночная 28, 111
 — частная 140, 237
 Севооборот 160
 Сезонный заработок 96
 Сельское хозяйство. *См.:* Минис-
 терство сельского хозяйства
 Сельскохозяйственные районы 102
 Сельхозтехника 245, 276
 — импорт 247 табл. 7.1
 — производство 247 табл. 7.2
 — покупка 195 сн. 60

- Семейная собственность 27, 45,
64—75, 118, 206
– издержки 75
– против личной 62—64
См. тж: Наследственное
владение
- Семейные корпорации 29
- Семена 67, 191, 246
- Семья
– императорская 112, 148
сн. 63
– семейный надел 71—72
– собственность 241
– труд 74—75
- Сенат 41, 41 сн. 19, 170, 222,
226, 236 сн. 114, 284
- Сенокосы. *См.:* Луга
- Середниково 15
- Сетевые эффекты 37, 38
- Сибирь 194 сн. 60, 208, 258
– Западная 70
– кредиты под залог в 264
– ликвидация чересполосицы
в 256
– миграция в 61, 257—258
– отмена подушного налога в
157
– переселение в 160, 162, 224
– пригодные земли в 259
- Сила 212, 214 сн. 41, 236 сн. 114
– внешние 162 сн. 117
– демократические 29
– определение 202—205
– политическая 271
– посреднические 268
– рыночные 123, 238—240, 267
– сверхъестественные 93
– случайные 245
– социальные 153
См. тж: Административное
давление
- Система передачи прав собствен-
ности 230
- Скандинавские завоеватели 39
- Склад ума 22, 27, 30, 35 сн. 9, 38,
45. *См. тж:* Отношение
- Скот 50, 250, 250 сн. 15, 260
– большое количество 196, 196
сн. 64
– для местных рынков 194
– потрава 67 сн. 52
– простор для 139
- Скупость 30
- Славная революция 1688 г. 27, 38
- Славянофильская идеология 42
- «Слева у нас врагов нет» 43
- Слияние 236
- Смертность 72, 104
– повышенная 106 сн. 24
– снижение 104
- Смешанная форма землевладения
204
- Смирнов Александр 257 сн. 36
- Смит Генри Э. 50—52
- Смоленская губерния 55—56
сн. 30, сн. 32, 138, 140, 190,
248 сн. 8, 257 сн. 36
– 1902 г. опрос в 138, 139—
140, 162
– создание единоличных хо-
зяйств в 257
- Собиратели земли 66, 229, 262
- Собственности владельцы
– избирательные права 238
– класс 38, 149
- Собственности права 17, 26,
41—42, 73, 118, 124—125, 149
– в царской России 40—44
– гражданское общество и
30—33
– защищенные 136
– использование ресурса 200
– крестьян 43
– либеральная демократия и
30—33
– отмена крепостного права
(освобождение) и 108
– патронажные отношения и
28—30
– поправление 263—268
– принцип верховенства права
и 27
– реформа 14
– слабость прав, относящихся
к ненадельной земле 41
– ущербность 235—242
См. тж: Относящиеся к нена-
дельной земле

- Собственность
- главы семьи 167
  - наделение 157
  - неотчуждаемая 260
  - отдельные угодья 285
  - отношение к 88–97
  - преобразование, передел 240–241, 279–280, 281–282, 285–286
  - семейная 241
  - улучшения 59
  - частная собственность 236
- См. тж:* Личная собственность; Частная собственность
- Собственность (владение) 25, 32, 53, 157, 191, 200, 241, 247, 250, 280
- дворянства 128
  - квази- 74
  - коллективная 45, 46, 53, 70, 226
  - крестьянская 15, 42 сн. 22, 113, 128, 140–141, 151, 235, 260, 263, 283–284
  - личная 25, 31, 62 сн 45, 63, 111, 150 сн. 68, 174, 195
  - на надельную землю 110, 113
  - наследственная 56 сн. 32, 282, 286
  - необщинная 140
  - общая (долевая) 275
  - общинная 75, 84
  - права 274
  - размеры владений 22, 271
  - смешанная 285–286
  - структура 146
  - частная 62, 139, 142 сн. 47, 176, 207, 273
  - чувство 270
- См. тж:* Надельная земля; Наследственное владение; Ограничение на приобретение земли; Семейная собственность; Собственности владельцы
- Совет министров 153, 258 сн. 38
- Советская Россия (Советское государство) 27, 27 сн. 1, 65
- Советский Союз 52 сн. 20, 273
- Советское (и Временное) правительство 263. *См. тж:* Правительство
- Совместное владение 174
- Совхозы 22, 273, 276. *См. тж:* Колхозы
- Согласие членов семьи 74
- Соединенные Штаты Америки
- в момент принятия Конституции 35
  - федерализм/локализм в 37
  - фермерское хозяйство в 232
- Сопrotивление 167, 182, 215
- законодателей 155
  - конституционализму 151
  - крестьян 62 сн. 45, 161, 165
  - общины 192–193, 203 сн. 7
  - перераспределению 96
  - политических сил, правящих элит, политическое 21, 33, 199
  - стариков 68
  - Столыпину Петру 43
- Сопутствующие реформы 156–163
- Сотрудничество 30, 131
- Социал-демократы 42, 132, 141, 143–144
- Социализм 67, 209
- Социалисты-революционеры (эсеры) 42, 133, 135–144, 147
- Социальное потрясение 245
- Социальный статус 89–91
- Социальный стресс 252–254
- Специализация 52, 191
- Спиртовая монополия 126.
- См. тж:* Монополия на водку
- Сплоченность 45, 134 сн. 8
- Средняя Азия 264
- Средняя Волга 61, 119 сн. 66, 263
- Ст. 1 Закона от 14 июня 1910
- 170, 173, 175
  - как ошибка реформ 270
  - личная собственность и 166
  - наследование и 230
- Ст. 165 Положения о выкупе 80, 80 сн. 90, 83–84, 154, 279
- Ст. 87 Основных государственных законов 131, 149, 153–156, 156 сн. 87

- «Ставка на сильных» 205—206, 241
 Сталин И. В. 34
 Сталинские чистки 74—75
 Старшие члены общины 68, 85, 159
     — сопротивление 68
 Статус социальный 89
 Статус-кво 34,
 Стимулы 17, 28, 65, 72, 77, 81,
     137, 165, 196 сн. 64, 274 сн. 82
     — для крепостных 60
     — для крестьян 53 сн. 20
     — для руководителей 273
     — искажение 222—223, 226
     — к нововведениям 201
     — конкурентная система и 88
     — марксизм и 142 сн. 47
     — обеспеченности прав собственности 136
     — ослабление 72
     — приспособление к 250
     — слишком сильные 221
     — структура 143
     — улучшение 228, 230, 238
 Столетняя война 38
 Столыпин Д. А. 15
 Столыпин П. А. 13, 30, 76,
     150—151
     — в качестве премьер-министра 90, 100, 114, 131,
         162—163
     — дворянство и 199—200
     — законодательные акты 257—258
     — замыслы 199
     — излишек и 220—222
     — на посту министра внутренних дел 19, 150, 214
     — насилие и 212
     — политика приватизации 129
     — о правительстве 258—260
     — противодействие 43
     — с реформами 260
     — смерть 20
     — «Ставка на сильных», речь 205—207
     — указ столыпинский от 9 ноября 1896 г. 84
     — царский премьер-министр 20, 42, 162—163
 Столыпин Аркадий 151
 Столыпина брошюра 13, 13 сн. 3
 Столыпинские реформы 14—19,
     25—26, 30—31, 54, 82—84,
     117 сн. 58, 118, 121, 127, 150,
     165, 271, 275
     — в противовес 107
     — изменение правил и 83—84
     — как часть программы построения правового государства 132
     — короткая эпоха 251
     — критика 81
     — победа большевиков и 254
     — стали законом 131
 Стратегическое маневрирование 36
 Стратегическое поведение 50,
     70—71, 192, 254, 255
 Страхование 49, 52, 260
     — теория 49—51
     См. тж: Риск
 Страховка от опасностей 49
 Стресс. *См.:* Социальный стресс
 Струве Петр 152, 156
 Субсидии 125, 216—217, 268,
     271—272. *См. тж:* Ассигнования; Государственные расходы; Льготное кредитование
 Субъекты федерации 276
 Судебные решения 90, 92
 Судостроительство 37, 96, 277.
     См. тж: Суды
 Суды 27, 41, 94, 147, 218, 267
     — военно-полевые 43
     — губернское присутствие 283—284
     — изменение формы собственности 192
     — крестьянские 88
     — местные 167
     — полномочия 192
     — система 138
     См. тж: Судостроительство; Волостные суды
 Судьи 90
     — взяточничество 93
     — выборы 96
     — постоянные 41 сн. 19

Сход 13, 67, 71, 88, 213, 200,
226, 260
– голосование 286.
– деревни 261, 279
– общины 67, 79–80, 86, 96,
282
– собрания 264
– согласие общины (схода) 84
– крестьянский 210
– общинный 14, 54, 88, 213,
226
– уездный съезд 280–282
См. тж: Община (-ы)

Т

Таврическая губерния 248 сн. 8
Тамбовская губерния 189
Творцы Конституции США 35
Телесные наказания 157
«Темнота» 268
Теория оправдания 149
Теория страхования 49–51
Техника 145, 251
– влияние 49
– несельскохозяйственное обо-
рудование и постройки 276
– новая 121–122
– передовая 52
– платежи 115
См. тж: Сельхозтехника
Тирания 29
Товарищества 17, 136, 200, 276
Толстой Лев 15
Торг законодательный 150
Торговля 191
Точка зрения 40, 45. *См. тж:*
Склад ума
«Трагедия общинных выпасов» 46
Трансакционные издержки 22,
36–37, 83, 201, 230, 254
– передача (прав собственно-
сти) 25, 63–64, 108–109,
136, 148, 239, 257
Транспортировка
– издержки 119 сн. 67
– сеть 52
Трепов Д.Ф. 151, 151 сн. 74
Третья Дума 150, 151–153, 155,
156

Трехпольная система 46 сн. 3, 68
Труд 89
– крестьянский 60
– в Пензенской губернии 65
табл.
– пороки рынка труда 75
– предложение 209
– принудительный 158
– производительность 102–
103, 102–103 сн. 12, 115
сн. 48
– рынки 75, 121–122 сн. 73
– семейный 74–75

См. тж: Барщина

«Трудовая норма» 136
Трудовики 42, 133, 134–144,
140–143
Тульская губерния 189, 248 сн. 8,
249, 251
Тюдоры 34 сн. 8
Тюкавкин В. Г. 61, 115, 192, 210

У

Уайльд Оскар 67
Увеличение экономии на масшта-
бе 36–37
Увиливание 51
Уголовное право 88
Угроза 144, 229
Удобрения 115, 122, 251, 276
– импорт 246
– использование 138
– производство 246
См. тж: Химические удобре-
ния; Органические удобрения
Удобрения химические 69, 69
сн. 59
Уезд 214 сн. 41,
– обжаловать в 81
– уездное казначейство 279
Уездный съезд, уездное собрание
166, 280, 283–284
Уиткрофт Стивен Дж. 101, 117
сн. 59, 161
Указ (закон) 13, 33, 114, 167–
169, 170–171, 227, 279–287
– домохозяин в соответствии
с 223
– закладывать по 240

- изменение права собственно-
сти и 227
  - от 11 августа 1904 г. 157
  - об общине 166–167
  - от 12 марта 1903 г. 58
  - от 3 ноября 1905 г. 83, 157
  - от 9 ноября 1906 г. 156
  - от 15 ноября 1906 г. 240, 264
  - от 5 октября 1906 г. 142,
240
  - от 14 октября 1906 г. 123
  - от 26 октября 1917 г. 140, 256
  - о прекращении выкупных
платежей 83, 157
  - продавать по 240
  - противоречит идее 212 сн. 35
  - столыпинский 84
  - царя 84, 131
  - Указ от 9 ноября 1906 г. 13, 85,
131, 154, 156, 175, 218
  - Часть I 279–282
  - Украина 55, 55 сн. 30, 190, 229,
239, 261. *См. тж:* Левобереж-
ная Украина; Правобережная
Украина
  - Украинцы 55
  - Укрепление в собственность 166.
См. тж: Изменение формы
собственности
  - Управление
    - коллективное 53
    - пастбищами 46
    - собиратели земель 66
  - Управляющий имением 59
  - Уфимская губерния 215
  - Участковое 140, 282–283.
См. тж: Владение
  - Ущербность прав 235–242
- Ф
- Февральская революция 253–
254, 263
  - Федерализм 37
  - Федоров Б. 210
  - Феодализм 141
  - Формы землеустройства 231–235
  - Франция 106, 106 сн. 25, 178
  - Французская революция 100, 161
  - Фукуяма Френсис 33
- Х
- Хищнические инстинкты 27
  - Хищническое хозяйствование 251
сн. 19
  - Хищничество 27, 29, 32, 162,
216, 272
  - Хох Стивен 59, 85, 88, 109–110
  - Хутор 210
    - аналог американской фермы
232
    - изолированность 251
    - Крестьянский банк и 234
    - настаивание правительства
на 233
    - определение 231
    - увеличение доли 257 сн. 36
    - число 249 сн. 10
  - Хуторские крестьяне 18, 200
- Ц
- Царская Россия 13, 40–41, 131
    - права собственности в
40–44
    - реформы и 199–202
  - Царские чиновники 249
  - Царь 40, 132, 162, 199, 271
    - вето 41
    - дворянство и 40, 153
    - Дума и 153, 156 сн. 88
    - задачи 199
    - назначение Столыпина
19–20, 42, 142
    - поддержка Столыпина 20
    - указ 83, 131
    - указ об отмене выкупных
платежей и 218
    - фавориты 267 сн. 70
  - См. тж:* Александр II; Нико-
лай II; Петр Великий
  - Централизация 70
  - Центрально-Промышленный
район 58 табл., 183 табл., 189,
192, 195, 248 сн. 8
  - Центрально-Черноземный рай-
он 61, 189, 192, 248 сн. 8, 263
  - Центральный статистический
комитет 117
  - Цены на землю 118–125, 120
сн. 69, 121 табл., 129, 251

Цены свободного рынка 124

Церковь 39, 145, 148 сн. 63

Ч

Частичные переделы 219

Частная собственность 28—29,
37, 70, 136, 166, 238—239,
284—285

— отмена 256—257

— преимущества 138, 202, 243

— систематизация 238 сн. 118

— конфискация 138

— создание 216

— требования 40

— насаждение 144

— покончить с 137

— утверждение 13

— враждебность к 62

— идеология 35 сн. 10

— укрепление 191

— помещиков 203

— неприятие 238

— личная собственность 235

— импульс 199

— имущество в 235—236

— настоящая 51, 140

— режим 87

— доверие к 149 сн. 64

— роль 26

— защищенность 277

— широкое распространение 31

Частный порядок 30

Чаянов А. В. 74, 121 сн. 73

Черниговская губерния 194

Черноземье/Нечерноземье
49—50, 120 сн. 69. *См. тж.*

Центрально-Черноземный
район

Чернышев И. 138 сн. 27

Чешские крестьяне 262

Ш

Шиллер Отто 52 сн. 20

Щ

Щедрость 30

Э

Эгалитаризм 51, 59 сн. 34,

60—61, 115 сн. 51

— в возможностях 64

— в переделе 59, 61, 64, 85

— в правилах наследования 39

— в распределении 51, 61

— в чересполосице 52

— крестьянский 55

— свидетельства 59

Экономическое положение 95

Экономия на масштабе 37, 64, 71,
95, 252

— агентские издержки и 28—29
сн. 2

— в производстве 59

Эксплуатация 85, 255, 265

Экспроприация 149 сн. 64

Эластичность 127 сн. 85

Элиты 30, 34, 272

— власть 20, 272

— господствующие 125

— либеральные 20, 270

— правящие 14, 32, 35 сн. 9,
36, 38, 40, 161

— привилегии 34

— фашистские 35 сн. 9

См. тж. Помещики; Дворян-
ство

Эмигранты 222

Энгельгарт А. Н. 90, 96

Эсеров лондонская конференция
(1908) 143—144

Эсеры. *См.*: Социалисты-револю-
ционеры

Эффективность

— возможности повышения 191

— идея 49

— препятствование 73

— сельского хозяйства 17

— способствование 70

Эффекты соседства 67, 67 сн. 52

Я

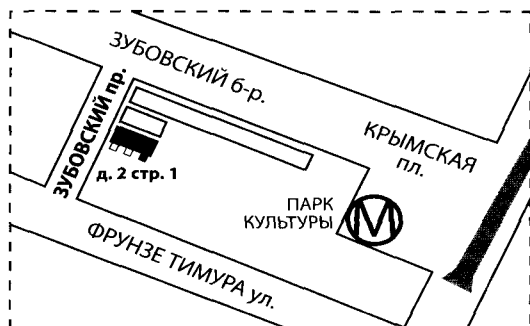
Яни Джордж Л. 52 сн. 20,
205 сн. 9, 212 сн. 32,
224—225

Япония 35 сн. 9, 99

Ярославская губерния 78 сн. 80,
192, 248 сн. 8

В Москве все книги издательства ИРИСЭН
всегда можно купить в магазине «Гнозис»:

11⁰⁰–18⁰⁰ Пн–Пт
м. Парк Культуры
Зубовский пр., д. 2, стр. 1
Тел. (499) 246-05-48

Стивен УИЛЬЯМС

ЛИБЕРАЛЬНАЯ РЕФОРМА ПРИ НЕЛИБЕРАЛЬНОМ РЕЖИМЕ

Создание частной собственности в России
в 1906—1915 гг.

Редактор *А. Матешук*
Корректоры *Т. Железняк*
Дизайнер *Е. Тулунова*
Верстка *С. Фонченко*

Подписано в печать 01.12.2008. Формат 60×90 ¹/₁₆.

Бумага офсетная № 1. Печать офсетная.

Объем 21 печ. л. Тираж 1000 экз. Заказ № 5712.

АНО «Институт распространения информации
по социальными экономическим наукам»
Москва, Бизнес-парк «Румянцево»
тел. (495) 739-71-74

Отпечатано в ОАО «Можайский полиграфический комбинат».
143200, г. Можайск, ул. Мира, 93.

